Красный террор:

из истории политических репрессий в Казахстане

КРАСНЫЙ ТЕРРОР:

из истории политических репрессий в Казахстане

Алматы
"Алаш" баспасы"
2013

УДК 94(574)
ББК 63.3-4
К 78

Выпущено по программе
«Издание социально-важных видов литературы»
Комитета информации и архивов
Министерства культуры и информации
Республики Казахстан

К 78 **Красный террор: из истории политических репрессий в Казахстане** (Сборник документальных материалов 20-50-х годов XX века) / Сост.: М.К.Койгелдиев, В.И.Полулях, Ш.Б.Тлеубаев. – Алматы: «Алаш» баспасы», 2013. – 384 с.

ISBN 978-601-7338-09-1

В книге представлены подлинные документальные материалы, выявленные в архивных фондах Комитета Национальной Безопасности Республики Казахстан. Они дают возможность читателям понять абсурдный, бессмысленный характер политических репрессий этих лет.

УДК 94(574)
ББК 63.3-4

ISBN 978-601-7338-09-1

ПРЕДИСЛОВИЕ

История массовых политических репрессий 30-х годов XX века в Казахстане является малоизученной научной проблемой. Трудно говорить о фундаментальных научных исследованиях по данной теме, а издание документальных сборников осуществлялось в основном на базе материалов Архива Президента РК (бывшего архива ЦК КП Казахстана)[1].

Неразработанность проблемы во многом была связана, конечно, недоступностью фактического материала. Однако это не единственная причина. Достаточное упорство не проявлялось со стороны историков-исследователей, как это наблюдается, например, в соседней Российской Федерации.

Ассоциация историков Казахстана совместно с Архивом Департамента Комитета Национальной Безопасности Республики Казахстан по городу Алматы подготовили книгу, посвященную 75-летию массовых политических репрессий 1937-1938 гг. в Казахстане.

Материалы, представленные в книге ограничиваются автобиографией и заявлением арестованнных лиц на имя руководителей партии и советского государства. Такой подход к подбору документов не случаен. Составители сборника при этом исходили из соображений, что именно эта категория исторических источников дают возможность читателям понять не только абсурдный, бессмысленный характер политических репрессий этих лет, но и ее преступную сущность.

---

[1] Политические репрессии в Казахстане в 1937-1938 гг. Сб.док. -Алматы, «Казахстан», 1998. 336 с. Сост. И.Н. Бухонова, Е.М. Грибанова (ответственные), Р.К. Кангужиева, Г.А. Карпыкова, Е.В. Чиликова; Страницы трагических судеб. Сб. воспоминаний жертв политических репрессий в СССР в1920-1950 гг. и др.

Автобиографии и заявления людей, которые по своему социальному положению принадлежат к различным слоям общества (рабочие, служащие, ученые, священнослужители и др.), в совокупности показывают как масштабы репрессий, так и незащищенность людей перед бесчеловечной машиной подавления, именуемой государством диктатуры пролетариата. Ценность представленных в сборнике документов заключается также в том, что они написаны гражданами страны несправедливо осужденными, а также непосредственно испытавших на себе все ужасы следственных органов ОГПУ-НКВД. К тому же многие из них были уверены в том, что все происходящее с ними это какая-то ошибка о которой не знают руководители партии и советского государства, следовательно необходимо обратиться с заявлениями к ним. Так, например, партийный работник Артыкбаев Чакпак в своем заявлении на имя Министра внутренних дел СССР Л.П. Берии отмечает, что «санкция на арест меня была получена путем обмана Правительства со стороны Наркома внутренних дел КазССР Реденса, и других преступных авантюристов, орудовавших тогда в НКВД КазССР, в полном попустительстве руководителей партийных и советских органов республики». На самом деле репрессивные меры органами НКВД осуществлялись не только с согласия ЦК партии, а под ее непосредственным руководством. Именно в осуществлении политических репрессий произошло слияние деятельности партийных и силовых (в первую очередь НКВД) органов.

В числе репрессированных партийных и советских органов были и личности чрезвычайно смелые и гордые, которые не только правильно понимали суть всего происходящего, но и открыто и смело высказывались по этому поводу. Одним из таких являлся Идрис Мустамбаев, непримиримый оппонент Ф.Голощекина и тоталитарного режима в Казахстане. Так, например, он следователю заявил: «Я все время думал, что ГПУ–НКВД в своей работе сильно перегибают, и что у них полный произвол, однако теперь убедился, что все это вы делаете.....по заданию ЦК партии. Вот так действуя вы каждый год сажаете в тюрьмы десятки тысяч людей. Сейчас заполнили всю тайгу молодыми интеллигентными людьми, многие из которых никогда не знали политической борьбы, а их обви-

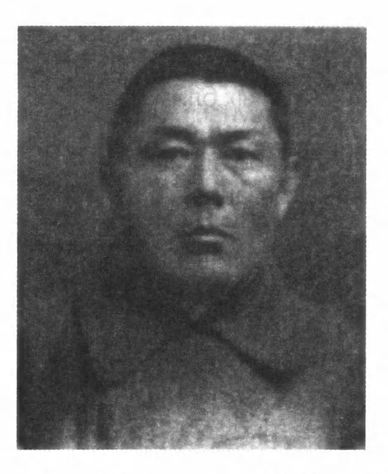
няют в измене родине, в попытке свержения советской власти. Я знаю, что все это зря и можно было обойтись без такой репрессии». И. Мустамбаев был приговорен к высшей мере наказания. Томимый в тюремных застенках с 1933 года до расстрела в 1937 году, лишившись самых близких ему людей, он тем не менее остался не сломленным, отказался признать какие-либо ложные обвинения в свой адрес.

В книге представлены материалы, связанные с делом политически ссыльных в Казахстан. Читатель, ознакомившись с автобиографиями И.Н. Бороздина, П.И. Мищенко, А.Б. Никольской и Д. Урбановича, может легко убедиться в том, что они также являлись жертвами режима. «Я прошу не о помиловании – пишет И.Бороздин в своем заявлении на имя руководителя советского правительства, – не об амнистии. Они ко мне не применимы, так как я не виновен. Я прошу Вас, главу советского правительства лишь о справедливости, за каждое свое действие, за каждое свое слово я готов ответить со всей строгостью закона». Разумеется, все эти просьбы остались неуслышанными советским руководством.

Все эти документы, выявленные в фондах Архива Комитета Национальной Безопасности Республики Казахстан публикуются с сохранением орфографии и стилистики. Предоставляя их на суд читателей составители сборника преследуют лишь одну общую задачу: удовлетворить вполне естественные потребности общества в документальной правде о пережитом нашим народом в 20-50-е годы XX века.

С.М. Аносов
М.К. Койгелдиев
Б.Б. Абдыгалиев

АДАЕВ ИМАНГАЛИ

Справка: *– арестован 26 января 1938 года УНКВД по Западно-Казахстанской области. Решением тройки УНКВД от 14 февраля 1938 года он был приговорен к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 16 февраля 1938 года.*

Постановлением Президиума Гурьевского областного суда от 7 августа 1962 года решение тройки УНКВД по Западно-Казахстанской области от 14 февраля 1938 года по делу Адаева Имангали было отменено за отсутствием состава преступления. Он реабилитирован.

АВТОБИОГРАФИЯ

Родился в 1901 году в местности Карабау Кызыл-Кугинского района Западно-Казахстанской области в семье крестьянина-середняка Адая. Отец занимался скотоводством. До Октябрьской революции имел верблюдов, лошадей, коров и баранов, но в каком количестве не помню. Начальное образование получил в казахском ауле, учил нас мулла. После революции поступил на учебу в Оренбургский казахский институт. После окончания института работал в должности директора школы в Гурьеве, на Доссоре, заведующим районного отдела образования в Мангистауском районе, а затем директором детского дома и городского интерната.

Решением Гурьевского окружного комитета от 14 ноября 1933 года я был откомандирован в Мангистауский район на должность заведующего районного отдела образования. В 1934 году Мангистауский районный комитет партии своим решением назначил меня директором дет-

ского дома и городского интерната, где я работал до июня 1936 года.

За время своей работы я близко познакомился с бывшим секретарем райкома Хангиреевым, и с председателем райисполкома Алиевым, с заведующим районо Гумаровым. Больше всех знаком с Хангиреевым, потому что я его знаю с 1927 года. С ним я познакомился в Кызыл-Орде будучи студентом Казахского института.

В этом городе я вступил в ряды партии, поручителем моим был Хангиреев.

Через год, т.е. в 1928 году в мае месяце я окончил Казахский институт и прибыл в Гурьев, откуда окружкомом и окроно был командирован на работу в Доссор, где решением райкома был назначен на должность директора Доссорской неполной средней школы. Проработав в Доссоре до 1930 года, меня Гурьевский райком партии вызвал в Гурьев, где решением своим утвердил на должность директора кооперативной школы. Здесь проработал два года, после чего в 1932 году меня перевели в советскую партийную школу, где я работал до ноября 1933 года.

В ноябре 1933 г. меня откомандировали на работу в Мангистауский район, на должность заведующего районо. Через год меня перевели директором детского дома и городского интерната. На этой должности я работал до 1936 года.

В августе 1935 года в выходной день я был на квартире у бывшего секретаря Мангистауского райкома Хангиреева, только один раз, а Хангиреев у меня на квартире был два раза, это было в 1936 году. Однажды Хангиреев в позднее ночное время, пришел ко мне на квартиру под видом проверки подготовки политической учебы. С ним был председатель райисполкома Алиев и кто-то еще, но я не помню. Было двенадцать или час ночи, я как гостям и старшим работникам, приготовил вина и закуски, выпили и они разошлись по домам.

Второй раз Хангиреев был у меня на квартире в июне 1936 года в день моего отъезда из Мангистауского района в Гурьев. С ним был и в этот раз председатель райисполкома Алиев. В честь моих проводов мы все трое выпили чай, после этого они ушли домой, а я ожидал при-

бытие парохода, на котором должен ехать в Гурьев. В тот же 1936 год Хангиреев из Мангистау в Гурьев приезжал в командировку. Приходил ко мне на квартиру. У меня пили чай и кушали бешбармак. В 1937 году Хангиреев из Мангистау был переведен на работу в Гурьев директором Транспортной конторы «ЭмбаНефть». Он также посещал мою квартиру.

В Мангистау Алиева квартиру не посещал. По прибытии в Гурьев он ко мне ни разу не приезжал. Вот вся моя связь с кем я имел и которые посещали меня и я их.

Себя считаю невиновным.

К сему *Адаев Имангали*.

Архив ДКНБ РК по Атырауской области
Ф.6. Д.0668. Л.26-30.

КазССР

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Управление Государственной безопасности

Протокол допроса

К ДЕЛУ №

г. февраля мес. 3 дня. Я, б/с. 4-го хт. го отд. пр отд-ни Сотр. (должн. наимен. органа, фамилия)

ос. б-сти Черников допросили в качестве подозреваемого

Фамилия Адаев

Имя и отчество Имангалий

Дата рождения 1901г.

Место рождения местность Карабау кизыл-кугинского района

Местожительство Гор. Гурьев бух. сторона корпус 55 кв. 2

Национальность и гражд. (подданство) казах РСФСР

Паспорт 9го декабря 1934г. Мангистауским РУМ НКВД (когда и каким органом выдан номер, категор. и место прописки)

Зап Казахстанск. области

Род занятий Гор. Гурьев б. директор нефтяного рабфака, в момент ареста без определен. занятий (место службы и должность)

Социальное происхождение из семьи крестьянина середняка Адай (род занятий родителей, их имущественное положение)

скотоводством было верблюды, лошади, коровы и бараны но какое количество я не знаю, один свой дом.

Социальное положение (род занятий и имущественное положение)

до революции свой дом. два верблюда и одна лошадь.

после революции учился в оренбурге в казахском институте

Состав семьи жена Живек 26 лет учительница шк. сем орг (близкие родственники, их имена, фамилии, адреса и род занятий)

никидзе Гор. Гурьев Мать Билгай 80 лет, брат Садык 13 лет учится сестра Шайдос 10 лет учится в Гур. ...

Адаев

Архив ДКНБ РК по Атырауской области
Ф.6. Д.0668. Л.26-30.

АЙМАУЫТОВ ДЖУСУПБЕК

***Справка:** – арестован в декабре 1928 года Полномочным Председателем ОГПУ по Казахстану. Постановлением Коллегии ОГПУ при Совете Народных Комиссаров СССР от 4 апреля 1930 года был приговорен к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение в 1931 году в Москве.*
Постановлением Коллегии Верховного Суда Казахской ССР от 4 ноября 1988 года реабилитирован.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

1929 года мая 16 дня Я, Пом. Начальника Востотдела ПП ОГПУ по КССР Саенко, допросил нижеименованного гр-на в качестве обвиняемого, который показал:

Аймаутов Джусупбек Аймаутович, 40 лет, казах Семипалатинской губ. Павлодарского уезда, Кзыл-Тавской вол., аул №1, женат, имею 3-е детей; имею среднее образование – окончил учительскую семинарию в Семипалатинске, беспартийный, был в 1920-22 г. членом ВКП(б), в других партиях не состоял; средства к существованию – личный труд; по профессии учитель, работал в ККНКА; судился по обвинению по 113 ст УК., – оправдан в 1926 году.

Показываю:

Родители мои бедняки – скотоводы, не имевшие больше 6 голов скота. В данное время их в живых нет. Жил при родителях до 16 лет. Получил сначала образование у аульного муллы, затем ушел из родительского дома и поступил в аульную школу в станице Баян-Аул б. Павлодарского уезда. По окончании 2-х классов аульной школы, я поступил в Павлодарскую нисшую с/х школу, но в середине зимы был исключен из нее в числе других казаков, высказавших недовольство против управляющей школы. После этого один год оканчивал аульную школу в Баян-Ауле, а затем через год, в течение которого я учительствовал, – поступил в русско-киргизскую школу в Павлодаре. Там проучился 4 года, живя в ... по окончании этой школы, в... поступил в Семипалатинскую учительскую семинарию. Будучи воспитанником этой семинарии, в 1918 году редактировал казакский журнал «Абай» издавшиеся алашским кредитным товариществом. Инициатива издания этого журнала принадлежит семинаристам-казакам, вернее культурно-просветительному обществу «Жанар», существовавшему в Семипалатинске. В него входил учителя и учащиеся-казаки. Каким образом возникло это о-во*. Не помню. Кажется, что ...его создания принадлежит учителям – казакам, которые говорили, среди учащихся в других городах уже возникли казахские культурно-просветительские о-ва; нужно организовать такое же и в Семипалатинске. Если не ошибаюсь, организованным собранием руководил Турганбаев. Членом этого общества я состоял, но выборных должностей не занимал, если не считать того, что я был назначен редактором журнала «Абай».

Сначала этот журнал о-ва хотели издавать рукописным, но затем договорились с упомянутым выше алашским кредитным т-вом имевшим ...кредитных и культурно-просветительские цели. Оно и взяло на себя работы по изданию журнала.

Во главе т-ва стоял Арсебаев который кажется одновременно был и членом о-ва «Жаннар».

Журнал «Абай» прекратил свое существование после 12-го номера вследствие дефицитности. К тому же за ею закры-

* общество

тие стоял и редакция газеты «Сары-Арка», с которой журнал конкурировал, и Киргизский областной комитет. В газете «Сары-Арка» я сотрудничал до издания журнала «Абай», после которого (издания), я сотрудничества в «Сары-Арка» прекратил. После закрытия журнала, руководители газеты хотели использовать нас на работе в их редакции, но мы отказались. Во втором номере «Сары-Арка» я помещал свою статью под названием «Тур-букара, жинал кедей, умтыл жастар», – что в переводе означает: «Вставай демократия, собирайся беднота, вперед молодежь». Основные мысли статьи сводились к тому, что настало время, когда царское правительство пало, управителей не должно быть и власть должна перейти к демократии и бедноте.

Весной 1917 года в Семипалатинске возник Киргизский областной комитет который проводил организацию вместо волостных управителей, – волостных киргизских комитетов. Для организации волостного К-та я был послан в Тюлентавскую вол. Семипал. уезда. Других работ по поручению областного киргизского комитета я не выполнял, если считать поездку в одну местность Семипалатинского уезда, название которой я забыл. Эта поездка была в связи с земельным спором, возникшим между казаками и лесничеством, и я вместе с одним европейцем от губ. исп. к-та, ездил для обследования.

Больше я никакой связи с Киргизским комитетом не имел. Во всяком случае в его работе я никакого участия не принимал. Общество «Жаннар» при ... комитетов Алаш-Орда, поддержало это движение, но были случаи, когда между о-вом и Алаш-ордой были разногласия. В частности, по вопросу о закрытии журнала о-вом был вынесен протест, а также о-во протестовало и по другому случаю: один мугалим Каскеев женился на дочери одного бая ..., помимо согласия ее родителей без уплаты калыма. По этому поводу баи в гор. Алаш организовали демонстрацию протеста, арестовали мугаллима, требовали от Алаш-орда наказания. О-во «Жаннар» выступило в защиту мугалима, сговорила на свою сторону руководителя отряда национальных частей Токтамышева, при помощи которого применением вооруженной силы Каскеев был освобожден. Когда Алаш-орда высказалась в пользу баев, ... Токтамышеву и о-ву «Жаннар», последнее подняло

протест против которого, устроило собрание и предъявило ультиматум Алаш-орде, в котором выставлены ряд вопросов, содержания которых я сейчас не помню. По принципиальным политическим вопросам, в частности и по вопросу о формах государства... власти. У о-ва с Алаш-ордой разногласии не было, т.к. участники о-ва сами были политически неграмотными. Лично я, на ряде примеров убедился, что Алаш-орда является организацией казахских баев. По этому поводу, еще в журнале «Абай» я поместил статью и своем произведение «Карт-кожа» в котором подчеркивал социальную сущность Алаш-орды и разоблачив ее деятельность, направленную на защиту байства. Позднее, уже при советской власти, в 1920 году, я вместе с Турганбаевым, Ауэзовым и Чикабаевым написал разоблачение против Алаш-орды, которое было помещено в газете «Казак-тли». В Алаш-ордынском движении я не участвовал совершенно. Семинарию я окончил в 1919 году. Лето этого года я работал преподавателем на краткосрочных преподавательских курсах в гор. Алаш. После свержения Колчаковской власти в Семипалатинске поступил работать в губревком заведующим административным (киргизским) отделом и одновременно был назначен редактором газеты «Казак-тли». В это время я уже был членом ВКП(б).

В октябре м-це 1920 года, я был избран членом КазЦИКа и заместителем наркома просвещения вследствие чего и выехал в гор. Оренбург в декабре м-це. Зам Наркомпроса проработал до половины июля м-ца 1921 года. Наркомом просвещения в то время Байтурсынов, который также был членом ВКП(б).

Летом 1921 года я был командирован снова в Семипалатинск, был избран членом Губкома и ЗавГубОНО. С этой должности назначен был редактором газеты «Казак тли» одновременно с работой по этой должности, я учительствовал. Во время моей командировки по продналогу, была перерегистрация членов партии, и я был механически исключен из ВКП(б). Вообще нужно сказать, что вступая в партию я не доучел того, что существующая в ... дисциплина будет меня тяготить, ... я по натуре писатель и ... все время занятый литературным трудом, тогда, как меня назначили все время на разные административные должности, не дававшие возмож-

ности заниматься по призванию. Поэтому исключения меня из партии, я вопроса о восстановлении не возбуждал.

Зимой 1921 года в квартире Искакова и Сарсенова по чьей инициативе не помню, собрались казакские работники гор. Семипалатинска партийные и беспартийные, в том числе деятели Алаш-орды. Из последних, присутсвовали Дулатов, Габбасов, Турганбаев, других не помню.

Из партийцев были Искаков Гарифулла, Орумбаев, Таттибаев и др. Присутствовал я причем председательствовал на этом собрании. Обсуждая вопрос о вступлении казакских работников в члены ВКП(б). Кем был поднят этот вопрос не помню. Алаш-ординцы в частности Дулатов высказались за то, что для обеспечения возможности работать на ответственных должностях, казакским работникам необходимо вступать в партию. Молодежь высказывал за то, что нужно предоставить каждому право вступать в партию по убеждению.

Было ли мнение о том, чтобы послан ряд казахских работников в партию, в порядке разверстки, – не помню, а также не помню составлялся ли список таких лиц. Насколько я помню ни к какому определенному решению не пришли и разговоры остались без последствии. Вообще мне постановка этого вопроса показалось странной, т.к. на подобных же совещаниях обсуждались главным образом вопросы о назначениях тех, или иных казакских работников на ту, или иную должность, по требованию учреждении, запрашивавших Кирсовещании при Губревкоме. Совещание происходило преимущественно на квартире у Искакова и Сарсенова. Может быть были на квартирах других работников точно не помню.

Были ли совещания, посвященные вопроса о вступлении в ВКП(б) не знаю.

(подпись) *Аймаутов*

Допросил *Саенко.*

Архив ДКНБРКпо г. Алматы.
Ф.6. Д.011494. Т.2. Л.115-118.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ДОПРОС
Аймаутова Джусупбека

21/У-29 г.

В Ташкент я переехал для работы в конце 1924 г. До этого я в Ташкенте не бывал ни разу. Переехал я туда по приглашению казахского Инпроса, в качестве преподавателя. Из моих знакомых в гор. Ташкенте был один Искаков Даниял, происходящий из Семипалатинска. Других казакских работников я не знал совершенно. Познакомился я там со следующими лицами: Байтасовым Абдуллой, Кеменгеровым, Галымжановым, Досмухамедовым Халилем и др.

Одновременно с работой в Инпросе, я сотрудничал в газете «Ак-жол». В других газетах и журналах, за исключением «Жас-казах» издававшемся в Оренбурге и журнала «Пионер», издававшемся там же, я не сотрудничал. В заграничную прессу я никогда своих корреспонденций не посылал. Возможно, что Заграничные издания и перепечатывали ли мои статьи и фельетоны из газеты «Ак-жол», где мне приходилось писать под псевдонимом «Жик», «Танашпай». Других псевдонимов у меня не было. В большинстве я писал под своей фамилией. Были ли у газеты «Ак-жол» заграничные подписчики, я не знаю, т. к. с этим вопросом сталкиваться не приходилось. Я заведовал литературным отделом и редактировал целиком приложение к газете «Ак-жол» – журнал «Сауле». О том, что газета «Ак-жол» является националистической, я осознал позднее. В периоде же своей работы в этой газете, я считал что это либеральный орган, в котором можно писать более свободно. В условиях Туркестана, издание газеты с таким политическим направлением я считал возможным. До периода моей работы в «Ак-жол», когда там сотрудничал Джумабаев, газета была еще более националистической, периоде же моей работы я считал газету более выдержанной*.

По вопросу о путях развития казакской литературы, в конце

* Мое добавление: «в периоде же моей работы я считал газету более выдержанной». Аймауытов

1924 года я писал в газете «Ак-жол» статью под заглавием «Анкета о литературе». В этой анкете я ставил вопрос о направлении литературы. Давал ли я ответы на эти вопросы я не помню.

Вообще-же моя точка зрения в вопросе о путях развития казакской литературы с точкой зрения Джумабаева расходятся. Это я имел случай высказать Джумабаеву по поводу его литературной платформы «Алка». Об истории этой платформы мне известно следующее:

В начале 1925 года я ездил из г. Ташкента в Оренбург на каникулы. Там я встретился с неким Сарсенбиным, с которым познакомил меня Алдунгаров, бывший в то время редактором журнала «Жас казак». Сарсенбин в то время был студентом одного из Московских ВУЗов и приехал в Оренбург на каникулы. Он член партии, родом из Кустаная.

Встретился я с ним в редакции «Жас казах» и он мне сообщил что у него есть литературная платформа Московских студентов казаков и что он хочет ее показать мне. Мы договорились встретится в квартире Алдунгарова, решив пригласить Сегизбаева и еще некоторых молодых сотрудников газет и журналов. В условленное время, в квартире Алдунгарова собрались: Я, Алдунгаров, Сарсембин и др., фамилии коих я забыл. Сарсембин зачитал платформу и сообщив, что он читал ее другим литераторам, в частности и Байтурсунову. Что ему ответил эти литераторы я не знаю. После зачтения платформы, Сарсембин спросил, разделяем ли мы платформу и будут-ли с нашей стороны поправки, или изменения. Затем добавили, что если эта платформа будет приемлема, то мы должны будем создать литературный кружок по аналогии с кружками писателей-европейцев. Несколько пунктов платформы я сразу же взял на заметку, т. к. с ними был не согласен. Тут-же со слов Сарсембина, я узнал, что платформу составил в Москве Джумабаев вместе с другими молодыми литераторами, к числу которых Сарсембин причислял и себя. Разговоров о том, что в других городах тоже должны создаваться кружки «Алка» не помню. Были разговоры о том, чтобы опубликовать платформу. В какой плоскости ставился этот вопрос я не помню. Был ли разговор о том, чтобы использовать для этой цели Садвакасова Смагула, – не помню.

Лично я, после этого, по тем заметкам, которые я сделал

о платформе, написал письмо Джумабаеву, в котором изложил о том, что с некоторыми пунктами платформы я не согласен.

Какова эти пункты, точно сейчас не помню.

Я получил от Джумабаева ответ, в котором он утверждал правильность тех пунктов с которыми я согласен не был. В результате переписки, мы ни к какому общему соглашению не пришли.

Когда я возвращался после каникул в гор. Ташкент, то там узнал, что платформу Джумабаева получили Байтасов и Кеменгеров.

Для разборки этой платформы также собрались на квартире у Кеменгерова: Я, Байтасов, Кеменгеров, остальных не помню. Решили написать каждый от себя свое мнение Джумабаеву. Подписывал ли я платформу – не помню. Относительно создания кружка не говорили. Джумабаев писал неоднократно, что для обсуждения организационного вопроса нужно лицам, разделящим платформу съезжатся причем возможные пункты, куда нужно было съежатся, указывал на Ташкент, Петербург или Москву.

Я выступил со статьей «Литературная анкета», но это выступление обсуждением платформы не связано. Я даже не знаю было-ли это до указанного совещания, или после его.

Выступление мое со статьей было было обусловлено тем, что литературные вопросы поднимались в печати и раньше.

Зачеркнул «После совещания в квартире Кеменгерова» т. к. этого я не говорил.

В итоге с Джумабаевской платформой ....создания литературных кружков, ничего не получилось.

Больше показать ничего не могу; показание мною прочитано; записано с моих слов правильно, в чем и подписываюсь.

(подпись) *Аймауытов.*

Допросил Пом.Нач. ВО *Саенко.*

Архив ДКНБРКпо г. Алматы.
Ф.6. Д.011494. Т.2. Л.119-121.

2–8424

АМИРОВ ХУСАИНБЕК АХМЕТОВИЧ

Справка: *– 28 июня 1938 года арестован УГБ НКВД КССР. Постановлением Особого Совещания при НКВД СССР от 26 октября 1940 года по ст. 58 пп. 2,7,11 УК РСФСР осужден к 8 годам заключения в ИТЛ. Срок наказания отбыл в 1946 году. Определением № 8145-С-54 Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 5 ноября 1954 года постановление Особого Совещания при НКВД СССР от 26 октября 1940 года отменено и дело производством прекращено за недоказанностью обвинения.*

АВТОБИОГРАФИЯ

Хусаинбек Ахметович Амиров, член КП(б)К с 5 апреля 1920 г., партбилет № 1571282 – и.о. второго секретаря Кустанайского областного комитета КП(б) Казахстана.

Я родился в гор. Алма-Ате в 1903году 18 января, в семье мелкого лавочника. Отец мой до 1913 года имел лавочку, торговал мелочью, затем он торговал в лавке купца Абдували Розымаметова, а затем был продавцом у лавочника Григорьева, который торговал арканами. Перед смертью отец занимался развозной мелочной торговлей.

В 1915 году окончил русско-церковно-приходскую школу, а в 1916 г. был уволен с 1 класса городской школы, в связи с восстанием казахского народа в 1916 году.

Отец мой – Ахмет Амиров умер в 1918 году, тогда мне было 15 лет. Состав нашей семьи был следующий: бабушка (Улбай), мать (Насыха), жена (Алма-Тай), брат (Турсун-Ходжа), брат (Режеб) и третий брат (Абды-Халык). Первому брату Турсун-Ходжа было 5 лет, Режебу 2 года и Абды-Халыку 1 год. Меня родители в 15 лет женили против моей воли. Вся эта семья осталась на моем иждивении.

От отца остался домишко в 2 комнаты (Транспортная 2), лошадь, телега, корова и 4 барана. Отца родственники хоронили на свои средства.

После смерти отца я арбакешничал (возничал), работал учеником у сапожника Абдрахмана, рабочим на табачной плантации Гаврилова (сезон посадки табака), рабочим шерстомойки Гани Муратова (сезон мойки шерсти).

После организации советской власти в Алма-Ате в 1918 году служил вместе с Алдаберкеном Назаровичем Даулбаевым красногвардейцем в первом Верненском полку. Затем работал истопником в монетном дворе, где печатались советские бонны (денежные знаки), здесь же печатались большевистские и эсеровские листовки, я читал почти все эти листовки. Из листовок большевиков я тогда понял, что капиталисты выкачивают прибыли путем эксплуатации рабочего класса и, что нужно кончить эксплуатацию человека-человеком, а для этого нужно рабочему классу взять власть в свои руки. А поскольку этой власти буржуазия добровольно не дает, то взять у нее насильственным образом, как это сделала Советская власть, и отстоять ее от врагов советской власти.

Это я стал понимать еще до этого, по первым действиям Советской власти, когда она ликвидировала имущество буржуазии.

Таким образом, я несколько был подготовлен для активной большевистской работы, и в 1919 году, когда работал рассыльным в Совдепе, вступил в кружок социал-демократической молодежи.

После этого работал разносчиком областной газеты «Заря Свободы», агентом жилищного отдела по реквизиции, уплотнению домов, квартир буржуазных элементов и с этой работы областным Мусульманского бюро ВКП(б) я был командирован в Ташкент на командные курсы имени Ленина,

однако, я не выдержал условий приема по состоянию здоровья и поступил в Совпартшколу Политуправления Туркестанского фронта. После, я учился на лекторских курсах Политуправления Туркестанского фронта, и был ассистентом в Совпартшколе.

Членом партии принят в гор. Ташкенте на лекторских курсах в 1920 году 5 апреля, без прохождения кандидатского стажа, как член ВЛКСМ.

В Алма-Атинском уезде, в 1920 году принимал активное участие в организации батрачества и бедноты и был одним из руководителей уездного бюро батраков и бедноты.

Во время мятежа в Алма-Ате, трое суток вместе с тов. Тастамбековым (сейчас он работает уполномоченным СНК по Илийскому району) нес караульную службу в штабе тов. Фурманова, не раз встречая товарища Фурманова у его кабинета и раз в общественном клубе (ныне Казахская филармония), во время его выступления на митинге, с участием делегации мятежников. Вместе с парторганизацией ходил в крепость до этого. После мятежа ходил с Тастамбековым по одной улице, не помню какая улица, но помню, что эта улица была одной из западных улиц от дома Правительства, с двумя красноармейцами по изъятию оружия у населения.

Затем был инструктором - организатором политотдела 3-й дивизии организации драмкружка (в числе артистов играли: Тастамбеков, Мурзабековы и другие), политработником 4-го Туркестанского кавалерийского полка (после мятежа), который подавил мятеж в Алма-Ате.

В 1921 году с работы уездного Бюро батраков и бедноты, Обкомом партии был переброшен, и назначен постановлением Бюро Обкома партии и приказом политотдела 3-й дивизии (в то время начальником политотдела дивизии был тов. Раздобреев, который сейчас работает в Крайпартколлегии) военкомом 16-го Казахстанского кавалерийского полка, и выехал на фронт в Фергану. Этому предшествовало следующее: в 1921 году на Областном съезде батраков я выступил вместе с другими товарищами против линии, проводимой ныне разоблаченными врагами народа: Сафаровым, Ходжановым, Джандосовым. Они предлагали конфискацию земли русских кулаков. Мы предлагали конфискацию и кулацких и

байских земель для того чтобы объединить русскую и казахскую бедноту против их деревенских эксплуататоров. После съезда я был назначен военкомом 16 кавполка.

Политуправлением Туркестанского фронта в пути следования на фронт был отозван, в это время я был уже помощником военкома полка и мне было предложено поехать в Ашхабад, военкомом в один из туркменских национальных полков. Я просил отправить меня на Ферганский фронт, куда и был направлен в распоряжение политотдела дивизии. Политотделом дивизии, я был направлен во 2-й киргизский кавалерийский полк, на политработу в Узген. До моего прибытия, этот полк, за исключением политработников перебежал к басмачам, поэтому я был назначен Обкомом партии, Облревкомом, совместно с военным командованием Ферганского фронта, председателем Узгенского районного ревкома и одновременно военкомом Узгенского гарнизона.

На этих работах вел прямые переговоры с главарями басмачей Юсупбек Газы, Маты Мынбаши, Джаныбек Казы и другими, в результате, в нашу сторону перешло 3000 басмачей, наши переговоры в районе, оказали большую помощь в переговорах с руководителями басмачей командованию фронта и области.

После этого я вернулся в Алма-Ату и работал зам.зав.облкомхозом, зав.экономическим отделом обкома комсомола, секретарем обкома комсомола (1922 год).

Во время последней работы, сыновья киргизских князей Шабдановы и казахских феодалов Мамановы, которые были исключены из комсомола ячейкой комсомола педагогических курсов Алма-Аты, при активном руководстве этим делом обкома комсомола, устроили демонстрацию (человек 50-60) перед зданием Обкома партии с возгласами – против обкома комсомола и против меня, как секретаря обкома комсомола. Обкомом партии в лице секретаря его тов. Черного, им был дан решительный отпор.

На втором областном съезде комсомола выступала группа комсомольских работников с требованием облегчить доступ вступления в комсомол байской и интеллигентной молодежи, им съезд дал решительный отпор. Не выдержав такого большевистского отпора, который проводился под руководством

Обкома партии, один из их руководителей гимназист Адилов застрелился. Руководитель этой группы, ныне разоблаченный враг народа Уразали Джандосов. В это время я работал секретарем обкома комсомола и принял активное участие в разгроме этой группы.

В 1923 году работал зав.экономическим отделом ЦК комсомола Туркестана, секретарем ЦК комсомола Туркестана.

В 1924 году работал третьим секретарем Казкрайкома комсомола. С этой работы, решением Бюро Крайкома ВКП(б) был освобожден и послан в Свердловский Комуниверситет. Но однако, не удалось мне учиться в виду того, что был выбран заочно секретарем Алма-Атинского горкома партии и Крайком ВКП(б) утвердил решение Бюро Джетысуйского губкома партии об оставлении меня на этой работе.

В 1926 году работал зам. Председателя губсоюза потребобщества. Председателем работал тов. Раздобреев.

В 1927 году был выбран членом бюро и заведующим АПО Джетысуйского обкома партии и работал на этой работе примерно год.

В 1928 году работал секретарем Джаркентского укома партии.

В 1929 году инструктором Джетысуйского губкома партии. Зав. бюро жалоб Актюбинского Окружного КК-РКИ. В 1930 году - инструктором Казкрай КК ВКП(б). В 1931-1933 гг. председателем Карагандинского гор. КК ВКП(б). В 1932-1934 гг. - зам.секретаря Карагандинского горкома ВКП(б). С 11 января 1935 г. по 15 сентября 1937 г. зав. ОРПО Алма-Атинского обкома ВКП(б) и с 25 сентября 1937 года и.о. второго секретаря Кустанайского обкома КП(б)К.

Имел партийное взыскание – выговор: за участие в банкетах и самопремирование. Этот выговор решением КПК снят.

В антипартийных группировках и оппозициях не участвовал.

Два раза допустил ошибки в национальном вопросе - один раз в комсомоле по росту Союза, где настаивал на форсировании роста коренного состава комсомола, не останавливаясь перед задержкой роста европейской части молодежи, хотя и объяснялось это очень низким процентом в комсомоле в то время коренной молодежи.

Второй раз моя ошибка заключалась в организации Шала-

казакской молодежи в культурное общество «Джана турмыс» (Новый быт), которое ставило задачу через влияние на молодежь, затем на взрослых перевести шалаказаков на земледелие по примеру землеустройства евреев, либо почти поголовно шалаказаки в Алма-Ате занимались торговлей.

На мои ошибки не было нигде указано и не были предметом обсуждения в партийных органах, что и способствовало тому, что эти ошибки мною были осознаны с запозданием. Правда, после их я больше ошибок не допускал.

Отец и мать моей жены умерли в 1932 году.

Отец и мать жены Елькибай при жизни имели имущество середняцкое. Из родных и родственников никого заграницей нет.

Брат – Режеб оказался врагом народа, о чем впервые стало мне известно в Кустанае. Последние годы, когда я работал в Караганде, он работал в Алма-Ате, в Крайкоме комсомола, а затем в Павлодаре секретарем райкома комсомола.

Имею недостаточную подготовку, как политическую, так и общеобразовательную, поэтому прошу послать меня на учебу.

(подпись) (*Х.Амиров*)
26/XII-37 года
г. Кустанай

Архив ДКНБ РК по г. Алматы
Ф.6. д.03743. т.4. лл. 106-111.

Секретарю ЦК ВКП(б)
тов. Сталину от бывшего секретаря
Кзыл-Ординского обкома КП(б)
подследственного находящегося
в Алма-Атинской городской тюрьме
Амирова Хусаинбека Ахметовича

ЗАЯВЛЕНИЕ

Я, арестован 28 июня 1938 года. При аресте я потребовал предъявить санкции прокурора и ЦК ВКП(б). Следователь отказался предъявлять их. Следовательно их не было, я

был арестован без ведома ЦК ВКП(б), согласия прокурора. Это подтверждается тем, что протокол обвинения мне был предъявлен 13 июля, где и была подпись прокурора Корпебаева. Следствие не имея на меня кроме трех ложных косвенных показаний, пошло на незаконный путь, зная что ни ЦК ВКП(б), ни прокурор не могли бы допустить эту ошибку, которая была совершена с моим арестом.

Уже 13 июля был предъявлен мне протокол обвинения на основе ложных показанияй, которые следствие вынудило меня выдумать путем репрессии, физической и моральной пытки. Я был поставлен на ночь в одном положении без одной минуты сна, без пищи. Когда я падал, били. В течение этого времени меня допрашивали конвеером три следователя, которые заявили, что я сдохну в их комнате и что они заактируют, что я умер от разрыва сердца. Если не подпишу протокол, где якобы я участник националистической фашистской организации, то буду расстрелян, если подпишу, то буду оставлен в живых. Кроме этого они заявляли, что я теперь погибший человек, что они не будут занимася выяснением, виновен я или не виновен. Этим не будет занимася ни прокурор, который не будет согласен, ни члены суда, и то будут сидеть со мной вместе. Наконец мне было заявлено об аресте жены (домохозяйка) и брата (19 лет). Я доведен до такого состояния, что мне мерещилась жена и дети, младший сын кричит «папа», «папа».

Такими пытками тов. Сталин, меня заставили подписать, что я враг партии, членом которой являлся с 17 лет. Что страшнее этого ужаса для честного члена партии не может быть. По существу дела до сего времени полностью не имел возможности написать вам заявление, не давали клочка бумаги.

Меня никто не вербовал. Поскольку не вышло с вербовкой, так как у меня ее не было, следствие решило сделать меня группировщиком, приводя показания Нурпеисова, что ему Кабулов сказал, что якобы, я участник националистической организации Ходжанова. Смешно это даже ребенку, что Амиров друг Ходжанова. Я работал в комсомоле, Ходжанов со мной даже не разговаривал, а с 1924 года его не видел и раньше с ним никакой связи не имел. Наоборот мы боро-

лись со всякими антипартийными группировками. Никогда я, в антипартийных группировках не участвовал, в том числе ходжановской. Это известно партийным организациям Казахстана. Никто меня не считал участником какой-либо группировки. Не отрицаю, что участвовал в комсомольской группировке Муратбаева 1923 года. Кто такой Муратбаев? Этого хорошо знает ЦК ВКП(б). Теперь когда не вышло дело с доказательством, что я не участник, и что не было человека, который бы меня мог вербовать. Таких показаний никто не дает, поскольку никто меня не вербовал и не мог вербовать. Поэтому следствие вынудило меня выдумать такого человека. Я написал на Муратбаева, который умер в 1924 году, я с ним вместе работал в комсомоле.

Потом следствие убедилось, что в 1923 году националистической фашистской организации не существовало, и это выдумка. Потом они заставили выдумать на Кошкунова, который категорически отвергнул эту выдумку. После следователь М. показал мне показания Исаева, где он говорит, что меня завербовал Ескараев и Жандосов в 1926 г. в Алма-Ате. Когда я заявил, что Ескараева и Жандосова в Алма-Ата в 1926 г. не было, а я из Алма-Аты не выезжал, из моего дела показания Исаева изчезли, поскольку само следствие убедилось в ложности показаний Исаева. Тем более Исаев показывает, что он меня как участника националистической организации знает со слов Нурпеисова, а Нурпеисов показывает, что Исаев говорит ложь, что он меня не знает как участника организации и никаких связей со мной не имел. Не было и нет показаний о моем участии в террористической группе, но все же меня зачислили к террористической организации. Это ложь. Ложность показаний о моем участии в несуществующей террористической группе в Караганде как выдуманной полностью опровергается отношением Карагандинского облотдела Техву на имя начальника 4-го Отдела НКВД КазССР за подписью начальника облотдела НКВД.

Никакого компроментирующего материала не представил, а следствие вынуждало меня ложно писать, что в Караганде существовала террористическая группа, куда входили я и Султанбеков. Когда следствием было установлено, что это ложь, тогда при мне же следователь К. изъял из дела это от-

ношение облотдела, несмотря на мой протест. Никто не показал, что я кого-либо завербовал, а ложность моего показания о том, что якобы завербовал Асаинова, Мусина опровергается Карагандинским облотделом НКВД. А в отношении Избасарова и Садвакасова тем, что ничего в деле кроме ложных показаний нет и они являются людьми, которые вынуждены были дать ложные показания. В деле также нет материала, где указывалось бы, что я принимал участие или знал о вредительстве по Караганде, Аксу и Каратале. Я никогда не был участником националистической организации. Все показания являются ложными, вымышленными, от которых я отказался 17 сентября 1938 г.

...Есть в деле справка начальника районного земельного отдела, что якобы я заставил их посеять на 60 га хлопка больше плана прошлого года. Руководство южной области, для организаций нашей области, добилось перед СНК КазССР увеличить план по районам нашей области на 700 га хлопка. Но решения ЦК КП(б)К больше 200 га не могли добиться.

Я в Караганде выступал против Султанбекова, и запись моего доклада есть в ЦК КП(б)К. Никогда я с ним не был в дружеских отношениях как это показывается.

Также много было послано справок с компроментирующими материалами на Кубенова, Карменова в Алма-Атинской облотдел. Следствие эти документы не приобщило к делу.

Все это может подтвердить Шабанбеков. Мою борьбу с этими людьми знает и Киселев. Следствие изъяло из дела протокол опроса с Курмановым.

То, что было в деле в мою пользу, эти материалы были изъяты следователем. Следствие велось незаконно, неправильно. Я честный коммунист, воспитанник партии Ленина-Сталина, до конца преданный делу Коммунистической партии и ее Центральному Комитету ВКП(б). Поэтому прошу Вашего вмешательства в пересмотре моего дела и не оставить меня жертвой клеветников карьеристов.

К сему: *Амиров*

Архив ДКНБ РК по г. Алматы
Д.03743. Т.4. ЛЛ.142-14. Подлинник.

АРСТАНОВ ЖУСУПБЕК АРСТАНОВИЧ

Справка: *– арестован 11 августа 1938 года УГБ НКВД КССР. Постановлением Особого Совещания при НКВД СССР от 26 октября 1940 года по ст. 58 пп.7,11 УК РСФСР осужден к 8 годам заключения в ИТЛ. Срок наказания отбыл в 1946 году. Определением № 8145-С-54 Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 5 ноября 1954 года постановление Особого Совещания при НКВД СССР от 26 октября 1940 года отменено и дело производством прекращено за недоказанностью обвинения.*

АВТОБИОГРАФИЯ

Родился я в бедной крестьянской семье в 1904 году в Кара-Узакском ауле Кзыл-Ордынского района Южно-Казахстанской области.

Отец был бедным крестьянином. Я до 13 лет находился в своем хозяйстве помогал отцу, в особенности в то время, когда старший брат Жунусбек Арстанов, в течение двух лет находился в батраках Туркестанского скотопромышленника, мне выпала доля быть первым помощником отца в хозяйствовании.

В связи с хозяйственными разрухами не могли сохранить наше мизерное хозяйство, и я вынужден был пойти на наем вторым уже из семьи.

И так с конца 1916 года по 1918 год работал у аульного бая пастухом и пахарем. В 1918 году, девять месяцев с отцом и братом, вместе работал чернорабочим в Кзыл-Ординском пункте по заготовке саксаула для отапливания паровоза. В то время главной топкой для паровоза служил саксаул.

В 1919 году в связи со смертью отца и другими обстоя-

тельствами очутился беспризорником на улице. Советская власть впоследствии завербовала меня в приют беспризорников, и потом в школу-интернат. Там находился по 1921 год, и окончил школу первой ступени, и стал членом комсомола с 1920 года. С этого периода начинается моя общественная работа. Был секретарем комсомольской ячейки, работал инструктором Кзыл-Ординского уездного комитета комсомола. Потом уездный комитет комсомола меня откомандировал в Ташкент на учебу, где я учился в Областной совпартшколе, и после окончания которой в 1922 году был командирован в Москву в Комвуз имени тов. Сталина.

В 1923 году во время летних каникул был мобилизован Туркестанским ЦК Комсомола в Красную Армию в качестве политического работника, и четыре месяца работал политическим руководителем кавалерийского эскадрона в Фергане против басмачества.

В 1924 году совмещая учебу работал заведующим Казахской секции Центрального издательства народов СССР в Москве.

В 1925 году окончив Комвуз приехал в Казахстан, и работал заместителем ответственного редактора газеты «Ак жол» – органа Сыр-Дарьинского губкома партии. По совместительству работал преподавателем в губернской совпартшколе, а также работал в АПО губкома партии.

В 1926 году был переброшен Крайкомом партии в Джетысуйскую область, где я работал до 1927 года в качестве заведующего губернской совпартшколой, заместителем редактора газеты «Тилши» – органа Джетысуйского губкома ВКП(б), потом заведующим политотделом печати губкома партии, и заместителем заведующего АПО губкома партии.

С 1928 по 1929 год, работал в Ташкенте преподавателем по политической экономии в Средне-Азиатском Коммунистическом университете, и научным сотрудником Казахского педвуза.

С 1929 по 1930 год, работал в Алма-Ате директором Алма-Атинского педагогического техникума, и научным сотрудником КазГУ.

В 1930 году решением Краевого Комитета партии был направлен в Москву в Институт Красной профессуры, где я

окончил подготовительное отделение, и с конца второго курса Экономического института Красной профессуры в 1933 году в марте был мобилизован ЦК ВКП(б) начальником политотдела Майтюбинского мясомолочного совхоза в Аулие-Ате, где работал до сентября 1934 года, и был награжден орденом Ленина за успешное организационно-хозяйственное укрепление совхоза.

С сентября 1934 года решением Казкрайкома и ЦК ВКП(б) был переброшен в Чимкент начальником политсектора Южно-Казахстанского Овцеводческого Треста, где работал до декабря 1935 года, и состоял членом Бюро Южно-Казахстанского обкома ВКП(б). Сейчас состою членом Казкрайкома ВКП(б) и КазЦИК.

Согласно решения Казкрайкома ВКП(б) и ЦК КП(б) теперь работаю в КНИИМЛ, заместителем директора по переводам и изданию классиков Марксизма-Ленинизма.

Ж.Арстанов

15/II-1936 г.

Архив ДКНБ РК по г. Алматы
Ф.6. Д.03743. Т.1. ЛЛ. 265-267. Подлинник.

Военному прокурору КазССР
От подследственно заключенного
Арстанова Жусупбека
Внутренняя тюрьма
НКВД КазССР
г. Алма-Ата

ЗАЯВЛЕНИЕ

Вот уже 17 месяцев прошло со времени моего ареста. Следствие по моему делу закончилось еще в начале 1939 г. и дело мое находится у Вас. Настоящим заявлением обращаюсь к Вам с просьбой разрешить мне свидание с женой и детьми. Абсолютно ничего не знаю, что живы ли жена и дети (их трое), учатся ли ребятки? Между тем, я писал уже четы-

ре заявления в следственной части НКВД с просьбой представить мне свидание с женой, но они все остались без всякого последствия и даже без ответа.

Гражданин прокурор, я неоднократно заявлял, что за собой никакой вины не чувствую, являюсь жертвой клеветы. Еще раз заявляю, что я абсолютно честный человек. Совершенно не понятно мне, почему так затягивается разбор моего дела, за что я столь жестоко наказываюсь? Даже не разрешается свидание с женой по семейным вопросам.

(подпись) *Ж.Арстанов*

9/I-1940 г.

Архив ДКНБ РК по г. Алматы
Ф.6. Д.03743. Т.1. ЛЛ. 307. Подлинник.

Москва. ЦК ВКП(б)
Секретарю ВКП(б) И.В.Сталину
от подследственно заключенного
Арстанова Жусупбека
внутренняя тюрьма НКВД КазССР.
г. Алма-Ата
6/III-1940 г.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Дорогой вождь и родной отец, Иосиф Виссарионович! В силу создавшегося обстоятельства, непосредственно обращаюсь к Вам, чтобы рассказать всю правду о моем деле и прошу Вашу помощь. Бывший беспризорник, стал человеком благодаря советской власти и мудрой национальной политики нашей партии. Казах, родился в декабре 1904 года. До 1922 года воспитывался в советских детских домах для беспризорников, и с 1922 года учился в КУТВ имени И.В. Сталина в Москве, который окончил в 1925 году, когда Вы произнесли Вашу историческую речь – «О политических задачах КУТВ».

С 1925 по 1930 год я работал в бывших Сыр-Дарьинском и Джетысуйском губкомах ВКП(б). Занимался вопросами ни-

зовой печати и партийной пропаганды. С 1931 по 1933 год учился в Институте Красной профессуры, был мобилизован ЦК ВКП(б) на политотдельскую работу, где работал три года вначале начальником политотдела Майтюбинского мясо-молочного совхоза, а затем заместителем директора по политчасти Южно-Казахстанского овцеводтреста. В мае 1934 года награжден орденом Ленина. В начале 1936 года работал в Алма-Ате редактором переводов произведений Маркса-Ленина-Сталина, затем заместителем заведующего ОРПО Казкрайкома ВКП(б) и с июня 1937 года ответственным редактором газеты «Социалистик Казахстан» –органа ЦК ВКП(б). Никаких уклонов от партийной линии не имел и в антипартийных группировках не участвовал. Я являюсь одним из молодых казахских работников, выросших за последние годы, благодаря повседневной заботе нашей партии о национальных кадрах.

Вдруг в апреле 1938 года выяснилось, что ряд арестованных лиц на меня дали ложные и клеветнические показания, в основном являлись на меня злые люди, за мои разоблачительные работы в качестве редактора газеты. Но, однако, факты и наличие на меня показаний оказались достаточными, чтобы немедленно же выражать ко мне недоверие и без всякой проверки правильности, или ложной и клеветнической сущности этих показаний, все отвернулись от меня. Тут же я снят с работы редактора газеты «Социалистик Казахстан», выведен из состава кандидата в члены Бюро ЦК КП(б)К, и направлен на хозяйственную работу в Казгосиздат. Затем в конце мая 1938 года перестраховщиками из партийной коллегии уполномоченного КП(б)К по Казахстану исключен из партии, а директором Казгосиздата уволен с работы. Когда более двух месяцев ходил без работы обивая пороги всевозможных учреждений, 11 августа 1938 года был арестован органом НКВД и объявлен врагом народа. С тех пор прошло 19 месяцев, и я продолжаю сидеть в тюрьме.

Дорогой Иосиф Виссарионович! От всего сердца заявляю Вам, что я не враг народа и никогда не буду таковым. Я арестован на основе непроверенных материалов и стал жертвой провокации и насилия. Сижу и страдаю совершенно не за что. Страдают на воле жена, трое детей и престарелая мать. Я

арестован именно на основании непроверенных и клеветнических показаний до меня арестованных лиц, среди которых есть ярые националисты, с которыми я в течение ряда лет вел непримиримую борьбу. Они давая на меня ложные и провокационные показания, поступили как действительные враги, и они поступили мстителями за мои разоблачительные работы. Будучи арестованным, глубоко был уверен в том, что мое дело будет всесторонне расследовано, что все материалы, имеющиеся на меня будут объективно и справедливо проверены и будет доказана моя невиновность.

В этом я жестоко ошибся. Дело в том, что это бывшее руководство следствия в Казахстане Реденс, Володзько, начальник следственного отдела Павлов, а также следователи совершенно сознательно не расследовали на меня имеющиеся показания, служившие основанием для моего ареста, а наоборот на основе применения не советского метода следствия, грубого нарушения советского закона, игнорировании моих элементарных прав как подследственного и широкого применения всевозможных подлогов, создали на меня искусственно дутое и провокационное дело. А именно, с первых же дней моего ареста меня подвергли жуткому избиению, доводя меня порою до потери сознания и в состояние невменяемости, за то, что я отстаиваю свою честность и не соглашаюсь дать ложные заявления о том, что я якобы являюсь врагом народа.

Меня заставляли простоять в кабинете следователя по два и более суток, в смирном положении, без сна, без пищи и даже без воды. Плевали мне в лицо, тыкали пальцами в глаза, выкручивали суставы рук и ног, как они выражались «заживо четвертовали». В результате я морально, физически подавлен. Вместе с тем, все это сопровождалось многоэтажными матами, запугиванием арестом жены и угрозой расстрела без суда, как не разоружившегося врага. И я не выдержал этого неслыханного насилия и был принужден писать и подписать под диктовку следователя, чудовищно ложные и клеветнические показания на себя и на других лиц. Именно в этом порядке по заказу и по принуждению написаны, и подписаны мною показания на Кабулова, С. Нурпеисова, И. Кошкунова, У. Исаева, Атаниязова, Ч. Артыкбаева, Х. Амирова,

С. Лепесова, Б. Мустафина, М. Джунусова, Ш. Утепова, Карасаева, И. Нурмухамедова, У. Турманжанова, К. Шарипова, Т. Елеуова и на других, с многими из которых я совершенно не знаком. Никогда не соприкасался по работе, не имел даже деловых отношений. Мало того, следователи, заставив меня оклеветать их, теми же методами также заставили меня подтверждать эту ложь на очных ставках с некоторыми из них.

Мнимое «мое» заявление о том, что я враг является не моим, оно написано следователем, каковым я был принужден переписать и подписать его, значительная часть мнимых моих показаний не только продиктованы следователями, но и собственноручно написаны ими. Например, это можно установить не по протокольной рукописи моего показания, хотя бы на Умурзакова Нурбапы, которое написано следователем и мною подписано по принуждению. Такое положение дела продолжалось вплоть до февраля и до марта 1939 года.

Примерно с начала марта 1939 года обстановка в следствии несколько изменилась, хотя бы в том смысле что уже были прекращены избиения. Но однако маты и угрозы расстрелом, продолжались по прежнему. И я жестоко терзаемый совестью и позором, за насильно навязанные мне ложные показания, в начале марта 1939 года своим заявлением на имя военного прокурора САВО по Казахстану, официально отказался от своих показаний как от ложных показаний принужденных мне следователями, путем избиения и угрозы расстрела. В конце марта 1939 года об этом же написал на имя прокуроров и руководителей партии и правительства.

Оказались они не отправленными адресатам, а просто переданными в руки тех же следователей, на которых и я жалуюсь в своих заявлениях. А ряд моих заявлений потерялись администрацией тюрьмы.

В результате этих моих заявлений в августе и сентября 1939 года проводилось по моему делу частичное доследование следователем Зеленским. Это доследование хотя сняло с меня два обвинения, предъявленные мне по 58 ст. пп. 1 и 7, но однако оно проводилось по линии покрывательства беззакония и провокационной проделки бывших моих следователей. Мало того, оно проводилось при открытом и грубом из-

девательстве и нажиме последних, кровно заинтересованных в сохранении этого дутого и провокационного дела. По этому вопросу я жаловался бывшему прокурору Союза ССР Вышинскому своим заявлением от октября 1939 года. И в ответ на мое названное заявление военный прокурор САВО предложил военному прокурору по Казахстану Будюку, расследовать указанные в моем заявлении факты, но Будюк расследованием этого факта не занялся и мои жалобы оставил без всякого следствия. Таким образом, доследование моего дела, проведенное летом 1939 года, также обошло основные материалы обвинения, послужившего основанием для моего ареста, т.е. оставили не расследованными показания до меня арестованных лиц.

Я настоятельно ходатайствовал перед следствием на протяжении долгого времени о том, что следствие меня допросило по существу показаний до меня арестованных лиц, и представило мне очные ставки с ними на предмет показания на меня. Но однако, мне в законном ходатайстве все время было отказано, и кое-как в этом путанном виде закончено мое дело и передано суду. С 20 февраля по 3 марта 1940 года я предстал перед Верховным Судом КазССР, в числе .... человек и руководящих участников буржуазно-националистической организации в Казахстане (Ж. Арстанов, Кошкунов, Ч. Артыкбаев, Амиров, Х. Карасаев). Обвинительное заключение созданное на основе наших дел, ложных и жутко провокационных материалов искусственно созданных провокатором Павловым, следователями, по директиве Реденса и Володьзко, трактует чудовищно клеветнические и провокационные вещи вообще, и в частности обо мне конкретно. О том, что я якобы: «1. В 1922-1925 гг. примыкал к ходжановской антисоветской группировке, в составе которой проводил антисоветскую работу; 2. в 1932 году являлся активным участником буржуазно-националистической организации в составе которой на протяжении ряда лет вел контрреволюционную работу; 3. с начала 1938 года являлся членом вновь созданного националистического центра, и вел работу по воссозданию разгромленной буржуазно-националистической организации в Казахстане».

Я был ошарашен и потрясен всем своим существом этой

неслыханной ложью и провокацией. Больше всего поразило то, что руководство следствием Казахстана, нарком внутренних дел КазССР Будюк, начальник Следственной части НКВД Казахстана Михайлов, не заинтересовавшиеся ходатайством о расследовании показаний на меня арестованных лиц, являющихся ложным материалом обвинения, утвердили такие чудовищно ложные и провокационные обвинения и представили на рассмотрение суда.

У меня другого выхода не осталось, кроме как рассказать всю правду о моем деле и снова повторить свое ходатайство о дорасследовании моего дела. В своих ходатайствах, изложенных на заседаниях суда от 20/II и 22/II 1940 года, а также поданным заявлением от 23/II и 3/III 1940 г., обратил внимание суда на незаконченность моего дела и не расследованности основных обвинений, предъявленных мне, также обратил внимание суда на грубые нарушения советского закона в процессе следствия и насилия.

Снова ходатайствовал перед судом: а) вызвать на судебное заседание: Кабулова, Буркутбаева, Бекжанова, Жубанова, Тогжанова, Байбульсинова, Ахметова, Чимбулатова, Баймагамбетова – давших на меня показания, для установления на суде правильности и клеветнической сущности их показаний, и косвенных показаний о якобы моей причастности к буржуазно-националистической организации. Ибо на предварительном следствии их ложные и клеветнические показания на меня не расследованы, и мне не даны очные ставки с ними. Даже нет в моем деле ни копии приговоров по их делам, ни выписки из протокола судебного допроса; б) затребовать ряд документов и справок, для установления правильности или огульности ряда фактов и положений обвинения. Ибо в обвинении изобилует огульное и совершенно тенденциозное искажение фактов в действительности; в) вызвать на судебное заседание ряд лиц, живых свидетелей для установления правильности или клеветнического характера обвинения, о якобы моем участии в антисоветской ходжановской группировке, еще в 1922 г. ибо согласно этого огульного утверждения получается, что я еще с 17 лет, когда я как таковой не выступал на арене общественной работы и не примыкал к этой группировке. Между тем, я в Казахстан

впервые приехал в 1925 году. А как известно, этот период явился началом разгрома ходжановской группировки. Я воспитанник советского детского дома, воспитанник КУТВ, неужели намеренно по приезде в Казахстан сразу же должен примыкать к ходжановской группировке, ...агать партии в разгроме этой антисоветской группировки. А в действительности обстоит именно так, что я на протяжении всей своей сознательной жизни вел непримиримую войну против всяких антипартийных группировок и против контрреволюционного национализма. К тому же я в лицо незнаю этих ... йханова, Рыскулова и Ходжанова. Но однако, мне предъявлено это тяжкое обвинение, хотя на этот счет нет и не может быть никаких документов и фактов.

Как можно установить правильность и огульность этого обвинения. Только вызовом живых свидетелей, хорошо знающих меня в данном отрезке времени. Просил суд, вызвать на суд У. Исаева, С. Нурпеисова, проходящих по нашему делу, как руководителей центра, для установления правильности или клеветнической сущности обвинения о якобы моем вхождении в националистический центр. Ибо я прохожу членом центра... хотя Кошкунов, Карасаев и Артыкбаев от своих ложных и косвенных показаний якобы со слов Исаева и Нурпеисова давно отказались, а руководители центра Исаев и Нурпеисов на предварительном следствии в Москве не подтвердили их косвенных показаний на этот счет; д) просил суд ознакомить меня с делом и делом группы; г) и наконец, я ходатайствовал перед судом без удовлетворения мною поданных ходатайств, моего дела сейчас не рассматривать, а направить на расследование.

Суд своим определением от 2/III-1940 г. не удовлетворил ни одного из этих моих подаваемых и совершенно законных ходатайств. Суд отказал мне в моих ходатайствах, несмотря на основательность и решающее значение их в деле, для правильного и справедливого разбора моего дела. Мало того при объявлении определения суда обнаружилось, что значительная часть моих ходатайств остались не обсужденными судом, и не отразились в определении суда. Получается так, как будто я о них суду не заявлял.

Суд своим определением по ходатайствам, предопреде-

лив свое отношение к качеству материалов моего дела, внушил впечатление, что вопрос о моей судьбе предрешен. Вопрос на суде является необходимой формальностью. В результате, я был лишен всяких прав и возможности говорить на суде, и дать ответы на вопросы суда. Я был лишен всякой возможности объяснить суду свою невиновность, и разоблачить провокационность проделки надо мной бывшего вражеского руководства следствием по моему делу. Я был лишен этой возможности, при всем моем искреннем желании рассказать суду всю правду о моем деле, и по существу дела. Да, к тому же суд каждый раз лишал слов, как речь заходила в объяснение фактов обвинения и в обоснование ходатайств. Порою просто отказал в слове. Далее государственный обвинитель, прокурор Куратов, выступая против наших ходатайств прямо заявил, что «слова и показания арестованных лиц, суду не авторитетно, не имеет никакой ценности и беспредметно». Я ни чем не был гарантирован, что мои слова и мнения могут быть расценены судом также не имеющим никакой ценности для моего оправдания.

Таким образом, чрезмерная тенденциозность ведения судебного заседания создало невозможность продолжения заслушивания дела, о чем стало ясно и самому суду, после заслушивания дела двух (Амирова и Лепесова) из девяти. И 3/III новым определением прекратил заслушивание нашего дела и возвратил дело предварительного следствия на доследование.

Теперь наше дело возвращено на доследование. Доследованием будет заниматься то следствие, в аппарате которого сохранились люди, в свое время усердствовавшие в создании настоящего моего дутого дела. Да и во время частичного доследования моего дела летом 1939 года, я воочию убедился, как они здорово цепляются за сохранение этого дела, и всячески тормозят распутывание его. Вместе с тем, руководство следствием утвердившее обвинительное заключение по моему делу, здорово рассержено тем обстоятельством, что заслушивание нашего дела не состоялось, и мы настояли на нашем законном ходатайстве. Не состоявшийся суд показал, что помимо всего имеются другие лица заинтересованные тем, чтобы меня осудить. Это видимо те люди, которые

в свое время дали санкцию на мой арест, по неправильным материалам теперь не желающие видеть меня оправданным.

В силу всего этого обстоятельства убедительно прошу Вас дорогой Иосиф Виссарионович, оказать содействие в затребовании моего дела в распоряжение НКВД СССР в Москву. Необходимо еще потому, что материалы давших на меня показаний лиц, осужденных Военной Коллегией находятся в Москве. Вместе с тем надеюсь в возможности иметь очные ставки хотя бы с некоторыми давшими на меня показания осужденными.

6/III-1940 г. (подпись) *Ж.Арстанов*

Архив ДКНБ РК по г. Алматы
Ф.6 Д.03743. Т.1. ЛЛ. 404-405. Подлинник.

Прокурору Союза ССР
тов. Панкратову
подследственно заключенного
Арстанова Жусупбека
внутренняя тюрьма
НКВД Казахстана.
г. Алма-Ата
26 марта 1940 г.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Со времени моего ареста прошло 20 месяцев и я продолжаю сидеть в тюрьме, не имея за собой никакой вины. Я не враг, арестован по непроверенным и клеветническим показаниям до меня арестованных лиц. Будучи арестованным, я надеялся на объективный и справедливый разбор моего дела, но в этом жестоко ошибся. Дело в том, что следствие, точно возглавляемое ныне разоблаченными врагами Реденсом, Володзько и Павловым не только не расследовали имеющиеся на меня показания, наоборот, путем применения не советского метода следствия, избиения и угрозой расстре-

ла без суда создали искусственно надутое и провокационное дело на меня. Следователи Катков, Оспанов и Марков с первых же дней после ареста, подвергли к ненавистной физической истязании за то, что настаивал и отстаивал свои невиновности и не причастности к контрреволюционной организации. Каждый из следователей избивал меня по отдельности и избивали сообща. Тыкали пальцами в глаза, плевали в лицо, беспристрастно ругали многоэтажными матами, угрожали расстрелом без суда, лишением жизни в карцере и арестом жены и других родственников. Также морили голодом, держали на допросе два и более дней без отдыха, без сна и пищи.

В результате я психовал, пришел в состояние невменяемости. Я был принужден по заказу и по диктовке следователей Каткова, Оспанова и Маркова писать и подписывать чудовищно ложные и клеветнические показания на себя и на других лиц. Я также был принужден подтверждать эти ложные показания на очных ставках. От этих ложных и насильно повязанных мне показаний я отказался год тому назад, своим заявлением на имя Военного прокурора Казахстана от 14 марта 1939 года. С тех пор, написал уже 15 заявлений на имя прокуроров и на имя руководителей партии и правительства. Незначительная часть этих заявлений оказалась не направленной адресатам, и потерянной администрацией тюрьмы во вмешательстве моих следователей.

Ввиду невозможности получить бумаги и ограниченности данного клочка, я в настоящем заявлении ограничусь освещением одного вопроса, который и укажет на тенденциозность и несправедливость следствия по моему делу. Я со дня ареста добиваюсь расследования показаний до меня арестованных лиц, на основе которых я и был арестован. Однако следователи Катков, Оспанов и Марков твердо вставшие на мой путь создания провокационного дела на меня, не только не удовлетворили мое законное ходатайство, но и лишили возможности о них говорить, и я за свое ходатайство о расследовании этих показаний, в частности о представлении мне очные ставки с ними – был неоднократно избит и подвергнут всяким издевательствам и унижениям.

Между тем, показания до меня арестованных лиц на меня

являются ложными, клеветническими и данными в порядке мести и отместкой. Дали на меня прямые показания до меня арестованные: Буркутбаев, А. Чимбулатов, С. Лепесов, М. Байбульсинов и И. Кабулов и косвенные показания: Ш. Бекжанов, Джубанов, Г. Тогжанов, Беимбетов, У. Исаев, И. Кошкунов, Ч. Артыкбаев, Х. Карасаев, М. Каратаев и Ахметов.

Некто Ахметов Ильяс дал меня ложное показание о том, якобы он «в 1922 году в Москве имел связь со студентами Арстановым и другими... Среди них японо-финскую агитации». В самом деле такого случая никогда не имело место. Прежде всего я с этим Ахметовым лично незнаком, он мой не земляк и он никогда со мной вместе не учился, еще он не учился в КУТВ, где я учился с осени 1922 года по 1925 год.

В 20-х годах? Ахметов, когда я работал редактором газеты «Социалистик Казахстан» был разоблачен газетной заметкой как националист. Будучи арестованным, он дал на меня клеветническое показание и тем самым за разоблачительную статью помещенной мною в газете. Я просил допросить по этому.... С. Лепесова, У. Турманжанова и Кангелдиева Асаина, учившегося вместе в 1922-1925 гг. в Москве. Для разоблачения клеветнической сущности показаний Ахметова, я просил дать очные ставки с ним, но и в этом было отказано следователем.

Чимбулатов показал, «что в 1922 году в Москве Арстанов и другие участвовали на нелегальном совещании проводимом Кулумбетовым». Чимбулатов клевещет на меня, на честного большевика. Я еще в 1928-1929 гг. вел против Чимбулатова, как покровителя националиста Абикеева, односельчанина Чимбулатова.

В 1928 году будучи командирован в район по перевыборам Советов, я разоблачил националистические деяния Д. Абикеева, работавшего секретарем райкома партии в этом районе, и поставил вопрос перед Алма-Атинским окружкомом ВКП(б) необходимости снятия Абикеева с работы секретаря райкома и исключения из партии. Вследствие Абикеев и был снят с работы и исключен из партии, Чимбулатов работавший в то время в Окружной контрольной комиссии и РКИ выразил мне недовольство. Этот Абикеев подал на меня клеветнические заявления о том, что я пьянствовал в Ок-

тябрьском районе. Проверочная тройка разобрав заявление Абикеева, нашла клеветническим и я прошел проверки без замечания. А при утверждении решения проверочной комиссии в Окружной контрольной комиссии, Чимбулатов поднял вопрос об исключении меня из партии, на основе клеветнического заявления националиста Абикеева, и в течение трех месяцев не выдавал мне мой партбилет. Я получил свой партбилет в результате вмешательства окружкома партии.

С тех пор мы с Чимбулатовым ненавидим друг друга. Он дал на меня клеветническое показание в порядке отместки мою большевистскую работу по разоблачению националиста Абикеева и мое взаимоотношение с Чимбулатовым на этой почве знает Морозов Н. (работавший в 1928-1929 гг. секретарем Алматинского окружкома партии) и Алманов Баймен (работавший заведующим орготделом окружкома), Алибаев Мурзагали (работавший секретарем Октябрьского райкома после Абикеева.

Алибаев в данное время работает в Наркомпросе Казахстана. Алманов сидит во внутренней тюрьме НКВД. Мне было отказано в следующем моем ходатайстве о допросе этих лиц, вместе по изложенному вопросу. Я с Чимбулатовым ни в каком нелегальном совещании не участвовал, и никакого знакомства и отношения с Кулумбетовым не имел.

Некто А. Буркутбаев дал показание, что «.... Арстанов долгое время учившийся вместе с Кабуловым в Средне-Азиатском государственном университете и приехавший на работу в Казахстан вместе с Кабуловым, мне лично известен как участник антисоветской организации». С Кабуловым был знаком, это правда. Но Кабулова как врага народа не знал. Что касается показания Буркутбаева, якобы я «долгое время учился с Кабуловым в Средне-Азиатском государственном университете и из Москвы приехал вместе с Кабуловым, то это ложь и клевета. Я в Средне-Азиатском государственном университете никогда не учился, отсюда я не мог учиться и вместе с Кабуловым. Это можно подтвердить данными моей учетной карточкой и затребованию в САГУ.

В начале 1938 года я был отобран комиссией тов. Кагановича на политотдельскую работу и 20 апреля приехал в Джамбульский район Казахстана в качестве начальника по-

литотдела Майтюбинского мясомолочного совхоза, где в мае 1934 года награжден орденом Ленина. Далее Буркутбаев не мог меня знать как участника антисоветской организации, так как никогда не состоял членом антисоветской организации. К тому же с Буркутбаевым вообще не знаком, никогда с ним не работал, не учился, даже с ним вместе в гостях не бывал. Он клевещет на меня в порядке отместки. Дело в том, что я будучи редактором газеты в конце 1937 года два раза написал статью в газете с критикой буржуазно-националистической практики Буркутбаева в горно-геологическом институте в Алма-Ате, которые были обсуждены первичной партийной организацией института и наложено соответствующее взыскание на Буркутбаева. Впоследствии Буркутбаев снят с работы и арестован. Он своим клеветническим показанием за это мне мстит. Я ходатайствовал под следствием о затребовании статьи из редакции газеты, решение партийной организации института по нашим статьям о Буркутбаеве, и наконец очной ставки. А между тем показания Буркутбаева остается якобы уличающим меня материалом.

Точно также обстоит дело с показаниями Бекжанова, Тогжанова, Баймагамбетова, Джубанова, У. Исаева и других. Кошкунов, Артыкбаев, Лепесов, Карасаев, Байбульсинов, Каратаев от своих ложных показаний на меня отказались давно, как от ложных и принужденных показаний.

Я Тогжанова всегда считал антипартийным человеком и националистом. Поэтому я никогда с ним не дружил, а наоборот систематически вел борьбу против него. Еще в 1932 году я выступил статьей против Тогжанова, где разоблачал допущенные им националистические извращения перевода шести условий тов. Сталина. В 1933 году в Москве при обсуждении работы Тогжанова о казахском феодализме на кафедре КУТВ я вступил с резкой критикой этой работы, разоблачив ее националистической сущности. В результате моего выступления и выступления ряда других лиц, работа Тогжанова была снята с печати. Выступления и прения застенографированы и можно получить справку. В 1937 году я будучи редактором газеты написал редакционную статью с критикой книги Тогжанова «Абай», где Тогжанов был рупором Алаш-Орды. Он на это крепко обиделся и подал жалобу на меня в ЦК КП(б)К.

В конце 1937 года я написал специальную записку на имя тогдашнего секретаря ЦК КП(б)К Нурпеисова. Я ставил вопрос о партийности Тогжанова, Мусрепова, Сабита Муканова. Я просил следствие затребовать и приобщить эти документы, также просил очной ставки с ним. В этом мне было отказано.

Бывший председатель СНК Казахстана У. Исаев дал показание, что «в начале 1934 года Жургенев сказал мне, что Арстанов участник нашей буржуазно-нацоналистической организации». И показание это является клеветой данной им в порядке отместки. Дело в том, что я Исаева считал и считаю одним из главных виновников перегибов и откочевок в Казахстане в 1930-1932 гг. В 1933 году на III Пленуме Казкрайкома ВКП(б) я выступил с резкой критикой книги С. Муканова «История казахской литературы XIX века», изданной под редакцией У. Исаева. Тогда редактор газеты «Социалистик Казахстан» Садвакасов показал мою статью Исаеву, вследствие чего она была в течение трех месяцев не напечатана. Я об этом жаловался в ЦК КП(б)К и после этого она была напечатана. Книга Муканова под редакцией Исаева изъята как националистическое творчество.

Далее осенью 1937 года газета «Правда» печатала статью «По поводу буржуазных националистов», где критиковались бывшие секретари ЦК КП(б)К Мирзоян и Нурпеисов. Перепечатывая эту статью в газете «Социалистик Казахстан» я дал передовую, наряду с Мирзояным и Нурпеисовым, была редактирована практика У. Исаева. Это было сделано мною, тогда как «Правда» ограничивалась критикой Мирзояна и Нурпеисова. И все это, Исаев своим ложным и косвенным показаниями мне мстит. Я просил очной ставки с Исаевым. Мне в этом было отказано. Как видите мое дело, несмотря на то, что я сижу 20 месяцев, остается не расследованным. Прошу Вас мое дело затребовать в Москву.

(подпись) *Ж. Арстанов*

Архив ДКНБ РК по г. Алматы
Ф.6. Д.03743. Т.1. ЛЛ.400-402. Подлинник.

АРТЫКБАЕВ ЧАКПАК

Справка: *– арестован 27 июня 1938 года УГБ НКВД КазССР. Постановлением Особого Совещания при НКВД СССР от 26 октября 1940 года по ст. 58 пп. 2,7,11 УК РСФСР осужден к 8 годам заключения в ИТЛ. Отбыл срок наказания в 1946 году. Определением № 8145-С-54 Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 5 ноября 1954 года постановление Особого Совещания при НКВД СССР от 26 октября 1940 года отменено и дело производством прекращено за недоказанностью обвинения.*

КРАТКАЯ АВТОБИОГРАФИЯ

Родился в 1905 г. 15 сентября в семье крестьянина-бедняка, Казалинского уезда Сыр-Дарьинской губернии (ныне Казалинского района) Кзыл-Ордынской области КазССР. Мои родители занимались земледелием. Отец умер в 1917 г. Мать жива.

С 1918 по 1922 год я воспитывался в детском доме и окончил начальную школу при детском доме в пос. Камышлы-Баше, Аральского района. В 1920 г. вступил в комсомол. В 1922-1924 годах я учился в Краевом Казахском институте просвещения и в Средне-Азиатском Коммунистическом университете им. Ленина в г. Ташкенте.

В 1924-1929 годах я был на ответственной комсомоль-

ской работе (секретарь Алма-Атинского и Талды-Курганского укоммолов, секретарь Джетысуйского губкоммола, председатель Краевого бюро юных пионеров).

В 1929-1933 годах я учился в Московском Торгово-товароведном плодоовощном институте Центрсоюза. Ушел из последнего с 3-го курса, окончив его программу по основным предметам. По направлению Центрсоюза я выехал на работу в Казахстан, ввиду тяжелого материального условия матери, находившейся в Аральском районе Актюбинской области. Здесь я работал заведующим оргтделом Аральской союза рыболовецкой кооперации (май-ноябрь 1933 г.).

В 1934-1938 годах я находился на ответственной партийной работе (заведующий отделом руководящих парторганов Актюбинского обкома, заведующий Советско-торговым отделом ЦК КП(б)К, секретарь Алма-Атинского обкома).

12 декабря 1937 г. был избран депутатом Верховного Совета СССР по Каратальскому избирательному округу. В члены партии я вступил 29 ноября 1926 года в г. Алма-Ате.

За время пребывания в рядах комсомола и партии, я не имел никаких взысканий и не примыкал ни к каким антипартийным течениям и группам, решительно боролся с ними.

Исключен из партии заочно, после ареста, 27 июня 1938 года по клеветническим показаниям на меня некоторых арестованных НКВД КазССР лиц.

26 октября 1940 г. решением Особого Совещания при НКВД СССР, я был направлен в ИТЛ. Срок отбыл 12 февраля 1947 г. в г. Канске Красноярского края. Здесь, в Канском ОЛП-2 я работал агротехником по овощеводству (1942-1946 гг.), имел благодарности за работу.

После освобождения из заключения я также работал агротехником в подсобном хозяйстве Сибирского СМУ в г. Канске (с 17/II-1947 г. по 1/I-1948 г.).

Отсюда уволен по собственному желанию. К XXX-ой годовщине Октября в Сибирском СМУ я награжден почетной грамотой Главного Управления гидрализной промышленности при Совете Министров СССР «За достигнутые высокие производственные показатели».

С 1/YI-1948 г. по настоящее время работаю в Южно-Казахстанской области начальником Бостандыкского произ-

водственного участка по борьбе с сельхозвредителями и болезнями плодоовощных культур – агрономом по защите растений.

22/Y-1953 г. (подпись) *Артыкбаев Ч.*

Председателю Особого Совещания
Берия
от заключенного содержащегося
во внутренней тюрьме КазССР
Артыкбаева Ч.

ЖАЛОБА

Не совершив никакого преступления перед партией и советским народом, уже третий год томлюсь в тюрьме. Мое дело к Вам направлено 28 июня этого года без объективного разбора на месте, что я изложил в двух своих жалобах на Ваше имя от 14 и 26 июля, с которыми прошу вас ознакомиться. Показания лиц, на основании которых я арестован, от начала до конца, являются ложными, клеветническими и провокационными, так как я нигде, никогда участником какой-либо контрреволюционной организации не был и не мог им быть. Я хочу вам изложить коротко свою биографию, из которой будет видно, что я не мог быть врагом советского народа.

Я происхожу из бедной казахской семьи. После смерти отца в 1917 г., в течение трех лет я воспитывался в советском детском доме, где в 1920 г. вступил в комсомол и был активным комсомольским работником в 1923-1929 годах, непримиримо боровшегося за линию боьшевистской партии. Имеются живые свидетели и неопровержимые документы, подтверждающие это. В 1929-1933 годах я учился в Москве в вузе, где также был активным и честным членом партии, что можно опять подтвердить живыми свидетелями и документами. Начиная с 1934 г. до момента ареста (27 июня 1938 г.), я был на ответственной партийной работе в Казахстане, и неуклонно проводил директивы партии и Правительства. В Актюбинской области (в качестве заведывающего Орпо обкома) я проводил проверку и обмен партийных документов,

итоги которых были утверждены Казкрайкомом и ЦК ВКП(б). За период моей работы секретарем Алма-Атинского обкома партии (с декабря 1937 г. по июнь 1938 г.) область впервые своевременно закончила ремонт тракторов, сев зерновых и проводила другие важнейшие мероприятия партии и Правительства (выборы в Верховный Совет СССР, выбор апелляции исключенных из партии коммунистов, исправление нарушений Устава сельскохозяйственной артели и т.д.). Никогда ни к какой антипартийной группировке я не примыкал. Следствие не располагало и не располагает данными, опорочивающими мою большевистскую деятельность, за исключением провокационных наказаний, от которых при тщательной и объективной проверке ничего не останется. Но такой проверкой следствие, Прокуратура и суд в Казахстане не занимались, о чем я вам писал в предыдцщих своих жалобах. Ложность, имеющихся на меня показаний, мною изложена в моей жалобе на имя М.И. Калинина от 17 мая 1940 г., искусственность созданного на меня дела, в моей жалобе на имя тов. Сталина от 7 марта сего года, с которыми я опять прошу Вас ознакомиться. Все факты, изложенные мною в моих жалобах, прошу всесторонне проверить, чего я не могу добиться в течение трех лет от органов следствия, прокуратуры и суда Казахстана.

Товарищ Берия! Меня мучает вопрос, почему люди поставленные партией и Правительством на важнейшие участки, до сих пор упорно не хотят и не желают объективно разобраться в моем деле, в результате чего я являюсь жертвой насилия, дикого произвола и гнусной клеветы. Вся моя просьба к вам сводится к тому, чтобы вы объективно разобрали мое дело, что безусловно даст вам возможность убедиться в моей честности и невиновности перед партией большевиков и советским народом.

6 октября 1940 г.

Южно-Казахстанская область, Бостандыкский район,
пос. Искандер, отряд Комстока, Артыкбаев Ч.

Архив ДКНБ РК по г.Алматы
Ф.6. Д.03743 (том дополнительный).
Листы непронумерованы. Подлинник.

Министру внутренних дел СССР
тов. Берия Л.П.
от гр-на Артыкбаева Чакпака

ЖАЛОБА

Прилагаю мою краткую автобиографию, деловые характеристики на меня от Бостандыкского райсельхозотдела и Южно-Казахстанкого областного садоводческого отдела по борьбе с сельхозвредителями плодоовощных культур и копию справки №42249.

НКВД Казахской ССР 27 июня 1938 г. меня арестовал без каких-либо законных оснований.

В СССР никто не может быть лишен свободы и заключен под стражу иначе, как в случаях, указанных в законе, и в порядке законом определенном (ст. 5 УПК, Госюриздат, 1952 г.). По закону обвинение должно быть предъявлено при наличии достаточных данных в свершении преступления (ст.128 УПК), и доказательствами должны послужить как показания свидетелей, так и личные объяснения по ним обвиняемого (ст.58 УПК). По закону же следствие обязано «выяснить и исследовать обстоятельства, как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого» (ст.111 УПК).

А я был арестован при самом грубом нарушении советских законов, при полном отсутствии проверки показаний на меня арестованных лиц, даже без вызова меня на очные ставки с ними. Также не проводилась проверка моей практической работы в комсомоле и партии, опросом живых людей и ознакомлением с документами, исключающими сомнение в моей невиновности.

Руководители НКВД КазССР в то время совершали дикий произвол, о чем говорит такой факт. На почте в г.Алма-Ате была задержана моя телеграмма, поданная на имя И.В. Сталина 21 или 22 июня 1938 г., с просьбой вмешаться в мое дело. Этой моей телеграммой на имя вождя били меня по лицу 28 июня 1938 г. начальник Следственного отдела НКВД КазССР Павлов, следователи. Таким образом, санкция на арест меня была получена путем обмана Правительства со стороны наркома внутренних дел КазССР Реденса и других

преступных авантюристов, орудовавших тогда в НКВД КазССР, при полном попустительстве руководителей партийных и советских органов республики.

Допросы меня производились путем недопустимых и строжайше запрещенных советскими законами приемов следствия, путем надругательства над неприкосновенными моими правами, записанными в Советской Конституции.

В частности, грубо нарушен советский закон, что «Следователь не имеет права домогаться показания или сознания путем насилия, угроз и других подобных мер» (ст.136 УПК) и Закон о судопроизводстве, принятый Верховным Советом СССР 16 августа 1938 г., об обеспечении прав обвиняемому на защиту (ст.8).

Доказательствами являются следующие факты:

а) проведение по моему делу повторного, вернее будет сказать, совершенно нового следствия, без применения уже насилия, следователем Зеленским в августе 1939 г. (см. дело);

б) решение военного прокурора Будюк в августе 1939 года о снятии с меня п.п. 7 и 8 ст. 58 УК РСФСР, ввиду отсутствия каких-либо доказательств (см. дело);

в) не дача мне очных ставок с лицами, по ложным показаниям которых я был лишен свободы и заключен под стражу (с А. Досовым, Х. Башаевым, И. Игеновым и другими, за исключением Ахметова, который на очной ставке со мной в октябре 1938 г. отказался от своего ложного показания на меня, если только Ахметов не подтвердил свое показание в протоколе очной ставки, оформленном после очной ставки, из-за применения к нему насилия, также как М. Жунусов (см. дело);

г) отказ в моих ходатайствах допросить ряд коммунистов и приобщить к делу ряд документов, характеризующих меня с положительной стороны;

д) нарушение, невыполнение следствием определения Уголовной Коллегии Верховного Суда КазССР, вынесенного в марте 1940 г., о производстве нового следствия по делу «группы», куда входил и я, ни один раз я не был допрошен следствием. (см. дело);

е) долгое содержание меня под следствием (с 27.YI.1938 г. до решения Особого Совещания при НКВД СССР от

26.X.1940 г.), что мне кажется, не оправдывается советским законом.

Особое Совещание, осудившее меня заочно на 8 лет за участие в антисоветской националистической организации (на память), безусловно, было введено в заблуждение сфабрикованными материалами обвинения на меня со стороны руководителей НКВД КазССР. Прежде, чем осуждать меня, приписывая мне совершенно необоснованное, явно противоречащее советским законам обвинение, следовало проверить мое социальное происхождение, социальное положение, всю мою практическую деятельность, которые явились бы самым верным критерием для правильного определения моей судьбы, живого человека.

Я освобожден из заключения только 12 февраля 1947 г., вместо 27.YI.1946 г., т.е. сверх определенного мне срока я находился в заключении семь с половиной месяцев, что также считаю беззаконным произволом. (см. справку № 42249). Мало того, в справке об освобождении меня, ко мне применена ст.38 «Положения о паспортах», а при выдаче мне паспорта применена ст.39. Это при том положении, когда я не имею поражения в правах. Ввиду паспортного ограничения я, гражданин СССР, пользующийся на основании Советской Конституции избирательными правами, лишен права жить вместе с моей семьей (г. Чимкент, Южно-Казахстанской области), да вообще выбирать постоянное или временное местожительство в интересах материальной и духовной жизни.

Я вкратце изложил вам доказательствами незаконность ареста меня, лишение меня законных прав на защиту, искусственность и несостоятельность выдвинутых против меня обвинений, жертвой которых я стал.

Я много раз писал жалобы, которые ни кем не разбирались. Так, в 1941 г. и в 1948 г. на мои жалобы Прокуратура СССР ответила одними и теми словами: «Нет основания для пересмотра вашего дела». Разве это не есть прямой отказ признать белое черным. Настоящую мою жалобу я пишу вам потому, что в последнее время в наших газетах с особой остротой освещен вопрос о неприкосновенности советской социалистической законности. Это обстоятельство вызвало у

меня радость и глубокую уверенность в том, что моя жалоба будет рассмотрена на основании советских законов.

Для того, чтобы иметь верное представление о моей безупречной партийной жизни и убедиться в ложности и провокационности показаний на меня, я прошу выяснить и исследовать только немногие обстоятельства, вполне возможные, необременительные для проверки в данное время.

1) Прошу затребовать из архива Джетысуйской ГубКК мою объяснительную записку от февраля 1926 г. по делу комсомольских работников Н.А. Коцейко, А. Лозинского и Б. Бражника, исключенных из рядов комсомола по инициативе ярого казахского националиста Абикиева Даира, тогда секретаря Джетысуйского Губкома ВЛКСМ. Эта моя записка, и решение по ней ГубКК о восстановлении в рядах ВЛКСМ указанных товарищей, со всей очевидностью установит провокационность показания И. Игенова, исключенного из рядов партии в 1935 г. Актюбинским горкомом и обкомом партии за моральное и бытовое разложение. И. Игенов оклеветал меня потому, что я, как заведывающий Орпо Актюбинского обкома партии, активно поддерживал его исключение из партии, и за то, что я в 1925-1926 годах решительно боролся с националистом Д. Абикиевым, приятелем И. Игенова, в то время секретаря Казкрайкома комсомола. Так было дело, а не иначе.

2) О моей работе в Джетысуйской комсомольской организации в 1924-1927 годах прошу опросить коммунистов Абдрахманова Халика, работающего директором в одном из совхозов Алма-Атинской области, Коцейко Николая Аркадьевича, кандидата биологической науки в г. Алма-Ате, Лозинского Абрама, кажется, живущего и работающего в г. Алма-Ате преподавателем и Новикова Петра Григорьевича, полковника Советской Армии, преподавателя Военной Академии в Москве. Эти коммунисты, которых прошу разыскать и опросить, хорошо знают меня, как комсомольского работника, энергично боровшегося за воспитание казахской молодежи в духе пролетарского интернационализма, а не в духе казахского буржуазного национализма, от которого я был далек, как небо от земли.

3) О моем партийном поведении, о моей партийной работе в Московском Торгово-товароведном плодоовощном

институте в 1929-1933 годах, я прошу спросить коммунистов А. Горохова, работника Госконтроля СССР, А. Сизова, директора Центральной базы Центрсоюза, Ананьева, работающего в Госинспекции по качеству в Москве. Эти коммунисты, учившиеся со мной в институте, хорошо знают меня, как члена Вузпарткома и руководителя кружка текущей политики, активно пропагандировавшего и проводившего среди студентов генеральную линию партии.

4) О моей работе в качестве заведывающего Орпо Актюбинского обкома партии в 1934-1937 годах прошу спросить коммунистов Белявского Абрама, Серикбаева Кахармана – работников ЦК КП(б)К, Утеева Ахмета, работающего в Госказиздательстве, Бабкина, заместителя председателя Алма-Атинского обкома партии, ныне работающего в одном из хозяйственных учреждений в г. Алма-Ате и Шириченко Дмитрия, работающего, кажется, в ЦК КП Киргизии. Эти коммунисты, работавшие в указанный период на ответственной партийной работе в Актюбинской области, хорошо знают меня, как я, заведывающий Орпо обкома, во время проверки и обмена партийных документов активно и настойчиво боролся за изгнание из рядов партийных организаций области алаш-ординцев, националистов, обманным путем пробравшихся в ряды партии.

5) Ложность и провокационность показания на меня А. Досова, секретаря Актюбинского обкома партии в 1934-1936 годах, может установить также мое информационное сообщение в Казкрайкоме партии (сентябрь 1936 г.). В этом сообщении я указывал на факт связи с ссыльной троцкистского председателя Тургайского райисполкома Сарымолдаева, бывшего наркома земледелия КазССР, близкого приятеля А. Досова. Информационное сообщение было отправлено мною в Казкрайком партии вопреки протесту А. Досова. Это крайне обострило взаимоотношение между мною и А. Досовым. Поэтому А. Досов и оклеветал меня с целью свести со мной личные счеты за приятеля Сарымолдаева. Прошу затребовать из партархива Казкрайкома и этот документ, характеризующий меня, как честного и принципиального партийного работника.

...

7) Что касается других ложных показаний на меня, как послуживших «основанием» для ареста меня, так и собранных следствием после, то они большей частью являются косвенными, также данными по принуждению, и по существу, не заслуживший того, чтобы назвать их показаниями.

Я привел достаточные доказательства и указал на верные источники их проверки, опровергающие гнусное обвинение против меня.

Уверен, что давность обвинительных не послужит формальной причиной отказа в моей просьбе проверить их, так как речь идет обо мне, живом человеке, работавшем, работающем, думающем и впредь работать честно, добросовестно на пользу Родины.

Я не могу мириться с мыслью, что в нашей стране ни в чем неповинный человек может пожизненно страдать, носить черное пятно, наложенное на него презренными авантюристами, этими скрытыми врагами народа, давно и надежно разоблаченными и сурово наказанными.

Итак, я настоятельно прошу Вашего личного указания о проведении тщательной, объективной проверки по моему делу работниками Министерства внутренних дел СССР. Такая проверка оправдает меня.

1/YI-1953 г. (*Артыкбаев Ч.*)

Архив ДКНБ РК по г. Алматы
Ф.6. Д.03743. Т.3. ЛЛ.211-217.
Подлинник.

Министру внутренних дел СССР
тов. Берия Л.П.
гр-на Артыкбаева Чакпака
жалоба

Прилагаю: мою краткую автобиографию, деловые характеристики на меня от Бостандыкского Райсельхоз-отдела и Южно-Казахстанского Облсадового отряда по борьбе с сельхозвредителями п. годовых культур и копию справки № 42249.

НКВД Казахской ССР 27 Июня 1938 г. меня арестовал без как[их]-либо законных оснований.

В СССР «никто не может быть лишен свободы и заключен под стражу иначе, как в случаях, указанных в законе, и в порядке законом определенном» (Ст. 5 УПК, Госюриздат, 1952 г.).

По закону обвинение должно быть предъявлено при наличии достаточных данных в совершении преступления (ст. 128 УПК) и доказательствами должны послужить как показания свидет[елей], так и личные объяснения по ним обвиняемого (ст. 58 УПК).

По закону же следствие обязано «выяснить и исследовать обстоятельства, как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого» (ст. 111 УПК).

384620 / 17
15 ИЮН 1953

Архив ДКНБ РК по г. Алматы
Ф.6. Д.03743. Т.3. ЛЛ.211-217. Подлинник.

БАРАНОВ АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ

Справка: *– арестован 16 декабря 1937 года УГБ НКВД КССР. Военным трибуналом войск НКВД Казахской ССР от 22 октября 1939 года осужден по ст. 58 пп. 8,11 УК РСФСР на 10 лет в ИТЛ.*

Определением Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 18 октября 1940 года приговор оставлен в силе. Срок наказания отбыл в 1948 году. 27 декабря 1948 года вновь арестован, и постановлением Особого Совещания при МГБ СССР от 2 марта 1949 года сослан на поселение в Красноярский край.

Определением № 005376/39 Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 3 августа приговор Военного трибунала Войск НКВД Казахской ССР от 22 октября 1939 года, Определение Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 18 октября 1940 года и постановление Особого Совещания при МГБ СССР от 2 марта 1949 года отменены и дело за отсутствием состава преступления прекращено.

Москва
Центральный Комитет ВКП(б)
Товарищу И.В.Сталину

Написано ...
Семипалатинск
Городская тюрьма
20 марта 1940 г.

Иосиф Виссарионович!

Я обращаюсь к Вам за помощью и защитой освободить меня от той удушающей грязи, лжи и клеветы, которой покрыли меня, честного человека, всю свою жизнь отдавшего делу служения революции и строительству социализма. Я сижу в тюрьме с клеймом врага народа уже третий год, дожидаясь своей учести.

Забаррикадировавшись лживыми и клеветническими бумагами Военный трибунал войск НКВД КазССР судил меня, не видя честного человека, не интересуясь же участью подсудимого, ни тем – партийно или не партийно будет решение, которое он, трибунал выносит. Его не интересовало то, что я до ареста проработал в партии двадцать с лишним лет без единого замечания или порицания, что представленное дело на суд явно необоснованное, что нет и не было оснований ни для ареста, ни для суда. Почти два года (22 месяца) следствие безуспешно старалось сделать судебный материал. Военная Коллегия в ноябре 1938 года вернула дело с предложением доследовать, военный прокурор по КазССР Будюк в январе 1939 года предлагает 2-му Отделу доследовать дело, суд Военного трибунала 1 августа 1939 года прерывает свое заседание и предлагает дело доследовать. Но так как материалов нет и доследовать нечего, то никакого доследования не вели, и в третий раз 22-го октября 1939 года Военный трибунал вопреки собственным решениям судил меня, не добившись ничего нового в «материалах» и осудил на 10 лет, с последующим поражением в правах на 5 лет с конфискацией имущества. Я никогда не представлял себе, что возможно у нас, в Советском Союзе такой откровенный цинизм, с которым я столкнулся на суде.

Через несколько минут после начала суда, на выраженные мои просьбы к суду, председательствовавший гр-н Фролов заявил мне, что «могу эти просьбы изложить в кассации, если меня приговорят с правом кассации». Тем самым он заявил мне, что независимо от судебного разбирательства я буду осужден, что это дело предрешенное. Часам к пяти вечера меня просят быть покороче в ответах ибо, «и так с вами долго возились(!)». А член суда Серикбаев, сотрудник НКВД КазССР того же отдела, что вел мое дело, посмотрев на часы, заявил – «пора кончать». И кончили, без всяких оснований лишив меня жизни, свободы, работы на 10 лет. И это решение вынесли, признав сами, что меня обвиняли, арестовав не верно. Арестовали меня с обвинением, что я якобы являюсь «членом вредительской организации Казнаркомзема, проводившим вредительскую работу в Госплане КазССР», где я работал заместителем председателя Госплана. Суд оправдал меня по ст. 58 пункт 7, убедившись, что я никаким вредительством не занимался. Суд оправдал меня по ст. 58 пункт 2, что я никогда повстанческой деятельностью против Советской власти не занимался. Суд наконец, снял прямое обвинение по ст. 58 пункт 8, убедившись, что я террористической деятельностью тоже не занимался.

Следствие само сняло после ноября 1938 года обвинение с меня по ст. 58 пункт 10, убедившись, что никакой контрреволюционной агитацией не занимался. Таким образом, несмотря на все попытки следствия, не брезговавшего ничем, осудить меня по ст. 58 пункты 2,7,8,10,11, до приговора дошел только пункт 11. Суд никак не хотел отказаться от обязательного осуждения меня, хотя бы, просто как члена контрреволюционной организации, пусть и без всякой контрреволюционной деятельности, не имея и на п. 11, никаких оснований и приговорили по ст. 58-11 и через ст. 17 по п. 8, т.е. член организации, преследующий террористические цели. При этом даже формальной ….. суд игнорировал то, что в деле моем нет ни одного слова о терроре или террористических задачах.

После суда мне одно стало совершенно ясным, что в судьбе моеи довели шкурные интересы людей, затеявших мое «дело». Когда меня арестовали, бывший врид начальника

3-го Отдела Гладков меня предупредил, что «из НКВД возврата нет». Это дополнительно откровенно мне пояснил один из моих следователей П.: «Если вас освободить, как неправильно арестованного, то мне, следователю подготовившему ваше дело, надо будет самому сесть в тюрьму»... Поэтому не гнушаясь любых методов воздействия, подлогов, провокации, лжи и клеветы группа следственных работников во главе с Залиным и Реденсом безуспешно пытались доказывать, что я контрреволюционер, хотя упрямые, но честные факты говорили обратное.

Разве не провокацией являлся разговор со мной Гладкова в январе 1938 года, предлагавшего писать на Залина, который был наркомом в это время внутренних дел. «Я понимаю, говорил Гладков, что вы не могли говорить о всех этих безобразиях с Залиным, ибо он был другом Мирзояна» (это по поводу моих заявлений, что я не враг, что я практически боролся с извращениями в КазССР). А через несколько дней тот же Гладков приводит меня в кабинет Залина и Залин мне бросил: «Я давно знал, что ты контрреволюционер. Наконец-то, ты к нам попал!» Залин не знал, что от меня требовал Гладков, его сотрудник. Разве не провокационным было заявление старшего следователя Кадяева, которому на его вопрос, кто может удостоверить, что я с 1917 года в партии, я ответил, что тов. А.И. Микоян! Тогда Кадяев грубо оборвав меня, заявил: «Не приплетайте сюда Микояна. Когда нам нужна будет допросить о Микояне, вы дадите нам особые показания». Что может быть циничней заявления Реденса 5/IX-1938 г. в присутствии ряда работников. Когда меня привезли обратно из Москвы, где я еще в мае 1938 г. в НКВД Сюза заявил о ложности подписанного мною протокола и просил защиты от произвола, царившего в НКВД КазССР, Реденс мне заявил: «Я и раньше знал, еще когда вы подписывали протокол, что протокол ложный, но я интересовался – подпишите вы или нет». И несмотря на то, что сам Реденс заявил, что подписанный мною протокол ложный, он вошел в дело, как основной обвиняющий меня документ. Суду был известен этот разговор. Вызванный в качестве свидетеля следователь Присекин не опроверг этот разговор.

И тем не менее даже приговор в констатирующей ча-

сти своей взят судом из этого ложного протокола, никакими, даже ложными показаниями набранных свидетелей, не подкрепленного Залину, Редексу, Гладкову, Павлову надо было избивать партийные кадры, честных людей. Это было их вражеская задача. Но зачем же суд пошел по такому пути!

Суд прошел мимо такого чудовищного факта, как уничтожение в аппарате НКВД КазССР всех забранных при обыске моих документов и вещественных доказательств, ибо они ярко оправдывали меня. Именно поэтому следствие уничтожило мое партийное личное дело, партийные характеристики, письменные поручения ЦК ВКП(б), райкомов, губкомов, стенограммы моих лекций в Плановом институте в Ленинграде, докладов в Комакадемии в Москве, рукописи мои, опубликованные работы, статьи и брошюры, письма на имя тов. Л.М. Кагановича, в бытность мою начальником политотдела МТС на имя Комиссии партконтроля при ЦК ВКП(б), на имя Комиссии советского контрля (о делах по бюджету КазССР, строительству, механизации сельского хозяйства в КазССР и т.д.). Уничтожили копию моей большей работы по экономике гражданской войны, являвшейся ярким показателем моей активной борьбы за партию в исторической работе и т.д. И зная об этом уничтожении (есть в деле справка начальника 2-го Отдела НКВД КазССР на запрос Трибунала и устное подтверждение свидетеля следователя Присекина) суд в лице гр-на Фролова заявил мне: «У вас нет доказательств, что вы вели партийную, а не вражескую работу». Когда эти доказательства, разоблачавшие все провокационное организованное против меня дело были сожжены, чтоб легче было меня осудить.

Видимо с этой же целью мне было Трибуналом отказано в вызове свидетелей защиты. Именно поэтому, что суд не пожелал разбираться во мне, как в человеке, не пожелал поинтересоваться – как же так получилось, что человек, 20 лет проработав в партии, вдруг обвиняется, как контрреволюционер, не пожелал поинтересоваться всей моей жизнью до суда, именно поэтому и получилось такое издевательское его решение.

Иосиф Виссарионович! В партию и в революцию я вошел

еще ребенком, когда мне было 17 лет. Не могло у меня тогда сложиться оформленного партийного понимания событий, сам я не пролетарского происхождения. Сын инженер-механика, большого неудачника – изобретателя, но честного человека, которого выгоняли буквально с каждого завода, где он служил, только потому, что в конфликтах рабочих с дирекциями он становился на рабочую сторону. Он воспитал во мне любовь к свободе, ненависть к царизму, впервые знакомил с той подпольной литературой, которая была у него в библиотеке еще с 1905 года.

Я зарабатывать сам начал с 15 лет, т.к. его заработка на семью шести человек не хватало. Отца со мной в это время не было, направлять меня никто не направлял, но я пошел в большевистскую организацию, ибо только эта партия прямо, открыто, остро говорила правду. Я еще учился в это время, но уже начиная с 1918 года ушел на вооруженную борьбу за власть советов и все годы гражданской войны до 1921 года, провел в Красной Армии рядовым бойцом, командиром, военным комиссаром. Над теоретическими вопросами я тогда особо не задумывался. Я воевал и думал только о том, как победить врага, а все остальное потом приложиться. Специфика обстановки, в которой я провел 1918-1920 годы наложила на меня отпечаток и не разобравшись как следует, в основах ленинского учения, не поняв важность массовой работы, а не администрирования, я в 1921 году оказался в рядах сторонников «платформы Троцкого», полагая, что восстановить промышленность можно только милитаризованным трудом, не разобравшись в сущности нашего государства, ни в той новой политике, которую партия подготовляла. Это было через пару месяцев, как меня демобилизовали и отправили на Урал на партийную работу. После X съезда, продумав его решения, я понял свою ошибку.

В 1923 году перед XIII съездом, во время дискуссии я опять свихнулся и вступая против троцкистских тезисов о новом курсе, защищал эти тезисы по вопросу о партийном аппарате и внутрипартийной демократии. Но я уже глубоко задумывался тогда над своими ошибками и с помощью товарищей из губкома (я был тогда заведующим агитатором губкома) крепко посидев над Лениным, проследив и изучив

борьбу ленинизма с троцкизмом, я не только понял, что я не прав, но решил во всей своей работе активно бороться со всякими антипартийными нападениями. Вот почему мой доклад в 1924 году на активе в Перми «Ленинизм и троцкизм», который я сделал по поручению Пермского губкома был и разгромом моих собственных ошибок, и широким разъяснением членов партии всей антипартийной и антипролетарской сущности троцкизма. И после 1923 года после ряда моих докладов в защиту партии и ленинизма, я ни разу не выступал против генеральной линии партии. Рос я, росло мое сознание. Я боролся за партию не из формальных соображений (знаете, голосует, потому что большинство голосует), а потому что всем своим существом, всеми своими мыслями считал верными только ее решения. И 1924 год и 1925 год, и 1928 год, во весь этот активный период борьбы на два фронта, я был не в последних рядах, борящихся за линию партии. И был в этом отношении последовательным и в своей практической, в исследовательской и в литературной работе.

Что может быть выше и дороже доверия партии! Ведь все, я имею – знания, опыт, почет (ибо доверие партии – высший почет) все мне дала партия. У меня, конечно, в работе было не мало ошибок, но то, чему партия меня учила – честности, выполнению ее решений, активности в борьбе за проведение этих партийных решений, это меня не покидало. После 1917 года я не имел возможности учиться, но работая над собой ночами, восполняя свои крупные пробелы в области овладения марксистко-ленинской теории, я дошел до права стать членом общества историков-марксистов, на праве признания за мной успехов в научно-исследовательской работе. Мне в Ленинграде в 1932 году поручили кафедру в вузе на основе тех работ, которые я написал и опубликовал. Это ли не гордость вознаграждения доверием за ту упорную работу, которую я над собой проделал, и возможности которой мне дала партия и Советская власть. И вот, наконец, меня назначили начальником политотдела МТС. Я ехал в Казахстан с чувством и сознанием особого внимания ко мне со стороны ЦК партии. Я весь отдался работе (было здорово трудно) и скоро наш политотдел стал известным далеко за пределами об-

ласти. Образцом его партийно-массовой и организационно-хозяйственной работы посвящались целые полосы областной и республиканской газеты.

Я работал с огромным наслаждением. Здесь в Казахстане острее, чем где-либо, надо было вести борьбу за выполнение решений партии, борьбу с очковтирательством, и просто обманом ЦК и СНК в освещении ряда вопросов. Тот же Залин, который арестовал меня, знал прекрасно, какой тяжелой была моя борьба, как она восстановила против меня не малую долю партийного и советского актива. И чем больше на меня злились, чем больше осуждали меня за письмо в Москву о правде с бюджетом ли, со строительством ли, с механизацией ли сельского хозяйства, с ирригацией и т.д., тем больше я считал себя правым, ибо ни ЦК, ни Комиссия партконтроля меня не ругали за мою работу, а наоборот, местные организации обязывались исправлять те или иные свои ошибки, которые не раз мной вскрывались.

Когда я ехал в политотдел, я не скрывал в ЦК своего прошлого участия в оппозиции, своих колебаний в свое время. И тем не менее во время проверки партийных документов некоторые работники горкома решили задержать выдачу мне партийного билета, выдумав обвинить меня, что я скрыл в ЦК свое прошлое. Запросили ЦК и ……* выдали мне, хоть и с опозданием, новый партийный билет. И вдруг в 1937 году, после моего большого выступления на Пленуме Казкрайкома в января 1937 года, где я открыто рассказал, как скрывается от партии действительное положение в сельском хозяйстве в Казахстане, меня «взяли на работу», обвинили в связи с арестованным Трофимовым и Кельмансоном, обвинили, что я скрыл от партии свои троцкистские ошибки (хотя партийная организации даже низовая, где я работал, все хорошо знали из моей биографии и из устных заявлений), сняли с работы в Госплане КазССР, вывели из состава Казкрайкома (я был 4 года членом Крайкома) объявили выговор и послали начальником строительства. С этого момента началась дикая травля. Травили на работе, травили в партийной организации, делали все, чтобы я сорвался на стройке, лишив не толь-

* многоточие в тексте

ко какой-либо помощи, но даже задерживая искусственно то, что настоятельно требовалось для строительства. Я не унывал. Строительство – самое живое, самое интересное, подлинно творческое дело. Я не прекращал и своей борьбы с антигосударственными, антипартийными делами, с которыми сталкивался на своей новой работе. Но возникли другие трудности. На мою критику, на мои замечания мне откровенно заявили: «Кто-кто бы говорил, да не ты...* троцкист!».

Таким образом, скомпрометировав меня, краевое руководство скомпрометировало и всю мою критику. Меня устранили. И это произошло, Иосиф Виссарионович, в то время, как Вы выступили на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) с речью в 1937 году по поводу троцкистских и иных двурушников. Ваше замечание о членах партии, имевших несчастье когда то пройтись по одной улице с троцкистами, но потом преданно и честно работавших, даже лучше иногда, чем некоторые члены партии не бывшие ни в каких оппозициях, здесь в Алма-Ате это Ваше замечание не произвело впечатление. Не поняли его или не пожелали понять. Для меня стало ясным, что меня «разделали» тогда на Бюро Казкрайкома 9/III-1937 года в прямой связи с моим выступлением на Пленуме Казкрайкома в конце января 1937 г.

Мое выступление было кратким изложением большой записки, которую я через уполномоченного КПК Маскатова отправил в КПК при ЦК ВКП(б). На Пленуме меня обругали (Сегизбаев), что я клевещу на сельскохозяйственный отдел Казкрайкома «которым лично руководит сам Мирзоян». В коридоре в перерыве Мирзоян мне заявил: «Я знаю, ты хочешь сказать, что в Казнаркомземе сидят вредители, а мы – шляпы тут прикрываем их»...* Я не обошел Мирзояна, когда писал записку в КПК, а вручил ему копию, еще раз прося обсудить поднятые вопросы. Однако после Пленума записка, которая была большим экономическим анализом состояния МТС, строительства, станкооборудования, использования тракторного парка, очковтирательских планов и прямых подлогов (сообщали например, в Москву о 100% готовности строительства МТС и требовали новых капиталовложений, а

* многоточие в тексте

в то же время из года в год росла консервация незаконченных строек, о чем скрывали от центра). Эта записка в Казкрайкоме так и не была обсуждена.

За четыре дня до Бюро, где меня сняли с работы, обвинив меня, что «я не с Казкрайкомом должен бороться, как сказал Мирзоян, а с троцкистами». Я имел характерное для моего дела замечание нового председателя Госплана Рафальского. На совещании начальников управлений, он (я еще работал в Госплане) заявил, что «сельскохозяйственное управление Госплана, за которым наблюдал Баранов, не верно работало. Вместо перспективного планирования оно занялось проверкой конкретной работы, а это не его дело» ...*

Я не могу выбросить из головы, Иосиф Виссарионович, что именно борьба моя с антигосударственной практикой, имевшей место в КазССР, с антипартийным отношением к решениям ЦК и СНК Союза явилось причиной начала моего несчастья. Что проще обвинить меня в связях с троцкистами и тем самым опорочить мою борьбу за партийную линию, опорочить мои материалы, посланные в Москву. Я понимал и понимаю борьбу с троцкизмом и прочими вражескими партии выпадками, как борьбу с конкретным злом, конкретными действиями или принципиальными высказываниями.

Эту борьбу я вел, это то и не понравилось Казкрайкому. Я тогда же хотел Вам написать обо всем, но решил, поработать на стройке, а зимой поехать в отпуск в Москву, и там Вам все рассказать. Но ...* зимой того же 1937 года меня арестовали и я этой возможности лишился.

Травля меня сводила с ума. Когда меня арестовали, то и в НКВД КССР допрос начался с той же травлей. Только мне сказали «нас твои разговоры не интересуют». Это вы в КПК можете рассказывать ...* Давай тузов, кто руководит контрреволюционной организацией в КазССР ...* раз вы так хорошо знаете о всех антигосударственных делах, значит вы сами контрреволюционер и член контрреволюционной организации. Иначе и быть не может» ...*

Есть от чего сойти с ума. Ведь весь процесс ужасного до-

* многоточие в тексте

проса вели люди члены партии, не враги. Мои вчерашние товарищи по партии. Я не мог понять их невероятной злобы, их какой-то нечеловеческой ненависти ко мне. Измученный физически и морально я месяц искал во всей прошлой своей жизни причины, которые могли привести к аресту. Решил, что может я был не достаточно непримирим к вражеским действиям и людям, я вместо критики жизни своей, занялся самобичеванием, искал несуществующие свои ошибки в работе, которые можно было бы принять за преступление. И это было все не то. Гладков требовал контрреволюционной организации и наконец, он сам назвал фамилию Мирзояна, вписав в мои новые показания ряд фамилий, в том числе, мне помниться – Андронникова, Рафальского и других. Это было в середине января 1938 года.

Наконец во мне все спуталось. Конвеер меня так измучил, что мне начало казаться, что, черт возьми, может все эти люди, о которых говорил Гладков в самом деле контрреволюционеры. Может в самом деле надо принести себя в жертву и своими любыми «показаниями» помочь партии ...* И так, успокаивая себя, я начал писать «показания», их рвали, я переписывал, их снова рвали и редактировали, чтобы они отвечали прямым требованиям следствия и я снова переписывал. В феврале допрос прервался, т.к. заболел воспалением легких, пролежав в тюрьме, в одиночке две недели. А потом совершенно обессиленный, я подписал протокол, в котором все так лживо изображено, как не было даже в моих ложных показаниях. Допросы прекратились. Я больше не лгал ни на себя, ни на других. Через два месяца, придя в себя и попав в НКВД Союза я рассказал там, что протокол ложный, что ни против меня, ни против других им пользоваться нельзя. Это было написано на имя начальника 4-го Отдела НКВД Союза Цесарского 7 и 21 июня 1938 года. Между прочим из дела моего изъяты, как эти заявления так и большие заявления о ложности моих показаний на имя бывшего наркома внутренних дел КазССР Реденса от 27 августа и 7 сентября 1938 года. Трибуналу они предъявлены не были.

---

* многоточие в тексте

5–8424

Иосиф Виссарионович! Помимо всего, кроме угрозы нелепой смерти от расстрела не известно за что, висела угроза ареста жены и гибели детей. Даже не скрывали, что арестуют для воздействия на меня. Я уже достаточно слышал в соседних с моей следственных комнатах НКВД в Алма-Ате в 1937-1938 гг. вой и стоны избиваемых женщин ...* Если бы я попал в руки фашистов, я бы умер за коммунизм. Но ведь все это происходило у нас, в Советском Союзе и творили допрос люди с партийными билетами в кармане.

Весной 1937 года отец (он теперь старый пенсионер) прислал мне юношески восторженное письмо по поводу опубликованного текста принятой Конституции: «Теперь я могу спокойно умереть, - писал он, - я дожил до времени, о котором мечтали лучшие умы человечества. Мечта стала жизнью». И именно тогда, когда передо мной и всей страной открылась красивая, богатая всеми своими прелестями новая жизнь, когда бы только работать и работать, меня облили грязью, упорно злобно антипартийно игнорируя всю мою жизнь, всю мою борьбу за партию, за социализм. Опираясь при этом на ложь и клевету. Это не просто несправедливость! Это избиение кадровика-партийца, проделанное руками Залина-Реденса в угоду врагам революции.

Я не останавливаю Ваше внимание на деталях дела. Кассационная жалоба уже пять месяцев находится в Военной Коллегии Верховного Суда. Судебные и следственные детали извращения следователями и трибуналом, меня судившим, нашего советского законодательства там изложены. Достаточно указать на то, что я ни разу, ни на следствии, ни на суде не видел свидетелей меня обвиняющих. При этом (свидетелей восемь человек) нет ни одного прямого показания, а все «от такого-то слышал», и «сделал вывод» и т.д., о том, что я член контрреволюционной организации ... * В вызове же свидетелей со стороны защиты трибунал мне отказал.

Я обращаюсь за помощью к Вам. Во имя высшей партийной справедливости вмешайтесь в мое дело. Освободите меня, верните в партию, в работу, в жизнь, в радостную борьбу за социализм. В безделье и тупой тоске проходят сейчас в

---

* многоточие в тексте

тюрьме мои годы, пропадает энергия и страстность, с которой отдавал себя, все годы революции, как только вошел в нее с юношеских лет. Кому это нужно!

(подпись) *Баранов Александр Ильич.*

P.S. *Пишу третий раз. Может это письмо дойдет до Вас. Ибо знаю точно, что первые два в 1939 году до Вас не дошли, от мая и 8/Х-1939 года из Алма-Аты.*

Архив ДКНБ РК по г. Алматы
Ф.6. Д.03578. Т.2. Л.11 (в конверте ЛЛ.11-14.).

Военному прокурору
Главной Военной Прокуратуры

Баранова Александра Ильича
(Ленинград, ул. Герцена д.36 кв.6)

Дело № 2/6 – 48329-39
от 2 декабря 1953 г.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Приговором Военного Трибунала войск НКВД Казахского Военного округа я был осужден 20-22 октября 1939 года по ст. 58 УК и через ст. 17 по ст. 58-8 УК к 10 годам лишения свободы. В 1948 году по отбытии срока был освобожден, приехал в Ленинградскую область на постоянное местожительство и 27 декабря 1948 года был вновь арестован и постановлением Особого Совещания отправлен на поселение в Красноярский край, пос. Долгий мост того же района.

Разрешение на выезд из Долгого Моста и паспорт с ограничением я получил 23 сентября 1954 г.

За год до этого в августе 1953 года я обратился к Министру внутренних дел СССР с просьбой о реабилитации, о полном пересмотре дела, об отмене неправильного приговора Военного Трибунала войск НКВД Казахского Военного округа от 20-22 октября 1939 г.

2 декабря 1953 г. мне было сообщено, что жалоба моя передана на разрешение в Глав. Военную Прокуратуру и проверяется. В бытность мою в Москве 12 ноября 1954 г. я был принят в Гл. Воен. Прокуратуре полковником юстиции прокурором Ивановым. В соответствии с предложением полковника Иванова дополнительно сообщаю:

I. Я родился 4 февраля 1900 г. В партию вступил в 17 лет 24 сентября 1917 г.

В период 1921-1923 гг. я разделял троцкистские взгляды. Вернувшись с фронта после демобилизации из рядов Красной Армии в январе 1921 года я отстаивал эти взгляды на собраниях и губпартконференции в г. Перми.

Во всех автобиографиях, как партийных, так и служебных, точно также как и предварительному следствию я честно это обстоятельство сообщал.

Но уже с 1924 года (24-х лет), став взрослее, усиленно изучая ленинизм, я понял свои ошибки. С этого времени я начал активно бороться с троцкизмом. Первым моим выступлением против троцкизма был доклад в 1924 г. по поручению Пермского Горкома партии (секретарь Варов Сергей) на тему «Ленинизм или троцкизм» на собрании партийного актива, если не ошибаюсь, привокзального района г. Перми. В этом докладе я, развенчивая троцкизм, говорил и о своих ошибках и о той путанице, которая была у меня в голове в 1921-1923 гг. На собрании обычная секретарская протокольная запись. Позднее, но в том же 1924 году, по поручению Пермского Горкома партии, я делал доклад на общем собрании рабочих в Шпагинских ж/д мастерских, в г. Перми, на тему «Ленинизм и крестьянство». Наброски этих докладов (планы и тезисы) у меня сохранились вплоть до 1937 года и были изъяты во время ареста, вместе с бывшим моим личным партийным делом и партхарактеристиками. Никаких деклараций троцкистов я не подписывал, членом троцкистской организации себя не считал, и поэтому о своем разрыве с троцкистами не считал нужным выступать в печати или делать официальные заявления. Никаким партийным взысканиям за свою деятельность периода 1921-1923 гг. я не подвергался.

В 1927 г., уже работая в ВЦСПС, как инструктор культотдела ВЦСПС, я выступал активно против троцкистов на пар-

тийном собрании в Дворце Труда, где секретарем парторганизации Дворца Труда был Лобов Иван (ранее бывший инструктор ЦК ВКП(б), в ВЦСПС он работал зам. зав. к. о. ВЦСПС). Если память мне не изменяет, это было общепартийное собрание ВЦСПС, секретарем парторганизации, которого был Львовский (тоже инструктор к. о. ВЦСПС). Кроме того по путевке Бауманского Р.К-та партии я выступал против троцкистов на одном из собраний у железнодорожников в Москве.

В 1929 г. незадолго до смены руководства ВЦСПС, было созвано общепартийное собрание Дворца Труда, на котором я активно выступил против правого руководства ВЦСПС во главе с Томским. Я выступил по мотивам голосования за ведение собрания. Самого Томского не было, были другие члены Президиума ВЦСПС, которые настаивали на удовлетворении просьбы Томского собрание не проводить. Это собрание проводил Иван Лобов.

2. В течение моего двадцатилетнего пребывания в партии (1917-1937 гг.) я был неоднократно проверен и при общепартийных проверках и особо в связи с направлением меня на ту или иную ответственную работу.

При партийной чистке 1921 года я работал в г. Баку заведующим отделом охраны труда Азербайджанского Сов. Профсоюзов. Единый партбилет я получил в Москве, работая в ВЦСПС. Осенью 1929 года пред. ВЦСПС тов. Шверник на собрании партийной организации съезда профсоюзов Западной области (г. Смоленск) выдвинул мою кандидатуру в состав Президиума Обл. Совета профсоюзов. Предварительно тов. Шверник звонил в ВЦСПС из Смоленска, вызвал меня к телефону и спросил моего согласия перейти на работу в Смоленск в качестве зав. культурным отделом Обл. совпрофа. Нет сомнений, что прежде чем выставить мою кандидатуру тов. Шверник проверил меня.

После февральского Пленума ЦК 1933 года я был мобилизован на работу нач-ка политотдела в Чистянской МТС Булаевского района в Казахстане. Направлению в политотдел МТС предшествовала тщательная (в течение 2-3 месяцев) проверка меня в ЦК КПСС комиссией Л.М. Кагановича.

В 1934 г. я был переведен из политотдела МТС начальни-

ком политсектора Облзу Семипалатинской области. После реорганизации политотделов вернулся в распоряжение ЦК партии и получил назначение в Госплан Каз. ССР в г. Алма-Ата, куда выехал в марте 1935 г.

Последней моей «проверкой» была назначенная следствием специальная экспертиза моей деятельности в Госплане КазССР. Акт этой экспертизы, охватывающей все отрасли деятельности Госплана, которым я руководил, находится в моем судебном деле. Экспертиза никакого вредительства в моей работе в Госплане не нашла.

3. Помимо проверок общих и частных, на которые я ссылался выше, о моей партийной жизни могут сказать товарищи, с которыми я работал в разное время.

В 1926-1929 годах я работал в ВЦСПС инструктором культотдела. Примерно в 1927-1928 гг. я преподавал историю профдвижения на Западе в Высшей Школе Профдвижения. В 1929-1930 гг. я работал в Смоленске. В 1930-1931 гг. был ученым секретарем Института экономических исследований Госплана Союза и одновременно начальником учебного управления Плановой Академии.

Обо мне за весь этот период (1926-1931 гг.) может дать отзыв тов. Панкратова Анна Михайловна, академик, член Президиума Верховного Совета СССР, член ЦК КПСС. Тов. Панкратова работала преподавательницей и завучем Высшей Школы профдвижения. Позднее она консультировала и редактировала мои работы по Институту экономических исследований Госплана Союза (в частности «Очерки по истории планирования нар. хоз. в годы гражданской войны и интервенции»).

В 1931-1932 гг. я работал в Лениградском облплане членом Президиума его, и одно время заместителем председателя Облплана. Зимой 1932 г. Отдел пропаганды Обкома партии (первым секретарем тогда был С.М. Киров) перевел меня на постоянную работу заведующим кафедрой экономики труда в Ленинградский плановый институт. Сергей Миронович Киров знал меня лично. Я работал с ним еще на Каспийско-Кавказском фронте в Астрахани, в 1919 г. и в Баку в 1921 г.

В бытность мою в Семипалатинске в 1934 г. во время убо-

рочной кампании приезжал С.М. Киров. Сергей Миронович очень тепло меня встретил и пожурил, что ему не слышно было в Ленинграде о моей работе в Казахстане. Вспоминали об Астраханском периоде (1919 г.) моей жизни. У меня дома, как реликвия, хранилось личное письмо с его личными просьбами, которые он написал мне в Баку в 1921 г. Это письмо изъяли у меня вместе со всеми моими бумагами, мандатами, характеристиками, которые я подклеивал в одной большой книгожурнале.

О моей партийной деятельности в качестве начальника политотдела МТС в период 1933-1934 гг. и активной борьбы за проведение линии партии в вопросах коллективизации, кроме моих политических донесений в Политуправление Наркомзема Союза, могут дать отзыв бывший начальник Петропавловского областного отдела НКВД БАК и мой бывший помощник в П.О. МТС по партмассовой работе Вишневский. Где они сейчас не знаю, как и не знаю, где сейчас бывший начальник Семипалатинского Обл. Отдела НКВД – Панов, на глазах у которого проходила в 1934 г. моя партийная работа в Семипалатинской области в качестве начальника политсектора Облзу.

О моей партийной деятельности в период моей работы в Госплане КазССР может сказать тов. Маскатов П.Г. (ныне предс. ревизионной комиссии ЦК КПСС). После реорганизации политотделов по решению ЦК Партии я был назначен в марте 1935 года первым заместителем предс. Госплана Казахской Республики, в г. Алма-Ата. Работая в составе краевого партийного и Советского руководства, как чл. Казкрайкома партии и Совнаркома, я получил возможность более детально разобраться в конкретных фактах отклонении от линии ЦК и СНК Союза, которыми по моему убеждению страдало это краевое руководство в своей практической хозяйственной деятельности.

Хорошо изучив состояние сельского хозяйства и бюджета Казахстана, и будучи не согласен с Бюро Казкрайкома и СНК по этим вопросам, я с помощью уполномоченного Комиссии партконтроля тов. П.Г. Маскатова, направил весной 1937 года тов. Сталину докладную записку о состоянии сельского хозяйства в КазССР. Записка эта мною была обсуждена вместе с тов.

Маскатовым, печаталась в секретном отделе Комиссии партийного контроля и была отправлена средствами этой же Комиссии в ЦК партии тов. Сталину. Тов. Молотову я послал докладную записку о состоянии бюджета и о торговле в КазССР. Копии всех этих записок у меня были изъяты во время ареста. В этих записках я разоблачал действительное состояние механизации сельского хозяйства. Я считал (доказывал цифрами и фактами) вредительским организацию ремонтного дела в МТС Казахстана, долженствующим принести многомиллионные убытки государству, писал о незаконном переключении 20 миллионов рублей бюджета со статей народного образования и здравоохранения на благоустройство г. Алма-Ата и т.д.

Активность и прямолинейность мою подтвердят стенограммы моих выступлений на Пленумах Казкрайкома партии, членом которой я был с 1933 по 1937 год.

4. Мои показания на предварительном следствии, уличающие меня в несуществующих преступлениях, я писал под диктовку допрашивающих, под физическим и психическим насилием. Я был арестован на рассвете 16 декабря 1937 года и после домашнего обыска был привезен в кабинет следователя, где меня в течение пяти суток непрерывно допрашивали вплоть до 20 декабря 1937 г. Люди, допрашивавшие меня сменялись, а я сидел. После этого меня отправили во внутреннюю тюрьму. Особой грубостью при допросах отличались н-к 3-го Отделения Кадяев и н-к отдела Гладков.

Мне не давали есть и спать, дергали за уши, в ход были пущены самая грязная брань, шантаж, издевательства, угрозы не только меня покалечить, но арестовать мою жену (демонстрировали ордер на ее арест), отобрать недавно родившегося ребенка. Во время допроса, в начале 1938 г., я слышал в коридоре этажа и в комнате следователя шаги моей жены, которую для чего-то видимо вызывал Кадяев. Я слышал ее голос, спрашивающей «Где кабинет тов. Кадяев?». Потом в кабинет, где меня допрашивали, зашел Кадяев и заявил моему следователю, что он,Кадяев, уходит, свой кабинет запер и, если мой следователь услышит в кабинете шум или крик, чтоб он открыл кабинет и зашел туда. На меня все это произвело сильное впечатление, я боялся, что сейчас будут мучить мою жену. Тем более, что до этого приходил в каби-

нет, где меня допрашивали, следователь другого отделения и рассказывал, как он «пытал одну упрямую бабу», как он говорил «крутил ей груди, а она визжит от боли, но ничего не говорит». В соседних комнатах раздавались крики и стоны истязуемых людей. Кадяев не раз говорил мне, что «сейчас еще со мной допрос ведут по-хорошему. Но, если я буду продолжать упрямиться, то со мной поступят так, как я слышу».

Я был доведен до такого состояния, что дошел до мысли, что если я не дам потребных следователю показании на себя и на других, я просто не доживу до суда: или замучают, или я сойду с ума.

Когда меня в мае 1938 г. привезли для дачи новых показаний в Москву, в НКВД Союза, я при первой же встрече с Цесарским (быв. зам. Ежова) рассказал ему о том, что творится в Казахском НКВД, и устно, и письменно, категорически отверг данные в Казахстане показания, вынужденные там у меня. Во внутренней тюрьме НКВД Союза я пробыл месяца 4, допросов не велось и меня отправили обратно в Казахстан. По моем возвращении Кадяев, возмущенный моим отказом в Москве от показаний, вынужденных у меня в Алма-Ате, так двинул меня столом по левому боку, что повредил мне два ребра. Пришлось обратиться к тюремному врачу, который лечил меня болеуспокаивающими (морфий, люминал и т.д.). При этом Кадяев заявил, что «если я еще раз посмею отрицать свою виновность, он просто убьет меня». И я писал и подписывал клевету на себя и других, то, что требовали следователи.

Поздней осенью или почти зимой 1938 года я подписал по ст. 206 протокол об окончании следствия (рукописный), в котором было записано, что я виновным себя не признаю. Но протокола суда я не подписывал, и для замечаний мне они не были даны. Однако я хорошо помню, что на вопрос председательствующего в Трибунале «признаю ли я себя виновным», я четко ответил: «Нет, не признаю». Тогда же на суде возник вопрос, обращенный ко мне «почему же я подписал такие показания на предварительном следствии?»

5. Все свидетели, показания которых имеются в деле, находились под стражей по своим делам и по своим обвинениям. Я полагаю, что показания их против меня были даны

под таким же нажимом, какой применялся в отношении меня, тем более, что от характера показаний могло зависеть их личная судьба. Если память во времени не изменяет мне, летом 1939 г. незадолго до моего суда, в камеру, в которой я находился, привели по ошибке Андроникова (быв. председ. Госплана КазССР). Андронников просил меня «простить его за данные им на меня показания, но его так мучали и били, что он не выдерживал больше».

Я просил суд вызвать всех свидетелей обвинения в судебное заседание в надежде на то, что в судебном заседании при нормальном допросе они скажут правду. Но свидетелей Трибунал не вызвал, и на судебном заседании ни один свидетель не был допрошен. Трибунал судил меня на основании материалов предварительного следствия, не проверив в судебном заседании свидетельские показания.

Даже вещественные доказательства предварительным следствием были уничтожены.

При аресте у меня были изъяты разные книги. В троцкистских и бухаринских книгах на полях были мои записи, которые характеризовали мое критическое отношение к содержанию этих книг. Трибунал по моей просьбе затребовал эти книги, но они оказались сожженными.

А пометки на полях – это самое искреннее, т.к. делались они только для себя. Литература эта в свое время была мне нужна для критического раздела моей научной работы «Очерки по истории планирования народного хозяйства и т.д.» и для моих выступлений против троцкизма (о партии, о государстве, о союзе рабочего класса и крестьянства и т.д.).

Я прошу о пересмотре моего дела, о реабилитации.

Оснований для обвинения меня в принадлежности к контрреволюционной право-троцкистской организации никаких не было, ибо эти «основания» не вытекали из всей партийной жизни с 1924-1937 гг., как Вы можете убедиться из всего того, что я сообщаю Вам на Ваши вопросы.

Подпись *Баранов*

22/XI-1954 г.

ВОЕННОМУ ПРОКУРОРУ

ГЛАВНОЙ ВОЕННОЙ ПРОКУРАТУРЫ

2/2-48329-39

БАРАНОВА Александра Ильича
/Ленинград, ул. Герцена
д. 36 кв. 6/

Дело № 2/6 – 48329-39 от
4 декабря 1953 г.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Приговором военного трибунала войск НКВД Казахского военного округа я был осужден 20-22 октября 1939 г. по ст. 58^{11} УК и через ст. 17 по ст. 58^{8} УК к 10 годам лишения свободы. В 1948 г. по отбытии срока был освобожден, приехал в Ленинградскую область на постоянное местожительство и 27 декабря 1948 г. был вновь арестован и постановлением Особого Совещания отправлен на поселение в Красноярский край, пос. Долгий Мост, того же района.

Разрешение на выезд из Долгого Моста и паспорт с ограничением я получил 23 сентября 1954 г.

За год до этого в августе 1953 г. я обратился к Министру внутренних дел СССР с просьбой о реабилитации, о полном пересмотре дела, об отмене неправильного приговора военного трибунала войск НКВД Казахского военного округа от 20-22 октября 1939 г.

2 декабря 1953 г. мне было сообщено, что жалоба моя передана на разрешение в Глав. Военную Прокуратуру и проверяется. В бытность мою в Москве 12 ноября 1954 г. я был принят в Гл. Воен. Прокуратуре полковником юстиции прокурором Ивановым. В соответствии с предложением полковника Иванова дополнительно сообщаю:

I. Я родился 4 февраля 1900 г. В партию вступил 17-ти лет – 24 сентября 1917 г.

В период 1921-1923 г.г. я разделял троцкистские взгляды. Вернувшись с фронта после демобилизации из рядов Красной Армии г

Архив ДКНБ РК по г. Алматы
Ф.6. Д.03578. Т.2. лл. 2-10. Подлинник.

БЕРЕМЖАНОВ ГАЗЫМБЕК

Справка *– арестован в декабре 1928 года Полномочным Представителем ОГПУ по Казахстану. Постановлением Коллегии ОГПУ при СНК СССР от 4 апреля 1930 года по ст. 58-4 и 58-11 указа РСФСР был приговорен к расстрелу. В январе 1931 года данное решение было заменено на заключение в концлагере сроком на 10 лет. В 1937 году был арестован вторично и решением тройки УНКВД приговорен к расстрелу. Постановлением Коллегии Верховного суда Казахской ССР от 4 ноября 1988 года реабилитирован.*

АВТОБИОГРАФИЯ
Арестованного Газымбека Беремжанова

Родился в казакской степи. Место первоначальной приписки №1 аул Турсунской волости, бывшего Тургайского уезда и области. Дата рождения – 28 февраля 1896 года по новому стилю. До февральской революции учился Оренбургском Реальном училище, которое и окончил к тому же времени. Тут по окончании, ездил на Юго-Западный фронт в Киев для оказания добровольной помощи мобилизованным на тыловые работы инородцам. До Октябрьской революции, которую пережил в Оренбурге, находился в Оренбурге же, все думал поехать в Москву, куда я был принят по конкурсу аттестат в Петровскую С-Х Академию, но это мне не удалось, так как не было ни денег, ни возможности. Таким образом, в феврале 1918 года, выехал из Оренбурга к себе в степь. Во время гражданской войны прожил в степи до осени 1919 года. За это время частой смены власти воюющими сторонами, участвовал почти во всех сменах. Работников было мало, население бессознательное, так что ставилась толька одна цель: предохранить население от разорения и грабежа. Как известно, эта цель ясна ставилась организацией Алаш-Орды, которая, как слабосильная организация, переходила то на одну, то на другую сторону, с целью самоохранения и добычи оружия и средств. Не занимая официальной должности при Тургайской организации Алаш-Орды, я был использован для

разных командировок с целью установления связи с сочувствующими нам организациями или просто с такими, у которых Алаш-Орде хотелось «оправдыващую цель» путем заполучить оружия и средства. Но этот путь борьбы «со всеми» за самозащиту казаков, не дал результатов и Тургайская организация Алаш-Орды осенью 1919 года разоружилась, а главари поехали в Семипалатинскую губернию. С ними поехал и я, имея в виду подыскать всевозможность продолжения высшего образования в Омске. Но мой брат, который тогда был в Семипалатинске, со своей семьей, оказался настолько в плохом материальном положении, что мне пришлось поступить на службу и помочь ему. До весны 1920 года, прослужил в Семипалатинске, пока брат не был вызван, тогда ему... на работу в Оренбург.

... братом в Оренбург, где я узнал об открытии Средне-Азиатского Университета. Поехал в Ташкент и поступил в Университет, где мне, фактически, не удалось учиться, так как меня мобилизовали на работу, как сотрудника в редакцию газеты «Ак-Жол».

Это был конец 1920 года и начало 1921 года. Там я проработал до Октября 1922 года. Одновременно пришлось работать в Помголе. К этому времени, по инициативе какой-то узбекской организации, был выдвинут вопрос о командировке студентов в заграницу в Германию. Изведенный всякими мобилизациями на работу (были попытки использовать меня на трех работах), разочарованный этими безрезультатными методами, я ухватился за возможность командировки в Германию. Тем более разразившаяся катастрофа голода, давшая особенно четкую картину неустойчивости казакского хозяйства, дала сильный перелом во всем моем существе. Окончательно разочаровался в голых лозунгах и непоколебимо убедился в необходимости получения специального образования. Таким образом, я поехал, по командировке ТурЦИКа в Германию, куда я приехал 10-го ноября 1922 года. Летом 1923 года поступил в берлинский Сельско-хозяйственный ВУЗ. В марте 1928 года, вернулся обратно, окончив упомянутый ВУЗ. Приобретя знания, расширив кругозор и повидав разные ступени культуры, сейчас преисполнен лишь одним желанием работать по специальности. Был бы весьма удо-

влетворен, если я сумел в дальнейшем принести своим знанием посильную мне пользу КазССР, на деньги которой я проучился.

Архив ДКНБ РК по г. Алматы
Ф. 6. Д 011494. Т. 1 Л. 150-151

Газымбек Беремжанов

СТЕНОГРАММА ДОПРОСА
Газымбек Курбанбекович Беремжанов

От «8» января 1929 года.

Газымбек Курбанбекович Беремжанов, родился в 1896 году, казак, местожительство – Кзыл-Орда, ул. Карла Маркса, место приписки Тургайский район Кустанайского округа, Турсунская волость аул №1, беспартийный, в партии никогда не состоял, быв. Скотовод, до февральской революции учился, до октябрьской революции был в Оренбурге.

Мне очень хотелось поехать учиться в Москву, но это не удалось. Ездили на юго-западный фронт, по оказанию помощи мобилизованным казакам на тыловые работы. Никакой должности при правительстве Алаш-Орды не занимал. В настоящее время – инструктор Маслотдела при Казгосторге.

Образование высшее, женат, детей не имею, средства к существованию – исключительно жалование, недвижимого имущества не имею, под судом и следствием не состоял, репрессиям не подвергался, в Красной армии не служил в белой тоже, воинской повинности не подлежал.

Из Оренбурга после Октябрьской революции в феврале 18 года я выехал в Тургай. В Оренбурге в это время были Джангильдин и Тунганчин. Они предложили мне быть Зам. Народного Комиссара Тургайского уезда. Это было в 1918 году.

Затем я поехал в организуемый Правительством Алаш-Орды отряд. У них был Военный совет. В Тургае я был, кажется, Уездным Судьей.

Во время моего пребывания там, у меня были две важ-

ные командировки. В это время политика правительства этого была такова – сохранить степь от грабежа, поэтому приходилось бороться и с красными отрядами и с казаками. Были такие моменты, когда некуда было деваться, сил не было, тогда признавали власть ту, которая в то время устанавливалась.

Когда я попал в Тургай, там был Областной и Уездный отделы. Семипалатинск должен был быть центром Алашордынского правительства, но тактически все отделы работали самостоятельно. Был в Уральске Западный Отряд в Тургае Областной.

Я в то время руководящим работником не был, поэтому во все дела очень не вникал.

Я помню, был отряд Жиляева, который разбил Алашординский. Еще раньше был отряд Тарана, который был обезоружен, отобраны все лошади, производили, кажется, расстрелы и его куда то погнали, но довели ли до места или по пути расстреляли, я этого не знаю, такое при разоружении или возможных расстрелах лично не присутствовал.

Председателем Военного Совета был Испулов, Байтурсынов и Дулатов наверное были членами, а вот бывшие в это время там Кенжин, Кадырбаев, Каратлеуов были ли они членами совета, не помню.

Я ездил в первый раз по сбору джигитов в аулы, затем по вопросу снабжения, затем исполнял при совете текущую работу, которая выражалась в командировках и т.д.

Для связей с Колчаком, для переговоров с ним командированы от правительства Алаш-орды я и Кенжин.

Перед этим мы вели переговоры с Советской властью, в это время был Джангильдин, постановили командировать меня, Байтурсынова, Каратлеуова. Я почему то не поехал, кажется, был болен. Также не поехал Каратлеуов. В это время напал на нас казачьи отряд Могилева, и мы не могли и пикнуть.

В это время Валидов хотел тоже примкнуть к Советской власти, и поэтому вел переговоры.

Когда мы уже согласовали вопрос с местной властью / Джангильдин даже в это время вел, как я слышал, переговоры по телеграфу/ напал на нас отряд Могилева, который настоял на том, чтобы мы официально послали к Колчаку своего делегата. У нас в это время была тактика-усилить свою орга-

низацию, достать, где можно, больше оружия и средств. Нас командировали для того, чтобы заявить о признании их власти и получения средств. Когда мы туда приехали, так думали, что нас арестуют, Кенжин даже был один раз арестован и освобожден, меня же не успели арестовать.

Цель нашего приезда к Колчаку была-получить денег и оружия. Формально мы как будто бы хотели засвидетельствовать свое признание, но на самом деле нам нужны были средства и оружие. Помню, никаких результатов от этого не получили.

Помню, я говорил с Министром финансов – Петровым, которого просили денежной помощи, ругался с ним, затем разговаривал с Представителем Совета Министров Вологодским и жаловался на Петрова. Раньше, до поездки в Омск, Алаш-Орда имела связь с Дутовым, у которого взяли оружие и офицеров, но получился разрыв, мы арестовали их офицеров, а они-наших джигитов. У нас служил Завхозом один офицер, которого мы встретили при своей поездке в Омске, и он на нас донес. Нам ни оружия, ни средств не удалось получить.

Нас с Кенжиным командировали при удостоверении. Когда я ездил в командировку. Совета уже не было, а были в это время казаки.

У нас было поползновение получить от Валидова оружие и опытных офицеров, но не помню чтобы он что-либо нам дал.

О том, существовала связь с Башкирией, до приезда в Тургай я не знал, но думаю, что связь у них существовала.

К Валидову меня командировали для установления связи. Со мной поехал Мусса Сейдалин. Это было в начале 1919 года с Валидовым я знаком не был, но близко его видел в Оренбурге во время февральской революции. В то время я там учился. Там созывался Казакский съезд, на котором присутствовал Валидов с Букейхановым.

Когда меня командировали к Валидову, в это время Валидов был силен, опытен и мы смотрели на него, как на получение о него помощи. В это время у него были натянутые отношения с Дутовым. Валидов послал разведку из двух человек к Советской Власти, фамилии которых я не знаю.

Я хорошо помню его слова: «Ты воюешь, а когда красные побеждают, сочувствуешь им и радуешься, что казаков

бьют». Он нам говорил, что решил перейти на сторону Советской Власти, и мы заодно решили перейти и послать в Москву представителя для переговоров. Уехал Байтурсынов, а мне с Каратлеуовым уехать как-то не удалось. В это время со стороны Кустаная налетел казачий отряд Могилева. Затем я получил командировку в Омск. Сколько времени казаки были в Тургае, не знаю, но вообше они отступили осенью, но не знаю по какому направлению отступал Дутов, мы от них отстали и поехали в Семипалатинск. Там был Букейханов, который в это время жил в степи. В Семипалатинск поехали: я, Дулатов, Кадырбаев, Токтабаев Карим, Испулов, Сейдалин.

Таким образом, мы направились в Семипалатинск, где встретились с Букейхановым. С ним скрывался Козбагаров.

Дальнейших планов их я не знаю. От Букейханова я сразу отправился в Семипалатинск. При Губревкоме был инородческий Отдел, куда я поступил делопроизводителем. В то время в Семипалатинске из представителей Алаш-орды были: Ермеков, Габбасов и Аймаутов. Из наших сюда приехали; Кадырбаев, Сейдалин, Токтабаев.

Работал я делопроизводителем до лета, но официальных собрании не было. Я прослужил там с декабря до лета, затем поехал в Оренбург в командировку. Из КазЦИК-а была получена телеграмма с приглашением на работу брата, который тогда жил в Семипалатинске и вот я поехал туда с семьей брата. Это было летом 20 года. В Оренбурге я не работал, пробыл там дня 2-3 и поехал оттуда в Ташкент для поступления в Университет. Меня мобилизовали для работы в редакции, и я фактически стал работать там, учебу забросил, был одно время преподавателем в одной из школ. Редакция газет «Акжол», редактором был Ходжанов, Кулетов. Дулатов в это время был в Ташкенте, служил Секретарем в этой редакции, я не был сотрудником. Я работал там до конца 22 года. Поездка в Бухару была в период моей службы. Дулатов должен был знать о моей поездке в Бухару, если он тоже был в Ташкенте.

О том, что в Ташкент приезжали Болганбаев и Адилев, я знал, и с ними встречался и разговаривал, о чем говорил, не знаю и не помню. Когда они приехали в Ташкент, я там в это время был.

Из Казакстана приехал Кобзев с плакатами по помгольской

работе. Нам Казакское представительсво предложило поехать в Бухару. В это время в Казпредставительстве был Байменев, Киселев был заместителем.

О существовании организации, которая хотела установить связь с Валидовым, с не слышал ничего.

В Бухаре я пробыл неделю-две. По возвращении из Бухары я не помню, чтобы встречался с Болганбаевым и Адилевым.

По своем возвращении из Бухары, я опять работал в Редакции и одновременно в Помголе, где пробыл до 22 года. Был также в Наркомпресе членом Коллегии, там пробыл также недели 2.

Затем стали поднимать вопрос относительно командирования заграницу студентов. Раньше этот вопрос подняла организация узбекских студентов. Я узнал о посылке тогда, когда уже был решен вопрос. Было решено, что кроме узбеков поедут и казаки. Было командировано 4 человека: Я, Битлеуов, Мунайтпасов и Казбеков. С Битлеуовым я встречался в Ташкенте, он был в Казакском Институте, где мы с ним и встречались. Желающих не было и, таким образом, мы в 1922 году отправились заграницу.

По приезде туда мы занялись изучением языка, время приема прошло, начали подготавливаться. В следующий прием я был принят и поступил в Сельхозинститут. Там в это время была Бухарская культкомиссия. Раньше, еще до нас, туда были командированы из Бухары 60 человек, что послужило толчком для нашей посылки. Мы были командированы Туркреспубликой.

Когда я был в Бухаре, с Валидовым не встречался, хотя слышал, что он там. Встречался я там с Файзуллой Ходжаевым, с Арифовым. У Файзуллы Ходжаева я просил хлеба и мы говорили с ним только о хлебе. О положении Киррреспублики и Туркреспублики ничего не говорили. У Арифрва я просил помщи.

В Берлине встречался с Чокаевым и Валидовым. В Берлин приезжал Чокаев. Я его распрашивал о его жизни, раньше я его видел, но знаком не был. На мой взгляд – это типичный эмигрант, вероятно, имеющий с белогвардейщиной связь. Он говорил, что работает в газете,жаловался на пло-

хое житье распрашивал о положении в СССР, ругал Советскую власть. Затем во второй раз я его видел при его приезде с женой на курорт, в это время я уезжал на практику. Постоянно же он жил в Париже. Разговора между нами об организации эмигрантов не было, но что эта организация есть и существует, всем известно.

После приезда Чокаева, приехал Валидов, отыскал нас, я с ним был знаком и встречался. Мы встречались с ним в городской библиотеке. Он одобрял многие мероприятия Советской Власти и не был антисоветски так настроен, как Чокаев, но тем не менее боролся против Советской Власти. Он рассказывал относительно Энвер-Паши, о том, что пытался создать Средне-Азиатскую организацию для того, чтобы объединить все народности, о том, что он бежал. О том, каким путем он дошел до эмиграции, он мне не говорил. После, из Берлина он уехал в Константинополь. Меня в это время в Берлине не было, я был на практике. Узнал я это от других студентов и из газет. Эмигрантские газеты продавались свободно и мы их читали. Больше я с ним не встречался.

В Берлине был Союз студентов советских, состоящий из 300 человек-членов этого союза, во главе него стоял Перевозчиков и когда я уезжал, Вайсман, Чокаев и Валидов связи с этим союзом не имели.

Перед своим отъездом ни с Чокаевым, ни с Валидовым я не встречался. Из Берлина я выехал 5 марта, 7-го марта был в Москве, где пробыл до 12-го марта. Был в Полпредстве, встречал Токтабаева, он пригласил меня сюда на работу. Приехали в Наркомзем, но место было занято и поступил в Казгосторг. Здесь были знакомые Байтурсынов и Дулатов.

В Москве я встречался еще с Рыскуловым, Асфендияровым, Кенжиным, Мунайтпасовым.

Работал я в Казгосторге, раза два был в командировке, затем меня командировали на курсы казиновые в Вологду, куда приехал 4-го декабря и 30-го декабря меня арестовали.

Беремжанов

Архив ДКНБ РК по г. Алматы
Ф. 6. Д. 011494. Т. 1 Л. 142-147.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
Беремжанова

24/1-1929 года

Родился я в 1896 году, в 1917 году окончил Реальное училище, затем уехал в Киев на Западный фронт для оказания помощи тыловым рабочим. Вернулся осенью и хотел поступить в ВУЗ, но это мне не удалось. Затем жил в Оренбурге, где хлопотал себе стипендию, что сделать тоже не удалось. Это было зимой в 1917-18г.г. В феврале месяце я поехал в степь в Тургай. В это время у меня никакого определенного мировоозрения не было, я собирался учиться был мало развит, и до сих пор считаю себя политический еще недостаточно развитым. Поездку свою на фронт я считал общественым долгом. Я знал что казаки не владеют русским языком, могло быть с ними плохое обращение, я же из числа тех не многочисленных казаков, владеющих русским языком, поэтому считал своим долгом помогать им. Это относится к периоду, когда я окончил реальное училище. Окончил я его в апреле месяце 1917 года. В это время казаков посылали на фронт, писалось в газетах о мобилизации казаков, многие поехали туда добровольно, и вот в числе их был я. Это я сделал потому, что считал своим долгом. Затем к осени все с фронта вернулись, и я был принят в Сельско-хозяйственную Академию. Средств у меня не было. Стипендию мне не удалось выхлопотать и я остался в Оренбурге. Зиму я прожил в Оренбурге, затем в феврале 1918 года поехал в в степь в Тургай. Жил я у своих родителей. В это время я получил предложение, за подписью Тунганчина и Джангильдина. Когда я приехал, какая власть в Тургае была не знаю. Уездным комиссаром в то время там был Каралдин. Предложение я принял, и стал работать с Каралдиным, был его помощником. В Тургае в то время власти никакой не было. Было разделение родов, одни поддерживали Советскую влась, другие шли против. Я лично старался, чтобы родовой вражды не было. Это было летом 1918 года. Затем я присоединился к отряду Алаш-орды, который шел со стороны Оренбурга. Во главе этого отряда стоял Военный совет-Испулов. Также были там-Байтурсынов, Дулатов, Кензин и Каратлеуов.

В Алаш-орде был в то время лозунг «сохранить степь от разгрома», мы присоединились к этому лозунгу, чтобы сохранить степь от последствий гражданской войны. О террористических актов в отношении кого-нибудь со стороны Алаш-орды я лично не знал. Полагаю что они имели место. Я думаю, что раз были войска, были столкновения эти акты должны были быть. Я же лично никого не убивал. В то время я идеологом не был. Я знаю случаи об отрядах Жиляева и Тарана. Отряд сдался без боя. Свидетелем этого случая я не был, но слышал, что после его разоружения досталось много оружия, амуниции лошадей и прочее. В то время меня в Тургае не было, я был в ауле. Определенной должности я не занимал. Затем я также слышал, что был бой с отрядом Жиляева, меня там тоже не было. Первое поручение полученное мною от военного совета было вербовка добровольцев. Затем я был мировым судьей в Тургайском уезде, правда недолго, около месяца и никого не судил. Вскоре после указанных двух столкновений прибыл отряд Могилева. Должен сказать, что, Тарана и Жиляева мы считали проста бандитами. Они называли себя красными, грабили по дороге казаков, отбирали у них лошадей, а у нас в то время был лозунг «сохранять степь». Еще до прибытия отряда Могилева, Алаш-орда перешла официально на сторону Советской власти. В это время велись переговоры с Джангильдиным. Мы решили командировать Байтурсынова в Москву, когда он поехал, в это время и прибыл казачий полк, тут некуда было нам деваться. Сам Могилев настоял на том, чтобы мы официально признали казачью власть и командировали своего представителя в Омск. Колчаковская власть считала нас красными, потому-что до этого получился разрыв с казачьим офицерством, которое служило в алаш-ордынском отряде и в то же время сносилась с Дутовым, и писало доносы на наши действия. Для связи с Колчаком был отправлен я и Кенжин. Почему мне поручили такое ответственное дело я не знаю. Очевидно, потому что я старался выполнять поручения Алаш-орды хорошо. Это было в 1919 году к лету. Еще ранее в 1918 или в начале 1919 года зимой, я ездил к Валидову. Это было до официального перехода Алаш-орды на сторону Советской власти и до командировки Байтурсынова в Москву для установления связи. Я поехал к Валидову с просьбой оказать материальную поддержку алаш-ордынско-

му правительству и дать для него опытных офицеров. Мы знали, что отношения у нас с казаками портятся и бывшие у нас офицеры и генералы помимо нашего совета сносятся с Дутовым, и доносят на нас. Была ли раньше живая связь с правительством Валидова, я не знаю. Организация отряда началась еще в Оренбурге, потом постепенно начали двигаться в Орск. Я присоединился к нему за Орском по пути к Тургаю. Какая у них связь была, через кого, я не знал. Однако, думаю, что связь была, потому что когда Военный Совет алаш-орды был в Оренбурге, Валидов был, очевидно, там-же. При своем свидании, я Валидову говорил относительно своего поручения и о том, что отношения наши с казаками натянуты. Он фактически никакой помощи нам не оказал, а сказал, что нужно перейти на сторону Соввласти, что у него отношение с казачеством тоже портится. И вот с его мнением я приехал обратно. После этого было официально решено перейти на сторону Советской власти. В то время, когда я ездил к Колчаку, Байтурсынов был уже в Москве и вел переговоры с Соввластью о нашем переходе. В Тургае мы продержались до осени. Затем Военный совет решил разоружиться, джигитов распустили, а главари поехали в Семипалатинск. Из поехавших я помню: Дулатова, Сейфуллина, Тохтыбаева и Кадырбаева. Я поехал в Семипалатинск, потому что у меня там был брат. В Семипалатинской губернии я встретил Букейханова, с ним был Казбагаров. По приезде своем в Семипалатинск, устроился в Инородческом бюро при Губревкоме делопроизводителем. Это было в начале 1920 года. Проработал там зиму, а к лету вернулся обратно вместе с братом. Брат вызывался КирЦИК-ом. Потом приехал в Оренбург, откуда выехал в Ташкент. Это было осенью в 1920 году. Как раз в это время происходил прием в ВУЗ, я же поехал учится. Там я работал учителем в какой-то школе, после этого меня взяли сотрудником в газету. Дулатов в это время был в Ташкенте. С ним я был еще раньше знаком по Оренбургу. Работы в газете оказалось так много, что я бросил свою учебу. В это время я жил вместе с Дулатовым. С Дулатовым я стал жить, как только меня взяли сотрудничать в газету, до этого я жил-не то в школе, не то в институте, не знаю где. В 1922 году летом я уехал заграницу. Летом – же 21 г., еще до отъезда из Ташкента я ездил в Бухару, это было после отъезда Дулатова

в Семипалатинск. Заграницей я встречался с Валидовым несколько раз. Связь у меня с ним была просто как с земляком и знакомым. Посылал письмо Битлеуову в связи с приездом в Берлин Валидова, не помню. Валидов жил недалеко от нас. Во время отъезда Битлеуова из Берлина в Россию, я был в Берлине, кажется там-же был и Валидов. Никакого письма или словесного поручения Битлеуова при мне Валидов не давал и не делал. Из Кзыл-Орды я ездил в Кармакчи к Битлеуову один раз. Живя заграницей, я никакой газеты не выписывал, в частности «Ени-Туркестан» я не получал. В Венгрию я не ездил. Собирался поехать но не получил визы. Битлеуову из-за границы я писал несколько писем. На вопрос, что за общество «Кумек», могу сказать-это узбекская организация была в Ташкенте, которая была инициатором посылки студентов заграницу. Я об этой организации ничего не знал. Из студенческих организаций я знаю культурную комиссию, которая выдавала стипендии. Там были бухарцы, мы же были отдельно. Затем, эта комиссия ликвидировалась. Я был казак один, и поэтому вошел в союз «туркестанских студентов», при союзе советских студентов в Германии существовала татарская и узбекская секция. Ни о какой организации «Независимый Туркестан» за границей я не знал.

По возвращении из заграницы никаких писем от Валидова я не получал вообще, с ним в переписке не находился.

На вопрос, знаком ли я с приезжавшим в Кзыл-Орду немецким профессором , могу сказать, что это Кляйн. Его я видел в Наркомпросе, где и узнал о нем. Но через общество по изучению Казакстана, он пожелал меня видеть, о чем мне передал секретарь общества. Зная что я знаю немецкий язык. Я был у него, ему нужен был человек знающий Казакстан. На его предложение поехать с ним я отказался.

Газымбек Беремжанов.

Допросил: Начальник Востотдела (*Петров*)

Архив ДКНБ РК по г. Алматы
Ф. 6. Д. 011494. Т. 1 Л. 206-209.

БОЛГАНБАЕВ ХАЙРЕТДИН АБДРАХМАНОВИЧ

Справка: *– арестован в декабре 1928 года Полномочным Представителем ОГПУ по Казахстану. Постановлением Коллегии ОГПУ при Совете Народных Комиссаров СССР от 4 апреля 1930 года по ст. 58–11 УК РСФСР был приговорен к 6 годам заключения. В 1937 году арестован вторично и решением тройки УНКВД приговорен к расстрелу.*

Постановлением Коллегии Верховного Суда Казахской СССР от 4 ноября 1988 года реабилитирован.

СТЕНОГРАММА ПРОТОКОЛА ДОПРОСА
Болганбаева Хайретдина Абдрахмановича

«12» января 1929 года.

Родился я в 1894 году в бывший Акмолинский губернии, Акмолинском уезде, Нуринский волости, тогдашнего № аула своего незнаю. Родители мои были бедные. С 7-ми или 8-ми лет начал учиться в Мусульманской школе, 11-ти лет умерла моя мать, до 15 лет я жил на иждивении своего отца, который в то время имел 2-3 коровы и одну лошадь. Нас было 2 брата и сестра, из которых самый старший был я.

Затем в 1909 году, по совету одного муллы, я поехал учиться в Петропавловск, где поступил в татарское медресе и проучился 2 зимы. Там я учился читать по арабски, по татарски, а летом работал у баев.

В 1911 году летом вернулся в свой аул, и нанялся у одного бая обучать его единственного сына мусульманской грамоте.

Затем в 1912 году поехал в Оренбург, где поступил в медресе Хусаиновых. Средств у меня никаких не было, и меня приняли там на вакуфную стипендию. Проучился я там зиму,

потом, по окончании учебных занятий, в мае м-е поехал в г.Туркестан, где нанялся обучать детей одного купца. В конце августа, я на несколько дней съездил в Ташкент, затем к началу сентября приехал обратно в г.Оренбург, и продолжал свое учение в медресе. Весной выехал в аул обучать детей. Аул этот был первой Буртинской волости, Актюбинского уезда Тургайской области, где прожил до осени. Затем осенью приехал обратно в Оренбург и продолжал свое учение.

Весной по окончании учебного года, я приехал в г.Туркестан, где провел время до осени, ничего не делая и живя у гражданина Утегенова Садыка. Осенью вернулся опять в Оренбург. В этом году учение в медресе прекратилось, потому что помещение его было отобрано Правительством под военный лазарет.

До второго года обучения моего в медресе в Оренбурге, у меня были панисламистские настроения. Затем наступил известный перелом, которому способствовали татарская литература и воспитание в медресе.

Когда закрылось медресе я поехал в Акмолинскую губернию в Атбасарский уезд. В это время в газете «Казак» появилось объявление,что требуется учитель и жалование назначено за 5 м-цев 200 рублей, и вот по этому объявлению я выехал из Оренбурга, приехал в Атбасарский уезд, где у одного волостного управителя Матенова прожил 5 м-цев до мая 1916 года, занимаясь с детьми. Таким образом, зиму 15 и 16 года я пробыл в Атбасарском уезде в Кентубекской волости в 200 верстах от г.Атбасара. в мае м-це я опять приехал в г.Оренбург, откуда выехал на ст.Чиили и остановился у казака Конратбаева Холджана, в качестве домашнего учителя, обучая его братьев и детей его аула. Там жил до осени. Знаменитый приказ царского правительства о реквизиции инородческого населения на тыловую работу застал меня....

Затем, кажется, в октябре м-це 1916 года я приехал опять в Оренбург, видели по дороге, как перепугались казаки от реквизиции, проезжал я через Перовск и встречался с делегатами, ехавшими в Петербург с жалобами. Оставаться в Оренбурге мне нельзя было, т.к. мой возраст подходил к реквизиции. На родину вернуться тоже нельзя было, поэтому я выехал в г.Москву, посоветовавшись с Байтурсыновым и Дулатовым, тогдашними казакскими работниками в г.Оренбурге.

Они мне советовали поехать в Москву и поступить в Земгор, т.к. тогда стало известно, что реквизированные казаки будут находиться в ведении этой организации.

С Дулатовым и Байтурсыновым я познакомился в 1913 году, во время моего пребывания в медресе в г.Оренбурге, когда они занимались выпуском газеты «Казак». До 16 года, каждый год, когда я приезжал в Оренбург, я с ними встречался, т.к. считал их вождями казакского народа. Газета «Казак» была чисто национальной казакской газетой. В Москву я приехал с чужим паспортом, т.к. своего у меня не было. Одно время у меня был годичный паспорт, который я просрочил, несколько раз писал домой, чтобы мне выхлопотали его, но мне так и не прислали его.

По рекомендации редакции газеты «Казак», я поступил в Земгор, со мной поступили еще несколько человек из казакской интеллигентной молодежи. Эту рекомендацию, кажется, подписывал или Байтурсынов, или Дулатов. До этого в Москву для переговоров с руководителями Земгора и Петербург ездил Букейханов, на счет вербовки казакских работников, и у них было условие принимать работников только по рекомендации этой газеты.

Западный комитет Земгора, который меня послал в одну из рабочих партий, находяшуюся на ст. Ганцавич. Здесь казаки занимались рубкой леса, постройкой блиндажей, проволочных заграждений и т.д. там была 9-я Инженерно-строительная дружина, в ведении которой было несколько тысяч казаков. Я находился там недолго, т.к., в виду ревизии в учреждениях Земгора, от меня потребовали паспорт, узнав, что я беспартийный, велели ехать в Москву. Это было в декабре 1916 года. В Москве мне не удалось достать паспорт, и посоветовали ехать к себе на родину. Я выехал из Москвы в Омск, где прожил около 20 дней, и достал себе годовой паспорт, с которым я опять приехал в Москву. Московский комитет снова послал меня на старое место и, таким образом, я опять стал работать в 9-й Инженерно-строительной дружине. В это время произошла февральская революция. Если я не ошибаюсь, я попал в Минск в мае м-це, где организовался в это время, при Западном комитете Земгора, инородческий отдел, заведующим которого был Кенжин. До моего приез-

да Заведующим был Букейханов, но его в это время не было, он выезжал в Петроград. Инородческий отдел командировал меня в казакские рабочие партии для их отправки на родину. Здесь я впервые познакомился с Кенжиным. Временное правительство издало приказ об освобождении инородцев, мобилизованных на тыловые работы. Помню, мне было дано поручение собрать сведения об этих партиях. Точно такое же поручение, кроме меня, давалось Тюрякулову, Галимджанову Файзулле, Омарову Ильдесу, Испулову и другим. В мае м-це я сопровождал казакских рабочих, возвращающихся на родину и проводил их до г.Уральске, где пробыл дня два, а затем вернулся опять в Минск. Инородческий отдел был ликвидирован, и нас казакских работников освободили. Мы решили с Галиджановым съездить в Петроград, с целью – посмотреть на город. Пробыли там около недели, а затем, через Москву, вернулись в Оренбург. Перед моим приездом в Оренбург состоялся первый Всеказакский съезд, на котором я не был. Впоследствие я узнал, что организатором этого съезда был Букейханов, Областной комиссар Тургайской области. Кроме того, организатором также была редакция газеты «Казак». Все это было в 17 году в июне или июле месяце. Пробыв несколько дней, я выехал в Ташкент, где поступил в редакцию газеты «Брлик-Туы». Эта газета издавалась после февральской революции на собранные пожертвования от отдельных казаков. Редактором был Ходжанов, со стороны же принимали участие Токтабаев Иса, Кумышали Бориев и еще некоторые ученики. Газета эта была национально-демократической, в то время партии «Алаш» мы имели связь вообще с редакцией газеты «Казак», в частности с Байтурсыновым. Наша газета просуществовала до лета или весны 18 года, в точности не помню, мне кажется, что в мае м-це эта газета прекратила свое существование. В Ташкенте проживал Мустафа Чокаев, бывший комиссар Временного Правительства. В ноябре м-це 1917 года в Коканде открылся Всетуркестанский съезд, на который ездили я и Ходжанов, хотя и не были приглашены. Организаторами этого съезда были Губайдулла Ходжаев, Мустафа Чокаев и другие мусульманские деятели, бывшие в то время в организации «Шурай-Исламия», в переводе – мусульманский совет. Туда приехали из казакской

интеллигенции Тнышпаев, Акаев, Мустафа Чокаев и др. Они хотели провозгласить автономную Туркестанскую республику, с включением туда казакского населения Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей. Я в то время был против присоединения этих областей к Туркестанской автономии, я хотел, чтобы все казакское население объединилось вместе и организовало свою самостоятельную республику. Мне же доказывали обратное, что все равно Казакской республики не может быть. Это мне говорил Мустафа, Акаев, Тнышпаев и Уразаев.

На этом съезде Председателем совета Министров был выбран Тнышпаев, Министром иностранных дел – Чокаев, каким-то министром был выбран Уразаев. Это было в конце 17 года.

Затем, после этого съезда, я приехал в Ташкент и, узнав о созыве Всеказакского съезда в Оренбурге, я поехал туда. Съезд был этот чисто национально-казакский. Приехал я в Оренбург в одном поезде с Чокаевым, который ехал из Коканда. Мы приехали на 3-й или 4-й день съезда. Чокаев делал доклад о происходившем съезде в Коканде об образовании правительсва. Я выступал на этом съезде и говорил, что представителей казакского населения на Кокандском съезде не было. «А почему не было» - спрашивал Чокаев – «потому, что нас никто не избирал, если ты и поехал, то ты поехал от организации «Шураи-Исламия»»–я ему говорил. Меня поддерживал Букейханов. С этих пор, я с Чокаевым стал в плохих отношениях. На этом съезде произошла, среди казакской интеллигенции, группировка. Одна часть стояла за немедленное объявление казакской автономной республики, а вторая часть за другой точке зрения. За первую точку зрения стояли, главным образом, Досмухамедов Даньша, Халиль, Танашев, Кулманов, вообще представители Малой Орды. В ******** автономной республике.

Вторая часть – Семипалатинская и Акмолинская группа возглавлялась Букейхановым, Ермековым, Габбасовым, Байтурсыновым, Дулатовым. Габбасов на этом съезде был. Они хотели обождать учредительного собрания, и не провозглашать автономной Казакской Республики. Я в то время примыкал к группе Букейханова.

После этого съезда, я поехал в г.Туркестан на Сыр-Дарьинский областной съезд. Это было в декабре 17 года. Кто созывал этот съезд, сейчас не помню. Там обсуждался вопрос, главным образом, о том, какой автономной единице присоединить Сыр-Дарьинскую область. От Кокандского Правительства на этот съезд приехал Ходжиков и еще один какой-то узбек. Ходжиков выступил за присоединение Сыр-Дарьинской области к Туркреспублике.

Из Оренбурга от алашинского правительства приехали: Дулатов, Кулманов и сын Абая, и выступали за присоединение этой области к Казакской республике.

Да, я забыл, на 2-м съезде победила Уральская группа, Семипалатинцы согласились на немедленное объявление Казакской автономной республики, и было избрано Алаш-Ордынское правительство. Это было единое правительство для всего Казакстана. Дулатов и Кулманов были представителями Алаш-Ординского правительства на Туркестанском съезде. Из Туркестанцев, помню, Ходжанов был за присоединение к «Алаш-Орде». Чокаев на Сыр-Дарьинском съезде не был, Тнышпаев также не был. На этом съезде я вообще не выступал. Фактически было вынесено постановление, о присоединении Сыр-Дарьинской области к Казакской автономной республике. Ходжиков, Чокаев, Акаев и Тнышпаев не любили меня и считали за алашинца, сами же они стояли за Туркестанскую республику.

После окончания съезда я вернулся в Ташкент и находился в редакции газеты «Брлик-Туы» до ее закрытия. После съезда, в Ташкент также приезжали Кулманов и сын Абая. Пробыв там некоторое время, осмотрев город, они оттуда уехали. Я в то время, по своему убеждению, был близок к Алаш-Орде и меня считали алашинцем. Ходжанов тоже стоял за присоединение Сыр-Дарьинской и Семиреченской областей к Казакской республике. Он в то время был беспартийный.

Вернувшись в Ташкент, я снова работал в газете, в это время связи с алашинцами не было, т.к. Оренбург был занят Красной Армией, и Байтурсынов с Омаровым и Букейхановым уехали оттуда. Впоследствии я узнал, что они уехали в Семипалатинскую губернию и, таким образом, связь с алашинцами у нас прекратилась. Когда шел спор между Коканд-

ским и Алашинским правительством, наша газета выступала за Алаш-Орду, поэтому многие Туркестанцы были недовольны нашей газетой. Насколько я помню, газета просуществовала до мая 1918 года. До осени 18 года я был безработным, хотел ехать на родину, дорога в это время закрылась, т.к. был фронт, никакой связи с алаш-ордой мы не имели, т.к. там было колчаковское правительство, поэтому, когда осенью в г.Ташкенте, открылись педагогические казакские курсы, я поступил на них в качестве преподавателя. Таким же преподавателем поступил и Ходжанов. Пробыв я на этих курсах зиму 18-19 года и когда, весной, открылись еще курсы, то я опять на них поступил преподавателем.

Летом 1919 года в Ташкент приехал Адилев, с которым я был знаком еще в бытность мою в Омске, где он учился в гимназии. Это было еще в 1916 году. Адилев остановился у меня. Он приехал из Сибири, бежав от Колчака. Насколько я понимал, он в то время, по убеждению, был националистом. Ходжанов жил отдельно.

В декабре месяце того же 1919 года из Ташкента я поехал в Актюбинск, где была созвана всеказакская конференция по инициативе Кирревкома. Приехал я, Ходжанов и другие представители от Туркестана. На эту конференцию мы были командированы от какой-то Туркестанской организации. На этой конференции председателем был Пестковский, были Айтиев, Мурзагалиев.

Затем я поехал опять в Оренбург и поступил на службу в редакцию газеты «Ушкун». Мендешев в это время был в Наркомпросе. Из Ташкента я уехал с намерением уехать на родину, но остался до весны в Оренбурге. Весной, в марте м-це я заболел тифом и пролежал в больнице $1\ ^1/_2$ м-ца. По выздоровлении, в июне месяце поехал в Акмолинскую губернию с комиссией Кирревкома по присоединению Семипалатинской и Акмолинской областей к Киргизскому краю. Во главе этой комиссии был Джангельдин, Авдеев, Сарсенов. Я с этой комиссией доехал до Омска, а затем уехал в Акмолинск. Комиссия эта разделилась, если память мне не изменяет Джангильдин поехал в Москву, а Авдеев с Сарсеновым – в Семипалатинск. Таким образом, я попал в Акмолинск. Пробыв в своем ауле $1\ ^1/_2$ месяца, я обратно поехал в Оренбург, где

поступил на службу в качестве преподавателя на открывших курсах, в частности на курсах при Политуправлении Военкомата, где в это время служил Кенжин. Это было осенью 20 года. До моего приезда в Оренбург там состоялся 1-й Всеказакский съезд. Из алашинцев в то время в Оренбурге были: Букейханов, Байтурсынов, Сарсенов Биахмет, Омаров Ильдес, все они служили, но какие занимали должности, не помню. Когда я был в Оренберге, я был в хороших отношениях с алашинцами. В то время я относился к советской власти недоброжелательно и, как я понимал, все алашинцы также относились недоброжелательно. Правда, были среди них разные. На советской ориентации, мне хорошо помнится, был Байтурсынов, он в то время был коммунистом и комиссаром. Я был недоволен советской властью, потому что не верил в строительство социализма, не верил в долговечность этой власти и смотрел на нее, как на переходящее временное явление, коммунизма на территории России я себе не представлял. Мне казалось, что не сегодня завтра должна быть какая то другая власть. В то время многие так думали. Одни думали, может быть, у власти будут кадеты, может быть эс-эры, даже были опасения, что восстановится монархия, но определенно сказать, что такая-то власть будет, никто не мог. Никто также не мог сказать, что советская власть обязательно пропадет, вообще у нас было неверие в эту власть. Я лично думал, что население будет недовольно всеми теми мероприятиями, которые в то время проводились (разверстка, и т.д.). Я думал, что в совершающихся событиях казакский народ никакого реального политического веса не имеет, и судьбу России решит русский народ. Поэтому я был против подъема казакской массы, против агитации, чтобы казаки шли против власти. Недовольство наше выражалось в разговорах. Общих тактических установок у националистов мне не известно. Националисты в то время идеологически – выдержанной национальной линии не вели, их недовольство выражалось только в разговорах.

Эту зиму я прожил в Оренбурге, а весной выехал в Ташкент. В то время недовольство было и у Букейханова. Байтурсынов среди националистов был попутчиком Советской власти. Хотя он и имел партийный билет, но не верил, чтобы он был убежденным коммунистом. Все же стоял за сотрудниче-

ство с Советской властью. Ни о какой группировочной борьбе в то время ... я лично и не знал.

Из Оренбурга я выехал в Ташкент вне всякой связи с каким-либо поручениями политического характера от Алаш-Ордынцев.

С Адилевым в Оренбурге я встретился. Он вообще был в составе «КирЦИК-а», но членом партии не был.

О личности Валидова я знал давно, еще во время моего пребывания в медресе, т.к. пользовались его книгами, написанными им по истории тюрко-татар. Затем, он много и часто писал в татарских газетах и журналах. Знаком с ним не был, но о личности знал, также, как я знаю теперь о Бигееве по его сочинениям.

Я читал в газетах, что Валидов организует Башкирскую республику, то переходит на сторону белых, то на сторону красных. Точно сказать, в какое время он переходил на сторону советской власти и в какое время отошел, сказать не могу, забыл. Я слышал, что Валидов симпатизирует больше казакским работникам, чем казанским. В татарских газетах были такие статьи, что Валидов желает башкирский народ отделить от татарского; татарские же вожди всегда выступали от имени всех мусульман, проживающих в России и в конкретном случае от имени башкир и татар. Я от многих татарских деятелей слыхал, что Башкирия не представляет из себя отдельной народности, а это-татары, а Валидов наоборот говорил, что башкиры-это не татары.

О существовании связи между Правительством Алаш-Орды и Башкирией, я не знал. Беремжанова я знал. Нельзя сказать, чтобы мы были приятелями. Когда я жил в Ташкенте, то часто его там видел. В близких отношениях, как например с Адилевым, я с ним не был. О том, что Беремжанов был командирован алашинским правительством для связи с Валидовым, такого момента не помню. В бытность мою в Оренбурге, вообще разговоры о Валидове были. Я почти со всеми националистами говорил о нем, отношение к Валидову было во всяком случае положительное. О том, что Байтурсынов с Валидовым встречался в Москве, разговора такого не помню. Персонально указать не могу, но вообще среди националистов отношение к Валидову было положительное.

О месте пребывания Валидова, когда я был в Оренбурге, я не знал. По приезде моей в Ташкент, я из разговора узнал, что он находится в Средней Азии.

О существовании подпольной организации, о группе одинаковомыслящих и проводящих определенную линию, я не знал. Группа единомышленников была, но политической деятельности не проявляла.

В Ташкент я был командирован Наркомпросом для печатания учебников педагогического журнала на казакском языке в типографиях Ташкента. Документ о моей командировке был подписан Байтурсыновым. Никакого мандата группа единомышленников-алашинцев мне не давала. Адилев уехал в Ташкент до меня, с каким поручением, я не помню, кем был командирован тоже не помню в Ташкенте остановился у своего старого знакомого-Ходжанова. Договорившись относительно печатания учебников, я о результате своих переговоров написал в Оренбург, где решили некоторые учебники издавать в Оренбурге, и журнал «Чолпан» издавать в Ташкенте. Этим закончилась моя командировка от Наркомпроса.

В это время из алашинских деятелей в Ташкенте были Дулатов, Досмухамедов Халиль был ли Досмухамедов Джаньша, не помню, Джаленов, Испулов, Кошкинбаев; Тнышпаева не было. Был ли там Ахмет Сафа Юсупов я забыл. О Валидове разговоры у нас бывали, кажется, я говорил с Испуловым и Дулатовым. Содержание разговора не помню, но отношение к Валидову среди националистов было положительное. О том, как узнали националисты о пребывании Валидова в Средней Азии, от кого слыхал, я не помню.

По специальному приглашению националисты не собирались. Бывали случаи, когда, зайдя к Досмухамедову, я заставал там Испулова и других, ну посидим, поговорим, вообще простые обывательские разговоры были. С Ходжановым и Тюрякуловым о Валидове у нас разговоры также были, но их отношение к Валидову было другое. Из националистов меня никто не просил узнать о мнении на счет Валидова у Ходжанова или Тюрякулова. Я слышал, что Валидов скрывается в Средней Азии. То говорили, что он уехал заграницу, то в Башкирию, то в Баку. С Битлеуовым в Ташкенте я встречался, но при каких условиях, не помню. О таком случае, когда бы я на

одном из вечеров, заменил Дулатова и говорил по вопросу о казакской литературе, я не помню.

С Адилевым я несколько раз встречался у Ходжанова, бывал у него в квартире. О том, что он командирован для связи он мне не говорил.

В Ташкенте я прожил около м-ца, затем меня Кирпредставительство командировало в Бухару для ознакомления с постановкой народного просвещения среди проживающего там казакского населения. Из Бухарских работников до этого я знал заочно Файзуллы Ходжаева, Арифова, с последним я встречался в Ташкенте только один раз в 18 или 19 году.

В бытность мою в Ташкенте, я видел Беремжанова, но узнал ли он оттуда я не помню. В момент моего приезда в Ташкент, мне кажется, что Беремжанов там был. О том, отлучался ли Беремжанов куда нибудь из Ташкента, я не помню.

Со мной в Бузару поехал Адилев, от какой организации он получил командировку, я, конечно, должен был знать, но забыл. Это было в июне месяце, в Бухаре я встретился с учителями, обучавшимися на курсах в 18-19 г.г. в Ташкенте. Виделся с Наркомпросом Бухарской республики, с военным Назиром Арифовым. Битлеуова как будто в Бухаре не было. Кто первый из знакомых нас встретил в Бухаре, не помню.

Согласно своей командировки я был в Наркомпросе и справлялся о проживающем на их территории казакском населении. Мне рассказывали, что до стоянки этих казаков, расстояние порядочное, и что дело народного образования поставлено очень плохо. Я думал приехать к ним, но заболел малярией и пролежал несколько суток в больнице.

После этого я узнал от Адилева, что недалеко от Бухары скрывается Валидов. Меня и Адилева повел к Валидову какой-то узбек. Мы ехали с Адилевым вдвоем, насколько мне помнится. Недалеко, под самой Бухарой, жил Валидов. Приехали мы к нему, назвали свои фамилии, пили чай, разговаривали, я расспрашивал о его политической линии, о прогрессе действий. Он мне рассказывал, что написал в ЦК партии-Москву доклад. Я спрашивал, имеет ли он связь с басмачеством, на что он ответил, что имеет. На мой вопрос о том, что он думает предпринимать в дальнейшем, он мне давал сбивчивые ответы. В то время у него не было определен-

ного решения, то он хотел ехать заграницу, то в Москву, то думал присоединиться к басмачам и т.д. У меня осталось впечатление, что у него крепкого, ясного плана действий нет. Об Энвер-Паше он мне ничего не говорил. В то время он был на нелегальном положении. Уехав от него, я вернулся на квартиру и на следующий день обратно поехал в Ташкент.

В то время я имел симпатию к общественным деятелям тюркских народностей, находящихся в нашем государстве. Поэтому я, как националист своего народа, не хотел его выдать, хотя и знал, что он на нелегальном положении. У меня было такое впечатление, что о пребывании Валидова в Бухаре вообще все знают. О его пребывании там я слышал от многих. Знали ли большие работники, я не знал и о чем их не расспрашивал. Мне казалось, что вся Бухара об этом знает, но скрывает и не выдает его. Бухарских работников я представлял тогда всех националистами. Часть из них говорила, что определенно не знает, но как будто бы, как говорят, Валидов скрываетсяв Бухаре, а некоторые откровенно говорили, что Валидов в Бухаре, но где он не говорили. Зная о том, что Валидов скрывается в Бухаре, я никому не сообщил.

Затем я приехал в Ташкент, дня через 2 я слег в больницу. В то время Ходжанова там не было, а был Тюрякулов, Токтабаев Иса, Бориев, Досмухамедовы, Дулатова там не было. Досмухамедов Джаньша лежал в то время в больнице. Меня посещали в больнице, но кто, не помню.

О встрече с Валидовым в Бухаре я Ходжанову ничего не говорил.

По выздоровлении я поехал отдыхать в Туркестан, где пробыл до середины августа, затем приехал в Ташкент, где состоялся Всетуркестанский съезд, на котором я был избран членом ТурЦИКа из беспартийных. Хотя у меня было намерение ехать на родину, но я должен был оставаться здесь. До Оренбурга мы ехали вместе с Ходжановым. В это время в Оренбурге был 2-й казакский съезд. Я приехал туда с Ходжановым и Токтабаевым. Пробыв там неделю, вместе с Акмолинскими делегатами, выехал в Петропавловск. Это было в 21 году в октябре м-е.

В 22 году, во время перевыборов в советы, в нашей волости произошла группировка. Там был известный Макин, он 20 лет подряд был несменяемым волуправителем. Во время

своего пребывания в ауле, я слышал и видел сам, как макинцы обирают народ, господствуют над всей волостью. Во время перевыборов одна сторона выставила кандидата Жангулина Ахмета, а другая – Макина Рафика. Я поддерживал не макинскую сторону, а другую и эта поддержка выразилась в том, что я написал Председателю УИКа Сайдалину о том, что макинцы угнетают народ, и в состав Волисполкома допускать их не нужно. Как только узнали макинцы, что я написал, то они были против меня. Сайдалин принял мою записку, и сменил первого уполномоченного, который проводил линию макинцев, послал на его место другого, повидимому, поддерживающего противную макинцам сторону и вот в этой казакской группировке мое участие и было. Больше ни в каких группировках я не участвовал.

В Акмолинске я жил безработным до 24г., одно время работал в отделе Наробраза, и по вызову председателя Губисполкома Акмолинского уехал в 24 году в Петропавловск, где и служил до этого времени.

Болганбаев.

Допросил: Начвостотдела ПП ОГПУ *|Петров|.*

Архив ДКНБ РК по г. Алматы
Ф. 6. Д. 011494. Т. 1 Л. 167-177.

БОРОЗДИН ИЛЬЯ НИКОЛАЕВИЧ

Справка: *– арестован 14 февраля 1935 года СПО УГБ УНКВД Московской области. 14 сентября постановлением Особого Совещания НКВД СССР осужден по ст. 58 п. 10 УК РСФСР на 3 года к административной высылке в Казахстан. 17 ноября 1937 года вновь арестован УГБ НКВД КазССР будучи в ссылке. 1 декабря Особой Тройкой при УНКВД Алма-Атинской области осужден по ст. 58 п. 10 УК РСФСР на 10 лет лишения свободы ИТЛ.*

4 февраля 1943 года на основании директивы НКВД, НКЮ и Прокуратуры СССР № 467/18-71/117с от 23 октября 1942 года досрочно освобожден. 28 сентября 1955 года Верховным Судом СССР постановление Особого Совещания при НКВД СССР от 14 сентября 1935 года и 20 июля 1955 года определением Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР постановление Особой Тройки при УНКВД КССР от 1 декабря 1937 года отменены и дело производством прекращено за необоснованностью обвинения.

Заключением прокуратуры Алмалинского района г. Алматы от 28 сентября 1999 года на основании Закона Республики Казахстан от 14 апреля 1993 года «О реабилитации жертв массовых политических репрессий» признан реабилитированным.

Председателю
Совета Народных Комиссаров СССР
Вячеславу Михайловичу Молотову

Проф. Ильи Николаевича Бороздина,
заключенного в Амурлаге, 21 отд.,
г. Ворошилов-Уссурийск.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Зная Ваше всегда внимательное и заботливое отношение к научным работникам, решаюсь обратиться непосредственно к Вам. Я, ученый с 32-летним стажем, профессор древней истории, автор ряда научных и научно-популярных работ, на-

хожусь сейчас в исключительно тяжелом, безвыходном положении. Изложу вкратце сущность своего дела.

До революции 1917 года я занимался научной и педагогической деятельностью, после Октябрьской революции я с большой энергией и активностью расширил свою работу как в области научных исследований, так и в области преподавания. Уже в конце ноября 1917 года я был членом Комиссии по охране памятников Москвы при Московском Совете, затем занимал ответственные должности в издательстве ВЦИК (куда был приглашен знавшим меня К.С. Еремеевым), Госиздате, Наркомпросе и Наркомнаце и др. Лекции я читал в Институте востоковедения, в Институтах журналистики, Педагогическом, Институте военно-хозяйственной академии и др.

С 1922 по 1930 год я основную работу сосредоточил в Научной ассоциации востоковедения сначала при Наркомнаце, а затем при ЦИК СССР, занимал там должности члена Президиума, заведующего историко-этнологического отдела и члена редколлегии журнала «Новый Восток». Под моим руководством был проведен ряд археологических экспедиций в Крыму, в Татарской республике, на Северном Кавказе, давших существенные результаты. В 1934 году после исторического постановления ЦК ВКП(б) и Правительства о преподавании гражданской истории я целиком перешел на преподавательскую работу в вузах, был заведующим кафедрой древней истории и профессором Государственного Московского педагогического института (бывший 2-й МГУ), читал лекции в других вузах и на курсах. За все это время никто и никогда не обвинял меня в антисоветской деятельности. В каких-либо уклонах и ошибках.

Тем не менее 14 февраля 1935 года я был арестован органами НКВД и провел в заключении около семи с половиной месяцев. В этот период немногочисленных допросов, которым я подвергался, мне предъявили самые фантастические и противоречивые обвинения, опровергнутые фактическими документами. Так меня пытались обвинить в том, что я, якобы, был против яфетической теории академика Н.Я.Марра (это опровергалось приветственной телеграммой самого Н.Я. Марра, авторитетно признавшего меня сторонником своей теории и моими статьями о Марре), не менее нелепым было

обвинить меня в том, что я как будто бы был против нового алфавита (это опять опровергалось моими многочисленными статьями), совершенно лишены были всякого основания обвинения меня в пантюркизме и национализме (пантюркистом я никак не мог быть, так как не тюрк по происхождению, не тюрколог по специальности, даже не знаю ни одного тюркского языка). Бессмысленно обвинение в национализме (каком?). В своих статьях, посвященных национальным республикам и областям СССР, я всегда очень резко выступал против всякого рода националистических уклонов, против всяких пансламизмов, пантюркизмов и дашнаканизмов и т.п.

Все мои указания и ссылки на лица, учреждения, конкретный и фактический материал, совершенно не принимались во внимание. Единственным «историческом» в качестве свидетеля был вызван ныне разоблаченный враг народа, гнуснейший интриган и вредитель Фридлянд. Я категорически протестовал против такого «авторитетного» свидетеля, указывая, что Фридлянд ничего не понимает в древней истории, что мы никогда с ним совместно не работали и, наконец, что лично мы друг к другу относимся враждебно. Фридлянд ничего обо мне сказать не мог. На пяти строках, отведенных мне, только глупо и грубо обругался. Никакого другого свидетеля против меня не выступало. Все обвинения были построены на клеветнических и заведомо ложных показаниях Башкирова, осужденного и высланного. Меня пытались связать с этим Башкировым и проф. Захаровым, с которыми кроме знакомства (как и со многими другими научными работниками моей специальности), у меня ничего общего не было и быть не могло. Дело было направлено в Специальную коллегию Московского городского суда, которая имела четыре заседания. Были вызваны и опрошены свидетели, было разрешено представить всякого рода документы. На суде вполне выявились ложь и клевета показаний Башкирова, не смогшего представить никакого доказательства своих ложных утверждений. Мною в суд был представлен ряд документов, опровергавших возводимые на меня обвинения; весь этот материал приобщен к делу. Суд никакого решения не вынес и заявил, что назначается специальная научная экспертиза с моим обязательным участием. Я вполне был согласен с таким

решением и дожидался назначения экспертизы. Вместо этого 14 сентября 1935 года Особым Совещанием НКВД СССР я был осужден на 3 года высылки в Казахстан. По приезде в Алма-Ата я немедленно стал хлопотать о своей реабилитации. Я написал обширное и подробное заявление прокурору СССР Вышинскому, которое было ему передано.

В начале апреля 1936 года я получил уведомление, что Вышинский, лично ознакомившись с делом, назначил дополнительное расследование. Дело дополнительного расследования несколько затянулось. Все мои помыслы и желания были направлены к тому, чтобы скорее был произведен пересмотр и получил реабилитацию и возможность продолжать свою научную работу. Должен сказать, что и в Алма-Ате, несмотря на болезненное состояние, я был сильно перегружен чтением лекций в Казахском государственном педагогическом институте и на других курсах городского отдела образования.

Наряду с этим мною закончена подготовка к печати учебного руководства по истории древнего Востока для педагогических вузов и учителей средней школы, находился в процессе работы учебник по древней истории. Все это я надеялся реализовать в Москве в условиях больших библиотек и музеев, своей собственной специальной библиотеки. Занятый по горло работой, я в Алма-Ате вел крайне замкнутый образ жизни, мало с кем общался.

В ночь с 17 на 18 ноября 1937 года я был арестован органами НКВД Казахстана в гостинице «Дом Советов», где проживал со времени приезда в Алма-Ата. Никакого предписания прокурора и указания статьи мне предъявлено не было. Я был направлен в городскую тюрьму. 26 и 27 ноября я был вызван на допрос, причем следователь сразу же заявил, что он считает меня виновным в антисоветской агитации. Я просил его указать когда, где и кого я агитировал, просил назвать лиц, место и время. На это следователь мне ответил, что я сам должен рассказать о своей антисоветской деятельности. Я заявил, что говорить о том, о чем никогда в жизни я не занимался, не могу, и категорически заявил, что антисоветской агитацией никогда не занимался и не занимаюсь. Я просил вызвать свидетелей. Устроить очную ставку, но следователь,

вопреки ясному смыслу Уголовно-процессуального кодекса заявил, что все это не нужно, так как ему все известно.

Далее мне были заданы достаточно странные, ни в какой связи друг с другом не стоящие вопросы. Так мне был задан вопрос, не выражал ли я сожаления по поводу расстрела Тухачевского и его банды. Я очень удивился этому вопросу и сказал, что Тухачевского и его приспешников никогда в глаза не видел, ни с какими военными кругами никак не связан, и что я не имею никаких оснований скорбеть о достойной каре, постигшей государственных изменников. Тогда без всякого логического перехода мне был предложен вопрос, считаю ли я Бухарина «крупным теоретиком». Вопрос по самой постановке не менее удивительный. Я сказал, что вообще никогда не считал Бухарина ученым, а тем более «крупным теоретиком». С экономическими воззрениями Бухарина, которые так уничтожающе были раскритикованы Лениным, я знаком мало, как не специалист в области экономики.

Но зато мнимо ученые, с потугами на дешевое оригинальничанье разглагольствование Бухарина по вопросам культуры, науки, литературы всегда вызывали с моей стороны самые резкие возражения, которые я и не скрывал. Наконец, третий вопрос был не менее оригинальный. Меня спросили, правда ли, что я высказывал пожелание, чтобы следователей (каких?) отправили на Дальний Восток. На это я ответил, что вопрос о территориальном распределении следователей меня совершенно не интересует, и что никогда я таких нелепых разговоров не вел. Все эти вопросы и мои ответы на них я просил занести в протокол, но этого сделано не было.

Мое недоумение относительно вопросов о Тухачевском и Бухарине несколько рассеялось после возвращения в тюремную камеру, так как многим предложены были такие же вопросы. Вопросы шли по определенному шаблону. В результате допроса, лишенного всякой конкретности и опирающегося на какой-либо фактический материал, был составлен первый и последний краткий протокол, состоящий из трех вопросов и трех моих ответов.

1-й вопрос – признаю ли я себя виновным в антисоветской агитации и мой ответ – категорически заявляю, что антисоветской агитацией никогда не занимался и не занимаюсь.

2-й вопрос – знаю ли я о контрреволюционной деятельности проф. Захарова и мой ответ, что контрреволюционная деятельность профессора мне не известна, что я знаю Захарова, как совершенно больного невменяемого человека.

Наконец, 3-й вопрос гласил, имею ли я контрреволюционные знакомства в Алма-Ате. Я ответил, что никаких контрреволюционных связей не имел. Был очень занят и вообще был знаком лишь с очень немногими лицами. Вот и все содержание протокола.

Я полагал, что это лишь предварительный допрос, что следствие только начинается, будут вызваны свидетели, будут собраны материалы и т.п. Я вполне надеялся, что мне удастся вполне восстановить истину и выявить лжесвидетелей, если таковые были.

Но вместо всего этого ночью 5 декабря 1937 года меня вызвали из камеры с вещами и отправили на этап. Никакого документа о предварительном обвинении, никакого документа об окончании следствия, никакого документа, сообщающего приговор я в глаза не видел и не подписывал. При сдаче эшелона конвою мне было выкрикнуто, что я Особой Тройкой Казахстана осужден на 10 лет в исправительно-трудовой лагерь. На мой вопрос, за что и по какой статье, мне ответили – неизвестно. Лишь по прибытии в лагерь я узнал, что осужден за антисоветскую агитацию. Считаю, что в моем деле в Алма-Ате были допущены нарушения грубейшие великой сталинской Конституции, революционной законности и уголовно-процессуального кодекса. Несмотря на неоднократные указания вождя народов и Ваши, что надо считаться с отдельной личностью и разбираться в каждом деле особо, этого сделано не было.

По видимому, попал лишь за то, что я отбывал административную высылку. Тщетно я указывал на свои хлопоты о реабилитации, напрасно я пытался убедить, что было бы идиотизмом с моей стороны хлопотать о пересмотре дела и в то же время заниматься агитацией. На мои слова, приводимые факты никакого внимания не обращалось. Все шло в чрезвычайно спешном порядке по некоему трафарету.

Я изложил Вам, Вячеслав Михайлович, лишь фактическую сторону дела, которое более трех с половиной лет выбило

меня из колеи. Но за этим фактом скрываются глубочайшие нравственные потрясения и мучительные личные переживания. За что я осужден, что я сделал. Честно заверяю Вас, что никогда контрреволюционером не был, всегда был и остаюсь всецело преданный советской власти ученым.

Я прошу не о помиловании, не об амнистии. Они ко мне не применимы, так как я не виновен. Я прошу Вас, главу советского правительства, лишь о справедливости. За каждое свое действие, за каждое свое слово я готов ответить по всей строгости закона. Я прошу вызвать меня в Москву и подвергнуть по всему самому тщательному следствию. Более чем тяжело жить, а мне кончать свои дни (мне 55 лет, я сильно болен, как это засвидетельствовано здешними врачами) в сознании, что причислен к антисоветским людям, с которыми у меня никогда общего не было и не могло быть. Несмотря на болезнь и большую душевную травму, я хотел бы поработать по специальности, закончить учебник древней истории.

Я с большим энтузиазмом читал Вашу речь на совещании деятелей Высшей школы. Больно только то, что я лишен возможности откликнуться на Ваш призыв и принести посильную пользу своим опытом и знаниями.

Очень прошу Вас обратить внимание на это заявление и дать мне возможность себя реабилитировать.

30/YII-1938 г.

(подпись) (*И.Бороздин*)

Архив ДКНБ РК по г. Алматы
Ф.6. Д.03465. ЛЛ.57-65. Подлинник.

ВИННИЧЕНКО ИСААК ПЕТРОВИЧ

Справка: *– арестован 20 марта 1938 года Восточно-Казахстанским областным УГБ НКВД КазССР. Осужден постановлением Особого Совещания при НКВД СССР от 26 октября 1940 года по ст. 58 пп. 7,11 УК РСФСР на 8 лет в ИТЛ. Отбыл срок наказания в 1946 году. Определением № 22/0540-Н Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 31 декабря 1955 года постановление Особого Совещания при НКВД СССР от 26 октября 1940 года отменено и дело за недоказанностью состава преступления производством прекращено.*
Заключением прокурора Алма-Атинской области от 10 февраля 2000 года на основании Закона Республики Казахстан от 14 апреля 1993 года «О реабилитации жертв массовых политических репрессий» он реабилитирован.

ЦК КП(б)К
Третьему съезду КП(б)К
от бывшего члена КП(б)К с 1920 года
ныне под следственно заключенного
1-й городской тюрьмы
Винниченко Исаака Петровича
(до ареста заместитель наркомзема
КазССР)

ЗАЯВЛЕНИЕ

Дорогие товарищи! Мое исключение из рядов КП(б)К мотивировано так: «Исключить из партии как врага народа арестованного органами НКВД». Поводом для ареста, послужили спровоцированные, вымышленные, клеветнические

показания И.Х. Спирова, бывшего председателя Западно-Казахстанского облисполкома, И. Ашерзинова, начальника Зернового управления Кустанайского облзу. И.Х. Спиров показал «Винниченко известен мне как участник правотроцкистской контрреволюционной организации через Карилина, бывшего начальника Восточно-Казахстанского облзу, в то время уже арестованного, причем, показаний на меня Карилина не было и нет. И. Ашерзинов, работавший всего несколько месяцев до его ареста в облзу и в Казахстане вообще, показал: «Когда я был в доме отдыха Казнаркомзема, слышал, как Сыргабеков и Чудочкин разговаривая, упомянули слово «организация», но Винниченко участия в разговоре не принимал».

Я уверен, что бывшее руководство ЦК КП(б)К давшее санкцию на мой арест, и военный прокурор Корнеев не видели этих так называемых «показаний», формально проштамповав согласие на арест, на постановлении об аресте, составленном Павловым, начальником 4-го Отдела НКВД, в котором указано «арестовать И.П. Винниченко, являющегося участником контрреволюционной правотроцкситской организации, о чем подтверждает в своих показаниях Спиров и Ашерзинов». Судите товарищи сами, чего стоят такие показания и можно ли на основе таких показаний, арестовывать ни в чем не виновного, беспредельно преданного своей партии и родине, коммуниста, большевика, каким я был и буду до конца своих дней. Но этих показаний оказалось достаточно для бывшего руководителя Реденса, Павлова, Кустова и других, чтобы нагло обмануть партию и советскую общественность.

Это вредительская, вражеская провокация по уничтожению ни в чем невинных большевиков и советских работников удавалась потому, что ЦК КП(б)К, давший санкцию на арест, после того как отправил меня в командировку, горком, райком и первичная партийная организация, исключая меня из рядов КП(б)К, верили таким документам, даже не вызвали меня из командировки и не поговорили со мной, тогда как арестом, заочным исключением из партии и объявлением меня врагом народа заканчивалось все и следствие и суд. Жизнь уничтожалась.

Никто ведь из нас коммунистов не допускал и мысли, что органы НКВД арестовывают ни в чем невиновных большевиков, а это безграничная вера и любовь нашей партии и народа к органам НКВД, использованные заядлыми врагами, засевшими в НКВД Реденсом и его сообщниками. При первом же так называемом допросе, Павлов прочитал мне «собственный закон допроса». «Раз мы доказали перед ЦК и прокурором необходимость твоего ареста, возврата отсюда нет, не признающихся у нас тоже нет, для этого нам все средства воздействия разрешены, сделаем с тебя того, кого нам нужно». Попытка с моей стороны доказать абсурдность такого метода следствия, и свою невиновность, вызвало целый поток издевательства, площадной ругани и нечеловеческого физического насилия. Тут же приказал: «Это руководитель правотроцкистского подполья в земельных органах, сломать, не стесняться». Били и издевались, приставляли браунинг к виску, угрожали разгромом семьи. Все было пущено в ход, чтобы выполнить приказ добиться «показаний» в соответствии с установленным Павловым ярлыком. Когда довели до состояния агонии, хотелось умереть, но не клеветать на себя будучи ни в чем невиновным и на других, вины которых я не знал.

В таком состоянии привели меня к помощнику Павлова, который хорошо меня знал, знал мою безупречную работу и мою невинность. Он заявил «напрасно даешь себя избивать, ничего не выйдет, будешь писать». На мой ответ, что «я невиновен и писать вымысел не буду, это не нужно ни партии, ни вам». Он продолжил: «Да, мы тебя знали как хорошего организатора сельского хозяйства и честного коммуниста, но теперь ты должен стать сволочем, на тебя «капнул» Спиров. Возврата отсюда после ареста нет, виновен ты или не виновен, спасти тебя некому, страна в нашем распоряжении. Тут же научил как писать вымысел, бери положительные факты в работе превращая их во вредительские, деловые разговоры в контрреволюционные. Не цепляйся в «связях за расстрелянных, отдай нам коммунистов с партбилетами». Для каждого ведь ясно, что это требование наглевшего врага, но где было найти поддержку, чтобы отстоять правду! Партия заочно выбросила из своих рядов, объявив врагом народа. Прокурор

был не доступен, заявления в адрес вышестоящих партийных органов попадали в руки Павлова, Блинова, Кустова. Их рвали на глазах и вновь били морду. Это безисходность вынудила выполнить требования, встать на путь вымысла своей виновности, которой я никогда и нигде не совершал, и на других, вины которых я не знал.

Прошло два года как я невинно сижу в тюрьме. Все дело по обвинению меня составлено на основе вымысла, подлогов и провокации. В этом убедился суд и прокурор, где разбиралось 26 и 27 января 1940 г. наше дело, но было снято и возвращено вновь в НКВД, в начальную стадию следствия. Прошел уже месяц, но меня никто не вызвал. Будет ли когда-нибудь конец я не знаю. Дорогие товарищи! Искренне и чистосердечно заявляю Вам, что я никогда не отступал от генеральной линии партии, честно носил имя коммуниста-большевика, никогда не сделал не только преступления, но и невольного проступка, не имел партийных взысканий. Активно боролся с врагами партии, никогда не имел с ними связи и не принадлежал к их контрреволюционным вредительским организациям.

У меня не было и нет ни субъективных, ни объективных причин, которые бы меня могли толкнуть на путь измены партии и родины. Я родился в бедной батрацкой, крестьянской семье. До революции был батраком. В 1915 году, в 19 лет досрочно взят в старую армию. С фронта вернулся в 1918 году, а в июне 1919 года 23-х лет, во время реакции Колчака в Сибири, я в числе первых активных вступил на путь партизанской борьбы с Колчаком. Руководил одним из отрядов, а затем был военкомом батальона. После слияния партизанских частей с Красной Армией в конце 1919 года, политотделом 5-й армии в 1920 г. я был командирован на политические курсы при политотделе, которые успешно закончил, там же оформил свою принадлежность к партии, в апреле 1920 года. Я вступил в партию 24-х лет, прошедшим суровую школу гражданской борьбы. В том же 1920 году Алтайским губкомом ВКП(б) был отозван досрочно с армии, и направлен в губземотдел для укрепления советского аппарата, где был назначен руководителем отдела коллективизации. В 1921 году с переходом к НЭПу был поставлен руководителем губерн-

ского союза сельскохозяйственных рабочих, объединявшего всех батраков.

За свою активную работу в этом союзе по организации батрачества я был выдвинут в 1925 году в Краевой комитет этого Союза, где работал до 1929 года, а в 1929 году был избран в состав Президиума ЦК и утвержден ЦК ВКП(б) секретарем ЦК Союза как выдвиженец батрак, в связи с очисткой профсоюзов от правооппортунистических элементов, и с приходом Л.М. Кагановича в ВЦСПС. Мое выдвижение в ЦК Союза совпало с чисткой партии в 1929 году, которую я прошел без замечаний, а в 1930 году проводилась чистка профсоюзного аппарата, в которой я принимал как секретарь активное участие и прошел сам эту чистку без замечаний. В этом же 1930 году Оргбюро ЦК ВКП(б) был командирован на учебу в Академию социалистического земледелия. В 1932 году, в связи организацией областей в Казахстане я был отозван в ЦК ВКП(б), и направлен председателем Карагандинского областного колхозного союза.

С ликвидацией колхозной системы в начале 1933 года, назначен начальником Каззерно-тракторцентра. В 1934 году в связи с ликвидацией системы трактороцентров я был назначен начальником Актюбинского облзу. В 1936 году в октябре переведен на работу в Казнаркомзем и назначен начальником Зернового управления и заместителем наркома. Проработав в этой должности полтора года, в марте 1938 года был арестован. Ни с одной, из выше перечисленных должностей на которые меня партия направляла я не снимался за слабость или провал работы, так как их у меня не был. Никогда не имел ни административных, ни партийных взысканий. У меня не было, и не могло быть обид на партию или недовольства ее политикой. Кроме постоянного чувства благодарности, за то воспитание, которое мне дала партия и чувства гордости за свою великую партию Ленина-Сталина, которой я принадлежал и принадлежу всей душой и телом сейчас, отдавшись построению социалистического общества.

Родители мои и родственники такие же батраки и бедняки до революции, сейчас все в колхозах, вступили с самого начала их организации, никогда не репрессировались

советской властью, большинство коммунисты. Сын и дочь комсомольцы. Жизнь моя проста и ясна, политическая и хозяйственная деятельность тоже. И как трудно доказать было правду, избившим меня и обнаглевшим в своей вражеской работе, бывшим руководителям НКВД Казахстана Реденсу, Павлову и другим. Это не входило в их задачу. Я обращаюсь к своей партии с просьбой:

1) Оказать свое влияние на быстрейшее устранение последствий вражеской деятельности Реденса, Павлова и других в работе НКВД.

2) Потребовать от прокурора усиления контроля в соблюдении революционной законности следствием и судами, особенно в соблюдении срока следствия и оформлении материала.

3) Поручить ЦК КП(б)К заинтересоваться нашей судьбой, так как группа искусственно созданная Павловым из работников Казнаркомзема, при объективном разборе материала давно была освобождена, и возвращена к полезному труду. От своего вымысла на основе которых построено обвинение, Спиров и другие отказались. Другого материала нет и не может быть.

Подпись *Винниченко*

2/III-?

ЦК КП(б)К. Третьему съезду КП(б)К

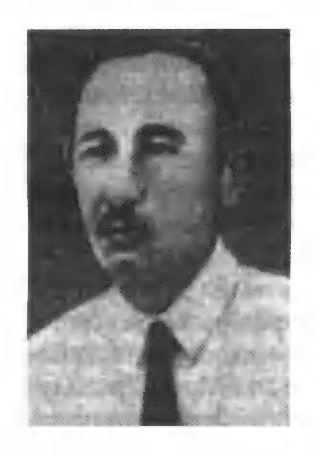
От быв. члена КП(б)К с 1920 года
ныне подследственно-заключенного 1-й Кар
тюрьмы, Винниченко Исаака Петровича
(до ареста замнаркомзема КазССР)

Заявление

Дорогие товарищи! Мое исключение из рядов КП(б)К мотивировано так: «исключить из партии как врага народа арестованного органами НКВД». Арестован я в командировке 20-го марта 1938 года. Поводом для ареста послужили спровоцированные, вымышленные клеветнические показания Спирова И.Х. быв. председателя Западно-Казахстанского облисполкома и Ашерзинова нач. зернового управления Кустанайского облзу. Спиров показал, что Винниченко известен мне как участник право-троцкистской контрреволюционной организации через Карымина, быв нач. В-Казахстанского облзу, в то время уже арестованного, причем, показаний, на меня Карымина не было и нет. Ашерзинов, работавший всего несколько месяцев до его ареста в облзу в Казахстане вообще показал: «Когда я был в доме отдыха наркомзема, слышал, как Сыргабеков и Чудочкин разговаривая, упоминали слово организация, но Винниченко участия в разговоре не принимал»! Я уверен что бывшее руководство ЦК КП(б)К давшее санкцию на мой арест и военный прокурор Корнеев, не видели этих так называемых показаний, формально проштамповав согласие на арест, на постановлении об аресте составленном Павловым нач. 4-го отдела НКВД, в котором указано: «арестовать Винниченко И.П. являющегося участником контрреволюционной право-троцкистской организации, о чем подтверждают в своих показаниях Спиров и Ашерзинов»! Судите

Архив ДКНБ РК по г. Алматы
Ф.6.Д.04140 (наблюдательное дело).
Листы непронумерованы. Подлинник.

ГАББАСОВ ХАЛИЛЬ АХМЕДЖАНУЛЫ

Справка: *– арестован 16 октября 1928 года в Семипалатинске Полномочным Представителем ОГПУ по Каз ССР, Постановлением Коллегии ОГПУ при Совете Народных Комиссаров СССР от 4 апреля 1930 года по ст. 58–4 и 58-11 УК РСФСР был приговорен к 6 годам Заключения. В 1937 году арестован вторично и решением тройки УНКВД приговорен к расстрелу.*

Постановлением Коллегии Верховного Суда Казахской ССР от 4 ноября 1988 года реабилитирован.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

Гор. Кзыл-Орда 1928 года. Ноября 10 дня.

Показал:

Родители мои были скотоводами, – урожденными Чаганской волости, Семипалатинской губернии и уезда. Хозяйство имели: сначала большое, а затем обеднели и были бедняками: Сейчас их в живых нет. Предки мои были татары (около 200 лет тому назад). Один из них приехал в Чаганскую волость кузнецом, поселился там и с того времени семья Габбасовых стала жить в Семипалатинской губернии, где они жили до этого времени я не знаю.

Семья Габбасовых считает себя принадлежащей, в широком смысле к роду «Тобукты». Непосредственная же ветвь является конгломератом под общим названием «Толенгут». Это название берет начало от общественных взаимоотношений, когда султаны (торе) имели в своем распоряжении группы населения, которые в правовом отношении можно приравнивать к рабам. Предки мои, как пришельцы и попали в такое положение.

Родился я в 1888 году, в ауле Чаганской волости. Жил в ауле до 1898 года. С 1898 года я стал учиться в гор. Семи-

палатинске, сначала в приходской школе, затем в русско-киргизской, а в 1901 году поступил в 1-й класс гимназии. Последнюю окончил в 1909 году весной. С 3-го класса гимназии, т.е. с 1903 года, я от родителей никакой материальной поддержки не получал. Пользовался казакской стипендией и занимался репетиторством. Стипендия была назначена из земских средств, при чем порядок ее назначения определялся усмотрением губернатора, руководствовавшегося отзывами директора гимназии об успеваемости учащегося и о его имущественном положении.

После окончания гимназии, за неимением средств продолжать образование, я поступил сельским (аульным) учителем в Сейтеневской волости Семипалатинского уезда. Работал там до осени 1910 года, а затем поехал в Москву и поступил в Университет, сначала на юридический факультет но затем перешел на физико-математический.

Переход мой на этот факультет был обусловлен тем, что в связи с поступлением моим на юридический ф-т, я был лишен стипендии.

После мне удалось увидеть, что лишение меня губернатором стипендии было вызвано опасением, что на юридическом факультете я могу подписатся под влиянием революционных деятелей. Это опасение у него было не только в отношении меня, но и всех, учившихся на юридическом факультете.

В частности, губернатор Тройцкий, как на опыт в этом отношении указывал на Жаки Акпаева, который в 1905 году активно участвовал в революционном движении.

Одновременно с участием в Москве я занимался репетиторством, в связи с переходом на физмат, я получил казакскую стипендию.

Между прочим, весною 1911 года, в связи с Муромцевскими и Толстовскими днями, во время всеобщей студенческой забастовки, я был исключен из университета вследствие того, что будучи стипендиатом принял участие в забастовке. Осенью в 1911 году я снова поступил в университет, который окончил в 1915 году.

После окончания университета, поступил стажистом в Центр. Управление по делам мелкого кредита (Петроград). После экзамена получил назначение на должность инспекто-

ра мелкого кредита в гор. Семипалатинске. Здесь проработал включительно до Февральской революции, после которой, казакская организация (казакский к-т) выдвинула меня на пост товарища Председателя Киргизского Комитета. Председателем последнего был Марсеков.

В указанных должностях я состоял до момента выборов в Областную Земскую Управу, где после выборов был членом.

В промежуток между выборами в земстве и Февральской революцией, я ездил на Всекавказский съезд в гор. Оренбург представителем от Семипалатинского Киргизского к-та и на этом съезде, был избран членом совета «Алаш-орды».

На съезде я работал в комиссиях: финансовой, по организации национальной милиции и еще в какой-то, точно не помню. С речами на съезде я выступал, и принадлежал к одному из двух течений, образовавшихся на съезде по принципиальному вопросу о сроках объявления автономии.

Одно из этих течений, возглавлявшееся Букейхановым Алиханом, стояло за то, чтобы повременить с объявлением автономии, впредь, до выявления, ... русского крестьянства, ввиду отсутствия представителей на съезде. К этому течению принадлежал и я.

Другое течение, возглавлявшееся Досмухамедовым, отстаивало необходимости немедленного объявления автономии. Аргументация последнего течения была, по существу демагогической: оно аппелировано к религиозному чувству казаков, доказывая необходимость одновременной организации муфтията.

Большинство, при голосовании оказалось на стороне течения, но противники его не подчинились. В результате, большинство, не желая создавать раскола, вынуждено было сделать некоторые уступки, сущность которых я сейчас не помню.

Кроме меня на съезде от Семипалатинского казакского к-та был Ермеков и еще были какие-то казаки, но я их не помню.

Приблизительно, в конце февраля, или начала марта, в Семипалатинске власть перешла в руки советов. Была созвана беспартийная рабоче-крестьянская конференция, на которой я был избран товарищем председателя Областного Совета Рабочих и Солдатских депутатов. Помимо меня, из казаков, в областной совет были избраны еще кто-то, но точно не помню.

В начале апреля м-ца (4-го 18 г.) в связи с нашими жалобами на действия местного Совдепа, ликвидировавшего все национальные учреждения (появившиеся, как революции завоевания) и широко применявшего меры репрессий, по отношению к представителям казахского населения, из Москвы вызывался на прямой провод тов. Сталиным, Букейханов в то время скрывавшийся после побега из Оренбурга, – в Семипалатинске.

Вследствие того, что ему появляться было нельзя, казакский комитет (присутствовал и Букейханов) выдвинул для переговоров меня – Габбасова.

Я подтвердил, во время переговоров по проводу, тов. Сталину ранее поданные жалобы на действия местного Совдепа и настаивал на необходимости скорейшего осуществления идеи самоопределения наций, согласно провозглашенной Соввластью декларации о самоопределения. Точно не помню, но я выдвинул 14 пунктов, заключавших, в основном, восстановление ликвидированных казакских учреждений, организацию национальной автономии в рамках Советов, освобождение арестованных деятелей казакского народа.

Ответ Сталина сводился к тому, что от нас требуется признание Советской власти: при этом условии будут приняты немедленно меры к организации учредительского съезда, для объявления автономии. Дальше он добавил, что постановление Всеказакского Оренбургского съезда, целиком укладывается в рамки национальной политики Сов– власти. Со своей стороны тов. Сталин обещал дать указание областному Совдепу, как в отношении принятия подготовительных мер к учредительскому съезду, так и в отношении освобождения арестованных. В заключение Сталин сказал, что в Москве находятся Досмухамедовы, которым мы и можем дать необходимые поручения.

После этих переговоров, мы телеграфировали Сталину о безоговорочном признании Советской власти, а Досмухамедовым о том, чтобы они представляли наши интересы перед Центральным Правительством.

Эти телеграммы были поддоны после совещания, на котором присутствовали Букейханов, Омаров, Марсеков, Ермеков, Сарсенов Байахмет, я – Габбасов: кажется был и Байтурсынов с Дулатовым.

Этот факт нужно рассматривать, как мероприятие совета Алаш-орды.

После моих переговоров со Сталиным, к проводу был вызван председатель Областного Совдепа Шугаев, но о чем говорили они я не знаю.

После этих переговоров, Областной Совет изменил к ним отношение в лучшую сторону и даже освободил частично арестованных. Однако, подготовительных мероприятий к созыву Учредительского всеказакского съезда, никаких не проводил.

На этой почве взаимоотношения наши с областных Советов обострились снова, снова начали применять репрессии по отношению к казакским работникам.

Для того, чтобы окончательно выяснить вопрос об автономии, мы вынуждены были с разрешения областного Совдепа (кажется) созвать Семипалатинский областной казакский съезд. Представительство было от волостей, представители избирались под руководством выезжавших на место инструкторов.

Съезд был созван в начале мая м-ца. Принципиальные вопросы, связанные с автономией были уже разрешены. К таким вопросам относится наша информация о точке зрения Соввласти на автономию, на основе моих переговоров со Сталиным. Решение съезда по этому вопросу приветствовало политику Соввласти. Одновременно было выставлено требование о созыве учредительского съезда. Во время работ съезда туда явился бывш. Член Казакского комитета Кульджанов и потребовал чтобы дали возможность высказаться. Председательствовавший на съезд Боштаев не разрешил. Тогда Кульджанов явился на съезд с красноармейцами и заявил, что если ему не дадут высказаться, то он разгонит съезд. Съезд отказался выполнить требование Кульджанова и прекратил свои работы.

После этого стал и циркулировать слухи о том, что руководители съезда будут все арестованы и мы, вынуждены были бежать в степь.

Сбежали все, за исключением некоторых лиц. Я, лично, вместе с Сарсеновым, Ермековым, Козбагаровым, Марсековым и др. сбежали к Чингизскому хребту и там скрывались.

Там уже были в это время Букейханов, Байтурсынов, Дулатов, Омаров и много молодежи: всего там было 20-30 человек, вместе с офицерской группой Токтамышева. Появление последней связано со следующими обстоятельствами.

Приблизительно в апреле, или марте м-це 1918 года, Токтамышев прибыл в Семипалатинск из г. Омска и сумел связаться с существовавшей в Семипалатинске антисоветской подпольной организацией.

По приезде в Семипалатинск, он явился в Казакский комитет и мы его устроили на службу, кажется, в комитете же. Как он связался с организацией, – я не знаю. Но о том, что существует две организации, он говорил как мне, так и другим казакским работникам.

Он рассказывал, что существует две антисоветские организации, ну существовали между ними связь, кажется, не говорил, во всяком случае я этого обстоятельства не помню.

Помню с его слов, что одна организация, – черносотенная офицерская, а другая социалистическая.

После того, как наши взаимоотношения с обл. Совдепа обострились, – мы на совещании казакского комитета решили связаться с одной из организаций, руководство которой исходило из Сибири. Кто се возглавлял не знаю, но Токтамышев говорил, что платформа этой организации предусматривает самоопределение наций. Сам Токтамышев ни в одной из указанных организаций, до этого не состоял. После этого мы делегировали в эту организацию Токтамышева и Марсекова в военный отдел, Сарсенова и Алимбекова Имама – в гражданскую часть.

Алимбеков в это время работал членом военного отдела обл. Совдепа.

Когда мы скрывались, то с организацией никакой связи не имели. Что делал Алимбетов я не знаю. Он находился в городе и не скрывался. После переворота мы все приехали в Семипалатинс и узнали, что там существует казачья власть во главе с атаманом Сидоровым.

Мы тогда начали спрашивать Токтамышева где же реальная сила социалистического направления из которой, по его словам, состояла подпольная организация.

Этот вопрос был связан с тем, что желая мириться с каза-

чьей чер-носотенной властью, мы предполагали, если в среде офицерства окажутся социалистически мыслящие, – вооружить имевшихся в нашем распоряжении джигитов и произвести переворот. Но сочувствующих нам, в среде офицерства, почти, не оказалось.

После переворота было восстановлено земство и я стал работать в Областной Земской управы, в качестве члена. Председателем был Марсеков.

В дальнейшем наше движение сводилось к тому, чтобы сохранить судебный казакский аппарат и задержать поток переселенцев впредь до землеустройства казакского населения, а также передать в пользование каз. населения изъятых переселенческим управлением, но не использованных переселенческих участков.

В период между июлем и октябрем Букейханов, вместе с Ермековым и Сарсеновым вели переговоры сначала с Сибирским Правительством, затем с Комучом, ездили в Самару на совещание последнего, а после вместе с ним в Уфу. Переговоры эти велись в плоскости выяснения отношения Ком. Уча к автономии.

Было достигнуто соглашение, которое, в основном сводилось к тому, чтобы сохранить правовое положение правительства «Алаш– орды» впредь до учредительского собрания, при этом правительстве учреждался должность комиссара Ком. Уча, для урегулирования обще-государственных вопросов, предоставляется право организации нацчастей, признается программа Алаш-орды, по земельному вопросу, впредь до учредительского собрания, использование нацчастей для борьбы о Соввластью решено не было, а был пункт о том, чтобы использовать их для охраны Ком.Уча.

Какое было соглашение по вопросу об отношении к Совласти, не знаю (не помню).

В духе этого соглашения, Алаш-орды ничего сделать не успела.

Вслед за переговорами с Ком.Учем Букейханов вел переговоры с Сибирской директорией, но соглашения достигнуто очевидно, не было, т. к. после создания директории, через несколько дней, она выпустила декларацию об упразднении всяких автономий.

В начале ноября 1918 года, Букейханов приехал в Семипалатинск и созывал совещание, на котором присутствовали: Сарсенов, Беремжанов Ахмед, кажется Тынышпаев, Ермеков, я – Габбасов и др.

Букейханов доложил политическую обстановку, создавшуюся к тому времени и поставил вопрос как быть?

Основной мотив нашего совещания сводился к тому, что политические события развиваются в направлении реставрации монархического строя, и что в этой обстановке, рассчитывать на самоопределение нельзя. Поэтому необходимо связаться с Соввластью, как властью наиболее по своей природе к нуждам национальностей.

Для связи, сначала с Тургайскими работниками, а затем Западной группой, послали Сарсенова Далиля, которому дали наказ передать указанным группам о необходимости связаться с Москвой.

Наряду с этими дали поручение, чтобы Тургайские работники начали работу в духе и заложенного направления.

В связи с этим, нами был послан в Москву Байтурсунов.

После свержения колчаковской власти, я бежал в свою волость. Вместе со мной бежали и Ермеков с Дюйсембиновым Сыздыком.

В январе м-це 1920 г., я вернулся в гор. Семипалатинск и поступил на работу в Гувер ком.

1-го марта я был назначен членом коллеги Губземотдела. Затем был приглашен на работу в качестве уполномоченного Кирвоенрев– кома при Сибиркоме. На меня возложили задачу организации и казахских отделов при Губревкомах, для облегчения перехода Акмолинской и Семипалатинской губ. В ведение Каз. республики.

Каковы Ваши политические убеждения в данный момент?

Мои политические убеждения изложены в документе, поданном мною на имя секретаря Семипалатинского губкома ВКП(б) 30/1Х– 25 года.

В этом документе я заявил, что система Советской власти для меня приемлема, что ее политика по национальному, культурному, общеэкономическим вопросам вполне мною разделяется.

Я признаю систему диктатуры пролетариата, на буксире

которого должны идти отсталые национальности, в виде Казакской.

Я не являюсь националистом, идеология которого зиждется на политическом сепаратизме, или господстве казакской нации над другими.

Признаете ли Вы классовое расслоение в ауле?

Признаю, в Казахстане пролетариата нет, но он должен выковываться в процессе политики по индустриализации страны и органической связи с Советским Союзом.

Как Вы относитесь к системе централизованного управления промышленности?

Централизованная система управления индустриальной промышленности, в принципе, мною признается. Я считаю также вполне возможной и, даже, необходимой, частичную децентрализацию управления по отдельным отраслям, или предприятиям там, где это вызывается интересами самого дела и необходимостью участия местных органов и организация над ними контроля, со стороны последних (местных органов). Позицию Садвокасова, и заложенную им в статье напечатанной в «Большевике», – я совершенно не разделяю. Я, как плановой работник, вполне сознаю, что самостоятельное хозяйственное развитие Казахстана, без плановой увязки с общеэкономической системой Советского Союза абсолютно не мыслимо.

Индустриализация Казахстана, без учета состояния степени нагрузки и нужд Союзной промышленности, совершенно не мыслимо, поскольку Казахстан является одним из звеньев общесоюзной цели.

Ваше отношение к земельной политике Советской власти?

Я считаю, что переселенческое движение не должно иметь места впредь до землеустройства коренного населения. При землеустроительных работах, в смешанных районах, должны быть приняты меры к оседлому устройству казахского населения, с обеспечением его сель-скохозяйственным инвентарем и мероприятиями по организации среди этого населения агрономической, культурно-просветительной, медицинской и ветеринарной помощи с тем, чтобы эта оседающая часть населения, могла послужить для окружающих притягательным ядром.

Я глубоко убежден, что такого массива переселенцев, размещения которого было связано с основным затруднением – отсутствия земель в Казахстане, в настоящее время нет. В этом случае землеустроительные работы должны вестись, руководствуясь интересами самого дела в том, или ином районе, без всякого предпочтения и другой национальности. Но если получилось такое положение, которое вызвало бы необходимость отселения известного количества хозяйств из данного района, то, я, конечно, стал бы на точку зрения оставления казаков на месте, как наиболее потерпевших в результате царской колонизационной политики.

На какой стадии находится разрешение земельного вопроса в Казахстане, в данное время, я не знаю.

Как вы смотрите на систему воспитания молодежи, в частности в ВУЗ-ах и вообще, политику народного образования в Казахстане?

Считаю, что в данное время необходимо формирование школьного строительства и создание в ауле таких типов школ, которые облегчили бы ускоренный переход оканчивающих эти школы, к школам высшего европейского типа. Такая постановка вопроса диктуется отсутствием учебников и других вспомогательных пособий на национальном языке, отсутствием квалифицированного педагогического персонала. Есть люди, которые считают, что мы должны организовать национальные средние и высшие учебные заведения. С таким мнением я не согласен по указанным причинам.

В вопросе о проблеме казахского языка в ВУЗ-ах и средних казахских учебных заведениях, я стою на той точке зрения, что для разрешения этой проблемы нет условий.

Как Вы относитесь к заготовительной политике Соввласти и разрешению сырьевой проблемы в Казахстане?

Разделяю полностью.

Считаете ли Вы, что алаш-ордынские движение 1917-1919 г. сыграло контрреволюционную роль?

В принципе, алаш-ордынское движение контрреволюционным не считаю: наоборот, считаю это движением революционным. Но возможно, что отдельные тактические маневры и не совсем достаточный политический прогноз, могли сыграть на руку контрреволюции.

В чем выразилось Ваше участие в восстании казахов 1916 года и как Вы к нему относитесь?

Моя позиция, совместно с другими выразилось в том, что я был сторонником предотвращения восстания, во избежание бесцельного кровопролития, с каковой целью выступал за необходимость исходатайствования предоставления казахам права отбывать воинскую повинность наравне с другими национальностями, на положении русского казачьего войска.

Каково было Ваше отношение к Коммунистической Партии непосредственно после свержения колчаковской власти?

Мое отношение к Коммунистической Партии можно характеризовать следующим примером:

Точно не помню, кажется весной 1920 или 21 г., по чьей инициативе не знаю, в Семипалатинске было созвано совещание казахских работников, на котором обсуждали вопрос о необходимости коллективного вступления в партию казахских работников. Такая постановка вопроса была вызвана тем, что в то время была борьба между работниками Сибирской организации и казахстанцами на почве присоединения Семипалатинской губернии к Казахстану. В этом споре казахские работники никакой роли не играли.

Вот в связи с этим, в кругах казахских работников и встал вопрос о необходимости завоевания веса в политической жизни, и в такой плоскости встал вопрос на указанном совещании. Выявилось два основных течения по этому вопросу: первое – за коллективное вступление без различия разделяют ли они в принципе программу ВКП(б).

Второе течение, к которому принадлежал и я, стояло на той точке зрения, что обманывать нельзя, а нужно предоставить каждому право вступления, согласно его убеждений.

Большинство, кажется, приняло последнюю позицию.

Постановка вопроса о том, чтобы обязать вступить в партию определенных лиц, на этом совещании не было.

Сторонником мнения о необходимости коллективного вступления в партию был Акпаев, который возражая мне говорил: что я потеряю, если вступлю в партию?

Других совещаний, на которых обсуждался подобный вопрос я не помню.

Каким образом сорганизовался алашский Райсоюз с/х кооперативов?

Процесса организации этого союза я не знаю, т. к. в этом деле не участвовал. Приглашен был туда на службу по приглашению правления, в котором в то время состояли Казбагаров, Токтагулов, Есергепов. Я был принят на должность Заведывающего оперативным отделом, и в своей работе к организационному строительству никакого отношения не имел. Был только один случай, когда я, за отсутствием инструкторов, обследовал низовые кооперативы (5-6) на левобережной части Иртыша. Обследование производилось в плоскости предварительного изучения заготовок.

Работая в Райсоюзе, я отмечал целый ряд ненормальностей, в частности в вопросе кредитования, которое шло, главным образом, по линии выдачи авансов в под заготовки, байским хозяйствам.

Как Вы относитесь к проведенной в данное время кампании по конфискации байских хозяйств?

Отношусь положительно. Чтобы не быть голословным, сошлюсь на свое участие в комиссии по предварительной проработке этого вопроса по линии экономического его обоснования. Я был назначен председателем этой комиссии, в которую входили: член през. Госплана СИРИУС, от НКЗема Чувелев и от НКФ Бахрах.

В своей наметке мы предполагали возможным проведение конфискации хозяйств, имеющих свыше 200 голов, в переводе на крупный скот, с варьированием этой нормы выше и ниже на 20%, в зависимости от экономических условий того, или иного района. Для проработки вопроса нам дали срок в 36 часов.

Габбасов

Верно: Пом. Нач. ВО. *Саенко*

Архив ДКНБ РК по г. Алматы.
Ф.6. Д.011494. Т.1. Л. 128-134. Л. 314-330.

ДЖАКУПОВ СЕРИКГАЛИ ГУБАЙДУЛОВИЧ

Справка: *– арестован 25 сентября 1937 года органами НКВД КазССР. Обвинен по ст. 58 пп. 2,7,11 УК РСФСР. 7 сентября 1939 года умер в больнице тюрьмы № 1 НКВД КазССР г. Алма-Аты от туберкулеза костей.*
Определением Распорядительного заседания Военного Трибунала войск НКВД КазССР от 20 октября 1939 года на основании п.1 ст. 4 УПК РСФСР дело производством прекращено в связи со смертью обвиняемого.
Решением Военного Трибунала Туркестанского Военного Округа от 13 сентября 1958 года дело пересмотрено и определение Военного Трибунала войск НКВД КазССР от 20 октября 1939 года отменено и дело производством прекращено за отсутствием состава преступления.
Заключением Генаральной Прокуратуры Республики Казахстан от 19 апреля 1999 года приговор Военного Трибунала войск НКВД КазССР от 20 октября 1939 года отменен и дело прекращено на основании пп. «а, в» ст.ст 4,5 Закона РК от 14 апреля 1993 года «О реабилитации жертв массовых политических репрессий».

АВТОБИОГРАФИЯ

уполномоченного по информации Новоузенского политбюро Джакупова Серик-Галия

Я, Джакупов Серик-Галий Габайдуллин, сын бедного киргиза, родился в 1890 году в пос. Талевке, Киргизской степи.

Детство свое провел в нищенстве и лишениях, оставаясь круглой сиротою с трехлетнего возраста в попечении своего престарелого дедушки. С 7 до 14 лет учился по мусульмански, а с 14 до 24 лет учился по русски, окончил высшее начальное училище и педагогические при нем курсы. По окончании этих училищ, в 1915 году был назначен учителем одноклассной русско-киргизской школы, где и служил до февральской революции. После февральской революции занялся кооперативной работой, и одновременно учительствовал. Параллельно с этим я стал заниматься и политической работой. Во время керенщины, я с некоторыми товарищами организовал

кружок под названием «Жарлык –Беднота» и впоследствии переименовав его в РСДРП(Б) стали определенно бороться против земства.

После Октябрьской революции свергли у себя земство и организовали Советы. Будучи тов. председателем Таловского уисполкома, организовал во всем уезде волостные и аульные советы, ведя активную борьбу против контрреволюционеров. Через несколько времени пришли казачьи белогвардейцы и забрали меня в плен, осудили к смертной казни, как главаря большевистской заразы, но случайно спасся бегством, после этого поехал в гор. Урду, где стал опять приниматься за политическую работу. Здесь собрал всю молодежь и организовал коммунистический союз и стал бороться с теми элементами-контрреволюционерами, которые засели в Советах и явно подрывали авторитет Советской власти. Одновременно занимал должность заведующего Губернским отделом социального обеспечения и труда. В мае месяце 1919 года, я был избран делегатом от Букеевской губернии в г. Москву, где и назначен был членом Киргизского отдела при Наркомнации, но здесь служил недолго. По рекомендации секретаря ЦК РКП(б) т. Стасовой я поступил в Высшую политическую партшколу, ныне Университет имени тов. Свердлова.

По окончании этой школы, я был назначен согласно постановлению ЦК РКП(б) ответственным организатором Киргизской степи, где к работал до конца 1920 года, будучи одновременно на разных должностях. В конце 1920 года я был командирован КирЦИК в Букеевскую губернию по разным политическим делам, но мне работать в Букеевской губернии не было возможности, ибо власть, включая туда и Губернский комитет, была в руках царских чиновников, приставов, исправников и т.д. Видя перед собою такую печальную картину, я стал опять бороться с ними, подавал на них материалы в ВЧК и ЦК РКП(б), наконец достиг своей цели. Все означенные царские чиновники были изгнаны из рядов коммунистической партии.

По случаю появления разных бандитских шаек в Таловском и Новоузенском уездах в начале 1921 года, согласно поручения Оперштаба Гарнизона г. Новоузенска и уездного комитета РКП(б), я сформировал добровольческий отряд из киргиз-коммунистов, который вел борьбу против Вакулина

и других. По ходатайству начальника Гара и уездного комитета РКП(б) перед КирЦИК я остался работать в Новоузенском уезде, будучи военным комиссаром добровольческого киргизского отряда. В отряде работал до 20 июня 1921 года и участвовал несколько раз в бою против банд, чего поступил в Алгай-Эмбинское Особое отделение в качестве Уполномоченного по информации, работал в этой должности до его ликвидации. После в сентябре месяце 1921 года я был откомандирован в распоряжение Новоузенского Политического Бюро, где и работаю до сего времени. Уполномоченным по информации, никаким взысканиям до сего времени со стороны советской власти не подвергался, состою в партии с 1918 года.

К сему (подпись *Джакупова*)
17.02.1922 г.

Из личного дела Джакупова С.Г. Копия.

Секретарю ЦК ВКП(б)
Тов. Сталину
Наркому внутренних дел тов. Ежову
Прокурору тов. Вышинскому

Бывшего сотрудника НКВД казССР
Бывшего члена ВКП(б),
ныне арестованного
Джакупова СерикГалия

ЗАЯВЛЕНИЕ

Я был арестован по распоряжению бывшего наркома внутренних дел КазССР Залина и его заместителя Володзько 25 сентября 1937 года и с того времени содержусь под стражей со строгой изоляцией, не совершив никакого преступления против Советской власти и Коммунистической партии, и до сих пор следствие не закончено, возвращено на доследование. Как видно из дела, меня арестовали почти без материала, предъявили мне обвинение в участии в контрреволюционной националистической организации. Когда особоуполномо-

ченному НКВД КазССР, в течение 2,5 месяцев не удалось добиться на меня почти никаких материлов о моей националистической деятельности, передал мое дело одному из сподвижниокв Залина, его доверенному (как называют сотрудники), помощнику начальника 3-го Отдела НКВД КазССР Гитлину. Разумеется с заданием во что бы то ни стало добиться на меня материалов, о моей принадлежности к контрреволюционной националистической организации 6 января 1938 года, Гитлин и его оперуполномоченный Михайлов «добились» от арестованного Мендешева показание якобы о моей принадлжености к контрреволюционной националистической организации.

Показание Мендешева сплошной вымысел и гнуснейшая клевета. Мне кажется сфабриковано самим Гитлиным и Михайловым (об этом ниже).

Мендешев показывает:

1. Я с ним установил связи в 1922 году и в том же году вступил в его контрреволюционную националистическую группу. Чистейшая ложь и клевета. В 1922 году я работал вне Казахстана, в Саратовском крае уездным уполномоченным Саратовского губернского отдела ОГПУ по Новоузенскому уезду. Я ни разу не встречался, следовательно не мог участвовать в его группе, это можно установить по моему личному делу.

2. 1923-1924 гг. я, состоя редактором газеты «Рабочее слово» на Эмбинских рыбных промыслах, на страницах этой газеты разжигал межнациональное трение. Во-первых, в 1922-1924 гг. редактором газеты «Рабочее слово» на Эмбинских рыбных промыслах не работал и, во-вторых, Эмбинских рыбных промыслов на свете не существовало, существуют Эмбинские нефтяные промыслы, на которых в тот период времени так же не издавалась никакая газета. В конце 1924 г. я работал в г. Гурьеве секретарем Гурьевского уездного комитета ВКП(б), туда послан через Уральский губком ВКП(б) секретарем Казкрайкома ВКП(б) т. Коростелевым.

Работая непродолжительное время секретарем Гурьевского уездного комитета ВКП(б), я вел активную борьбу с алаш-ордынской национальной интеллигенцией и байством, во главе с карателем Алаш-Орды (начальником карательно-

го отряда) Кенжалиевым Алпан, одновременно состоял редактором газеты, кажется «Рабочая правда» – органа Гурьевского уездного комитета ВКП(б), разоблачал националистов и проповедывал интернационалистическую идею (см. мою статью «Что такое национализм?»). Эту газету можно достать в публичной библиотеке г. Алма-Ата и Центральном архиве. Если в этой газете, а также в русской газете Гурьевского уездного комитета ВКП(б) окажется хотя бы одна статья националистического характера, то я готов нести любое наказание. В моей борьбе с националистами и байством принимали участие главным образом, члены ВКП(б) русские, башкиры. Об этом хорошо знают бывшие ответственные работники Гурьева – Алимаев (русский), заместитель председателя уездного исполкома, Типеев Шамсон (башкир, заведующий АПО уездного комитета), Терехов – секретарь Уральского губкома, заведующий АПО губкома Малов, бывший начальник Восточного отдела Уральского губернского отдела ОГПУ Логачев.

В декабре того же года, Уральским губкомом был передан в Уральский губернский отдел ОГПУ ходатайством.

Якобы в 1925-1926 гг. я рассказал Мендешеву о том, что я буду бороться с мероприятиями Советской власти и Коммунистической партии по конфискации баев-полуфеодалов и по землеустройству. Как же я мог говорить Мендешеву в 1925-1926 гг. о борьбе с мероприятиями Советской власти и Коммунистической партии о конфискации баев-полуфеодалов, когда мероприятие это было проведено в 1923 году по решению ЦК ВКП(б), вынесенному под вашим руководством в июне месяце того же года. До этого никто об этом не знал и не мог знать. Причем, в 1923 году я работал в г. Кустанае по линии ОГПУ, активно проводил это мероприятие. По моим материалам были конфискованы 64 крупных баев-полуфеодалов и мною вскрыто 14 контрреволюционных националистических организаций и группировок, в том числе филиал алаш-ордынской контрреволюционной националистической организации, и известное по Казахстану громкое дело «Наурузумское» националистической контрреволюционной организации.

Землеустроительная работа, проводилась в плановом порядке по линии Казнаркомзема в тот период только в Алма-

Атинской (бывшей Семиреченской) области, работая в это время в ПП ОГПУ г. Кызыл-Орде уполномоченным по бандитизму, я никакого отношения к землеустройству не имел. А что касается передела пахотных и сенокосных угодий, то это мероприятие проводилось в 1927 году, причем, в Таловском районе, где в этом году я работал, мероприятия по переделу пахотных и сенокосных угодий не проводились, т.к. этот вопрос в этом районе был разрешен уже во время гражданской войны.

4. Якобы, в 1929-1930 гг. где и при каких обстоятельствах, неизвестно), Мендешев мне рассказал, что существует в Казахстане контрреволюционная националистическая организация, руководителями которой являются: Рыскулов, Ходжанов, Нурмаков и Кулумбетов, и якобы, я дал согласие на вступление в нее.

Я с 1929 по июнь 1935 г. работал вне Казахстана, сперва в Средней Азии и затем и 5 лет в Татарской АССР в г. Казани. Никакого отношения в этот период времени к Казахстану я не имел. В 1929 г. Мендешев находился в Москве, а я в Кустанае и затем Каракалпакской АССР, вел борьбу с басмачеством. В 1929 г. с Мендешевым вовсе не встречался. Встречался с ним в конце 1930 г. в Москве, когда я из Ташкента ездил на курорт «Кисловодск». В этих встречах (встречался два раза) были со мною Утегенов Мугавия и Габит Сарбаев. Абсолютно никаких разговоров на политическую тему, тем более контрреволюционного характера - не было.

5. Якобы, в 1936 г. Мендешев информировал меня о подготовляемой контрреволюционной националистической организацией террористического акта над руководителями партии и правительства в Казахстане, в частности, над Мирзояном. Кто-же поверит этому, что контрреволюционная националистическая организация подготавливала террористический акт над своими руководителями, т.к. все руководители правительства и партии в Казахстане, как установлено следствием (Мирзоян, Исаев, Кулумбетов, Нурпеисов и др.) оказались членами, руководителями одной и той-же контрреволюционной организации, в которую входит сам, якобы, Мендешев.

Все изложенное с полной очевидностью говорит о том, что показание Мендешева совершенно ложное и гнусная клевета.

10 февраля 1938 года следователи Гитлин и Михайлов

объявили мне об окончании следствия и ознакомили с делом. При ознакомлении я написал объяснение, отвергнув по пунктам показания Мендешева и других. Из моего объяснения была видна ложность показания Мендешева и вытекала необходимость уточнения и выяснения ряда моментов, указанных в показании Мендешева, причем, я требовал очной ставки с Мендешевым в присутствии прокурора.

Через 10 дней после ознакомления с делом, т.е. 20 февраля меня вызывает заместитель наркома внутренних дел КазССР Володзько и объявляет, что он производит мне очную ставку, с перевязанной головой, почти в полувменяемом состоянии, видимо после соответствующей пытки и обработки. В присутствии следователей Гитлина и Михайлова Володзько приступил к «очной ставке». Причем, он предварительно предупредил Мендешева и меня, что мы должны отвечать на заданные им вопросы «да» или «нет», выразить других слов не разрешается.

Володзько задал только один вопрос Мендешеву о том, что рассказал ли он мне в 1929 и 1930 гг. о существовании контрреволюционной националистической организации. Мендешев после продолжительной паузы сказал, обращаясь в противоположную сторону, «да», после этого задал вопрос мне «подтверждаю ли я показание Мендешева». А я ответил «нет». Причем, вопреки установленной регламентации Володзько задал вопрос «когда, где и при каких обстоятельствах Мендешев рассказал мне о существовании контрреволюционной националистической организации». На это Володзько, видя, что Мендешев не сумеет ответить на это, сказал, что эти вопросы к делу на относятся. И этим самым Володзько закончил очную ставку и меня увели в камеру. После этого, через пять часов вызывает меня Гитлин к себе в кабинет, и вместе с Михайловым предлагает дать свое показание на очной ставке, предъявив мне зафиксированное и подписанное показание Мендешева (подпись совсем не похожа на действительную подпись Мендешева), причем, показание Мендешева изложено подробно, изложено в нем то, что совершенно он не говорил на очной ставке. На мой вопрос, почему показание Мендешева не составлено и не подписано в моем присутствии, Гитлин ответил, это по распоряжению Во-

лодзько. На мое заявление об отказе от дачи показания без присутствия Мендешева, Гитлин ответил, что «в таком случае мы составим протокол о том, что вы отказались от очной ставки, будучи разоблаченным Мендешевым, подпишет это заместитель наркома Володзько, тогда вам будет хуже», тогда я вынужден был согласиться с доводами его, дал показание полностью отвергая показание Мендешева.

Ложность показания Мендешева подтверждается еще тем, что он сам неоднократно отказывался, заявляя, что дал ложное показание. Подавал об этом письменное заявление в НКВД Залину. Об этом может подтвердить бывший инспектор НКВД КазССР Бергман.

Закончив, таким образом, следствие по делу созданное на меня направили по подсудности. Судебные органы видимо установили изложенное безобразие, и дело недавно вернули на доследование.

При ознакомлении же с делом мною было обнаружено, что подлинного, написанного от руки, как полагается по закону, показания Мендешева в деле не было, а было приобщено к делу показание Мендешева, отпечатанное на машинке с подложной подписью. О чем мною было заявлено прокурору и сообщено наркому внутренних дел КазССР. На днях мне удалось выяснить, что этого показания Мендешева в деле нет, а на место его вложено в дело другого содержания показание Мендешева в подлинниках с копией, датированное тем же числом, причем, в этом показании записано ряд моментов, которые совершенно не были указаны в первом показании. Например: написано, что участвовал в контрреволюционной националистической группировке Мендешева, вступал в нее в 1922 г., в 1936 г. Мендешев информировал меня, о подготовке террористического акта над руководителями партии и правителъства в Казахстане и т.д. В подтверждение этого может служить то, что эти вопросы при допросе меня следователем Михайловым от 15-16 января 1938 г. мне задавались, а также не указано мною в объяснительной записке при окончании дела, и кроме того, дело перенумеровано. Аналогичная участь постигла и показания другого обвиняемого Касабулатова. В показании Касабулатова, когда я ознакомился с делом, не было записано, что я участвовал в контррево-

люционной националистической группировке Мендешева, а в новом показании указано, что, якобы я участвовал в контрреволюционной националистической группировке Мендешева. Доказательством того, что это является подтасовкой или вернее подлогом служит то, что это последнее показание снято 11 января 1938 году следователем Коноваловым, а прежнее показание было снято начальником отделения 4-го Отдела Ломакиным, кажется в октябре месяце 1937 г. Этого показания в деле нет. Это подтверждается еще тем, что по существу показания Касабулатова меня допрашивал в октябре или ноябре месяце 1937 года помощник Особоуполномоченного НКВД КазССР Синицын, задав мне конкретные вопросы по существу показания Касабулатова (см. мое показание). Из всего изложенного видно, что показание Мендешева добыто следователями Михайловым и Гитлиным по распоряжению Володзъко путем провокации, применяя к нему физические и моральные пытки с целью, во чтобы то ни стало обвинить меня в участии контрреволюционной националистической организации. Какими соображениями руководились Володзъко, Гитлин и Михайлов, создавая такую провокацию и подлог, мне неизвестно.

При допросе меня, Гитлин и Михайлов открыто предлагали дать мне ложное показание. Поскольку меня наталкивали на такой гнусный путь, то тем более Мендешева еще в большей степени. Теперь по части участия моего в группировке Мендешева.

В 1923 г. по ходатайству бывшего Киробкома ВКП(б) я был отозван из Саратовской губернии и в конце того же года по рекомендации секретаря Киробкома т. Коростелева я был избран заведующим орготделом Киргизского областного комсомола, как первый организатор в 1918 г. комсомольской организации в Казахстане.

Работая на этой должности до середины 1924 года, я вместе с тогдашним секретарем Киргизского обкома комсомола П. Катковым, ныне комиссар 8 отделения Туркестанской дивизии, вел активную борьбу с националистами, особенно С. Садвокасовым, Тогжановым и другими, которые открыто проповедуя национализм, пытались организовать комсомол из байской молодежи. В начале 1924 г. некоторые казахские работники: Сейфуллин, Нурмаков, Асылбеков и другие рабо-

тавшие раньше вместе с Мендешевым, будучи недовольны с линией Киробкома, возглавляемого Коростелевым, перешли на сторону Садвокасова Смагула и открыто подняли травлю на Коростелева, и особенно поддерживающего его Мендешева, обвиняя последнего в том, что он продался русским и т.д. Тогда я вместе с Катковым и другими работниками комсомола, стал поддерживать Коростелева и Мендешева, как лиц проводящих линию партии. За это националисты, мне и другим приклеили ярлык мендешевцев. И тогда действительно считал, что Мендешев стоит на партийной и интернациональной позиции. Но на каких- либо групповых совещаниях Мендешева и его сторонников не участвовал, и он мне никакого группировочного характера задания не давал, из его сторонников ни с кем, кроме Уразбаевой Алмы тогда я не был знаком. Несмотря на это, с этого времени меня некоторые сторонники Мендешева стали считать своим человеком, националистом мендешевцем и всякую мою борьбу с националистами и байством они рассматривали с этой точки зрения.

Об этом факте я ни от кого не скрывал, и даже заявил об этом во время проверки партийных документов в 1935 году. Группа Мендешева во время протяжении ряда лет казахстанской партийной организацией рассматривалась как группа интернационалистическая, стоящая на партийной платформе. Я также рассматривая с этой точки зрения, имел общение с некоторыми участниками мендешевской группы, как например: Абдрахмановым, Утегеновым, Сарыбаевым и другими, которым я сочувствовал как действительным борцам с врагами советской власти. Но одновременно я вел активную борьбу с некоторыми участниками группы Мендешева, например: Чумбаловым, Темралиевым, Исаевым и другими, что подтверждается целым рядом документов. За свою активную борьбу с националистами я неоднократно подвергался гонениям со стороны националистов. Особенно в 1925-1926 гг. националисты во главе с Нурмаковым, при поддержке Исаева, подвергали меня жестоким гонениям и травле за то, что я активно вел борьбу с националистами и байством. Об этом я своевременно сообщал ЦКК ПП ОГПУ, секретарю Казкрайкома ВКП(б) Голощекину. В этой своей докладной записке я прямо указал, что участники групп С. Садвокасова, Ходжанова объединившись с

некоторыми участниками группы Мендешева (Исаева и др.), прикрываясь под флагом отказа от групповой борьбы, ведут националистическую деятельность (см. мою докладную записку на имя ЦКК, КрайКК ПП ОГПУ и секретарю Крайкома Голощекину за 1927 г. в моем личном деле).

Обо всей известной мне контрреволюционной националистической деятельности участников группировок, включая и мендешевской, я сообщал и в ПП ОГПУ. Об этом хорошо известно бывшим ответственным работникам ПП ОГПУ Белоногову и Логачеву. Например, в 1925 или в начале 1926 года участники мендешевской группы написали заявление на имя ЦК ВКП(б) о контрреволюционной националистической деятельности участников групп Ходжанова и Садвакасова. В этом заявлении наряду с указанием действительных фактов Мендешев, Айтиев и другие выпячивали целый ряд группировочных и клеветнических моментов. Особенно это касалось тов. Ежова и Боярского, которых они огульно обвиняли в поддержке националистов и требовали немедленного отзыва из Казахстана. Я достал копию этого документа от Мендешева и Аитиева и тут же сообщил ПП ОГПУ с указанием, как они составляли и как собирали подписи. Об этом хорошо известно тов. Белоногову и Логачеву, тогдашним работникам ПП ОГПУ Казахстана. Я никогда националистом не был, одним из основных врагов Советской власти и Коммунистической партии я всегда считал национализм и на протяжении двадцатилетней моей работы вел активную борьбу с врагами Советской власти и Коммунистической партии, в том числе и с националистами.

Я сын батрака, в детстве сам батрачил, вступил в партию в самый трудный момент для Советской власти в 1918 году. С конца 1917 г. с ружьем в руках выступил на защиту Советской власти. В конце 1917 г. вместе с русскими товарищами впервые в Западном Казахстане в бывшем Таловском уезде свергнули земство и организовали Советскую власть, был заместителем председателя уездного совета РКСД, организовал партизанские отряды, в 1918 г. был арестован белыми (уральскими казаками и казахскими националистами), подвергался жесткой репрессии, бежал в г. Астрахань и г. Урду. В последнем под руководством русских коммунистов г. Урды к Астрахани в том же 1918 году организовал союз коммунисти-

ческой молодежи и вел активную борьбу с националистами-троцкистами Тунгачиным, Чумбаловым и другими, в 1919-1920 гг. работал в качестве организатора и агитатора Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока и ЦК ВКП(б) на Восточном фронте, организовывал на местах советскую власть и коммунистические организации, одновременно работая в партизанских отрядах.

В этот же период времени, также вел активную борьбу с казахскими националистами, в 1921 г. я специально ездил в Москву в ЦК ВКП(б) и ВЧК с докладом о контрреволюционной националистической деятельности националистов бывшей Букеевской губернии.

По моему докладу был распущен Губком ВКП(б) Букеевской губернии и 36 националистов-троцкистов Чумбалов и Бегалиев и другие исключены из партии, в том числе и сторонники Мендешева. Не имея возможности работать в Казахстане, т.к. за мою активную деятельность националисты подвергли меня жестокой травле, я в начале 1921 года я перешел на работу в Саратовскую губернию, где поступил в органы ВЧК и вел активную борьбу с врагами советской власти, а также в последующем как в Казахстане, так и вне его до момента ареста продолжал вести активнуб борьбу с врагами советской власти, особенно с националистами. За что пять раз награжден грамотой и оружием ОГПУ НКВД. Никогда у меня никаких колебаний или отхода от генеральной линии партии не было. Я всецело предан советской власти, Компартии и вне их у меня нет никакой жизни. Прошу Вашего вмешательства в мое дело и избавить меня от гнусной клеветы врагов советской власти и Компартии.

Для подробного исследования изложенных мною выше фактов, и выявления истины, доследования моего дела, поручить особоуполномоченному НКВД СССР или же прокурору Союза.

Джакупов

01.01.1939 г.

Архив ДКНБ РК по г. Алматы
Ф.6. Д.06656. Т.1. ЛЛ.194-202. Копия.

ДЖАНДОСОВ УРАЗАЛЫ

Справка: *– арестован 29 мая 1937 года УГБ НКВД КазССР. Осужден Выездной Сессией Военной Коллегии Верховного суда СССР от 28 февраля 1938 года по ст. 58-2, 58-7, 58-8, 58-11 УК РСФСР и приговорен к высшей мере наказания – расстрелу. Приговор приведен в исполнение в тот же день в г. Алма-Ате на основании постановления ЦИК СССР от 1 декабря 1934 года.*

Определением № 44-02733/57 Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 1 августа 1961 года приговор Выездной Сессии Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 28 февраля 1938 года отменен и дело за отсутствием события преступления прекращено.

Заключением Генеральной прокуратуры Республики Казахстан от 14 сентября 1999 года на основании Закона Республики Казахстан «О реабилитации жертв массовых политических репрессии» от 14 апреля 1993 года – реабилитирован.

АВТОБИОГРАФИЯ

Родился в марте 1904 года в рабочей семье имеющей свое хозяйство. (В условиях Семиречья это неудивительно). Отец Киким Джандосов с 9 лет по 27 лет включительно, работал по найму у богатого русского казака ст. Любовинский Ивана Головина. С 27 лет поступил рабочим на известковые заводы в ущелье Каскелен Семиреченской области. До конца своей жизни работал на этом заводе. (С 35 лет отец мог обзавестись небольшим хозяйством). До 9 лет я воспитывался в отчей семье, одновременно пас ягнят в 50 голов принадлежащих моему отцу и его родственникам. Когда исполнилось мне 9 лет, отец воспользовавшись авторитета известного мещанина гор. Верного Т.В. Великанова (на заводе которого он работал) устроили меня на казенный счет в пансионе Верненской мужской гимназии, где я воспитывался и учился (периодически на каникулы приезжал к родителям) до 1918 года. В 1918 году в силу, с одной стороны переворота (революция), с другой стороны – смерти отца, мне пришлось бросить учебу и пойти к родителям, помогать матери и братьям. С 1918 – 1920 года занимался шитьем сапог, в 1920 году взял инициативу организации производственной артели по выжиганию извести, организовал ее и работал в качестве секретаря артели одновременно исполняя обязанность рядового рабочего. В 1922 года был избран членом Алма-Атинского УИК-а зав. УЗУ. 1922 года по 1924 год (конец года) работал в Джетысуйской области, членом бюро ОК комсомола, секретарем УК союза «Кошчи», секретарем УК комсомола, отв. Секретарем УИК-а. В конце 1924 года поехал в Москву и там поступил на учебу в Высшие кооперативные курсы Центрасоюза. В начале 1925 года бросил учебу и поехал на работу в Фергану в качестве заместителя уполномоченного Казсельсоюза. С начала 1926 года по 1927 года работал начальником Талды-Курганской уземпартии и состоял членом УК ВКП(б), с конца 1927 года по 1929 год работал председателем Актюбинского губплана и зампред ГИК-а и состоял членом бюро губкома ВКП(б). В 1929 году по утверждении ЦК ВКП(б) поехал на учебу во ВТУЗ в счет парт «1000» и окончил теоретический курс об-

учения Московского геолого-разведочного института им. С. Орджоникидзе в конце 1932 года. В 1933 году работал зам Управляющего Казгеолтреста в Семипалатинске и при выделении из состава треста, самостоятельного управления «Казредметразведка», был назначен управляющим этого управления. В 1934 году работал начальником Устарасайской геолого-разведочной партии в Бостандыкском районе Южно-Казахстанской области. С начала 1935 года работал начальником Алма-Атинской (экспедиции) группы геолого-разведочных работ от к-та «Ачполиметалл». На эту работу был направлен по решению Крайкома ВКП(б). Проработал на этой работе до апреля месяца 1936 года т.е. до организации Текелинского рудоуправления. С 1 апреля 1936 года приказом по «Главцветмету» был назначен директором Текелинского рудоуправления, на каковой работе состоял до 22 мая 1937 года. В комсомоле состоял с 1920 года по 1927 год. В рядах ВКП(б) состоял с 1926 г. по апрель месяц 1937 года.

Архив ДКНБ РК по г. Алматы
Ф.6. Д.04722. Л.59-60.

...органов НКВД
...Каз ССР

Анкета арестованного

ВОПРОСЫ:	ОТВЕТЫ:
...милия.	Джандосов
...и отчество.	Уразалы Кикимович
...место рождения.	Родился " " Март 1904 г. Обл. Край Алма-Атинская об. р-н Каскеленский город Колхоз "Ораз" село
...остоянное местожительство и ...	г. Алма-Ата Лагерная 44
...сто службы и должность или ...	Талды-Курганский р-н рудник Текели Директор Рудоупра.
...офессия и профсоюзная принадлежность № билета.	член союза цветников. Геолог-разведчик
...ущественное положение в момент ареста. (Перечислить подробно ...мое и движимое имущество ..., сложные и простые с.-х. ... количество обрабатываемой ... количество скота, лошадей и ... сумму налога с.-х. и индив. ... колхозник указать имуществ. ...ние до вступления в колхоз, ...ступления в колхоз).	Не имущий
...же до 1929 года.	Не имущий
...же до 1917 года.	
...иальное положение в момент ...	Служащий
...жба в царской армии и чин.	Нет
...ужба в белой армии и чин.	Нет

СССР

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Главное Управление Государственной Безопасности

Протокол допроса

К ДЕЛУ №

августа мес. 4 дня. Я,
(должн. наимен. органа, фамилия)

допросил в качестве

Фамилия Джандосов

Имя и отчество Уразалы Кикимович

Дата рождения марта м-ца 1904 г

Место рождения колхоз "Арал" (быв. Каз. Чемолг. волость) Каскеленского района

Местожительство гор. Алма-Ата, ул. ... 144 кв. 11

Нац. и гражд. (подданство) казах

Паспорт Бостандыкским РО РК милиции в 1934 г.
(когда и каким органом выдан номер, категор. и место приписки)

Род занятий Директор Текелийского рудоуправления
(место службы и должность)

Социальное происхождение Крестьяне единоличники ~~кочевников~~ (общим известно)
(род занятий родителей их имущественное положение)

Социальное положение (род занятий и имущественное положение)

до революции Ученик

после революции Служащий

Состав семьи мать, жена, и 4 детей
(близкие родственники, их имена, фамилии, адреса и род занятий)
(мать — Дариен 61 г.) (жена — Хакима домохозяйка) дочь — Раиса 9 лет, дочь — Альмсу — 4 лет, сын ... — 1,5 г. и ~~...~~ приемная девочка — Фаузия 13 лет

Архив ДКНБ РК по г. Алматы. Ф. 6. Д. 04722. Л. 59-60.

ДЖЕЛИСБАЕВ МАКСУТ

Справка: *– арестован 21 октября 1933 года СПО ОГПУ в Казахстане. Постановлением Тройки при ОГПУ в Казахстане от 23 марта 1934 года осужден к 5 годам ИТЛ. Постановлением той же Тройки от 7 июля 1934 года мера наказания была заменена ссылкой в Западно-Сибирский край в г. Томск на 3 года. А на основании постановления Особого Совещания при НКВД СССР от 20 января 1936 года прежнее постановление Тройки при ОГПУ в Казахстане от 7 июля отменено с лишением его права проживать в городах Москва и Ленинград на неотбытый срок.*

Вторично арестован 14 августа 1937 года УГБ НКВД КазССР. Выездной Сессией Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 26 февраля 1938 года осужден по ст. 58 пп. 2,7,8,11, УК РСФСР и руководствуясь со ст.ст. 319 и 320 УПК РСФСР приговорен к высшей мере наказания – расстрелу. Приговор приведен в исполнение в тот же день на основании постановления ЦИК СССР от 1 декабря 1934 года.

Определением Военного трибунала Туркестанского военного округа от 22 марта 1961 года постановления Тройки при ОГПУ в Казахстане от 23 марта 1934 года и от 7 июля 1934 года, а также Особого Совещания при НКВД СССР от 20 января 1936 года отменены и дело прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления.

Определением № 4н-760 Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 22 августа 1961 года приговор Выездной Сессии Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 26 февраля 1938 года отменен по вновь открывшимся обстоятельством и дело прекращено производством за отсутствием события преступления.

АВТОБИОГРАФИЯ

Родился в 1894 году в семье скотовода. Мать вышла после вдовства за брата мужа. Имели самостоятельное небольшое хозяйство. Отец имел еще жену. Хозяйство бедное, пасли баранов родных. Род малый по количеству и социальному положению всего 50 хозяйств. В царское время род был угнетен большими родами. Ни на каких должностях не находился. Были богатые пять-шесть человек, остальные середняки бедняки. Семья была большая. Все малолетние, неработоспособные. Когда дети подросли, хозяйство увеличилось, отец оказался баем, выселенцем в прошлом году. В 11 лет был малообразованным. В Пишпеке поступил в сельскохозяйственную школу, которую окончил хорошо в августе 1915 года. Учился зимой, остальное время был на полевой работе рабочим. После окончания школы Управляющий ее оставил меня садовником, до 1916 года при школе устроился помощником уездного агронома.

Прослужил до 1916 года. Приказ о мобилизации на тыловые работы. Не хотелось поехать в аул, в августе были волнения, примкнул к ним, подпольно агитировал. 30 августа был бунт. Главарем был брат отца и другие родственники. Бунт длился пять дней. Связь была прервана, были пожары. Прибыл карательный отряд. Управители начали усмирение главарей и нашего рода. Когда установилась власть, был арестован отец. Брата отца арестовали. Я был назначен доверенным ходатайствовать перед высшими властями. В октябре хана убили. Составили списки на тыловые работы, мы попали в список. Часть убежала. Сформировали эшелон рабочих и я пошел на работы. Второй не был взят. Посылали переводчиков. Я остался в Мерке доверенным. Приехал Куропаткин с Джеысбаевым. Я написал заявление и передал Куропаткину. За-

явление против Волостного управления. Я был известным, на меня составили протокол, что агитирую. В феврале 1917 года Зыков меня вызвал и обвинил в агитации. Наступила революция. Получили телеграмму о свержении. Все политзаключенные были освобождены. Население оживилось. Все власти начали уезжать. 17 марта по телеграмме объявили, что будет митинг. Съехались из аулов. В Президиуме был я. Создали комиссию для ареста Лундина. В ней был я. Лундин застрелился. Была боязнь. Организовали новую власть комиссаров. Из Ташкента приехал Таробанов организовать Совет депутатов. Я связался с ним. Объехали все волости и назначили комиссаров. Назначили моего дядю комиссаром, а председателем Совета депутатов Рыбина и заместителем меня и узбека. Приехал Рыскулов в мае, я его знал с малолетства. Он стал всех собирать. Набралось 22 человека. Рыскулов организовал Союз молодых киргиз. О партии мы не знали. Мы вступили в Союз. Программа - смена всех старых, организация продовольственных комитетов. На уездном съезде принимал участие. Выбран участковым комиссаром. Был среди масс, пользовался авторитетом. В Аулие-Атинском уезде в конце августа на II съезде нас разогнали.

Так встретили Октябрь. Мы через два месяца организовали Революционный комитет. Председатель Рыскулов собрал нас и поставил на должности. Предложил вступить в партию. 22 декабря 1917 года я вступил в партию. Отправили в Мерке участковым Комиссаром. 15 мая 1918 года получил партбилет. Существовали две партии - левых С.Р. и большевиков. 15 мая был назначен организатором по линии партии и Советов. Приехал в Мерке и организовал большевистскую ячейку. Дядя остался председателем волостного комитета. В июне в Аулие-Ате, съезд отложили до осени. 27 сентября состоялся съезд. 367 большевиков и 130 С.Р. Имели отклонения с левыми С.Р. С.Ры требовали 50 процентов мест в Советы. Мы не давали. С.Р-ы не согласились и частью уходили из зала заседания. Против меня С.Р-ы делали отвод (читает выдержку из съезда). На съезде был тов. председатель. В исполком избран тов. Председатель уездного исполнительного комитета и Председатель Мусульманского бюро до конца 1918 года. В начале 1919 года назначен в коллегию ЧК. Председателем

ЧК до 1920 года августа месяца. Казкрайком вызвал на работу областного масштаба тов. председателя Сыр-Дарьи с Сафаровым и выгоняет всех Рыскуловых. Приехал в аул, потом уехал в Ташкент. Была сформирована ходжановская власть. В 1918 году было белогвардейское восстание. Я выявил и сообщил по прямому проводу Цыганкову. Телеграфист Николенко. Нас было три большевика. Белогвардейцы нас арестовали и двое суток держали под арестом, нас отправили Беловодск. Через полчаса некто Юрьев спросил, почему я сижу. Юрьев повлиял и взял на по-руки.

Я уехал в степь. Тов. Бармаков послал узнать, что делается. Поехал в Аулие-Ата. Ждали отряд Сафонова. Я их встретил в Акчулак, доложил обо всем. Встретил Хенкилевского и Ерофеева. Взяли меня обратно. Прибыли в Мерке окружили банду. Выгнали из Мерке. Меня оставили по ликвидации банды. Далее в Ташкенте. Все татары были у власти. Там Ходжанов оставил меня у себя начальником канцелярии НКВД. Назначен в редакцию «Ак жол». В январе 1919 г. Всеказахский съезд в Аулие-Ата. Я написал статью в Акжоле о власти татар в Аулие-Ата. Меня назвали рыскуловцем. Запросили имя автора статьи. От Сафарова телеграмма арестовать меня за оскорбление мусульманских работников.

Меня арестовали. Я разоблачен газетной статьей как чуждый элемент. Я ждал расстрела. Пять человек исключили из партии (Баширов, Бумаров и др.) Домбровского я просил расследовать. Через 15 дней Сафаров поехал в Москву. Всех казахских работников арестовали. Я сидел 101 день. Карабай Адельбеков был меньшевиком, у него был мандат от Сафарова в Ташкент в ЧК. Он симулировал смерть, а на самом деле скрылся. Между Сафаровым и Петерсом был скандал за расстрел чекистов. Я написал Петерсу заявление. Петерс вызвал и меня допросил Грузен. Велели подождать пока прибудут материалы. В конце апреля спросили кто знает сельское хозяйство. Я стал садовником в тюрьме. Пошел к Ходжанову и просил кончать дело. Ходжанов написал в ЧК о моём освобождении. На другой день меня освободили. Пришел в Обком, назначен Уполномоченным ТурЦИКа по земельным реформам в Пишпеке до 1922 года, и выселил 22 поселка. Киротдел мобилизовал своих казахов. Я видел группировки.

Кто-то сообщил, что за отправки обратно мобилизованных Асфандияров объявил мне выговор. Я ушел в отпуск и уехал в аул.

Меня считали в группе Рыскулова. Был разочарован. В августе 1922 года захотел заняться сельским хозяйством. Устроил себе домик из двух комнат. В ноябре от ЦИК предложено выехать в Ташкент ЦК. Назначен членом Коллегии Наркомпрода. Приехал Рыскулов. Вёл работу до ликвидации. Была нужда на Ашхабадском фронте. Послали в Семиречье для заготовок. Мне вынесли благодарность и на Красную доску. Стал заместителем уполномоченного. В 1923 году хлебопродукт по Средней Азии. Дело дошло до национального размежевания. Был болен. В ЦК послали в Госбанк инспектором. Чувствовал себя не в силах. Был членом правительства. Просил не назначать инспектором, а практикантом. Поступил практикантом. Прасолов, Управляющий Госбанком распорядился помочь мне. Начал изучать все операции. Я работал и практически и теоретически. Мне помогал тов. Бабкин. Когда узнал работу сообщил Прасолову. Выдержал испытание. Прасолов предложил в Москву утвердить управляющим Аулие-Атинским отделом Госбанка. Об этом сообщил тов. Курамысову в Оргбюро. Курамысов направил в Алма-Ату. Раньше был в Чимкенте просил дать путевку. Запросили Джетысуйский губко. Меня не пустили. Я поехал в Алма-Ату. Бурумбаев направил в Госбанк. С 1924 года по 1926 год был Управляющим банка. Меня перевели на Краевую работу в Госбанк. Кулумбетов взял Управляющим Спиртоводочным трестом до 1927 года. Было трудно работать. Положение треста было затруднительное. Построили три завода. Мы должны были ряд заводов сдать Центроспирту. Я задерживал, потому что уполномоченные безобразничали. Тов. Филатов знает об этом. Получил нахлабучки. Был прав. Хотя сделали ошибку, но был прав в определении качества работы уполномоченного.

В Аулие-Ата арестовали отца. Его отправили в Чимкент. Мне казалось, что бросают камнями в меня. Я пришел к Голощекину и сказал, что арестован отец. Голощекин сказал, что у коммунистов не бывает отцов. Потом Кулумбетов освобождает от Спирттреста и назначает в 1927 г. членом прав-

ления областного Каспрыбтреста. Я поехал в Астрахань. Первое время не давали возможности работать. Я писал, что мне плохо. Но чувствуя ответственность, старался вникнуть в работу. Через шесть месяцев я руководил коммерческим отделом. Казкрайком меня отозвал в марте 1929 года, на меня завели дело. Направили в Союзмясо специалистом по сырью. Как работаю, товарищи скажут. Меня оклеветали. Наша семья была бедная, потом укрепилась, детей было много, разделились. Когда вступил в партию, работал в ЧК, конфисковал имущество баев. Мои враги противники рода моего. В 25 лет был управителем, стали провоцировать, что я зверь. Противники говорили, что я бай, ничего не могли доказать. Противником был Адельбек. До настоящего времени я отбивался от них. Когда был декрет о конфискации, оказался и мой отец. Как член партии совершенно подчиняюсь и согласен с этими мероприятиями. Тов. Исаев делал доклад о конфискации, говорит, что ограждали крупного бая Адельбека. Это говорит о неправильном проведении конфискации. Нужно было ущемить меня. Никакого отношения к отцу не имею. Был фельетон, что я скрывал имущество отца. Я не приезжал из Астрахани, есть документы. Вопрос, как я реагировал на конфискацию. Его хозяйство большое, но не соответствует декрету. Иванов возбудил дело на меня, что отец богач. Астраханьская Контрольная комиссия требовала характеристику и сообщила, что отец трудовой скотовод. Контрольная комиссия прекратила дело и объявила выговор за ряд некоммунистических проступков. Нужно расчленить, какую связь я имею с отцом. Сделал ошибку, что устроил себе домишко. Дом в распоряжении брата. Домом не пользуюсь. Я изнервничался, все хотели меня лягнуть, но я терпел. Связи с проклятым отцом не имею. Заслуги перед революцией. У меня иногда настроение, выхожу из терпенья, имеются скандалы с рядом товарищей. Невыдержанность от природы сложилась, что будто человек военного коммунизма.

Архив ДКНБ РК по г. Алматы
Ф.6. Д.08113. ЛЛ.262-268. Копия.

Председателю
Коллегии советского контроля
от бывшего члена партии с 1917 года
Максута Джелисбаева

ЗАЯВЛЕНИЕ

Вполне учитывая перегруженность Вашего времени по вопросам социалистического строительства, но зная Ваше чуткое отношение ко всем вопросам от малого до великого и возлагая на это свою последнюю веру и надежду, обстановка, в которой я очутился сейчас, после 16-ти летнего пребывания в рядах Коммунистической партии вынудило меня обратиться к Вам непосредственно с настоящим заявлением со следующей просьбой:

В 1931 году с февраля по ноябрь месяц я был в Казахстане Секретарем Райкома ВКП(б) в Аксуйском районе. За время моего руководства планы хозяйственно-политических кампаней были выполнены на все 100%, а именно:

1. План весеннего сева 43 тыс га был досрочно выполнен, за что после проверки представителями Краевых организаций постановлением КазЦИК, район за досрочное выполнение был премирован опубликованием на страницах краевой печати (см. постановление КазЦИК в мае месяце 1931 года);

2. План мясозаготовок в 10 000 тонн также был досрочно выполнен, за что после фактической проверки представителями Краевой организации постановлением Краевой конторы Союзмясо район был премирован в 5000 рублей и постановлением Казкрайкома ВКП(б) район впервые получил одну легковую машину (см. отношение Союзмясо);

3. План хлебозаготовок в 1 380 тыс пудов, несмотря на напряженность также был выполнен досрочно, за что после проверки Правительственной комиссией в составе: Уполномоченного Совнаркома Казахстана тов. Мохова, председателя Районной Контрольной комиссии-РКИ тов. Тогерекова и Районного уполномоченного ОГПУ тов. Семипалова (см. акт комиссии), район был премирован со стороны Крайзаготзерно деньгами, вещами и литературой (см. постановление комиссии по премированию Крайзаготзерно).

Наряду с выполнением вышеперечисленных планов хозяйственно-политических кампаний, также были выполнены и другие задания как-то: мобилизация средств, организация МТС, конференции и т.д. (см. постановление Казнаркомфина по мобилизации средств).

Все эти успехи понятно не были достигнуты самотеком в особенности при наличии крайней отсталости района и чрезвычайной слабости партийной организации на местах и его засоренности, а были достигнуты при жесточайшей борьбе, как с частничеством и перегибами, а также агентами классовых врагов, всех частей, под непосредственным руководством Краевого комитета партии.

Учитывая особенности района как полукочевого и отсталого во время проведения вышеуказанной кампании постановлением Райкома ВКП(б) одобренной Казкрайкомом ВКП(б) своей шифрованной телеграммой № 2 за подписью тов. Голощекина была организована специальная тройка в составе председателя районного исполкома Есебаева, председателя районной Контрольной комиссии тов. Тогерекова, районного прокурора Сулейменова по борьбе с перегибами (см. постановление райкома и шифрованную телеграмму Казкрайкома ВКП(б). В результате такой борьбы с перегибами за вышеуказанное время моего руководства были исключены из партии за разные поступки в особенности за перегибы не мало работников из аульного и районного актива были исключены с преданием суду следующие товарищи: районный прокурор Балгаметов, Управляющий Госбанка Турсунбаев, председатель Колхозсоюза Минбаев, Председатель Оседкома Арчинбаев, народные судья Ержанов, председатель Райпотребсоюза Нигметов и другие, также не мало привлекались к ответственности из аульных активов (см. постановление Казкрайкома и РККА об этих работниках). Этим я не хочу сказать, что Райком ВКП(б) в повседневной своей работе систематически вел борьбу со всеми перегибами, извращениями не взирая на лиц.

Казалось бы, что в районе дела не так-то плохие имеются большие успехи в деле выполнения вышеуказанных хозяйственно-политических кампаний только бы закрепить эти успехи, но нет, примерно через четыре-пять месяцев после

моего ухода из района на краевую работу в качестве заместителя директора Алма-Атинского Свеклосахтреста по постановлению Казкрайкома, район начинает экономически разваливаться.

С ноября месяца 1931 года по апрель 1932 года после меня сменилось двое секретарей Райкома ВКП(б), соответственно с этим была и текучесть райактива, и этот период совпал с переходом района из краевого руководства в областное в связи с созданием последнего, в промежуток этого времени также пагубно отравила зима. Этими моментами воспользовались недобитые части классового врага и их агенты, сумели сделаться лжеактивистами и бесцеремонно проводя свою вредительскую работу привели район в короткий период к экономическому развалу выразившемуся: во-первых, в продовольственном затруднении, среди населения которому способствовал данный встречный план 50 000 пудов хлеба в конце ноября месяца 1931 года тов. Исаевым по настоянию тов. Васканова, вопреки несогласия тов. Голощекина по моему протесту, после честного выполнения колхозниками такого напряженного плана 1 380 тыс пудов (см. телеграмму тов. Исаева и спросите тов. Голощекина) и во-вторых, население очутившееся без продовольственного хлеба после изъятия от них Исаевским встречным планом, проведенного новым районным руководством после меня легко поддалось к провокациям классового врага в деле хищнического убоя скота и благодаря этого 18 000 голов рабочего скота в районе выявлено в ноябре месяце 1931 года во время инвентаризации. В апреле 1932 года к моменту выхода весеннего сева осталось только лишь 7-8 тыс. голов рабочего скота, а остальные 10-9 тыс. голов были за зиму уничтожены путем хищнического убоя и зверского отношения к скоту (см. постаноаление Обкома ВКП(б) Алма-Атинской области по докладу тов. Ярмухамедова в апреле 1932 года и спроси Райагронома тов. Килованова, который является очевидцем этих данных).

Новое районное руководство, при котором фактически произошел экономический развал района по вышеуказанным причинам, в мае месяце 1932 года судебными органами были осуждены с 45 лжеактивистами за допущение сознательных перегибов и вредительства.

Осужденные люди в своих оправданиях в экономическом развале района ссылались на действие старого руководства райкома ВКП(б), т.е. на меня, что мол перегибы были не при них, а при моем руководстве, при выполнении плана вышеперечисленных мною хозяйственно-политических кампаний в 1931 году.

На основании этих показаний осужденных людей, органы Прокуратуры возбудили против меня дело, как по судебной, так и по партийной линии и ставят вопрос перед комиссией тов. Сольца о привлечении меня к ответственности.

Тов. Сольц в мае месяце 1932 года в г. Алма-Ата, лично вызвал меня в Казкраевую Контрольную комиссию и затребовал от меня объяснения по вопросу экономического развала Аксуйского района. Давая свое объяснение тов. Сольцу по затронутым вопросам, я ему представил неоспоримые документальные данные о своей непричастности к экономическому развалу района, одновременно не скрывая со всей большевистской откровенностью, своих ошибок допущенных райкомом ВКП(б) при моем 9-ти месячном руководстве. После этого тов. Сольц тут же вынес свое решение, чтобы разобрать мое дело по партийной линии, и поручил Казкраевой Контрольной комиссии срочно расследовать на основании решения тов. Сольца Казкраевой Контрольной комиссии путем посылки специального следователя тов. Таукина, который производил расследование в конце 1932 года рассмотрев дело по судебной линии. (см. постановление комиссии тов. Сольца и постановление Партколлегии Казкраевой Контрольной комиссии от 19/XII-1932 г.).

В мае месяце 1933 года по инициативе некоторых казахских краевых работников Аксуйский вопрос вновь всплыл с целью экономический развал района отнести за счет выполнения планов хозяйственно-политических кампаний при моем руководстве в 1931 году, вопреки неоднократных решений Краевых партийных организаций и суда по данному вопросу год тому назад, и смазать благодаря своих личных отношениях осужденным работникам, вредительских отношений и перегибов допущенных ими в хищнических убоях скота и перегибов во время выполнения встречного плана преподанного тов. Исаевым, направляя огонь вновь против

меня, сводя на нет достигнутые успехи по выполнению заданий Партии и Правительства при мне.

Эти постоянные дергания в течение полутарых лет вынудили меня обратиться непосредственно к тов. Мирзояну, оценивая поступки этих краевых работников ничем иным как травлей.

Тов. Мирзоян, будучи информирован о решениях Краевых партийных организаций и суда по Аксуйскому району о экономическом развале, со всей резкостью сказал мне в присутствии тов. Собесского директора Сахтреста, что по Аксуйскому району теперь пусть задним, число не оформляет, нужно спокойно работать и доказать себя на той работе, где я тогда работал заместителем директора Сахтреста, а мы травли не допустим поскольку решения Краевых партийных организации были по данному вопросу.

19/XII-1933 года я был арестован ПП ОГПУ в КазАССР, где в течение пяти месяцев наряду с многократными допросами по лжеестественным обвинениям спрашивали меня без детальных допросов, и по Аксуйскому вопросу второстепенного порядка.

22/III-1934 года следователь ПП ОГПУ объявил мне протокол об окончании следствия и заявил, что все пункты обвинения от меня отпали за исключением вопросов экономического развала Аксуйского района по ст. 58 пп. 7,11 и я буду привлечен к ответственности.

Такое заключение следователя почти ничем не отличается от тенденции тех краевых работников, которые хотели год тому назад развал района отнести за счет выполнения планов государственных политических кампаний, и тем самым дать право гражданства лживым показаниям осужденных людей за фактический развал, следовательно, по существу неоспоримые факты партийных решений и суда оказались менее авторитетными, чем эти лживые показания осужденных лиц, признанных классовыми врагами за вредительство, и подтверждает клевету по партии националистических элементов о том, что имевшее место затруднение и уменьшение поголовья скота в Казахстане является не хищнический убой и агитация классовых врагов, а государственные заготовки.

Также считаем необходимым заявить, что лживые пока-

зания осужденных людей еще сгущаются с моим социальным происхождением, которое пристрастно чисто механически, официально применяются ко мне по моему социальному происхождению по одному тому, что о том отец мой оказался конфискованным баем, на самом деле я сын бедняка, сирота с пяти лет, если даже взят на воспитание последним, то я его не выбирал, с ним не был связан ни морально, ни материально и ни идеологически и его давно нет на свете, следовательно видеть во мне элемента капиталистического остатка в моей экономике и сознание является неверным, без учета моего убеждения и мировоззрения, и наконец без учета моих революционных работ.

Революционная мысль зарождена у меня со времени бунта Казахской нации с 1916 года, по этому активный участник организации Совета депутатов до Октябрьской революции, член ВКП(б) с декабря 1917 года, имел вооруженное столкновение с представителями эсеров во время борьбы за массы между эсерами и большевиками (см. постановление Аулие-Атинского съезда Советов в 1918 г. 27/XI) сидел в 1919 году в белогвардейской тюрьме, где был избит (см. постановление Аулие-Атинского Угоркома партии большевиков и спроси тов. Ловцева, проживающего в Аулие-Ата), председатель угорчека, затем члена коллегии Обчека награжден за бесперебойное снабжение Красной Армии на Ашхабадском и Ферганском фронтах в 1923 году постановлением ТурЦИК (см. постановление ТурЦИК и спроси тов. Поскудского). Эти моменты хотя небольшие, но по моему кругозору достаточно характеризуют мои политические и классовые мировоззрения. Несмотря на все это 27/III-1934 года объявили мне постановление Тройки ПП ОГПУ в КазАССР о том, что я по вышеуказанным статьям 58 пп. 7,11 осужден на 5 лет в концлагерь.

Это решение Тройки, основанное на односторонних показаниях осужденных элементов два года тому назад, считаю совершенно несправедливым в особенности, когда советская карательная политика является для меня мерой не воспитательной, а карательной, и не дающая мне возможности драться за восстановление своих политических прав, которые по существу являются дороже моей физической жизни и ко-

торым я отдал свои молодые годы в течение 16-ти лет состоя в рядах Коммунистической партии.

Таким образом потеряв какие-то бы ни было перспективы к будущей моей жизни, оставив за собой четырех малолетних детей, как живых кусков мяса, последний раз питаю надежду на Ваше чуткое отношение, обращаюсь к Вам с просьбой уделить одну минуту моему настоящему заявлению и поручить соответствующим организациям пересмотреть решение обо мне в сторону смягчения, заменив концлагерь на административную ссылку в любой уголок Союза, при этом положении я мог бы своим честным преданным трудом к социалистическому строительству, драться за восстановление политических прав и оправдать Ваше доверие перед рабочим классом.

Какие последуют от Вас указания прошу направить ко мне, в адрес Караганда, концлагерь.

Проситель (*Джелисбаев*)

31/III-1934 г.
г. Алма-Ата. УИТЛК.

Архив ДКНБ РК по г. Алматы
Ф.6. Д.08064. Т.5. Л.350 (в конверте).

ДЖУНУСОВ МАКАЙ

Справка: *– арестован 1 июля 1938 года Павлодарским ОУ НКВД. Постановлением Особого Совещания при НКВД СССР от 26 октября 1940 года по ст. 58 пп. 2,7,11 УК РСФСР осужден к 8 годам заключения в ИТЛ. Отбыл срок наказания в 1946 году. В декабре 1948 года вновь арестован органами МГБ КазССР. Постановлением Особого Совещания МГБ СССР от 20 апреля 1949 года сослан на спецпоселение в Красноярский край. Определением № 8145-С-54 Судебной Коллегии от 5 ноября 1954 года постановления Особого Совещания при НКВД СССР от 26 октября 1940 года и Особого Совещания МГБ СССР от 20 апреля 1949 года отменены и дело производством прекращено за недоказанностью обвинения.*

АВТОБИОГРАФИЯ

Члена ВКП(б) Макая Джунусова.

Я родился в 1905 году в Атбасарском районе в ауле Каражар, в семье бедняка Джунуса Джулгуттинова. Семья состояла из десяти человек. Отец имел одну лошадь, одну-две корову, два старшие брата работали в батраках у баев. Отец умер в 1916 году, основное занятие отца до смерти было скотоводство. После смерти отца распалось наше бедняцкое хозяйство и нам мало-мало достигшим трудовой деятельности, пришлось идти в батраки. В батраках мы работали четы-

ре брата, два брата и в настоящее время занимаются физическим трудом, работают на производстве в Макинском районе на золотых рудниках. Старший брат Джунусов Куземба́й – коммунист, окончил Акмолинскую ВКСХШ в 1936 году, работает при Атбасарском РКП(б)К.

Я работал в батраках у баев с 1916 по 1924 год. С 1916 по 1920 год у Меченбаева, в 1920-1921 гг. один год учеником у кустаря Шолохова и с 1921 года по апрель 1924 года работал у бая Байгазина. От дальнейшей эксплуатации баев меня вырвал Атбасарский укоммол, послал на 4-х месячные курсы подготовки секретарей казвиков до посылки меня на курсы я работал у баев, вместо оплаты за свой труд получал два-четыре часа в день, чтобы ходить в школу и в таких тяжелых условиях я в 1923 году окончил три группы советской школы I степени. В 1924 году в сентябре месяце прослушав 4-х месячные курсы работал четыре месяца (с 1 октября по 31 декабря 1924 г.) в уездной прокуратуре делопроизводителем и 1 января 1925 года я как батрак и состоящий в комсомоле с 1920 года был выдвинут на руководящую комсомольскую работу, где работал до 20 ноября 1930 года, что указано подробно в анкете с перерывом на учебу в советскую партийную школу на полтора года. В 1930 году в ноябре месяце решением Секретариата Казкрайкома ВКП(б), я в числе семи человек был освобожден от работы в Казкрайкоме с обвинением нас в создании беспринципной группировки против второго секретаря Крайкома.

С ноября 1930 года по настоящее время, работаю на партийной работе на транспорте. Все продвижения меня по работе как комсомольской, так и в партийной происходили решением соответствующих комсомольских и партийных органов.

Работал в комсомоле шесть лет и состоял в рядах Коммунистической партии с 1926 года. Ни в каких антипартийных национал-уклонистских группировках не участвовал и колебаний у меня никаких не было.

В ряды ВКП(б) меня рекомендовали Хасен Мусин, умер в 1929 году, Сергазин Хамидулла, так же Петропавловский уездный комитет ВЛКСМ.

Никто из родственников не лишен и не лишался избирательных прав, репрессиям никто не подвергался, также никто не служил в белой армии, за границей никто не жил и не живет.

В гражданской войне участие не принимал. В рядах РККА не служил – в мои годы из казахов не призвался.

Правильность моей записи в анкете и в автобиографии в части моего социального происхождения и социального положения могут подтвердить член ВКП(б) работник Алма-Атинского обкома Чинтаева, второй секретарь Каркаралинского РК КП(б)К М. Ахан и ряд других товарищей.

Жена по социальному происхождению и положению батрачка, член партии, имею трех детей, жена работает среди женщин, член парткома выполняет работу агитатора-беседника.

По состоянию здоровья имею суставной хронический ревматизм, атрофию левой руки.

Считаю целесообразным работать там, где партия находит это нужным. Имею желание учиться, хотя бы один год.

Член ВКП(б) с 1926 года. Партбилет № 1585598.

М.Джунусов.

27.X-1937 г.

Архив ДКНБ РК по г.Алматы
Ф.6, Д.03743, Т.6. ЛЛ.144-145.Подлинник.

Председателю Совета Министров
Союза ССР
тов. Г.М.Маленкову
от Джунусова Макая

ЗАЯВЛЕНИЕ

Тов. Г.М.Маленков! Я бывший батрак, воспитанник детского дома, преданный Коммунистической партии, Советской власти, низовой комсомольско-партийный работник отдававший свою сознательную жизнь на пользу советской власти. В 1938 году в июне месяце по воле заклятых врагов партии Ежова, Берия и их ставленников я был арестован, и с тех пор прохожу через тюрьмы, лагеря и ссылку за одно только, что я был честным, активным низовым партийным работником. Мою честную, преданную к советской власти работу до сих пор помнят рабочие, коммунисты Аягузского отделения Турксибской железной дороги, также Аягузского района и

Турксибской железной дороги в целом. Много тех коммунистов, которых я втягивал в ряды партии дав свою рекомендацию и разъяснив им важнейшие решения партии.

В июне 1938 года сфабриковав провокационно клеветнические материалы ставленник Ежова по Казахстану Реденс и другие арестовали меня обвинив в контрреволюции. «Основываясь» на добытых им «материалов» путем пыток, провокации от некоторых ранее им арестованных людей, часть которых имели со мною личные счеты. О том, что собранные на меня материалы Реденсом являются клеветой, я писал заявление секретарю ЦК КП(б)К Скворцову в мае 1938 года и просил его не делать «с меня жертву провокации». Однако после месяца я был арестован, и был подвергнут избиениям работниками НКВД КазССР.

В июле месяце 1939 года я добился вызова военного прокурора в Казахстане Будюк, на допросе которого было подробно указаны данные в мое оправдание (мои документы), и была доказана моя абсолютная невиновность. Будюк снял с меня обвинение по п.п.7, 8, 9 ст. 58 УК, освободить меня из под стражи не решился – боялся, чтобы его самого не скрутили. Оставил на меня обвинение по п.п. 2 и 11 ст. 58 и передал мое дело на рассмотрение Верховного Суда КазССР. В феврале 1940 года, мною было подано в суд письменное заявление-ходатайство, в котором просил суд приобщить мои документы, и вызвать на суд в качестве свидетелей десятки людей партийных и непартийных, которые доказали бы мою невиновность и мою беспредельную преданность делу партии и советской власти. Моя преданность не на словах, а на деле, мое активное разоблачение буржуазных националистов, байских элементов. Суд отказал целиком в моем ходатайстве убедившись тому, что если вызовут на суд лиц оклеветавших меня, людей моих свидетелей, также приобщить к делу мои документы, подтверждающие мою работу по борьбе за линию партии, за укрепление органов советской власти на местах, мою борьбу с действительными врагами партии - я буду целиком реабилитирован, что было нежелательно руководству НКВД КССР, от которой все и в том числе судьи боялись. Суд вернул дело на переследствие. Руководство НКВД КазССР вместо переследствия мое дело направил в Москву в НКВД СССР на рассмотрение Особого Совещания,

зная, что там сидит Берия и его ставленники, которые обеспечат мне срок своим судом. Руководство НКВД КазССР не ошиблось, Берия через Особое Совещание обеспечил мне 8 лет срока. И так я просидел во внутренней тюрьме НКВД КазССР с июня 1938 года по 12 декабря 1940 г., почти два с половиной года. Находясь в лагере во время Отечественной войны, дважды писал заявление на имя И.В. Сталина с просьбой, направить меня на фронт. Я хотел на фронте доказать своим геройством или смертью за родину свою преданность делу партии и советской власти. Но ответа не было. Отбыв срок в декабре 1946 года я вернулся в Казахстан и работал на Турксибской железной дороге. Десятки людей из передовых рабочих Турксиба, которых я в 1936-1937 гг. и в начале 1938 года втягивал в ряды ВКП(б) дав им свои рекомендации выросли, занимая ответственные посты. Этим я гордился и горжусь, что я пополнил ряды партийной организации лучшими людьми из рабочих и помогал им расти.

Я возвратился после лагеря в свой родной край на Турксиб, где я работал с 1930 года на низовой партийной работе. В декабре 1948 года органы НКВД КазССР вновь арестовали меня за то, что я живой вернулся из лагеря ибо нет на меня никакого материала. Продержав в тюрьме шесть месяцев, опять решением Особого Совещания НКВД СССР сослали меня в Красноярский край. Находясь в тюрьме, лагерях, на ссылках с 1938 года, работая беспрерывно на тяжелых физических работах потерял я свое здоровье. Описывая Вам свое горе, страдания, мучения незаслуженного наказания заклятыми врагами партии: Берия, Реденса и других. Прошу Вас вмешаться в мое дело, вернуть меня в Казахстан. Заверяю Вас я еще буду полезным сыном Советской власти.

С просьбой к Вам разобраться в истине.

20/XII-1954 г. *М. Джунусов*

Мой адрес: Красноярский край
Тасеевский р-н
Деревня Яковлево

Архив ДКНБ РК по г. Алматы
Ф.6. Д.03743.(том дополнительный).
ЛЛ.32-35. Подлинник.

ДОСОВ АБУЛХАИР ИСХАКОВИЧ

Справка: *– арестован 26 ноября 1937 года УНКВД Южно-Казахстанской области. 8 марта 1938 года Выездной сессией Военной Коллегии Верховного Суда СССР осужден по ст. 58 пп. 7,8,11 УК РСФСР к расстрелу с конфискацией имущества. Приговор приведен в исполнение в г. Алма-Ате 8 марта 1938 года.*

Решением Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 10 марта 1956 года приговор Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 8 марта 1938 года в отношении А.И. Досова отменен и он реабилитирован.

АВТОБИОГРАФИЯ

Я родился в 1899 году в хоз-ауле «Даут», аул № 1 Котур-Кульской волости, Кокчетавского уезда, Акмолинской области, в семье Исхака Досова. Отец бедняк, у него не было ни скота, ни юрты. Наша семья всегда оставалась в зимовке, не могли кочевать на «джайляу» (в степь). Отец, его брат делали колеса к телегам, деревянные корыта и т.д. Моя мать, старший брат и я в лесу собирали бересту, кору для гонки дегтя. Это ремесло продолжалось не так долго. Отец был вынужден бросить его, так как к этому времени лесные массивы и земли нашего аула были отчуждены Переселенческому управлению, в так называемую казенную лесную дачу, и была установлена высокая лесная такса пошлина.

Кроме того, в связи с увеличением семьи (нас стало шесть детей), заработка не хватало на прокормление. Примерно в 1909 или 1910 году, отец впервые отдал меня батраком – пастухом одноаульцу баю Сатыбаю Байгушеву. Затем работал у бая Даута Айтенова, у русских кулаков Н. Комарного, Мельникова и др. Последний раз работал в станице Котыр-Кульская у Николая Ивановича Хамулло. Будучи батраком у

Хамулло, я интересовался рисованием, выучил русский алфавит, начал читать по букварю. На это обратил внимание его сын учитель Николай Николаевич Хамулло, который стал учить меня русской грамоте.

Осенью 1914 г. поступил в станичную школу в Котыр-Куле по предложению Н.И. Хамулло с условием зимой учиться в школе, а летом каникулярный сезон работать у него. Н. Хамулло проявил заботу, особенно обращал внимание на мое влечение к рисованию. В один сезон окончил начальную станичную школу, осенью в 1915 г. был устроен в высшее-начальное училище в ст.Щучинской.

В высше-начальном училище учился плохо. Единственный предмет, которым я увлекался было рисование и естествознание. В Щучинском высше-начальном училище учился всего лишь один год. По рекомендации преподавателя рисования Щучинского высше-начального училища Степана Васильевича Логинова, я был устроен в 1916 г. в первом высше-начальном училище. Зимой 1916 г. в г. Омске я познакомился с Саматовым Мухтаром, студентом Омского сельскохозяйственного училища. По его приглашению я стал ходить на собрания учащихся киргизской молодежи в г. Омске, затем вошел членом культурно-просветительного общества «Брлик» (Единение) учащихся казаков г. Омска. Будучи членом общества «Брлик», я стал выполнять вначале отдельные мелкие поручения, а затем мне поручилось печатание на шапирографе подпольного студенческого журнала «Балапан» («Птенчик») и рисование карикатур, обложек к журналу «Балапан». Таким образом я втянулся в общественную и политическую работу. Общество «Брлик» официально именовалось культурно-просветительным обществом и обществом оказания помощи учащимся киргизам, а на самом деле это общество было политическим, с националистической программой. На собраниях общества обсуждались не только «культурные», но вопросы политического характера, как политический режим в ауле, земельные вопросы, вопросы калыма, школы и т.п. Общество «Брлик» впоследствии (большинство его членов) поддержало программу Алаш-орды, а в дни Октябрьской революции сыграло контрреволюционную роль.

В дни Февральской революции я был народным милиционером города Омска. Затем в мае месяце был послан Киргизской секцией при Омском коалиционном комитете инструктором по установлению власти и организации комитета в Омском уезде, а в июне 1917 года я был послан Киргизской секцией инструктором-комиссаром в Кокчетавский уезд по созыву киргизского уездного съезда. В конце июня в Кокчетаве состоялся уездный киргизский съезд, куда съехались по существу вчерашние управители, аксакалы, родоначальники, муллы. Был избран уездный киргизский комитет. Моя кандидатура на съезде, на члены комитета была провалена ввиду моего резкого выступления против перекрасившихся управителей, аксакалов, мулл, участвовавших на съезде. По их жалобам я был отстранен Киргизской секцией от инструкторско-комиссарских обязанностей.

В эти дни я впервые познакомился в городе Кокчетаве с тов. Шариповым Сабиром и военным инженером местного гарнизона Демецким. От них впервые я начал знакомиться с программами политических партий и начал получать ответы на те мои недоуменные вопросы, которые я не мог разрешить сам. Для меня было странным, что мы на всех митингах, собраниях выступали против монархического строя, против угнетателей, приставов, жандармов, уездных начальников, против волостных управителей, баев, аульных старших, против родоначальников, а на съезде все они не только участвовали, но и оказались избранными в комитет. Больше того даже некоторые из них – аксакалы, родоначальники, влиятельнейшие волостные управители, муллы были приглашены персонально на областной киргизский съезд в Омск Киргизской секцией.

Знакомство с Демецким, Шариповым повлияло на мое отношение к областному киргизскому съезду. Я, даже будучи избран делегатом на областной киргизский съезд от поездки отказался, поступил на работу в Кокчетавский уездный совет депутатов в качестве инструктора уездного совета депутатов. В конце июля в г. Кокчетаве я вступил в Российскую социал-демократическую партию большевиков. В октябре месяце 1917 г. снова вернулся в Омск для продолжения учебы. Но так, как я больше всего ходил на митинги, собрания,

был исключен директором Омского высшее-начального училища Востриковым из него.

Осенью по прибытии с каникул учащаяся молодежь почти на каждом собрании общества «Брлик» поднимали вопрос о дальнейшем политическом направлении общества «Брлик», встал вопрос о том, может ли общество «Брлик» существовать дальше таким, как оно есть и какой политической партии он должен примкнуть. К этому времени была уже объявлена программа партии Алаш-орды. Огромное большинство членов общества «Брлик» высказалась за немедленное присоединение к партии Алаш-орды. Маленькая группа, в несколько членов общества «Брлик» Исхак Кобеков, Жанайдар Садвакасов, Таутан Арстанбеков и я, были противниками присоединения к партии Алаш-орды, предложили присоединиться к большевикам. На всех собраниях, заседаниях комитета общества «Брлик» нас третировали, к тому же наши противники пользовались нашей молодостью и политической неразвитостью, неопытностью.

Примерно, в декабре 1917 года в Омск прибыл глава Алаш-орды Алихан Букейханов. В связи с этим устроен многолюдный митинг (собрание). Разумеется, выступившие на собрании ораторы, руководители общества «Брлик» М. Жумабаев, Кеменгеров, Сайдалин и др. клеймили нас позором, обвиняли в измене киргизскому народу. На этом собрании от меньшинства общества «Брлик» выступили Альжанов и я, с изложением нашей точки зрения (меньшинства), но мы не только не были заслушаны собранием, были освистаны, наше выступление было сорвано.

Приезд Букейханова в Омск еще более обострил без того резкие отношения внутри членов «Брлик». Мы немедля откололись от общества «Брлик», организовали другой кружок под названием «Демократический совет учащейся молодежи».

В октябрьские дни в Омске наша группа принимала активное участие на стороне советов. Нами был разогнан киргизский комитет, члены его Турлубаев А., Жумабаев М., Мукушев, Кунаев, А. Сеитов – были арестованы, и организован Киргизский областной совет депутатов, куда я вошел членом, и делегирован как представитель Киргизский совета депута-

тов в Омский областной революционный трибунал в качестве его члена.

После чехо-словакского переворота в июне 1918 года (который застал меня в Омском уезде в ауле в командировке) остаться в городе Омске было нельзя. Я был вынужден бежать из Омска в степь. С большими трудностями добрался я в свой аул, и был вынужден скрываться все лето 1918 г. Это было невыносимое положение, скитаться в лесу, в оставленных казахским аулом зимовках, быть оторванным от всего света, не иметь никакой связи ни с кем, не знать, что делается кругом. Пользовался лишь слухами о том, что идут аресты большевиков, или казахи говорили, арестовывают советчиков, передавали о расстрелах руководителей Кокчетавского совета депутатов и т.д.

Это положение стало особенно трудным с наступлением зимы, в декабре. В начале января месяца 1918 года, я постепенно начал приезжать в русские поселки, быть ближе к событиям. Этому помогали мне односельчане. Казахи нашей волости относились ко мне очень бережно. Это имеет свое объяснение. Так как я происхожу из маленького рода «керей», который насчитывался в Кокчетавском уезде не более 900 хозяйств. У них стремление к сохранению меня было не потому что я большевик, а просто в силу родового отношения. Я помню, даже был проведен специальный сбор по волости на снабжение меня средствами. Таким образом, я находясь в бегах имел довольно таки солидные средства в своем распоряжении, что дало мне возможность подкупать местных начальников милиции, рядовых милиционеров. Впоследствии я никак не мог откупиться от них, так как каждый из них считал необходимым обязательно арестовать меня и моих родителей, не столько в целях представления меня колчаковским карателям, а сколько в целях получения от меня денег. Таким образом я стал источником дохода для этих прохвостов.

В январе 1918 г. я пробовал устроиться в станице Щучинской в гимназию. Но эта моя «учеба» продолжалась всего лишь месяца полтора. Благодаря моей неопытности и неосторожности высказыванием своих взглядов и неумелой агитации против террора колчаковской власти, я был снова

арестован станичным атаманом Ивановым и на этот раз я понял, что я сижу крепко и должен быть отправленным в Кокчетав по указанию уездного начальника милиции. Я и мои сородичи принимали все меры к подкупу колчаковской милиции, ведшей следствие (начальник милиции Филиппов), что однако не удалось. Только, случайные обстоятельства помогли мне бежать из под ареста в марте 1919 года. Летом в 1919 г. колчаковский террор усилился еще более, начались расстрелы не только сочувствующих большевиков, но и просто расстреливали в поселках каждого десятого. Этот террор уже вызвал крупные волнения, недовольство в ряде селений Кокчетавского уезда. В июле 1919 года был организован партизанский отряд под руководством тов. Палиенко, члена Кокчетавского уездного совета депутатов, скрывавшегося в то время также в лесу. В партизанском отряде мне было поручено установление связи с Акмолинским уездом. В мои задачи входило работа по возвращению мобилизованных колчаком молодых русских, казахов и вербовка их в партизанские отряды.

В октябре 1919 г. партизанский отряд Палиенко присоединился к 5-й армии, уже занявшей г. Кокчетав, влился в состав, насколько мне помнится в 375-й стрелковый полк. Я был оставлен в г. Кокчетаве, назначен членом Кокчетавского уездного ревкома и одновременно членом Кокчетавской уездной чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, затем председателем уездной чрезвычайной комиссии. В декабре месяце 1919 г. снова оформил свое партийное положение. Оказалось, что Кокчетавская партийная организация, куда вступил в 1917 г. не была офомлена и не зарегистрирована в Омске как партийная организация, а считалась ячейкой Кокчетавской группы, входящей в Петропавловскую партийную организацию, благодаря малочисленности.

В июне 1920 г. был отозван в распоряжение Сибирского Бюро ЦК ВКП(б) и назначен секретарем Татарокиргизской секции при Сибирском ЦК ВКП(б). Одновременно был редактором киргизской газеты «Кедей созе» (Бедняцкое слово) – органа Сибирского Бюро ЦК ВКП(б).

С началом польской кампании я был передан в распоряжение Западно-Сибирского политуправления, в качестве инспектора по социальной работе в национальных частях Сиби-

ри. Осенью 1920 г. в связи с организацией Киргизской республики, я был по предложению ЦК ВКП(б) направлен в Оренбург в распоряжение Киргизского обкома. Осенью 1920 г. был избран членом президиума КазЦИК и его секретарем. В 1922 году был избран председателем Семипалатинского губернского исполкома. В 1925 г. председатель Туркестанского Облревкома, объединенных областей (Сыр-Дарьинской и Жетысуйской), переходящих из бывшей Туркестанской республики в Казахстан. В этом же году после расформирования областного ревкома, был избран председателем Уральского областного исполкома. В конце 1926 г. и в начале 1927 г. был направлен в Москву в качестве представителя Казахстана при Президиуме ЦИК. В 1927 г. был избран членом Президиума ВЦИК. С 1930 года по 1933 год работал в аппарате ЦК ВКП(б) в качестве ответственного инструктора. Затем в 1933 году был направлен в распоряжение Казкрайкома, работал вторым секретарем Восточно-Казахстанского обкома, а с 1934 года по 1936 год секретарем Актюбинского обкома ВКП(б). С сентября 1936 г. работаю секретарем Южно-Казахстанкого обкома КП(б)К. Ни к каким оппозициям не примыкал. Работая во ВЦИК и в аппарате ЦК ВКП(б) вел активную борьбу с троцкистами, правыми и другими врагами партии и народа. В бытность в Москве состоял в ячейке завода «Красный пролетарий», постоянно выполнял все задания Московского Комитета и Ленинского райкома ВКП(б).

За все время пребывания в партии ни каких партийных взысканий не имею.

А. Досов

17 августа 1937 года
г. Чимкент

Архив ДКНБ РК по ЮКО
Ф.6. Д.0429. Копия.

ДУЛАТОВ МИР-ЯКУП

Справка: *– арестован в декабре 1928 года Полномочным представителем ОГПУ по Казахстану. Постановлением Коллегии ОГПУ при СНК СССР от 4 апреля 1930 года был приговорен к расстрелу. В январе 1931 года данное решение было заменено на заключение в концлагерь сроком на 10 лет. Умер в 1935 году находясь в заключении в концлагере на Соловках.*

Постановлением Коллегии Верховного суда Казахской ССР от 4 ноября 1988 года – реабилитирован.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ДУЛАТОВА МИР-ЯКУПА

1/ I 1929 г.

Я родился в 1885 г., в №1 аула, Сарыкопинской волости, Тургайского уезда и области (ныне Наурзумский район, Кустанайского округа). Родители занимались скотоводством, имели состояние ниже среднего. Матери я лишился еще грудным ребенком, и отца в 12 лет. Проучившись в аульной школе 2 года, в 1897 году поступил в 2-х классное р-к. Училище в г. Тургае, которое окончил в 1901 году, затем в 1902 г. окончил годичные педагогические курсы в г. Кустанае, с 1902 г. по 1904 г. был с небольшим перерывом учителем аульной школы в Тургайском уезде. В 1904 г. переведен в одну из аульных школ Зайсанского уезда Семипалатинской области, почти на самой границе Китая, где прослужил до 1907 г. Низшее образование, недоразвитость, проведение ученических лет в таких захолустных уголках, как гг. Тургай и Кустанай, затем пятилетнее пребывание в ауле не дали мне возможности познакомиться и заниматься общеполитическими вопросами, так что я до того времени совершенно был политически неграмотным, лишь только от Байтурсунова впервые слышал

о борьбе политических партий с царской властью. Отголоски революционного движения 1905 г. доходили до Зайсанского у., где я жил, очень слабо, все же во мне пробудили ненависть к царскому строю, т. к. помимо этого в повседневной жизни стал замечать явные несправедливости и грубый произвол со стороны власти по отношению к казахскому народу.

В 1907 г. был переведен учителем аульной школы в Омский у. В 1908 г. летом попал на 112 месячные сельскохозяйственные курсы, организованные в г. Омске для народных учителей. Находясь на этих курсах, я случайно познакомился в г. Омске с почтово-телеграфными чиновниками Кухтериным, который ввел меня в кружок социал-демократических партий. К сожалению, я долго не мог участвовать в этом кружке, лишь два раза посетил тайное собрание, происходившее в Загородной роще и, не успев даже познакомиться с программой партии, вынужден был поехать в аул и тем самым прервать дальнейшую связь с упомянутым кружком.

Проживая все время в ауле, вне влияния всякой культуры, не имея возможности хотя бы заниматься самообразованием за отсутствием библиотеки, я почти разучился говорить порусски, а неоднократные мои попытки перевестись в городскую школу не увенчались успехом. Поэтому, в 1909 г. бросив учительство в ауле, переехал в г. Петропавловск, где поступил в делопроизводители к мировому судье и одновременно в преподаватели частной школы Хасана Пономарева, где обучались подростки-казахи.

В те годы темнота и невежество казахского народа были неописуемы: не говоря о губернаторах и уездных начальниках, казахская масса дрожала перед последним урядником и терпела невыносимые издевательства, чему в свою очередь способствовали свои доморощенные чиновники-переводчики, волостные управители и пр. Поборы, насилие, взяточничество, ложные доносы стали обычным явлением. Казахская женщина находилась в положении рабыни, лучшие земли отбирались без всякого учета под переселение, а сами казахи изгонялись в пустыню. Царское правительство не только само не заботилось открывать школы, а наоборот, запрещало открытие школы казахам на собственные средства; попытавшиеся открыть школы (например, Кощегулов, Наван-

Хазрет и другие) высылались в Якутскую обл. О медицинской помощи население и понятия не имело. Казахское население на русского человека, кто бы он ни был, смотрело враждебно, почему и сложились поговорки «Сары орыстын бари орыс» (все рыжие русские одинаковы) и «Орыстан досын(ң) болса, к(қ)алтан(ң)да к(қ)ара балтан(ң) болсын» (если имеешь друга из русских, то не забудь иметь с собой и топор). Межнациональный антагонизм создавался искусственно и поощрялся всеми мерами; если у русского крестьянина переселенца пропадала лошадь, то она обязательно выискивалось у соседнего аула и тяжесть налогов и сборов падала на бедноту; имевшие по несколько сот голов скота платили в одинаковом размере с имевшими 50 голов скота.

Вот таким мраком был окутан казахский народ. Колониальная политика царского правительства расцветала как никогда. Видя все это, я, несмотря на скудные свои познания, счел долгом помочь обиженному и оскорбленному народу тем, что у меня есть. В те годы у нас почти не было письменной литературы, а периодической печати вовсе. Поэтому я предпочел выступить с печатным словом. В 1910 г. вышла из печати брошюра моя в стихах «Оян, казак» («Пробуждайся, казах»), выдержавшая, за короткое время два издания. Одновременно появилась в печати написанная мною повесть «Бакытсыз Жамал» («Несчастная Жамал») печатались эти книги в татарских типографиях, своей тогда типографии у нас не было. Книжки эти живо распространились по всему казахскому краю, а стихи заучивались наизусть. Вскоре нашлись люди, поспешившие донести жандармскому управлению о появлении революционной литературы среди казахского населения. Я был арестован летом 1911 г .

... По отбытии тюремного заключения в начале 1913 г. я приехал в г. Оренбург. Где в то время проживал Байтурсунов, высланный степным генерал-губернатором из пределов казахского края. Только что перед моим приездом была организована Байтурсуновым газета «Казак». Я поступил секретарем редакции. Издательские средства у нас были ограниченные, всего 450 руб., собранные в складчину. В газете работали только вдвоем. Приходилось мне работать день и ночь. Адреса писал от руки, обязанности переписчика, обработчи-

ка материалов, корректора, фальсовщика, экспедитора лежали целиком на мне. Газета была еженедельная, небольшого формата. Роль распространителя-агента тоже я исполнял: первый год издания газеты объездил Павлодар, Омск, Петропавловск, Кокчетав, Атбасар, Акмолинск, Туркестан, Чимкент, Аулие-Ата, Ташкент и другие города. Газета стала популярной и вскоре обратила на себя внимание царской администрации. Сравнительно за короткое время была оштрафована 3-4 раза на сумму от 300 до 3000 руб. за каждый номер. Наряду с благожелателями, газета «Казак» нажила среди казахского населения не мало врагов, потому что она открыто боролась с взяточничеством, обирателями бедного населения - волостными управителями, чиновниками, переводчиками, аткамнерами-баями. Наряду с газетной работой я занялся (вместе с Байтурсуновым) составлением учебников для начальной школы. Учебники наши, составленные нами тогда же, до сих пор используются в казахских школах, некоторые переизданы при советской власти до 10 раз.

Вся немногочисленная культурная сила казахского народа того времени сосредоточивалась вокруг газеты «Казак», ибо другого культурного или общественно-политического очага тогда не было. Вот мое участие в такой популярной газете сделало мое имя среди казахов более известным, чем раньше. К тому же разоблачительные статьи большею частью писались мною.

Настал 1916 г. Был внезапно опубликован царский Приказ 25 июня о реквизиции казахского населения в возрасте от 19 до 43-х лет на тыловые работы. Казахское население волновалось, в некоторых местах начали убивать волостных управителей в Кустанайском и Уральском уездах, грабить почту, брать в плен проживающих в аулах русских волостных писарей, почтосодержателей, ямщиков с их женами и детьми. В степь потекли карательные отряды с пушками и пулеметами. Выезжали на места сами губернаторы, тюрьмы были переполнены смельчаками. Прибывший в г. Актюбинск Тургайский вице-губернатор в своей речи к населению, между прочим, сказал буквально следующее; «царский приказ будет исполнен, хотя бы не останется в живых ни одного киргиза».

Видя все это, а главное беспомощность казахского народа, мы решили советовать населению не сопротивляться власти,

ибо были уверены, что бой будет неравным, казахская степь зальется кровью, казахское население постигнет непоправимое бедствие, некоторые товарищи теперь говорят, что казахская националистическая интеллигенция не сумела тогда руководить восстанием, что, дескать, сама пошла в хвосте царской власти, действуя совместно и т. д. Я думаю, что тот, кто был хорошо знаком с обстановкой и истинным положением того времени этого бы не сказал. В действительности, мы не решались покушаться с негодными средствами.

Частично, вспыхнувшие волнения вскоре были подавлены силою оружия, началась реквизиция и отправка рабочих на фронт. Тогда редакция газеты «Казак» решила обслуживать нужды отправленных на тыловые работы казахов и с этой целью обращалась ко всей казахской интеллигенции с призывом добровольно ехать на те фронты, где будут работать реквизируемые и образовать там инородческий отдел для обслуживания их. Интеллигенция (большею частью народные учителя) откликнулись на это, и вскоре был создан в г. Минске инородческий отдел при Земском союзе. Я выехал в г. Минск позже всех, приехал в г. Москву через день после Февральской революции, оттуда поехал в г. Минск. Там пробыл недолго и через г. Ленинград (пробыв там несколько дней) вернулся обратно в г. Оренбург в конце марта.

Раньше я к никакой политической партии не принадлежал и после Февральской революции, до образования националистической партии «Алаш», также не входил ни в какую партию, мой политический кругозор дальше интересов казахского народа не выходил. Это объясняю своей неразвитостью и влиянием окружающей среды: проживая до Октябрьской революции в г. Оренбурге я большею частью работал в газете, т.к. Байтурсунов больше меня отвлекался от газетной работы. Я был избран в члены Тургайского областного комитета, позднее переименованного в объединенную гражданскую управу. В работе объединенного комитета или гражданской управы, я активного участия принять не мог, ввиду перегруженности газетной работой. Я вместе с товарищами своими стоял на платформе Временного правительства и верил, что дальнейшую судьбу России может разрешить только Учредительное собрание, поэтому работал всецело под этим лозунгом. Был

убежден, что Учредительное собрание даст самоопределение казахской нации. В мае месяце я был командирован областным комитетом в г. Тургай и Омск. В г. Тургае происходило собрание представителей Тургайского уезда по ликвидации последствий событий 1916 г., в г. Омске Акмолинский областной съезд. Состав Акмолинского съезда был пестрый, большинство представителей были консерваторы (муллы, баи, аткамнеры, бывшие чиновники), а меньшинство - революционно настроенная молодежь и учителя. По многим вопросам происходили между нами разногласия, съезд носил бурный характер. Муллы и баи покушались удалить меня со съезда, кричали: «Долой!». На этом съезде из теперешних коммунистов участвовали - Байдильдин, Саматов и др.

Настали Октябрьские дни. Октябрьскую революцию, как известно, все прочие политические партии, кроме большевиков, считали и рисовали как надвигающуюся анархию, считали недолговечной, идею социализма неосуществимой в России, советскую власть считали узурпаторской, посягнувшей на священное право Учредительного собрания, везде и всюду открыли борьбу против нее. Примеру других враждебных к Октябрьской революции партий и течений последовала и наша казахская национальная группа, образовавшая свою партию «Алаш», членом которой состоял и я. Среди казахских националистов лично я не обладал исключительной дальновидностью в понимании политических вопросов, наоборот, стоял ниже многих, поэтому работал совместно с другими под общим руководством в сказанном выше направлении. Борьба наша против советской власти была исключительно под лозунгом самоопределения казахской нации.

В начале декабря Всеказахским съездом была провозглашена автономия под названием «Алаш-Орда», избрано правительство во главе с Букейхановым в составе 5-ти человек, [я] в состав правительства не входил.

За несколько дней до Оренбургского съезда, в г. Коканде образовалась Туркестанская автономия, куда должны были войти Джетысуйская и СырДарьинская обл. Казахский же съезд, происходивший в г. Оренбурге, находил целесообразным территорию этих двух областей включить в Казахскую автономию. Согласно этому постановлению правительство

Алаш-Орды созывало съезд представителей Сыр-Дарьинской области в г. Туркестане, в начале 1918 г. для обсуждения этого вопроса. На этот съезд были делегированы от Алаш-Орды три представителя, в т. ч. и я. Съезд решил включить СырДарьинскую область в состав Казахской автономии.

В последних числах января я вернулся в г. Оренбург, занятый уже соввластью. В г. Оренбурге из алашордынцев никого не застал. Оказывается, руководители Алаш-Орды выехали в г. Семипалатинск - резиденцию, предназначенную съездом. В конце февраля или в начале марта приехал в г. Семипалатинск. Тогда Семипалатинская губ. была в руках советской власти.

Алашордынцы там находились на полулегальном положении, некоторые работали в Семипалатинском казахском комитете, организованном еще в период Февральской революции и функционировавшем теперь параллельно с областным Совдепом. Я сотрудничал в газете «Сары-Арка». Правительство же Алаш-Орды в г. Семипалатинске не приступало к работе и не могло этого делать. Из 15 его членов были налицо, если не ошибаюсь, всего 3-4 человека. Когда местная власть начала преследовать алашордынцев, я выехал в степь и откуда вернулся в г. Семипалатинск после ухода советской власти - летом 1918 г. и тогда правительство Алаш-Орды приступило к организационным работам. Я поехал обратно в г. Оренбург и поступил в редакцию газеты «Казак», возобновившуюся уже до моего приезда. В г. Оренбург вернулся Байтурсунов. Теперь нужно было по заданию правительства Алаш-Орды приступить к проведению в жизнь постановлений декабрьского съезда. Одним из главнейших пунктов было создание народной милиции и сбор средств с населения, для этого был организован областной отдел Алаш-Орды, позднее переименованный в областной военный совет. Председателем этого отдела. или Совета был назначен Испулов, а членами: Байтурсунов, Кадырбаев и я. Мы приступили к мобилизации джигитов и сбору средств, сперва в пределах Актюбинского уезда, а затем в Кустанайском у., оружие и обмундирование получили через свое правительство от Самарского комитета Учредительного собрания, а командный состав - от Оренбургского войскового управления.

Когда мы находились в пос. Денисовка Кустанайского уезда, получили приказ Колчака от 4 ноября об упразднении пра-

вительства Алаш-Орды и вслед за этим получили приказ от штаба казачьего войска о прибытии нашего отряда в г. Оренбург для отправки на фронт против большевиков. Мы на это не согласились и направились в пределы Тургайского уезда. Командный состав во главе с генералом Дашкиным и полковником Быковым не желали следовать с нами, тогда мы часть офицеров арестовали, а часть ушла сама. Таким образом [военный совет] порвал связь с казачьей властью и комсоставом, с оставшимися джигитами мы прибыли в пределы Тургайского у. и вели переговоры с представителями советской власти в г. Тургае. Для переговоров в г. Тургай приехал Байтурсунов, я и др. В результате переговоров мы должны были перейти временно в сторону советской власти, а для переговоров об окончательном нашем решении нашли необходимым послать в г. Москву Байтурсунова, который на другой день выехал в г. Москву.

Согласно переговорам мы выехали в г. Тургай, свой отряд влили в местный красноармейский отряд, а в состав Совдепа была кооптирована часть наших работников. Это было ранней весной 1919 г. Военным комиссаром тогда был некто Иманов Амангельды, известный всему Тургайскому у. - конокрад.

О КОНФЛИКТЕ

... Группа алашордынцев (Испулов, Сейдалин, Барамжанов, Токтабаев, Кадырбаев, Шонанов и я), прожив в Тургайском и Атбасарском уездах некоторое время, в январе месяце приехали в Семипалатинский уезд, зиму провели там. К тому времени стало мне известно, что алашордынцы амнистированы ЦИКом, хотя они боролись против советской власти. Я в начале сентября 1920 г. приехал в г. Омск и явился в губисполком.

С этого времени начинается моя беспрерывная работа на платформе советской власти.

В газете «Кедей», издававшейся в г. Омске (от 7 ноября 1920 г.), я изложил свой взгляд на советскую власть и указал ошибки в прошлой нашей деятельности. Это выступление мое было сделано по своей собственной инициативе, не за страх, а за совесть, без всякого принуждения с чьей бы стороны ни было. Искренность своих слов в дальнейшем я решил подтвердить и доказать на деле. В г. Омске - [работал]

два месяца инструктором Акмолинского губоно и Сибоно. В ноябре переехал в г. Ташкент, где поступил в секретари казахской газеты «Ак жол». В «Ак жоле» работал до мая 1921 г. и вполне оправдал оказанное мне доверие, иногда писал передовицы, сейчас не могу их перечислить, но хорошо помню, что передовицы о Кронштадтских событиях написаны мною. О газете «Ак жол» вообще и в частности, о политической невыдержанности ее содержания, много было разговоров и дискуссий на страницах печати, но все это не относится к тому периоду, когда я работал там.

В мае 1921 г. поехал за семейством и по семейным обстоятельствам вынужден был остаться в г. Семипалатинске. Летом 1921 г. служил народным следователем в Семипалатинском уезде, осенью же того года губернским съездом работников юстиции был избран в заместители председателя Семипалатинского губсовнарсуда до мая 1922 г. Не будет преувеличением, если скажу, что за короткое время моей энергичной и честной работы поднялся авторитет судебных учреждений губернии в казахской части (я заведовал казахским отделом). Это известно всем товарищам, кто работал в то время в г. Семипалатинске.

В 1921 г. голодало население Тургайского, Иргизского, Кустанайского уездов и часть Уральской губ. Я первый выступил со статьей на страницах Семипалатинской газеты «Казак тли с предложением: государственная помощь, не может охватить степные районы, отстоящие от линии железных дорог в 400-500 в., и ввиду разбросанности населения, поэтому будет более целесообразным мобилизовать всех казахских работников губернии для сбора скота в виде добровольного пожертвования, и собранный скот доставить степью в голодающие районы. Это мое предложение нашло много сторонников и устроенное специально по этому вопросу совещание одобрило мой план, с которым впоследствии согласились губпомгол и Центрпомгол, дав разрешение приступить к работе. В результате этой работы за 2-3 месяца собрано было около 15 тыс. голов крупного скота, которые были доставлены и розданы голодающему населению. В качестве одного из руководителей и агитаторов я за лето объездил три уезда Семипалатинской губернии.

По возвращении из степи в г. Семипалатинск был арестован и выслан в г. Оренбург в распоряжение ПП ОГПУ по Казахстану и вскоре был выпущен. В г. Оренбурге поступил в Казгосиздат, заведовал казахским его отделом, 2 года состоял преподавателем Казахского института народного образования. Читал лекции на курсах ГПУ и на учительских курсах. Четыре года работаю сотрудником краевой газеты «Енбекши казак», считаюсь одним из работников, начиная с 1922 г. я перевел на казахский язык около 20 книг и брошюр, например: историю ВКП (б) Зиновьева, 1905 г. - Ленина, статьи и речи Ленина (вышло в 3-х томах), брошюры «О работе ячейки в деревне» Сталина, брошюру Ленина «О профсоюзах», и т. д. Вот моя деятельность в прошлом и настоящем. Думаю, что для человека с низшим образованием, политически маловоспитанным не мало и этого. Но я этим не ограничусь, буду и в дальнейшем работать по силе возможностей.

За все время своей работы противосоветского у меня ничего не было.

Единственный вопрос, вызывающий сомнение, по которому я открыто выступал, это - вопрос о латинизации казахского алфавита. Это выступление свое я не считаю антисоветским. Поскольку вопрос не был еще разрешен, я высказывал свое мнение, искренне думал, что переход на латинский алфавит еще преждевременен, потребует слишком много средств, лучше эти средства употребить на более необходимые нужды. Когда увидел, что вопрос исчерпан, дискуссии прекращены, я решил поддержать проведение нового алфавита в жизнь. Например, я сотрудничал в издаваемом в г. Кызыл-Орде на латинском алфавите журнал «Жаршы», первый номер которого находится сейчас в печати.

Дулатов

Допросил – Начвостотдела – *Петров.*

Архив ДКНБ РК по г.Алматы
Ф.6. Д.011494, Т.1. Л.97-107..

ЛЕПЕСОВ СУЛТАН

***Справка:** – арестован 4 февраля 1938 года УГБ НКВД КазССР. Постановлением Особого Совещания при НКВД СССР от 26 октября 1940 года по ст. 58 пп. 2,7,11 УК РСФСР осужден к 8 годам заключения в ИТЛ. 12 января 1942 года умер в лагере Архангельской области.*

Определением № 8145-С-54 Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 5 ноября 1954 года постановление Особого Совещания при НКВД СССР от 26 октября 1940 года отменено и дело производством прекращено за недоказанностью обвинения.

Москва
Председателю Особого Совещания
Наркому внутренних дел СССР
тов. Берия
от заключенного Лепесова Султана

ЗАЯВЛЕНИЕ

Два с половиной года сижу в тюрьме, не имея за собой никакой вины. Я был арестован 4/II-1938 г. провокаторами Володзько, П. и К. Они меня били, подвергли к телесному наказанию, пыткам, лишили сна, еды, заставляли стоять в течение восьми суток на ногах, посадили в карцер, довели до невменяемого состояния и таким образом, добились ложных,

вымышленных показаний. Но от них я отказался еще до окончания первого следствия.

Я подал заявление 7/YII-1938 г., где я от всех «своих» ложных и вымышленных, и выбитых от меня показаний отказался и подпись свою снял. После моего отказа провокаторы стали еще злее: они стали склонять меня даже руководящим участником буржуазно-националистической организации, хотя и эта попытка их ни чем не подтверждается. Таким образом, я и моя семья пострадали в результате провокационных и вражеских действий Володзько, П., К. Это во первых.

Во вторых, в результате клеветнических, провокационных показаний некоторых озлобленных на меня людей – действительных врагов партии, ибо я о них писал в газете и их разоблачал.

В третьих, в результате ложных, клеветнических показаний некоторых других людей, от которых выбили на меня показания (они так же от своих показаний давно отказались).

В четвертых, в этом деле сыграли важную роль личные счеты, имевшие место между мною и некоторыми другими.

С 1938 г. я прошел почти все судебные инстанции, но никто не хочет судить или освободить, так как не за что судить. Провокаторы следователи организовали ложные акты и лжесвидетелей, но и эта их попытка провалилась, они все с меня давно сняты (см. Постановление военного прокурора от 26/IX-1939 г.).

Провокаторы не приостановились даже перед подлогом. Таким образом созданное на меня дело совершенно дутое и искусственное. Мои все объяснения по существу дела изложены в моих письменных объяснениях от 28/YIII, 1/IX и 15/IX 1939 г. (они в деле), в своем подробном показании на суде, состоявшегося от 20/II по 3/III-1940 г. В последний раз я был на Верховном Суде (в числе с другими, с которыми мое дело совсем не связано) и подробно изложил в своем ходатайстве и дал подробные показания, где я разбил все возведенные на меня клеветнические обвинения и доказал свою невиновность. После этого даже сам прокурор выступил в защиту меня и просил суд удовлетворить мои ходатайства и выделить мое дело.

Суд вынес определение вернуть дело на новое рассле-

дование, но после этого я ни кем не был вызван на допрос, а через четыре месяца был извещен, что дело направлено на Особое Совещание при НКВД СССР.

Лишенный возможности дать личные объяснения Особому Совещанию, но не сомневаясь в его объективности и беспристрастности, считаю нужным указать на выше изложенные моменты и обращаю Ваше внимание еще на следующие:

1. Искусственность созданного на меня дела видна из моих объяснений от 28/YIII, 1/IX и 15/IX 1939 г., моих показаний на Верховном Суде КазССР (если они подробно написаны) и из приобщенных к делу документов и газетных вырезок (надо сказать, что многие документы и статьи еще не приобщены).

2. Искусственность этого дела видна также из тех масс противоречий, которые имеются и полны с начала до конца, как в показаниях, данных на меня, так и в других листах дела.

3. Что это дело дутое и искусственное видно хотя без того, что в обвинительном заключении от 16/X-1939 г. пишется, что в начале 1938 г. Лепесов вместе с другими принимал участие в воссоздании организации, тогда как в это время, т.е. с начала 38 г. я сидел в тюрьме.

4. Я воспитан комсомолом и ленинско-сталинской партией и никогда не уклонялся от ее генеральной линии. В группировках оппозиции я никогда не участвовал. Так что как по воспитанию и по своему социальному происхождению, я не мог быть врагом и никогда не был таковым.

Я не сомневаюсь в справедливости решения Особого Совещания и живу надеждой, что оно вынесет правильное решение и освободят меня из под стражи.

Лепесов

Архив ДКНБ РК по г. Алматы
Ф.6. Д.03743 (том дополнительный).
Листы непронумерованы.
Подлинник.

Москва.

Председателю Особого Совещания
Наркому Внутр Дел СССР
т. Берия

Заявление. от заключенного Агеева
Султана [illegible]

14.VII.[illegible]

Два с половиной года сижу в тюрьме, не имея за собой никакой вины. Я был арестован 1/II 38 г. [illegible] Володзько, Павловым и Катковым. Они меня били, подвергали к тяжелому наказанию, пыткам, лишили сна, его заставляли стоять в течение 8ми суток на ногах, посадили в карцер, довели до невменяемого состояния и, таким образом, добились ложные, вымышленные показания. Но от них я отказался еще до окончания первого следствия. Я подал заявление 7/VII 38 г., где я от всех своих показаний [illegible]

МАМБЕЕВ САДВОКАС САГЫНДЫКОВИЧ

Справка: *– арестован 4 февраля 1938 года УГБ НКВД КССР. 8 сентября 1939 года Военной Коллегией Верховного Суда осужден по ст. 58 пп. 2,8,11 УК РСФСР к 10 годам лишения свободы в ИТЛ. Срок наказания отбыл в 1948 году. В 1949 году вновь арестован и постановлением Особого Совещания при МГБ СССР от 18 мая 1949 года сослан на поселение.*

Определением № 4Н-012913 Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 29 октября 1955 года приговор Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 8 сентября 1939 года и постановление Особого Совещания при МГБ СССР от 18 мая 1949 года отменены и дело о нем за отсутствием состава преступления прекращено.

Заключением Генеральной Прокуратуры Республики Казахстан от 21 октября 1997 года на основании Закона Республики Казахстан от 14 апреля 1993 года «О реабилитации жертв массовых политических репрессий» он реабилитирован.

АВТОБИОГРАФИЯ

Родился я в 1898 году в местности Чиили, Перовского уезда Сыр-Дарьинской области Туркестанского края, ныне Яны-Курганский район Южно-Казахстанской области, КазССР. Отец мой Сагиндык по социальному положению батрак-пастух (имел только одного верблюда к концу своей жиз-

ни), из 42 лет своей жизни 26 лет он пас скот у полуфеодалов Унишибаевых. Отец умер в начале 1904 году, примерно в январе, оставив меня и дочь на иждивении матери. Для характеристики того, какое положение в обществе занимал мой отец, привожу один маленький факт, даюший без излишних комментарий представление о его социальном лице.

У казахов, вернее у верхушечной части населения в старое время, существовала ходячая поговорка «он жыл қой баққаннан ақыл сұрама», т.е. «10 лет пасшего барана ума не спрашивай». Видимо исходя из этой поговорки (нужно полагать баями, у которых он пас скот) моему отцу было присвоено прозвище «Сагиндык – Аузы ашық».

Мне думается, что это прозвище моего отца вытекало и соответствовало его «положению» в обществе и умственному кругозору, если учесть, что он «перекрыл» почти в два с половиной раза «стаж» пастуческой жизни, а также если учесть беспримерную эксплуатацию, существовавшую в казахском ауле до Октябрьской Революции.

После смерти отца, мать, не имея средств к существованию, а также не желая «выйти» замуж (по казахскому обычаю) за одного из родственников отца в качестве второй жены, в одну ночь, приблизительно в феврале 1904 года, сбежала к одноплеменцам по ее отцу, схватив с собой меня и сестру, где ее взял под свое покровительство родоначальник племени некто Ташмухаммед Аекенов. Покровительство Аекенова было связано с материальной заинтересованностью, т.е. в получении «калыма» за мою мать. По прибытии моей матери к Аекенову, последний через месяц продал мою мать за две коровы некоему Баймухаммеду, по прозвищу «Дуана», т.е. нищий. Баймухаммед, отдав последнее свое состояние в «калым» и не имея средств на содержание детей и моей матери, вынужден был отдать меня в наем баям пасти ягнят, и я с 1905 по 1911 год работал по найму с оплатой за труд две козы в год.

В бытность мою на иждивении Баймухаммеда, и работы по найму у баев, в Туркестанской учительской семинарии учился сын двоюродной сестры матери Мамбеев Абдурасыл, который окончил учение в 1908 году, и он в 1911 году взяв меня на свое иждивение, отдал меня в Паркентское русско-туземное училище, где я одновременно с учебой работал в

качестве уборщика здания школы, получая 8 рублей в месяц. В 1914 году по окончании русско-туземного училища, где я проучился по апрель 1918 года находясь в интернате. В июне или июле 1918 года (месяца точно не помню), я поступил на педагогические курсы, и с конца 1918 года по март 1919 года был учителем. В марте 1919 году я поступил на службу в Директорию по заготовке топлива в Северном районе Сырдарьинской области (Перовский уезд). Проработав здесь по июнь был откомандирован в распоряжение Туркестанского Наркомпрода, где был назначен инструктором-контролером в Аулие-Атинском и Чимкентском уездах.

С марта 1919 по июнь 1919 года работал в Директории по топливу Сырдарьинской области, в качестве контролера и заведующим складом. С 1919 по 1921 год служил в Туркестанском Наркомпроде инструктором, а потом политическим комиссаром экспедиции по снабжению кочевого населения Алма-Атинского и Чимкентского уездов. В 1921 году в июле месяце был назначен заведующим РКИ Аулие-Атинского уезда, где проработал до ноября месяца 1921 года, после по партийной мобилизации был призван в ряды Красной Армии и находился в 16-ом Туркестанском полку красноармейцев до декабря 1922 года.

В декабре месяце 1922 года Областным комитетом Коммунистической партии был назначен помощником прокурора Сырдарьинской области, и в марте месяце 1923 года я был с этой должности отозван, и направлен на высшие юридические курсы в г. Москву, которые окончил в декабре месяце 1924 года. По окончании курсов я был назначен прокурором Джетысуйской области г. Алма-Ата, а в 1925 году был избран сессией КазЦИК наркомом юстиции и прокурором Казахской АССР, где проработал до января 1928 года, после чего был назначен начальником Центрального административного управления в г. Кызыл-Орде. В 1929 г. по решению Казкрайкома ВКП(б) я был направлен в г. Турткуль на должность председателя Кара-Калпакской областной Контрольной комиссии, в сентябре 1931 года по распоряжению Секретаря Казкрайкома Куромысова из Кара-Калпакии был отозван и назначен членом Коллегии Наркомата РКИ Казахской АССР, проработав до декабря месяца 1931 года я был назна-

чен военным прокурором Пограничной охраны ПП ОГПУ Казахстана и с мая 1934 года по апрель месяц 1935 года заместителем прокурора Пограничной охраны ПП ОГПУ Средней Азии. С 1935 года по день ареста занимал должность военного прокурора Отдела Военной прокуратуры САВО в Казахстане. Военное звание имею юриста 1-го ранга.

Архив ДКНБ РК по г.Алматы
Ф.6. Д.03513. Т.1. ЛЛ.12-13. Подлинник.

ЦК ВКП(б)
тов. Сталину
Наркому внутренних дел СССР
тов. Ежову
Прокурору Союза ССР
тов. Вышинскому

Копия: НКВД КазССР

от арестованного УГБ НКВД
КазССР бывшего военного прокурора
Отдела Военной прокуратуры САВО
Мамбеева Садвакаса

ЗАЯВЛЕНИЕ

4 февраля 1938 года я был арестован по обвинению в том, что я якобы являюсь членом антисоветской организации казахских националистов.

Арест и процесс следствия по моему делу показали, что сам арест и обвинение меня, является гнуснейшей провокацией врагов народа – контрреволюционеров националистов и личных моих врагов.

Нет сомнения, что органы НКВД за последний год проделали огромную работу по выкорчевыванию затаившихся врагов революции в национальных республиках – контрреволюционному национализму – союзнику международного фашизма, нанесен решительный удар. Однако нельзя не отметить и то, что националистическая контрреволюция

– алаш-ординцы и контрреволюционеры националисты – Кулумбетовы, Кабуловы, Сарымулдаевы, Ходжановы, Рыскуловы и т.п. немало оказала услуг таким людям, как Залин в период нахождения его у руководства НКВД КазССР, распустив и дав гнусно-провокационные показания на честных и преданных партии и Советской власти большевиков-коммунистов.

Прежде чем указать на отдельные факты, подтверждающие последнее, я хочу остановиться на незаконный, скорее всего на антисоветский метод, примененный в процессе следствия моего дела ко мне.

Будучи арестован 4 февраля около двух месяцев, т.е. с 4 февраля до 28 марта 1938 года (за исключением нескольких ночей по 6-7 часов) я был подвергнут лишению сна, стоял на ногах круглые сутки, путем применения конвеерной системы допросов, подвергался физическому и моральному воздействиям, обливанию холодной водой. Вся сумма указанных методов ведения следствия на языке уполномоченного 3-го Отдела Х. называется – «Бенефис».

Все это привело меня к полному невменяемому состоянию, и дало клеветническое заявление на себя и готов был написать любой документ, обличающий себя и других лиц.

В указанном состоянии мною написаны следующие документы:

1. Под диктовку помощника начальника 3-го Отдела Г. дал заявление на имя наркома внутренних дел КазССР, где указал, что в 1931 году я был завербован гражданином Сафарбековым Садыкбеком в организацию казахских националистов, хотя 8 февраля после 6 часов отдыха в своем собственноручном показании отказался.

2. Написал собственноручно показание, что я, в 1925-1927 годах примыкал к ходжановской группе и по установке указанной группы назначил на ответственные посты (губернскими прокурорами) двух лиц, а именно: Кулетова и Сатыгулова.

3. Начал было писать показание о том, что в Алма-Ате, якобы существовала националистическая организация еврейских националистов, возглавляемая Залиным, и что эта организация заключала блок с другими антисоветскими националистическими организациями, в частности, блок с казах-

скими националистами. Но последнее мое показание – мой сумасшедший бред, был прекращен следователем К., который в то время вел следствие по моему делу.

Абсолютная ложь моих клеветнических заявлений и показаний и, что таковые являются продуктом невменяемого моего состояния, было ясно не только следователям ведушим мое дело (их было четверо), но и помощнику начальника 3-го Отдела Г., которому неоднократно обращался с тем, что я в результате незаконных методов следствия вынужден даватъ ложные показания. Однако, последний выслушав мои заявления все время твердил следователям «не слезать», а мне «пока, гр-н Мамбеев не дадите признательных показаний, мы с Вас не слезем».

Процесс следствия по моему делу показал мне, что следствие абсолютно не заинтересовано установить истину, совершено ли мною приписываемое преступление, а лишь заинтересовано в том, чтобы добиться любыми средствами моего «показания» в несовершенных преступлениях.

Сказанное подтверждается еще и тем, что следователь не допросив лиц, на которых я возвел клевету и не приобщив к делу ряда документов, изъятых при обыске у меня (копию моего заявления от 10 июня 1937 г. ЦК КП(б)К, Президиуму областной конференции и копию решения ЦК), приобщение которых я просил, дело мое в конце апреля направил и по подсудности.

Мало этого, следователь по непонятным мне причинам отказал ознакомиться мне с материалами дела и дать по ним исчерпывающее объяснение, поскольку следователь все время утверждал, что на меня много показаний, подтверждающих мое участие в ходжановской группе.

Несмотря на неоднократные утверждения следователя, последний в процессе следствия зачитал выдержки показаний Ш. Нурмухамедова, К. Сарымулдаева и третьего фамилии не помню, кои утверждают, что в 1926 году, кажется в октябре, я якобы принял участие на совещании участников группы Ходжанова и Рыскулова, где Ходжанов и Рыскулов договорились объединиться в целях борьбы с партией.

Кроме того следователь Л. указал, что следствие располагает показаниями Ходжанова и бывшего областного военкома Алма-Атинской области Смирнова, кои подтвержда-

ют о якобы моем участии в организации казахских националистов. При правильном ведении следствия, и дачи возможности мне дать объяснение по существу изобличающих меня показаний, следствие могло бы убедиться в необоснованности этих показаний.

Кроме того, как мне стало известно, следствие в течение месяца всеми средствами добивалось уличающего меня показания от бывшего южно-казахстанского областного прокурора Бартаева.

Следствие при этом не учло, что Бартаев никогда со мной в партийной жизни и в советской работе не сталкивался и не знает меня, точно так же и я не знаю его. Единственный раз в своей жизни я его встретил в бытность мою в 1936 году по делам службы в г. Чимкенте. Эта встреча произошла в Областной прокуратуре, куда я зашел ознакомиться с состоянием надзорной работы Областной прокуратуры по делам подсудным Военному трибуналу.

В Областной прокуратуре также встретил заместителя прокурора КазССР Дубровского, с последним по приглашению Бартаева, я ушел, а Дубровский остался. Больше гр-на Бартаева в своей жизни близко не встречал.

В последних числах апреля помощник начальника 3-го Отдела УГБ Г. вызвал меня и устроил «очную ставку» с Бартаевым, причем о наличии каких-либо показаний Бартаева на меня, до этого я не знал и не был допрошен. Как только я прибыл, гр-н Г. обращаясь к Бартаеву спросил «подтверждаете ли гр-н Бартаев свое показание», на что последний ответил «подтверждаю». Получив ответ Бартаева, предложил тут же присутствующему уполномоченному 3-го Отдела К. вывести Бартаева, несмотря на мой протест, что так очную ставку не делают и что следствие грубо нарушает элементарное требование процессуальных норм.

Выслушав мой протест гр-н Г. сказал, что «вы гр-н Мамбеев слышали ответ Бартаева, а показание его я вам прочту» и тут же прочел, что Бартаев якобы знает, что я являюсь членом контрреволюционной националистической организации. Не знаю соответствуют ли прочитанное, т.е. оглашенное гр-ном Г. показание Бартаева или нет, для меня остается неизвестным.

В сентябре мне стало известно, что Бартаев на следствии

под воздействием различных мер вынужден был дать ложное показание, и как он высказал, что «погубил себя и 25 человек работников Южно-Казахстанской Областной прокуратуры, показал как завербованных им в контрреволюционную националистическую организацию.

Изложенные выше обстоятельства говорят об отсутствии каких-либо желаний со стороны следствия проверки обоснованности материалов обвинения (если таковые вообще имеются), во-первых, исключительной заинтересованности добиться всеми доступными средствами показания в целях оправдания необоснованного ареста и обвинения меня.

Свой необоснованней арест, применение незаконных методов следствия и продолжающиеся искажения материалов путем применения незаконных методов, я лично объясняю сложившимся моим ненормальным служебным взаимоотношением за период 1935-1938 гг. с бывшим руководством НКВД КазССР в лице Залина и Володзько.

Прежде чем сослаться на ряд документов, определяющих мои взаимоотношения и о причинах их, мне хотелось бы привести ряд данных, получивших свои освещения в указанных документах.

Анализ прошедших дел через отдел Военной прокуратуры САВО за 1935 и 1936 гг. давал основание утверждать об отсутствии серьезной борьбы по делам государственных преступлений подсудных Военному трибуналу. Если борьба с государственными преступлениями (подсудных Военному трибуналу) обстояла слабо, то контрреволюционный национализм вплоть до 1937 г. велся абсолютно неудовлетворительно.

Основная масса дел, прошедших через Военную прокуратуру за указанные годы, составляли террористические акты, связанные с деревней и аулом, а дел серьезных крупных почти отсутствовало. Наряду с этим, начиная с 1937 года, борьба с контрреволюционным троцкизмом, и казахским национализмом (начиная со второй половины 1937 г.) была поставлена на надлежащую высоту (тоже не без промахов и ошибок – вольных и невольных).

Подитоживая работу по делам расследуемым НКВД и подсудным Военному трибуналу прошедших через Военную прокуратуру, за первую половину 1937 года, я как военный

прокурор, в своем полугодовом обзоре на основе анализа материалов по делам делал вывод.

Контрреволюционные организации троцкистов, правых и казахских националистов, свои подрывные деятельности в области всей системы народного хозяйства и во всех областях в Казахстане проводили в течение продолжительного времени. И если их подрывная деятельность оставалась не вскрытой, то это нужно отнести за счет неумения работать наших органов, партийной организации и главным образом за счет политической беспечности и слепоты.

Недооценка подрывной деятельности контрреволюционной организации троцкистов, правых и казахских националистов, прямое игнорирование (даже при наличии прямых данных) со стороны бывшего наркома Залина.

Изложенные выше обстоятельства и отдельные факты неумения работать, политической беспечности и слепоты, мною отмечались в полугодовых обзорах за 1935-1937 гг. В последнем обзоре за первую половину 1937 года, мною проводились отдельные категории дел, вскрытых в 1936 году, однако не только недооцененные, но по которым имело место прямое нежелание принять решительные меры гр-ном Г.

Считаю достаточным провести один факт – дело контрреволюционной группы инженеров по технике безопасности во главе с профессором Биленко, организованный в 1931 году Углановым. Дело группы профессора Биленко возникло в апреле 1936 года, по делу тогда проходили в качестве обвиняемых трое инженеров – Марков, Константинов и Баташев, работавшие в Казахстане. Один из обвиняемых Марков в своих показаниях, кажется в мае месяце или июне 1936 года указывал, что в системе тяжелой промышленности существует контрреволюционная вредительская и шпионская организация, возглавляемая проф. Биленко и перечислил состав участников, входящих лиц в центр этой организации.

Кроме того, обвиняемый Марков признался, что он по заданию Биленко собирал шпионские сведения для германской разведки.

Однако, руководство НКВД в лице Залина и Володзько, а также Прокуратура республики, осуществлявшая надзор по делу, не приняли никаких мер в целях вскрытия деятельности

указанной организации и дело обвиняемых – Маркова и других направили отделу Военной прокуратуры САВО для передачи по подсудности.

Ознакомившись с делом, кажется в начале октября 1936 года своим постановлением дело обвиняемых Маркова и других, я вернул для доследования с предложением привлечь участников указанной организации.

Провести в жизнь постановление о доследовании по делу Маркова потребовалось вмешательство прокурора Союза. Профессор Биленко был арестован и доставлен в конце января, и с этого времени и было начато следствие по делу Биленко, и по делу участников филиалов указанной организации по Караганде и по предприятиям цветной металлургии в Казахстане.

В связи с возвращением мною дела обвиняемых Маркова и других граждан, Залин за время октябрь-декабрь 1936 года вызывал меня в связи с делом Маркова три раза, и каждый раз обвинял меня, что я «мешаю работать органам НКВД» и что он на основе моего постановления не может ставить перед центром вопрос об аресте «таких крупных специалистов, тем более профессора Биленко, т.к. Ягода не согласится».

Как указано в моем обзоре, арест Биленко и других участников – руководителей организации, вскрыл широкую сеть по предприятиям тяжелой промышленности Союза как-то: Донбасса, Кузбасса и т.д. Отдельные мои постановки перед руководством НКВД КазССР Залиным с первого дня моей работы в Казахстане, т.е. с 1935 года по спецотделам, а также мои полугодовые обзоры и выводы по проделанным работам, в особенности отдельные акты политической беспечности, освещенные в обзоре за первую половину 1937 года, не могли не вызвать, как этого я ожидал, соответствующей реакции со стороны Залина. Не помню, кажется в июле 1936 года Залин при личной беседе со мной высказав свое мнение по ряду дел, на мои возражения, на предложения его по ним, высказал с определенной угрозой по моему адресу, что он «со мной в дальнейшем не сработается» и что он «поставит, где следует вопрос». Эта угроза Залиным не осталась неосуществленной, вскоре он поставил перед уполномоченным партконтроля Москатовым вопрос, обвинив меня в «либерализме» и извращении судебной политики, и что я «мешаю»

работать органам НКВД. В связи с чем я дал уполномоченному партконтроля соответствующее объяснение по существу обвинения, и моим объяснением уполномоченный партконтроля Маскатов был удовлетворен.

Приведенные выше факты определяющие мое служебное взаимоотношение с Залиным предопределило арест мой без проверенного материала, использовав для этого гнусную клевету врагов народа вроде Кабулова и других. Мало этого, гр-н Залин через своего «доверенного человека» Г. в процессе следствия применил ко мне антисоветские методы расследования, в целях добиться желательного ему показания, т.е. получить показание обличающее в несовершенных мною преступлениях.

Процесс следствия моего дела также показал, и я в этом убежден, что следствие путем применения незаконных методов может добиться любого показания на меня от любого человека, как это имело место с бывшим областным прокурором Бартевым. Для того, чтобы не быть голословным, могу сослаться на следователя Л. (закончивший мое дело в апреле), который вызвав меня в сентябре при беседе со мной указал, что после окончания моего дела к нему поступило показание 18 человек бывших военных работников, изобличающих меня в контрреволюционных преступлениях.

Эти обстоятельства вынуждают меня обратиться к Вам, и убедительно просить Вашего вмешательства и оградить меня в дальнейшем от возможного произвола, ибо я, никогда не был, не только участником антисоветской организации казахских националистов, но и не был участником антипартийной группы казахских националистов. Наоборот за время моего пребывания в рядах партии с 1920 года и партийно-советской работе, я активно боролся с врагами партии и Советской власти.

Подробное освещение моей партийно-советской работы я последний раз написал на имя Секретаря ЦК КП(б) Казахстана 10 июня 1937 года в связи с обвинением врага народа Кабулова, о якобы моем участии в прошлом ходжановской группе и имеется по сему поводу решение ЦК КП(б)К.

Поскольку, копии этих документов имеются в Главной Прокуратуре РККА, а также в распоряжении следствия (изъятые при аресте), считаю излишним освещение подробных данных о моей прошлой деятельности.

На основании изложенного, убедительно прошу Вас, дело мое поручить расследовать представителю НКВД Союза или же прокурора Союза.

Подследственный *Мамбеев.*
5/I-1939 г.

ЦК ВКП(б) – тов. СТАЛИНУ
НАРКОМВНУТДЕЛ СССР – тов. ЕЖОВУ
ПРОКУРОРУ СОЮЗА ССР – тов. ВЫШИНСКОМУ
Копия: НКВД Каз.ССР.

Арестованного УГБ НКВД Каз.ССР, бывшего Военного Прокурора Отдела Военной Прокуратуры САВО – МАМБЕЕВА Садвакаса.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

4-го февраля 1938 года я был арестован по обвинению в том, что я, якобы, являюсь членом антисоветской организации казахских националистов.

Арест и процесс следствия по моему делу показали мне, что сам арест и обвинение меня, является гнуснейшей провокацией врагов народа – к-р националистов и личных моих врагов.

Нет сомнения, что органы НКВД за последний год проделали огромную работу по выкорчевыванию зазнавшихся врагов революции в национальных республиках – контрреволюционному национализму – союзнику международного фашизма, нанесен решительный удар. Однако, нельзя не отметить и то, что националистическая контрреволюция – алаш-ординцы и к-р националисты – Кулумбетовы, Кабуловы, Сарымолдаевы, Ходжановы, Рыскуловы и т.п. немало оказала услуг таким людям, как Залин в период нахождения его у руководства НКВД Каз.ССР, распустив и дав гнусно-провокационные показания на честных и преданных партии и Советской власти большевиков-коммунистов.

Прежде чем указать на отдельные факты, подтверждающие последнее, я хочу остановиться на незаконный, скорее всего на антисоветский метод примененный в процессе следствия моего дела, ко мне.

Будучи арестован 4-го февраля около 2-х месяцев, т.е. с 4-го февраля до 28 марта 1938 года (за исключением нескольких ночей по 6-7 час.), я был подвергнут лишению сна, стоял на ногах круглые сутки, путем применения конвейерной системы допросов, подвергался физическому и моральному воздействию...

- 8 -

Эти обстоятельства вынуждают меня обратиться к Вам и убедительно просить Вашего вмешательства и оградить меня в дальнейшем от возможного произвола, ибо я, никогда не был, не только участником антисоветской организации казахских националистов, но и не был участником антипартийной группы казахских националистов. Наоборот за время моего пребывания в рядах партии с 1920 года и партийно-советской работе, я активно боролся с врагами партии и Сов.власти.

Подробное освещение моей партийно-советской работы я последний раз написал на имя секретаря ЦК КП(б)Казахстана 10 июня 1937 года в связи с обвинением врага народа - Кабулова, о якобы моем участии в прошлом в ходжановской группе и имеется по сему поводу решение ЦК КП(б)К.

Поскольку, копии этих документов имеются в главной прокуратуре РККА, а также в распоряжении следствия - (изъяты при аресте), считаю излишним освещение подробных данных о моей прошлой деятельности.

На основании изложенного, убедительно прошу Вас, дело мое поручить расследовать представителю НКВД Союза или-же прокурора Союза.-

Подследственный- Манбеев.

5/1-39г.

Г.Алма-Ата.

Архив ДКНБ РК по г.Алматы
Ф.6, Д.03513, Т.1. Л.247-254.Подлинник.

Члену Президиума ЦК КПСС и
Председателю Совета Министров СССР
тов. Булганину Николаю Александровичу

от бывшего члена партии Мамбеева С.С.,
проживающего в г. Игарке,
ул. Сталина № 21 кв.3

ЗАЯВЛЕНИЕ

31 октября 1952 года, после многократных жалоб в адрес центральных органов и руководителей партии, правительства, я обратился в президиум XIX съезда партии с жалобой по поводу незаконного ареста в 1938 году и осуждения меня в 1939 году Военной Коллегией Верховного суда СССР к 10 годам заключения. Ожидая почти около двух лет и не дождавшись какого-либо результата своей жалобы, в апреле месяце 1954 года, я вынужден был снова обратиться в Президиум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза и Председателю Верховного Совета Союза СССР тов. Ворошилову К.Е. по тем же вопросам.

Как видно из извещении Военного Прокурора Советской Армии от 14/Y-1954 г. № 417690-49 и СР 27/УЩ-1954 г., № 44409-38. Оба эти мои жалобы поступили но назначению и что по моему делу производится проверка. В дополнении к этим моим жалобам, 19 ноября 1954 года (в целях облегчения задач проверки) направил Прокурору СССР, в ЦК КПСС новое заявление. В этом заявлении я привел, сослался на ряд документов, которые подтверждают мои утверждения, что так называемое дело, о контрреволюционном преступлении Мамбеева, сфабриковано бывшим руководством НКВД Казахской ССР – Залиным, Володзько и Хворостяным, на почве личных счетов, в результате ненормальных моих с ним служебных взаимоотношении, сложившиеся в течении ряда лет совместной работы. Так например, работая в течение 1932-1938 гг. в органах Военной Прокуратуры в Казахстане, осуществляя надзор по особо важным делам, повседневно в своей работе, мне приходилось по вопросам ведения следствия, не раз иметь принципиальные споры с руко-

водством НКВД Казахской ССР – Залиным, Володзько и Хворостяном.

В отдельных случаях, когда Военная Прокуратура по конкретным делам, принимала иное решение, чем руководство НКВД, это обстоятельство вызывало болезненное реагирование со стороны последнего.

В целях ясности приведу ряд обстоятельств по делам, приводившие порою до конфликта с бывшим руководством НКВД Казахстана.

1. Первое обстоятельство.

В конце 1932 года или в начале 1933 года (точно дату не помню) в производстве Особого отдела ПП ОГПУ Казахстана, возникло дело по обвинению трех красноармейцев казахского пола по ст. 58, пп. 10,11 УК РСФСР, т.е. в организации откочевки казахского населения из пограничных районов Казахстана в Китайскую Республику. В качестве основных улик вменяемого им преступления, следствием в дело этих двух красноармейцев (фамилии их не помню), была приобщена копия письма (с антисоветским содержанием), написанное якобы ими своим родным.

Допуская возможную причастность этих красноармейцев к откочевкам, Военная прокуратура Пограничной охраны и Войск ОГПУ Казахстана в моем лице, вопреки нарушению процессуальных норм, срок следствия продлила несколько раз, дабы дать следствию возможность обстоятельно выявить роль обвиняемых в откочевках населения.

Однако, следствие в течение года не смогло разобрать каких-либо конкретных данных виновности обвиняемых, если не считать, так называемой копии письма, написанные самими обвиняемыми в тюрьме по требованию оперуполномоченного, ведшего по делу следствия.

В связи с чем, дело по обвинению этих двух красноармейцев после длительного следствия, мною было производством прекращено и возбуждено ходатайство перед ПП ОГПУ Казахстана о наложении дисциплинарного взыскания на оперуполномоченного, который вел следствие – за незаконный метод ведения следствии.

Будучи недоволен этим моим постановлением по делу,

Полпред ОГПУ в Казахстане Каруций и начальник Особого одела Хворостян обжаловали мое постановление Главному военкому прокурору РККА тов. Орловскому. Вскоре тов. Орловский будучи в Казахстане с обследованием работы Военной Прокуратуры Казахстана, рассмотрев мое постановление по делу и по существу дело этих красноармейцев, мое постановление по делу утвердил и на оперуполномоченного было наложено взыскание приказом ПП ОГПУ, где я также состоял членом. Начальник Особого отдела Хворостян подойдя ко мне заявил: «Мамбеев, учти, своевольничать тебе не позволим, освобождение контрреволюционеров даром не пройдет, долго будешь помнить меня» и т.д.

Как показала впоследствии сложившаяся моя жизнь, этот пройдоха пробравшийся в органы ОГПУ, свою угрозу осуществил путем получения так называемого показания на меня, активного участника контрреволюционера Алашорды Тохтабаева Карима (см. мою жалобу в Президиум ЦК КПСС).

2. Второе обстоятельство

Отдельные случаи грубых ошибок по спецотделам имевшие место в работе следствия, суда и прокуратуры в указанный период, я освещал в специальных квартальных обзорах, которые посылались Главному военному прокурору РККА, НКВД Казахстана и в ЦК (см. квартальные обзоры за 1935-1938 гг.).

Введя в практику своей работы квартальные обзоры, освещая в них отдельные случаи ошибок и недостатки в нашей практической работе, я считал, что эти ошибки нами должны учитываться в дальнейшей работе, во-вторых, Главная Военная Прокуратура, смогла бы своевременно выправить меня, если по тем или иным делам сделаны неправильные выводы.

Однако, эти обзоры направились руководству НКВД Казахстана, последнее считало, что это является дискредитацией и умалением авторитета органов ЧК. Так например, бывший нарком внутренних дел Казахстана Залин, лично предупреждал меня говоря «Мамбеев, имей ввиду, что мы чекисты – любимцы партии, самолюбивы, иногда таким как

ты можем сломать шею и мой товарищеский совет не борись с нами» и т.д.

Я считал, что органы ЧК любимое детище партии, созданное и выпестованное ею для оберегания от врагов, завоеваний Октября, к чему призваны и органы Прокуратуры. Но все это не дает нам право работать плохо, о чем в свою очередь приходилось говорить мне при этих разговорах.

Враг партии Залин, после моего ареста через неделю истребовав меня к себе, в присутствии начальников отделов НКВД, поставил передо мной вопрос, «почему я не даю требуемого от меня показания». Получив от меня соответствующий ответ, Залин мне сказал: «Мамбеев в течение шести месяцев добивался разрешения на твой арест от наркома Ворошилова. Вопреки отсутствию согласия Ворошилова, получил разрешение на твой арест Секретаря ЦК и НКВД Союза Ежова, так, что тебе нет другого выхода, подписать то, что от тебя требует следствие, сохраним жизнь, иначе будешь расстрелян» и т.д.

Приведенные эти факты говорят сами за себя, чем было вызвано состряпанное на меня провокационно-клеветническое обвинение и какая цена добытых путем принуждения «свидетельские» показания по делу.

Тов. Булганин, я в своих жалобах в адрес Президиума Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза от 7/IY-1954 г. и председателю Президиума Верховного Совета СССР тов. Ворошилову от 1/IY-1954 г. подробно писал, что из себя представляет следственный материал, собранный незаконным методом, бывшим руководством НКВД Казахской ССР – Залиным, Володзько и Хворостяном, вменяемый мне в совершении тяжкого государственного преступления.

Обстоятельства, изложенные в этом заявлении, мною также были изложены в дополнительном заявлении от 19 ноября 1954 года в адрес ЦК КПСС и Прокурора СССР. Все эти жалобы и заявление, как видно из извещении Главного военного прокурора Советской Армии, находятся в производстве последней, проверяется им в течение года и когда закончится проверка неизвестно. Мне кажется, для обстоятельной проверки такого дела, как мое дело (построенного на провокаци-

онной лжи и клеветы), было бы вполне достаточно годичного срока. В то же время понятно, что враги партии пробравшие в органы МВД, МГБ – Ежов, Берия, Абакумов и их поручники в своих стряпнях исписали безмерное количество клеветнических вымыслов, и в этом ворохе бумаг разобраться не так легко, но несмотря на это такая медлительность проверки Главной Военной Прокуратуры мне не понятно.

В течение 16 лет, мною написаны многочисленные жалобы в адрес центральных органов Партии, Правительства и руководителей Партии, но на все эти мои жалобы (за всех адресатов), отвечали МВД и МГБ, на заранее в отпечатанном – трафаретном бланке, что «Дело ваше не подлежит пересмотру» или же, что «Осуждены правильно».

Несмотря на это, я был уверен и верил, что Великая партия Ленина-Сталина и ее Центральный Комитет, разоблачит всех этих врагов партии и их вражескую деятельность под каким бы маской они не замаскировались. Вступив в ряды великой Коммунистической партии, членом в феврале 1920 года, за все время своей партийно-советской деятельности я не был участником каких-либо антипартийных группировок в рядах партийной организации Казахстана или же оппозиции в рядах партии, а наоборот был активным борцом за генеральную линию партии и ее Центрального Комитета. Еще в 1923 году будучи молодым членом партии, будучи еще теоретически мало подкованным, во время выступления троцкисткой оппозиции в рядах партии, в Московской партийной организации (в вузовских партийных организациях) вместе с другими товарищами принимал активное участие в борьбе с оппозицией за линию ЦК партии (см. материал чистки ряды партийных организации Высших юридических курсов).

Последующие годы с 1932-1938 гг. вся моя партийно-советская деятельность проходила в рядах партийной организации Казахстана и Средней Азии, где работая на руководящих партийно-советских органах никогда не имел колебания или же отклонения от генеральной линии партии, и активно боролся с врагами партии и Советского государства.

Воспитанный Великой Коммунистической партией Ле-

нина, и ставший при советской власти человеком в полном смысле этого слова, испытавший горькую жизнь батрака-пастуха дореволюционного Казахстана аула, считал для себя счастьем быть в рядах строителей новой счастливой жизни – коммунизм, служить преданно партии, советскому народу и Великой моей родине, являлось и является целью моей жизни.

Обращаясь к Вам, за этим заявлением, прошу Вас дать соответствующее указание ускорить разбор моего дела и реабилитации меня от незаслуженно возведенного обвинения.

Проситель (подпись) *Мамбеев*

г. Игарка
15.III.1955 г.

Архив ДКНБ РК по г. Алматы
Ф.6. Д.03513. Т.2. ЛЛ.4-8. Подлинник.

МИЩЕНКО ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ

Справка: *– в 1932 году был арестован в г. Краснодаре органами ОГПУ и выслан в Казахстан на 5 лет. 19 декабря 1937 года арестован УГБ НКВД КССР. Постановлением тройки УНКВД по Алма-Атинской области от 31 декабря 1937 года осужден на 10 лет в ИТЛ как участник контрреволюционной фашистской организации.*

Умер 2 мая 1938 года от крупозного воспаления легких находясь в заключении в тюрьме № 1 НКВД КССР.

Определением № 22/0394-Н Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного Суда Казахской ССР от 17 ноября 1956 года постановление бывшей тройки УНКВД по Алма-Атинской области от 31 декабря 1937 года в отношении Мищенко П.И. отменено и дело производством прекращено за недоказанностью состава преступления.

Он полностью реабилитирован определением Верховного Суда КазССР 17.11.1956 г.

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ

Мищенко Павел Иванович, уроженец Полтавской губернии, Переясловского уезда, родился 18 ноября 1869 года, в семье сельского священника, в селе Сельковка. Отец имел собственный дом на церковной усадьбе и пасеку. Отец и мать умерли, когда я был еще мальчиком, т.к. никаких средств не было, то я получал дальнейшее образование на казенный счет. Родственников или знакомых, живущих за границей, у меня не было и нет, по крайней мере мне они неизвестны и никаких связей с заграницей я не имею.

Начальное образование я получил в народной школе, среднее в семинарии в г. Полтаве, затем после окончания семинарии в 1892 году в течение пяти лет был народным учителем и готовился на аттестат зрелости для поступления в университет.

В 1897 году поступил в Юрьевский университет на физико-математический факультет, который и окончил в 1901 году, а в 1902 г. получил от Совета университета ученую степень кандидата естественных наук. В 1908 г. сдал магистерский экзамен и защитил диссертацию «Про вениа легенди», после чего Советом университета был избран приват-доцентом ботаники. В звании профессора утвержден в 1916 г. Министерством народного просвещения, а в 1924 году Государственным Ученым Советом при Главпрофобр и Наркомпрос.

Во время пребывания в университете однажды был уволен за участие в забастовке 1905 г. и подписание письма, составленного К.А. Тимирязевым, протестующим против репрессии, применяемых царским правительством к студентам.

В 1917 г. при меньшевистском грузинском правительстве около года числился в партии так называемой «Народной свободы», поскольку последняя боролась с интервенческими действиями правительства, и когда в Тифлис были введены германские войска, я оставил службу в Тифлисе и, по предложению Совета Политехнического института переехал в Краснодар в качестве профессора ботаники в августе месяце 1919 г. Скоро после этого Краснодар был занят Красной Армией. Когда армия Деникина, отступая под давлением Красной Армии, заняла Краснодар, студенты института были мобилизованы, в том числе и сын мой Константин – студент 1 курса 18 лет, который, однако, не желая служить в белой армии, вскоре откомандировался в Областной продовольственный комитет, остался при отступлении деникинцев в Краснодаре, был зачислен в Красную Армию, и вскоре с рядом других студентов откомандирован обратно в институт для продолжения образования. В настоящее время он работает профессором Химико-технологического института в Ленинграде.

По занятии Краснодара Красной Армией, я, помимо работы в институте, принял участие в работе по организации рабочего факультета и по предложению тов. Алексинского, ведавшего политически просветительной работой Красной Армии, читал лекции по естествознанию для красноармейцев. В гражданской войне никакого участия не принимал. В кратких чертах моя трудовая деятельность и жизнь протекали в следующем порядке:

До 24-х летнего возраста учился. Будучи 24-х лет посту-

пил народным учителем в селении Вышенке, Черниговской губернии, на какой работе пробыл 5,5 лет, после чего оставил эту службу для поступления в университет. По окончании университета, в течение почти 10 лет состоял ассистентом, а после приват-доцентом ботаники Юрьевского университета. Вел практические занятия по систематике растений, читал курс ботанической географии и публичные лекции «О субтропических культурах в пределах России», написал ряд работ по флоре Крыма и Кавказа.

В 1910 году Совет университета командировал меня на два года в Академию наук и за границу с ученой целью. Однако работа в Академии наук настолько задержала меня, что поездка за границу не состоялась. В 1912 году по окончании названной командировки избран членом Ученого бюро по прикладной ботанике Комитета Магистерства земледелия. В это время мною написан ряд работ по прикладной ботанике и переведены и отредактированы три труда из иностранной литературы. Написано около 100 критических статей по ботанике. В 1914 году в самом начале мировой войны получил предложение занять должность главного ботаника Тифлисского Ботанического сада, на что я дал согласие, имея желание от книг перейти к живой природе. В 1917 году был назначен директором этого сада, в этом же году был избран профессором ботаники Тифлисского Политехнического института. За этот период написал работу о видах спаржи Крыма и Кавказа, издал иллюстрированный путеводитель по саду, основал и редактировал журнал «Записки научно-прокладных отделов Тифлисского Ботанического сада», организовал кафедру ботаники в Политехническом институте. 8 августа 1919 года, как и указано выше, в связи с призывом в Грузию меньшевистским правительством немцев и его шовинистическими тенденциями, ушел из Тифлиса в Краснодар на должность профессора ботаники в Политехнический институт.

С приходом Советской власти на Кубань, помимо работы в Политехникуме, преподавал биологию на рабочем факультете, а затем и во вновь основанном университете. В 1930 году был арестован органами ГПУ по обвинению о принадлежности к трудовой крестьянской партии и выслан в Алма-Ату. В марте 1934 года был освобожден. За пятилетнюю работу в Краснодаре напечатал ряд работ по флоре Кубани, издал определитель растений Кубани и Черноморья. Участво-

вал в организации сельскохозяйственной выставки в Москве и научного отдела сельскохозяйственной выставки в Краснодаре. В 1923 году был членом Городского совета. За пятилетнюю работу на рабочем факультете получил письменную благодарность, и книгу от Областного профессионального совета и дирекции рабфака, а от Облисполкома и Облзу письменные благодарности за участие в двух выставках.

По прибытии в Алма-Ату назначен старшим научным сотрудником Казахского научно-исследовательского института животноводства, а затем по совместительству и ученым специалистом научно-исследовательского института агропочвоведения и удобрений. За этот период написал две работы по срокам сенокошения и одну по силосам (совместно с молодыми сотрудниками). Был премирован месячной ставкой и письменной благодарностью в Казахском институте животноводства в 1932-1933 гг. В 1934 г. назначен штатным профессором Казахского государственного университета, а затем и деканом биологического факультета. В связи с этим отказался от всех совместительств, а затем по моей просьбе был освобожден и от обязанности декана, отдавшись, главным образом, организации кафедры ботаники и преподаванию, так как мне с ноября текущего года пойдет 69 год, что состояние моего здоровья уже неблестяще, однако я работаю с должной энергией и пока есть силы считаю наиболее целесообразным для себя педагогическую работу. Жена моя Наталья Васильевна, уроженка Раевска. Дочь священника, родители, как ее так и мои, давно умерли. Детей в моей семье трое – сын, о котором сказано свыше, а также две дочери, из которых одна врач, а другая библиотекарь. Со мной никто из детей не живет.

В союзе Рабпрос состоял с 1921 по 1930 год, а в настоящее время член Союза высшей школы и научных учреждений, № билета 264384. Изложенные акты подтверждаются трудовым списком.

Список научных работ прилагается отдельно.

5/X-1937 г.
Алма-Ата *П. Мищенко*

Архив ДКНБ РК по г. Алматы
Ф.6. д.03921. ЛЛ.42-44. Подлинник.

ХАРАКТЕРИСТИКА

на Мищенко Павла Ивановича

Профессор Мищенко Павел Иванович, стаж научной работы 33 года, имеет звание магистранта с 1908 года, в том же году защищал диссертацию ...,утвержден Государственным Ученым советом профессором ботаники в 1934 году, имеет 26 научных работ. Засслушаны отзывы: 1) академика Бородина и члена-корреспондента Академии наук проф. Буша и 2) профессора Н. Кузнецова.

Проф. Мищенко является большим специалистом по флоре Кавказа, а теперь обрабатывает род Казахстана. В настоящее время представлен на пенсию, в то же время заведывает кафедрой ботаники Казахского государственного университета. Имеет ряд хороших отзывов видных ученых о его научных трудах и большой их ценности.

Прилагаются: 1) Жизнеописание, 2) Выписка из трудового списка о получении степени магистранта, 3) Копии отзывов: а) Академика Бородина и профессора Буша и б) проф. Н. Кузнецова, 4) Список научных работ, 5) утверждение Государственным Ученым советом.

Принимая во внимание большой стаж научной и педагогической деятельности профессора Мищенко, а также имеющихся у него научных трудов, получивших отзывы известных ученых, считать его достойным профессорского звания и просить Наркомпрос ходатайствовать перед Высшим Аттестационным комитетом об утверждении проф. Мищенко в звании профессора ботаники (Систематики и морфологии растений).

М.П. Директор КазГУ – *Оликов*
Парторг – *Лях*
Пред. М.К. – *Амирбаев*

Павел Иванович Мищенко работает на поприще ботаники и педагогики уже 22 года, с 1902 г. В этом году, он по окончании курса в университете, был назначен и.о.ассистента по кафедре ботаники в бывшем Юрьевском (Дерптском) университете. В этом же году вышла в свет первая печатная его работа. «Предварительный очерк климата нагорной лесостепной Армении и сравнение его с климатом черноземной полосы Европейской России».

Исследовательская деятельность П.И. началась годом раньше, а в 1901 г. когда он, по поручению Ботанического сада бывшего Юрьевского (Дерптского) университета и Кавказского Музея, совершил ряд ботанических экскурсий в Боржомском имении. Эти экскурсии описаны им в 1902 году в «Протоколах заседаний Общества Естествоиспытателей при бывшем Юрьевском (Дерптском) университете.

В 1904 году П.И. Мищенко обработал семейство ...* Крымско-Кавказской флоры, а в 1905 году приступил к критической обработке обширного и трудного семейства ...* , которая ныне закончена.

В 1908 году Павел Иванович выдержал экзамен на степень магистра ботаники и сделался приват-доцентом бывшего Юрьевского (Дерптского) университета.

В 1910 г. П.И. Мищенко был командирован за границу из Российской Академии Наук на 2 года с содержанием 2000 руб. в год для приготовления к профессорскому званию.

В 1912 г. Павел Иванович переехал в Петербург на должность помощника заведующего Бюро по прикладной ботанике.

С 1914 г. он работал в Тифлисском Ботаническом саду сначала в должности Главного ботаника, а потом директора этого Сада, причем одновременно был профессором университета и Политехникума, а в 1919 г. перешел в Краснодар, где продолжает педагогическую деятельность в качестве профессора Сельско-хозяйственного института и Кубанского Медицинского института, а также заведывал Отделом защиты растений Областной опытной станции и состоял консультантом лектора в Кубсельсоюзе.

П.И. Мищенко принадлежит больше 40 печатных работ, создавших ему крупное имя в науке.

Как педагог П.И. Мищенко пользуется широкой и вполне заслуженной известностью. Превосходный лектор и талантливый преподаватель, умеющий заинтересовать слушателей и развить в них жажду знания, кроме того, П.И. Мищенко превосходный администратор. Живой ум, широкое образование и высокая культурность отличают Павла Ивановича как человека.

Академик *И.Бородин*

Профессор, член-корр. Академии Наук *Н.Буш*

Копия

ХАРАКТЕРИСТИКА

на МИЩЕНКО Павла Ивановича.

Профессор Мищенко Павел Иванович, стаж научной работы 33 года, имеет звание магистранта с 1908 года, в том же году защищал диссертацию , утвержден ГУСом профессором ботаники в 1934 году, имеет 26 научных работ. Заслушаны отзывы: 1) академика Бородина и члена-корреспондента Академии наук проф.Буша и 2) профессора Н.Кузнецова.

Проф.Мищенко является большим специалистом по Кавказа, а теперь обрабатывает род Казахстана. В настоящее время представлен на пенсию, в то же время заведывает кафедрой ботаники Каз.Гос.уни-та, имеет ряд хороших отзывов видных ученых о его научных трудах и большой их ценности.

Прилагаются: 1) Жизнеописание, 2) выписка из трудового списка о получении степени магистранта, 3) копии отзывов: а) Академика Бородина и профессора Буша и б) проф.Н.Кузнецова, 4) список научных работ, 5) утверждение ГУСом.

Принимая во внимание большой стаж научной и педагогической деятельности профессора Мищенко, а также имеющихся у него научных трудов, получивших отзывы известных ученых, считать его достойным профессорского звания и просить НКПр ходатайствовать перед ВАК об утверждении проф.Мищенко в звании профессора ботаники (Систематики и морфологии растений).

М.П. Директор КазГУ - Оликов.
Парторг - Лях.
Пред. М.К. - Амирбаев.

Верно: Зав. архивом [signature]

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ **КОПИЯ**

МИЩЕНКО Павел Иванович, уроженец Полатавской губернии, Переясловского уезда, родился 5/18 ноября 1869 года, в семье сельского священника, в селе Сельковка. Отец имел собственный дом на церковной усадьбе и пасеку. Отец и мать умерли, когда я был еще мальчиком, т.к. никаких средств не было, то я получа дальнейшее образование на казенный счет. Родственников или зна комых, живущих за границей, у меня не было и нет, по крайней мере мне они неизвестны и никаких связей с заграницей я не име

Начальное образование я получил в народной школе, среднее в семинарии в г.Полтаве, затем после рокончания семинарии в 1892 году в течение 5 лет был народным учителем и готовился на аттестат зрелости для поступления в университет. В 1897 году поступил в Крьевский университет на физико-математический факультет, который и окончил в 1901 году, а в 1902г. получил от Совета университета ученую степень кандидата естественных наук. В 1908г. сдал магистерский экзамен и защитил диссертацию "Про вениа легенди", после чего Советом университета был избра приват-доцентом ботаники. В звании профессора утвержден в 1916г. Министерством народного просвещения, а в 1924 году Госу дарственным Ученым Советом при Главпрофобр и Наркомпрос.

Во время пребывания в университете однажды был уволен за участие в забастовке (1905) и подписание письма, составлен-ного К.А.Тимирязевым, протестующим против репрессий, применяе-мых царским правительством к студентам.

В 1917 г. при меньшевистском грузинском правительстве около года числился в партии так называемой "Народной свободы" поскольку последняя боролась с интервенческими действиями пра-вительства, и когда в Тифлисе были введены германские войска, я оставил службу в Тифлисе и, по предложению Совета Политехни-ческого института переехал в Краснодар в качестве профеёсора ботаники в августе месяце 1919г. Скоро после этого Краснрдар был занят Красной Армией. Когда армия Деникина, отступая под давлением Красной Армии, заняла Краснодар, студенты института были мобилизованы, в том числе и сын мой Константин - студент I курса 18 лет, который, однако, не желая служить в белой ар-мии, вскоре откомандировался в Облпродком, остался при отступ-лении деникенцев в Краснодаре, был зачислен в Красную Армию, и вскоре с рядом других студентов откомандирован обратно в инсти-тут для продолжения образования. В настоящее время он работает профессором Химико-технологического института в Ленинграде.

Архив ДКНБ РК по г. Алматы
Ф.6. Д.03921. ЛЛ.40-41. Копия.

МУСТАМБАЕВ ИДРИС

Справка: *– арестован 17 января 1933 года. Постановлением Коллегии ОГПУ от 4 июля 1933 года заключен в ИТЛ сроком на 5 лет по ст. 58 пп.2,11 УК РСФСР (за контрреволюционную деятельность).*

Постановлением тройки УНКВД Алма-Атинской области 16 ноября 1937 года «за активное участие в антисоветской националистической террористическо-повстанческой и шпионско-диверсионной организации» приговорен к расстрелу.

Определением № 22/048н Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного Суда Казахской ССР 9 мая 1959 года постановление тройки УНКВД Алма-Атинской области от 15 ноября 1937 года в отношении И. Мустамбаева дело производством прекращено за отсутствием в его действии состава преступления.

Совершенно секретно Всесоюзному
прокурору тов. Акулову
Лично от осужденного Коллегией
ОГПУ по 58-2/11 УК бывшего члена
партии, бывшего члена Союзного ЦИКа,
бывшего Уральского и Акмолинского
губпрокурора Идриса Мустамбаева

ЗАЯВЛЕНИЕ

17 января с.г. во время пребывания в Москве (на совещании директоров вузов) я был арестован ОГПУ и через месяц, после предварительного допроса, 18 февраля с.г. был отправлен к месту работы в Казахстан, в Алма-Ату, в распоряжение Казахстанского ПП ОГПУ по требованию коего и был арестован.

После неоднократных устных и письменных допросов в Особом Отделе Казахстанского ПП ОГПУ, по истечению почти четыре месяца со дня моего ареста, мне было предъявлено тов. Борисовым, начальником Восточного отделения Особого отдела ПП ОГПУ, обвинение в создании мною какой-то контрреволюционной организации и группы, поставившей себе задачу свержения советской власти в Казахстане, и отделения последнего от СССР, и в этих целях якобы связавшейся с вузами и частями Красной Армии и прочее. Тут же мне было объявлено об окончании следствия по моему делу, после чего допросы прекратились.

14 августа с.г. после семи месяцев заключения в одиночной камере при органах ОГПУ, я был переведен из под заключения при ПП ОГПУ в Алматинский исправительно-трудовой дом для дальнейшего этапирования в распоряжение Сибирского лагеря. Вплоть до этого момента, мне не было объявлено в официальной форме под расписку о том, за какие преступления, какому наказанию я подвергаюсь. Только после моего категорического отказа от следования в этап без объявления мне решения законного органа по моему делу, и после решительного моего протеста перед Прокуратурой Казахской республики, прибывшей в исправительно-трудовой дом, представитель последней прочитал мне копию реше-

ния коллегии ОГПУ от 4 июля с.г. о том, что я вместе с другими товарищами, членами партии, по обвинению по 58, пп. 2,11 осужден в исправительно-трудовой лагерь сроком на 5 лет. Далее 25 сентября с.г. Алматинским исправительно-трудовым лагерем я был отправлен в распоряжение Сибирьского лагеря. 2 сего октября я поступил в Сибирьский лагерь, и в настоящее время нахожусь в Новосибирске, в Стройгородке Сиблага ОГПУ.

Шесть человек, из числа восьми осужденных со мной по одному делу людей мне совершенно не знакомы. Не только кого-нибудь из них я не встречал где-нибудь, но никогда об этих людях ни от кого ничего не слыхал, и никогда о них никому ничего не мог говорить, поскольку о них я сам не имел никакого ровно представления. Имена этих людей, признанных какими-то образом членами созданной мною какой-то подпольной контрреволюционной организации, я услыхал впервые, когда помощник прокурора Казахской республики тов. Ибрагимов прочитал мне в исправительно-трудовом доме означенное решение Коллегии ОГПУ.

Из числа указанных восьми людей, я знаю только двоих товарищей: Абикеева и Мадыгулова, причём последнего я встречал всего только однажды.

С тов. Абикеевым я познакомился еще в 1930 г. в г. Алма-Ате в самом обычном в таких случаях порядке, когда нас обоих, ранее незнакомых друг с другом, пригласил к себе в гости мой сослуживец, комсомолец и кандидат партии некий тов. Арынов, работавший тогда в вместе со мной в Казахском Краевом Управлении связи. С тех пор до июля 1932 г., до моего отъезда на постоянную работу в г. Семипалатинск, в течение трёх лет с тов. Абикеевым как со своим уже знакомым, встречался как будто семь-восемь раз.

Само собой разумеется, что знакомства и встречи между членами партии не могут носить обывательский характер. Тема разговоров во время встречи сознательных членов партии может охватывать разнообразнейший круг вопросов, в особенности злободневного характера. В частных встречах во время частых бесед отдельных коммунистов тема разговоров не всегда может носить строго выдержанный партийный характер и не всегда может выдерживать идеологические рам-

ки, что вряд ли доказывает в этих случаях наличие контрреволюционных фактов или преступлений. В худшем случае это разве доказывает плохое качество коммуниста, его идеологическую неустойчивость и невыдержанность и только. Разговоры между мной и тов. Абикеевым, когда касались партийного и политического круга вопросов преимущественно Казахстанского масштаба, носили критический и оппозиционный характер, в особенности в связи с резким ухудшением хозяйственно-политического положения Казахстана за последние годы в результате очевидных глупостей и политических ошибок, допущенных существовавшим до последнего года руководством Казахстана во главе с Голощекиным, как-то: перегибы по коллективизации и оседанию казахского населения, административный произвол в аулах и деревнях, катастрофический развал животноводческого хозяйства Казахстана, продовольственное затруднение и голодовка, откочевка казахского населения из Казахстана и массовые случаи голодных смертей, рост шовинизма в организации и отсутствие борьбы с ним в течение ряда лет, извращение на практике Ленинской национальной политики, провал коренизации и т.д., что впоследствии вскрылось благодаря непосредственному вмешательству ЦК партии, и в настоящее время уже признано самой Казахстанской партийной организацией. Общее ненормальное хозяйственно-политическое положение Казахстана предопределяло конечно, и характер наших с тов. Абикеевым бесед, но когда по логике вещей тов. Абикеев, особенно возмущавшийся происходившимися безобразиями, ставил вопросы организационной борьбы с существовавшим нелепым руководством, я осуждал такую постановку вопроса и не соглашался с подобными организационными выводами, вполне сознавая, что меры организационной борьбы по логике вещей может вылиться в антисоветскую форму и может стать орудием контрреволюционных сил.

Из всей группы осужденных теперь людей, повторяю только с одним тов. Абикеевым я обсуждал всякие вопросы, однако, каких бы антипартийных тем мы не касались во время наших с тов. Абикеевым бесед, я никогда не ставил вопроса об организационной борьбе, никогда я тов. Абикееву не давал своего согласия на вхождение членом в какую-либо

группу, и также сам тов. Абикеев никогда не говорил мне о наличии какой-либо группы, в которую он входил и прочее.

Таким образом, если в составе осужденных теперь девяти человек признано наличие или существование какой-либо контрреволюционной группы, созданной мною, то единственным веским доказательством этого обстоятельства должно считаться, только показание тов. Абикеева. Если тов. Абикеев во время следствия что-нибудь подобное утверждал, то это могло произойти только в результате известного воздействия на него. Во всяком случае, несмотря на неоднократные заявления следователя о предстоящей мне очной ставке с тов. Абикеевым, когда я или отрицал факт созданной мною какой-то контрреволюционной группы или отрицая то, что я будто бы знал по словам тов. Абикеева о существовании этой группы, все же эта очная ставка почему то не состоялась. Между тем, единственным более или менее всяким данным по обвинению меня в создании контрреволюционной группы в составе указанных выше людей должно считаться конечно, за отсутствием других неоспоримых доказательств, только показание тов. Абикеева, и потому очная ставка с ним имела большое значение для дела.

Со вторым человеком из группы осужденных людей с тов. Мадыгуловым, я познакомился в сентябре 1932 г. в г. Семипалатинске, где я работал в это время в должности директора Казахстанского геолого-разведочного института. Тов. Мадыгулов, приезжавший тогда в Семипалатинск по организации курсов Наркомснаба, обратился ко мне с простой маленькой товарищеской запиской от тов. Абикеева, который в этой записке, рекомендуя мне тов. Мадыгулова, как своего хорошего друга, просил меня оказывать ему возможное с моей стороны содействие в организации им курсов, и в обеспечении его квартирой на время пребывания его в Семипалатинске, что надо было понимать как просьбу тов. Абикеева принять своего друга Мадыгулова, ни с кем незнакомого в Семипалатинске, к себе на квартиру, что я не мог выполнить в силу семейных условий.

За время пребывания тов. Мадыгулова в Семипалатинске я с ним встречался раза три и никаких у меня с ним особенных разговоров не было, за исключением разве общих кри-

тических рассуждений на темы, выдвигаемые тогда Казахстанской действительностью. Я относился к тов. Мадыгулову как к новому своему знакомому очень вежливо и корректно, но никаких у меня, как помню, с ним не было договоренности ни по одному вопросу, никакой директивы я ему не давал и также никому не давал какой-либо директивы через него, не знал даже когда впоследствии уехал тов. Мадыгулов из Семипалатинска. Наоборот я, кажется, и его предупреждал от ошибочных шагов или крайних выводов, поскольку из краткого с ним знакомства я получил возможность судить о его оппозиционном настроении. Ничего иного и тов. Мадыгулов также не мог показать во время следствия. По крайней мере за время следствия мне не было заявлено о том, чтобы тов. Мадыгулов утверждал в своих показаниях что-нибудь обратное.

Таковы фактические мои взаимоотношения и связи с группой осужденных людей. В каких взаимоотношениях и связях состояли осужденные люди между собой, мне совершенно не было известно. Насколько я знаю теперь, точно также взаимоотношения и связи этих людей, в большинстве своем также незнакомых друг с другом, и характер их встреч никак не допускают сделать вывод о существовании в составе этих людей контрреволюционной организации.

Всего вообще по делу, как я узнал впоследствии привлечено 17 человек (10 человек партии и 7 членов ВЛКСМ) преимущественно из состава Казахского Педагогического вуза Алма-Аты, из коих кроме осужденных девяти лиц, шесть человек в конце концов освобожден. Значит их никак нельзя уже считать виновными в столь тяжелом государственном преступлении, вытекающим из смысла пп. 2,11 58 ст. УК. Из всего указанного общего числа привлеченных по нашему делу людей я знал кроме тов. Абикеева и Мадыгулова еще двоих именно: тов. Борамбаева и Бирмухамедова, причем последнего видел также всего только один раз, а первого Борамбаева всего два раза. Знакомство мое с этими людьми и мои встречи с ними имеют какой то странный характер, и роль этих людей в нашем деле для меня до сих пор не понятно.

Перед моим отъездом на работу в Семипалатинск в июле

1932 года ко мне зашел тов. Абикеев, который как хороший мой товарищ посещал меня вообще запросто, с ним вместе зашел ко мне тов. Борамбаев, которого Абикеев отрекомендовал мне как своего хорошего друга.

Во время общих наших бесед эти товарищи стали поднимать вопрос о необходимости организационной борьбы со старым руководством, о состоянии платформы и прочее.

Соглашаясь с товарищами в оценке общего нашего Казахстанского положения, излагая и свою точку зрения по отдельным вопросам, я оставался в пределах партийности, осуждая опыт фракционного метода борьбы, советуя товарищам оставаться на выжидательной позиции в ожидании изменения со стороны ЦК партии существовавшего руководства. Обратного, что-нибудь эти не могли утверждать в своих показаниях. Позднее, когда я работал уже в Семипалатинске, когда туда приезжал, как указано выше тов. Мадыгулов, я считал своим долгом вновь повторить перед ним свое отрицательное отношение к вопросу фракционной работы в организации.

Второй раз я встретился с тов. Борамбаевым при следующих обстоятельствах: во второй половине октября из Семипалатинска я приезжал в Алма-Ату (прилетал на самолете) по делам учебных заведений, входивших в геолого-разведочный учебный комбинат и геолого-разведочного института, директором которого я был. Пробыл в этот раз в Алма-Ате всего около 10 дней и собирался уже обратно уехать как однажды утром, недалеко от квартиры моего племянника, у которого тогда я остановился, встречает меня тов. Борамбаев и заявляет, что они с тов. Абикеевым ищут меня, в частности Абикеев приглашает меня к себе в гости. Мне было некогда, а потому я попросил товарищей зайти ко мне вечером в 5-6 часов и расстался с Борамбаевым.

Оказывается, в этот день вечером товарищи Абикеев и Борамбаев приходили ко мне на квартиру, просидев там до 8-9 часов вечера, не дождавшись меня, ушли, прося моего племянника передать мне, что они придут ещё на другой день. В этот день я очень был занят и вернулся на квартиру только в 11 часов вечера.

На другой день утром зашел ко мне один незнакомый мне

гражданин, который оказался впоследствии Бирмухамедовым, и от имени Абикеева просил подождать меня несколько времени ибо несмотря на выходной день, я собирался уходить по делам. Через час, приблизительно явился ко мне тов. Абикеев и тот же товарищ, которого познакомил со мной тов. Абикеев, назвал его своим хорошим другом. Так как я поджидал их и торопился, то по приходе их, я стал собираться, и мы все вместе вышли из квартиры. Когда выходили на улицу, встретился ещё Борамбаев и сказал, что-то в роде того, что он скоро придет за нами.

На улице эти товарищи опять стали приглашать меня на квартиру Абикеева в гости. Но я был вынужден поблагодарить их и отказаться, так как у меня на эти часы накануне были назначены деловые свидания, соглашаясь лишь только на предложение товарищей зайти в парк выпить немного пива, тем более это было мне по пути. Подробные мои показания об этой нашей встрече и содержание наших бесед имеются в деле. Здесь скажу лишь, что за исключением допущенной мною резко оппозиционной оценки внутрипартийного положения и хозяйственного состояния Казахстана никаких контрреволюционных действий я товарищам не предлагал. Наоборот, когда тов. Абикеев и Бирмухамедов, угощавшие нас пивом особенно усердно, опять предлагали начать фракционную работу, я от этого пути отказался, предлагая товарищам просто выявлять настроение организации и мобилизовать партийно-общественное мнение на случай изменения руководства, в частности если можно, то организовать подачу индивидуальных и групповых заявлений и жалоб в центр с освещением положения Казахстана. Когда мы стали расходиться как будто, нам опять попадался на встречу тов. Борамбаев и я ушел по своему делу, а на другой день я уехал к себе домой в Семипалатинск. Больше этих людей уже я не видел и никакой связи с ними до момента ареста не имел.

Вот и вся та группа людей, которых я знал из числа членов контрреволюционной организации, созданной мною и вся моя деятельность, за которую я получил пять лет исправительно-трудового лагеря, заключается лишь в вышеуказанном.

Считаю здесь необходимым указать, что несмотря на не-

однократные заявления следователя о том, что и Борамбаев будто доказывает также мою организаторскую роль, и что он это подтвердит также на предстоящей очной ставке, все же и эта очная ставка почему то не состоялась. Из числа всех четырех людей, кого я так или иначе знал в составе всей группы привлеченных по делу людей, очная ставка со мной проводилась только с Бирмухамедовым, которого я как указано выше видел во всей своей жизни всего только один раз благодаря какому-то явному стремлению с его стороны ко встрече со мной.

На очной ставке со мной этот Бирмухамедов к великому моему изумлению «порол чистейшую чепуху» и какие-то заученные слова, которые я не мог признать, несмотря на усиленную попытку тов. Борисова и Хворостяна, начальника Особого отдела ПП ОГПУ, заставить меня признаться в этом, ибо моя совесть коммуниста превыше всех, и ни партии, ни советской власти не нужно, чтобы я признавал какую то небылицу. Что показания Бирмухамедова являются какой-то небылицей должно быть ясно из того, что другие не могли бы утверждать что-нибудь подобное на очной ставке, которая видимо, поэтому и не состоялась. Странно также и то обстоятельство, что Борамбаев и Бирмухамедов, привлеченные вначале к ответственности, совершенно избегали всякого наказания впоследствии.

Между тем, как я уже узнал впоследствии от тов. Абикеева, эти люди, если уже признается существование контрреволюционной организации, не меньше должны быть виновны, чем другие осужденные по делу товарищи. Они же постоянно перед тов. Абикеевым ставили всякие вопросы в заостренной форме, оставаясь часто недовольным поведением и выводами последнего, и они же являлись инициаторами встречи их со мной в парке.

Техника и процесс следствия страдали большими нарушениями. Многие из привлеченных к ответственности людей были малограмотные по русски, и поэтому формулировка отдельных моментов допроса делалась следователями по своему усмотрению. Отдельные товарищи могли бы сообщить факты больших нарушений предписанных законом и положением норм.

Как вывод из всего процесса следствия, во время которого выдвигались против меня совершенно беспочвенные обвинения, имевшие ничего общего с настоящим делом, и отпавшиеся впоследствии, я должен сообщить Вам, что наше дело оформлялось и разрабатывалось в известном направлении, исходившем от старого, осужденного ныне ЦК партии руководства, существовавшего с 1926 года.

Что же касается лично меня, то результат нашего дела является для меня формальным завершением систематических гонений и репрессий, которым я подвергался со стороны старого руководства в течение ряда лет часто без всяких оснований из-за моего отрицательного отношения к линии старого руководства, а именно: в течение последних 4-5 лет три раза исключался из партии и последовательно восстанавливался, или подвергался другим партийным взысканиям с теми или другими организационными выводами и прочее.

В дополнение ко всему вышесказанному прилагаю к сему копию нашего коллективного заявления на имя ЦК ВКП(б) от 11 сентября сего года.

В условиях заключения нами не могли быть поданы заявления и жалобы своевременно в соответствующие инстанции.

Вкратце такова моя автобиография:

Родился я в г. Семипалатинске в 1898 году. Родители мои были чернорабочими, в прошлом батраки. В 1916 году окончил Семипалатинское двух классовое русско-казахское училище, работая одновременно вместе с братьями на кожевенном заводе, шерстомойках и других предприятиях г. Семипалатинска. В том же 1916 году поступил на телеграф практикантом - учеником, где в качестве телеграфиста проработал до мая 1918 года и был уволен со службы после свержения советской власти в Сибири, как приверженец советской власти.

С августа 1918 года по ноябрь 1919 года учился в Семипалатинской мужской гимназии. С первых дней восстановления советской власти в Семипалатинске, после разгрома колчаковщины в Сибири, с 1 декабря 1919 года, работаю на разных ответственных постах, начиная с уездного вплоть до краевого и союзного масштаба. Тогда же поступил в партию,

сначала сочувствующим, а с 1 февраля 1920 года действительным членом партии. Состоял последовательно в следующих основных должностях:

1) 1920-1921 гг. – член Семипалатинского губернский ревкома, член Президиума губисполкома, заведующий Губернским национальным отделом и заместитель председателя Губернского революционного трибунала и член ВЦИК;

2) 1921-1923 гг. – заместитель председателя Уральского губернского исполкома и Уральского губпрокурора;

3) 1924-1925 гг. – Акмолинский губпрокурор;

4) 1925-1926 гг. – Председатель Сырдарьинского губисполкома;

5) 1927 г. – управляющий Краевой конторой Казмяса (Союзмясо);

6) в 1925-1927 гг. – член ЦИК СССР;

7) в 1920-1927 гг. – член КазЦИК;

8) 1928-1929 гг. – старший инспектор Наркомата РКИ КазССР;

9) 1931 г. – член Правления Крайколхозсоюза;

10) 1932 г. – заместитель заведующего Бюро по стандартизации при Казгосплане;

11) 1929-1930 гг. – заместитель наркома связи Казахстана, член Совнаркома КазССР;

12) с 1932 г. по день ареста директор Казахстанского Геолого-Разведочного института-учебного комбината.

Кроме прямых основных своих работ за 13-14 лет пребывания в партии проводил в разное время многочисленные политические и хозяйственные кампании, задания, мероприятия и отдельные персональные поручения партии и советских органов, как-то: продовольственная разверстка, борьба с бандитизмом, борьба с голодом, передел земельных угодий в Казахстане, кампании хлебозаготовок, мясозаготовок, хлебосеноуборок, посевный кампании, процесс Аненкова и т.д. С 1920 года по 1927 год состоял в различных партийных комитетах; всегда активно участвовал в партийном строительстве и до последнего момента, вообще, был одним из активных участников внутрипартийной жизни и истории развития Казахстанской партийной организации. Имею печатные труды на обоих языках (на русском и казахском) по вопросам

литературы, по партийно-советским и хозяйственным вопросам; к моменту ареста состоял одним из ответственных переводчиков Ленина на казахский язык.

По линии практической работы я всегда имел известный эффект и успехи, что отмечено в ряде документов, за что имел всегда положительные отзывы. Руководя в течение 13-14 лет ответственными отраслями, я никогда не был замечен в безхозяйственности и упущениях по работе.

В заключение я прошу Вас рассмотреть наше дело в порядке надзора, пересмотреть в сторону отмены или облегчения наложенного на меня ОГПУ наказания, которого я не заслуживаю

Если возможно для личных объяснений прошу меня вызвать в Москву.

Впредь до Вашего решения по моему делу, прошу Вас дать телеграфное распоряжение Сибирского лагеря воздержаться от этапирования меня в дальние лагеря.

Подпись *Мустамбаев*

12 октября 1933 года

Адрес: Новосибирск
Стройгородок Сиблага ОГПУ.

Архив ДКНБ РК по г. Алматы
Ф.6. Д.06785. (личное дело заключенного).
ЛЛ.1-12.

д. N 06785

Копия

Сов.секретно

ВСЕСОЮЗНОМУ ПРОКУРОРУ

тов.АКУЛОВУ

Лично

Осужденного Коллегией ОГПУ по 58-2/11 УК бывшего члена партии, быв. члена Союзного ЦИК"а, быв. Уральского и Акмолинского Губпрокурора Идриса МУСТАМБАЕВА.

З А Я В Л Е Н И Е

17 января с.г. во время пребывания в Москве в командировке (на совещании директоров ВУЗов) я был арестован ОГПУ и через месяц, после предварительного допроса, 13 февраля с.г., был отправлен к месту работы в Казакстан, г. Алма-Ату, в распоряжение Казакстанского Полпредства ОГПУ, по требованию коего и был арестован.

После неоднократных устных и письменных допросов в Особом Отделе Казакстанского Полпредства ОГПУ, по истечении почти 4 месяцев со дня моего ареста, мне было предъявлено т.БОРИСОВЫМ - начальником Восточного отделения Особого Отдела ПП ОГПУ, - обвинение в создании мною какой-то контрреволюционной организации и группы, поставившей себе задачу свержения Советской власти в Казакстане и отделения последнего от СССР и в этих целях якобы связавшейся с ВУЗами и частями Красной Армии и проч. Тут же мне было объявлено об окончании следствия по моему делу, после чего допросы прекратились.

14 августа с.г., после 7 месяцев заключения в одиночной камере при органах ОГПУ, я был переведён из-под заключения при ПП ОГПУ в Алмаатинский исправтруддом для

ния наложенного на меня ОГПУ наказания, которого я не заслуживаю.

Если возможно, для личных объяснений, прошу меня вызвать в Москву.

Впредь до Вашего решения по моему делу, прошу Вас дать телеграфное распоряжение Сиблагу воздержаться от этапирования меня в дальние лагеря.

Подпись (МУСТАМБАЕВ)

октября I2 дня 1933 года.

Адрес: г. Новосибирск, Стройгородок Сиблага ОГПУ.

Справка: Подлинник настоящего документа находится в архивно-наблюдательном деле № 7386, которое хранится в УАФ КГБ при СМ Каз.ССР.

Архив ДКНБ РК по г. Алматы
Ф.6. Д.06785. (личное дело заключенного).
ЛЛ.1-12.

НЕНИС КАЗИМИР КАРЛОВИЧ

Справка: *– арестован 20 июня 1938 гола УГБ УНКВД по Западно-Казахстанской области. 26 декабря 1938 года Судебной коллегией по уголовным делам Западно-Казахстанского областного суда осужден по ст. 58 п.10 ч.1. УК РСФСР на 10 лет лишения свободы с поражением в правах на 5 лет. Определением № Д- 1792/35-39 в.п. Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 26 декабря 1939 года приговор Западно-Казахстанского областного суда от 26 декабря 1938 года отменен и дело прекращено за отсутствием состава преступления.*

Председателю Верховного Суда СССР
тов. Голикову
От заключенного в Уральской
городской тюрьме
Западно-Казахстанской области
Ненис Казимира Карловича
31 мая 1939 года

ЖАЛОБА

Я являюсь невинной жертвой произвола.

Арестован ни за что 20 июня 1938 года. 26 декабря 1938 г. Судебной Коллегией по Уголовным делам Западно-Казахстанского областного суда, я, Ненис Казимир Карлович, приговорен к десяти годам лишения свободы, с последующим поражением в гражданских правах на три года, на основании искусственно созданного дела Западно-Казахстанским Управлением НКВД.

Арестован я был за то, что якобы я занимался шпионажем, очевидно, по той простой причине, что литовец по национальности, и имел переписку на литовском языке со своими родными, сестрой и братьями, проживающими в Литве. Мое фамилия, имя и отчество, очевидно, тоже оказались подозрительными (да и само следствие меня в том убедило).

Я заявляю, и за правильность своего заявления отвечаю своей головой, что моя идеология марксистско-ленинская, я предан делу Ленина-Сталина до мозга своих костей. И эту

преданность непоколебало все то, что произошло со мной, начиная с 1936 г. (травля врагами народа) и вот уже годичное сидение в тюрьме. Да могу ли я быть иным? Конечно, нет!

Родился я в 1895 г. в семье безземельного крестьянина. С 9 летнего возраста зарабатываю сам себе хлеб. С 15 мая ? я рабочий на фабриках и заводах г.г. Ковно, Риги, Москвы, Ельца (Орловкая губерния). В 1915 году (июль-август) я, как беженец приехал в Россию и с тех пор ни куда не отлучался. В октябре 1918 года я добровольцем-красноармейцем вступил ряды РККА, где прослужил до сентября 1923 года и уволен в бессрочный отпуск с должности военного комиссара части. С декабря 1918 г. по день ареста я член ВКП(б) (партбилет у меня отобран следователем Головановым). За все время существования советской власти я на фронтах гражданской войны защищал Советскую власть, помогал строить и укреплять ее. Все это время вел самую активную партийнную и общественную работу. И партия меня наградила, я почти окончил Институт Красной Профессуры философии в Москве. Вместе со всем Советским народом и своей семьей, я радовался счастливой жизни трудящихся в СССР. Но оказалось скрытый источник моего несчастья. Моя национальность, связанная с перепиской с родными в Литве, меня подстерегала, чего я вовсе не мог и подозревать.

О чем я писал родным сестре и братьям в Литву, косвенно свидетельствуют 5 писем, полученных мною от них и находящихся в Западно-Казахстанском отделе Управления НКВД. В них я писал о счастливой жизни всех трудящихся в СССР. Эти письма показывают, что мои письма вызывали интерес и, очевидно, читались многими и выводы ими делались беднотой не в пользу фашизированной Литвы, а СССР. Будучи коммунистом, большевиком я считал необходимым насколько возможно и сумею в письмах, рассказывать правду о СССР. Именно за «шпионаж» меня 58 раз водили на допрос, ругали отборной матерщиной, растаптывали мое человеческое достоинство в грязь, 29 суток подряд сокращали мне сон до одного-двух часов в сутки и т.д. Выдуманное обвинение меня в шпионаже отпало. Отпала и попытка изобразить членом контрреволюционной организации. Я оказался только таким, каким меня знали и на воле. Но я был арестован, я сидел уже около двух месяцев. А мне, в ночь ареста следователем Г., было сказано (и в

последствии это оправдалось) «Мы не суд и не партколлегия! Наше дело не оправдать вас, а обвинить. Запомни! У тебя две дороги: одна в яму, другая в лагерь. О воле забудь. Ты думаешь, что мы арестовав тебя и, через некоторое время освободив, собираемся из за тебя расплачиваться своими партбилетами... бандюга? Мы ошибок не делаем». И действительно, я имел дело не со следственным органом, а собственным органом, а с обвинительным. Даже выслушать меня отказались не только Узликов (бывший начальник Западно-Казахстанского отдела Управления НКВД), Афанасьев (бывший начальник 4-го Отдела Западно-Казахстанского отдела Управления НКВД), но и следователь Г. о том, что меня с марта месяца 1936 г. травили враги народа. Да, и как им было выслушать об этом меня? Ведь выслушав и получив подтверждения, что сказанное мною правда, пришлось бы меня освободить. А это многоточие в тексте. Уж в лучшем случае просто неприятно - как же, сделана ошибка? Расчет был прост. К величайшему несчастью Нениса – у него оказался «хвостик», выговор (о чем так красочно говорил тов. Жданов на XVIII съезде ВКП(б). Если из него не вышел шпион и контрреволюционер, так почему же, кстати, не ухватиться за так называемый, «хвостик», давно искупленные ошибки в партийнной работе и не превратить их в злонамеренные антисоветские выступления, не организовать «свидетельские показания» уже провалившихся раньше клеветников, не подобрать все отрицательные документы, намеренно оставив нетронутыми положительные, давно аннулировавшие эти отрицательные – это может произвести на суд внушительное впечатление, и из Нениса формально готов антисоветски настроенный человек, тоже враг народа. И действительно, «хвостик» Г. ловко был проведен под 1 часть, 10 пункта 58 ст. УК РСФСР, а по нему можно дать до 10 лет лишения свободы. Все в порядке! Пострадал Ненис и его четыре члена семьи. Он маленький человек. Обязательно будет осужден. Пусть он тогда попрыгает! Да и кто ему, заключенному, будет верить? Кто поверит его опозоренной семье, прекрасно знающей о его не виновности? Увидят, что его никто не хочет выслушать и бросят. Время идет своим чередом. Все .... Будет в заключении если не весь, то часть срока, данного ему судом. Жена прождав долго его возвращения, и не дождавшись, может даже замуж выйдет за другого. И забудет о нем. Дети тоже забудут...

Я говорю это своими словами, но увы, это горькая правда для меня и в действительности расправа надо мной учинена. Надо мной совершен настоящий произвол и это иллюстрирую фактами:

Уж после окончания «следствия», в начале октября 1938 г., Узликов зашел в камеру внутренней тюрьмы (при Областном Управлении НКВД) и в присутствии 19 человек (часть из них ушла на волю) заявил мне: « Я не суд, но это тебе Ненис выйдет боком! Еще раз говорю: я не суд, это выйдет тебе боком!» Под словом «это» я мог подразумевать только свою «вину», заключающуюся в том, что обращавшимся ко мне за советом следственным я говорил: «Если ты действительно виновен, немедленно расскажи об этом следователю, если не виновен – Советская власть сказок от тебя не требует. Мало этого – ты совершил бы преступление, если бы вымыслом на себя и на других, стал бы обманывать советскую власть, партию». Узликов на меня был зол еще и за то, что я написал письмо в газету «Правда» об издевательствах надо мной врагами народа с 1936 г., закончившихся для меня арестом (письмо это было перехвачено).

Угроза Узликова приведена в действие и у меня действительно стало выходить «боком». 28 октября 1938 г. меня босого, в летнем костюме (не разрешали жене передать мне обувь и одежду до 3/XII 1938 г. повели по улицам города Уральска в областной суд, в Спецколлегию. По моему ходатайству, поскольку я был приведен без обвинительного заключения и был перенесен на 1/XII 1938 г. в том же составе (я выразил доверие). «Обвинительное заключение» в тюрьме было получено 23 октября, но следователь (тогда уже начальник тюрьмы) прекрасно зная цену своей стряпне, очевидно положил к себе в портфель, что бы меня подсунуть суду как барана под нож. Тут же в присутствии председателя Спецколлегии Петриховского, двух заседателей и секретаря, посмотрев еще раз в дело, я заявил, что дополнение к протоколу допроса от 17 августа 1938 г. вырвано, и что оно при подписании протокола об окончании «следствия» 17 сентября - было в деле. Оставайся это дополнение в деле, нельзя было бы писать в «обвинительном заключении», что я признал себя виновным в ведении антисоветской агитации. (История и суть этого дополнения тако-

вы: при допросе Г. меня 16 августа ночью, большинство ответов были искажены. А ответ на первый вопрос был записан не так, как я говорил, а как ему было нужно. Я отказался подписать такой протокол. Тогда он предложил мне сказать, что нужно исправить. Исправив второстепенные по важности вопросов, мои ответы, он отказался исправлять им сочиненный ответ «мой» на первый вопрос. Я опять отказался подписать. Тогда он пошел на хитрость. Предложил мне, что он изложит в точности мой ответ, который он должен был записать в протокол от 17/YIII (было в 2 ч. ночи), на что я дал согласие, думая, что достаточно будет суду указать на это дополнение - моя невиновность очевидна. В этом дополнении говорилось, что в 1934 и 1936 гг. мною были допущены две партийнных ошибки, за которые я получил партвзыскания, и что эти ошибки последующей работой мною исправлены). Следователь это дополнение просто вырвал (оно было вместе с протоколом от 16/YIII-1938 г., на другой половине развернутого того же листа писчей бумаги) и выбросил как принудительный «ассортимент», который ему «навязал» Ненис. Судом 28/Х-1938 г. было удовлетворено и мое ходатайство о приобщении документов, имеющихся в Уральске, целиком меня реабилитирующих как гражданина СССР и коммуниста и о вызове двух свидетелей. Но следователи не стали, а прокуратура и суд, в отношении меня, стали действовать не по закону, а по Узликовским советом и поэтому суд 1/XI-1938 г. (который мог меня оправдать) не состоялся 15/XI-1938 г. меня, полураздетого (чтобы я простудившись в дороге подох) отправили «судить» в Джангалинский район, где я никогда в жизни не был, объясни мне (конвоиры) там, где есть два свидетеля. На открытом грузовике, вместе с 20 казахами, плохо одетый (только в Казталовке мне дали тулуп) я проделал 760 км. Судиться в районе я категорически отказался и в заявлении на имя члена Областного суда Демисинова от 21/XI-1938 г., я просил, что бы по возвращении в Уральск, меня вызвал председатель Областного суда или Облпрокурор имея ввиду кроме сказанного в заявлении, заявить им лично, что в области я никому не верю и в случае суда надо мной хотя бы и в Уральске, заявлю отвод Областному суду в целом, убедившись на горьком опыте, что надо мной может быть учинена только расправа вопреки всем. Но я ими вызван не был.

2/XII-1938 г. я вместе с семью осужденными казахами в Новой Казанке (до Джангалинского района) был привезен обратно в Уральскую городскую тюрьму, где я, тут же, узнал, что меня было намечено не только засудить в районе, но и в случае «осуждения» отвезти и остановить в Джаныбекской тюрьме, в 560 км от Уральска, предварительно отобрав у меня голым на всю зиму, в дали от семьи.

26 декабря 1938 г. на суде я трижды заявил отвод Областному суду в целом, прекрасно зная, что мне может выйти узликовское «боком», и что суд по моему делу является просто филиалом Западно-Казахстанского отдела Управления НКВД. Так оно и произошло. Даже свидетели моей защиты, известные мне по воле как прекрасные и честные граждане СССР и настоящие большевики - Лукьянец (директор Уральского педагогического института и депутат Верховного Совета КазССР) и Файзуллин (директор КСХШ) - были обработаны узликовцами (срок между 28/X-26/XII-1938 г. большой - было время, что бы их соответствующим образом «подготовить»,- клеветали на меня, - ведь я перед ними был изображен страшным и опасным врагом народа. Мало того Лукьянец настолько увлекся ролью клеветника, которую ему поручили, что не заметно для себя, произнес обвинительную речь (прокурора и защиты у меня не было) вопреки всему хорошему, что он раньше обо мне говорил на собраниях и писал в газете. На суде он изобразил меня антиобщественным человеком, читавшим антирелигиозные лекции только за деньги (что давно и официально разрешено Москвой, Алма-Атой, да и в самом Уральске), конечно, сознательно умолчав что бесплатных лекций мною было прочтено значительно больше, в том числе несколько в самом Пединституте.

Суд вынесший мне незаслуженный мною жестокий приговор, на основании искусственно созданного дела, по существу совершил акт грубейшего произвола. Но все же им дано мне право кассации его приговора перед высшей судебной инстанцией. Я это право использовал в указанный срок - написал и передал старшему дежурному по тюрьме 1 января 1938 г. кассационную жалобу на имя Верховного Суда КазССР. (кассационная жалоба была сдана в присутствии 47 человек заключенных камеры). Но и здесь очевидно вмешалась рука следо-

вателя (сейчас начальник Омзака Западно-Казахстанского отдела Управления НКВД) Вот уже пять месяцев, что стало с жалобой мне точно неизвестно. Мне прекрасно известно другое, что в жалобе не было ничего приятного ни для следствия, ни для суда, - поскольку в ней (как и здесь) были написаны ярко, кратко и отчетливо факты позорные для следствия и суда характеризующие совершенный надо мной произвол.

Я писал два заявления в Областной суд (12 и 21 мая 1939 г. – последней копией Облпрокурору), что бы меня поставили в известность куда делась моя кассационная жалоба и какова ее судьба. Ответа не последовало. Несколько раз я записывался на вызов к начальнику тюрьмы Жандину (даже два заявления ему написал), что бы меня вызвали в канцелярию тюрьмы и по записям ознакомили: когда и куда послана моя жалоба. Не вызывали. Вот почему я обращаюсь именно к Вам и имею полное право заявить, что мою кассацию постигла такая учесть, что и кассации Мартынова, Никошкина и Соколовского. 5 мая Мартынов узнал случайно, через пришедшего в камеру нового осужденного, что его дело направлено в порядке надзора в Верховный Суд КазССР. На запрос Мартынова от 7 мая в Областной суд о судьбе его кассационой жалобы, Облсуд официальным отношением от 11 мая 1939 г. ему ответил, что его кассационная жалоба Облсудом не была получена, приговор считался не обжалованным и дело лежало в Областном суде без движения до 8 апреля, после чего было направлено в Верховный Суд КазССР в порядке надзора. С кассационной жалобой Никашкина точь в точь такая же история. И если Мартынову и Никашкину случайно, помимо тюремной администрации, удалось о пропаже их кассационных жалоб, и подать ходатайства о восстановлении права обжалования в кассационном порядке, у Соколовского такой случайности не было, и он потерял право обжалования. Приговор суда по его делу вступил в силу. Такая участь моей кассационной, как и жалобы Соколовского, обеспокоила меня. Но так как никто (Областной суд, прокуратура, администрация тюрьмы) не отвечает на мои запросы (о чем сказано выше), я вынужден искать защиты непосредственно у Вас. За две партийные ошибки, которые помимо моей воли и сознания мною были допущены в 1934 и 1936 гг.,

я в свое время получил партийные взыскания. Своей последующей работой я эти ошибки исправил, и это было признано низовой партийной организацией педагогического института и Бюро Уральского горкома КП(б)К (секретарь Кузнецов) еще весной 1937 года, которые ходатайствовали перед Бюро Западно-Казахстанского обкома КП(б)К, что бы оно в свою очередь ходатайствовало непосредственно перед Обкомом ВКП(б) о снятии с меня строгого выговора, данного мне Обкомом ВКП(б) 14 октября 1934 г. Но враг народа Сафарбеков (бывший первый секретарь Обкома) и его прихвостни этого не допустили. Имеющимися партийными документами в деле (если они только все и правильно скопированы. приложены к делу, согласно моего заявления Спецколлегии Областного суда от 28/Х-1938 г.) Вам будет доказана моя невиновность и организованная расправа, как завершение травли, начатой еще в марте 1936 г. В своем письме в газете «Правда» (апрель 1939 г.) я указал еще ряд важных документов, находящихся в Москве, которые исчерпывающие подтвердят, все мною сказанное в этой жалобе.

Прошу Вас обратить серьезнейшее внимание на мною жалобу, затребовать мое дело из Верховного Суда КазССР, рассмотреть его и отменить жестокий и незаслуженный мною приговор Западно-Казахстанского областного суда. Дать мне возможность заняться своим любимым делом, антирелигиозной работой, так как я являюсь высоко квалифицированным антирелигиозником и работу эту веду с 1921 г. Тюремно-лагерной жизни (я уже 20 дней работал в лагере – сельско-хозяйственной колонии НКВД), которую мне устроили в Уральске, я не заслужил от советской власти и партии.

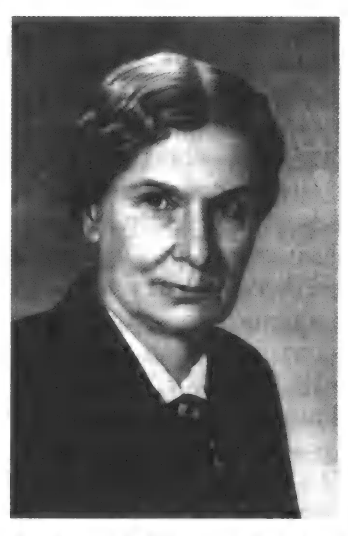
О получении настоящей жалобы прошу Вас поставить меня в известность в возможно короткий срок, т.к. я нахожусь в отчаянии и готов решиться в отношении себя на самые крайние меры.

К. Ненис

P.S. В жалобе допущены три помарки: одна в два слова на 3 стр. и две в одно слово на 4 стр. К.Н.

Архив ДКНБ РК по г. Алматы
Ф. 6. Д.03050. Т.1. ЛЛ.125-128. Подлинник.

НИКОЛЬСКАЯ АННА БОРИСОВНА

Справка: *– арестована органами ОГПУ в г. Ленинграде в 1933 году по ст. 58 пп. 10,11 УК РСФСР и в 1934 году Особым Совещанием при НКВД СССР выслана в Казахстан на 3 года. Срок наказания отбыла.*

29 октября 1937 года вновь арестована УГБ КССР. Постановлением тройки УНКВД по Алма-Атинской области от 10 декабря 1937 года осуждена на 10 лет в ИТЛ без ссылки на какую-либо статью УК РСФСР. 28 марта 1943 года из Сарагульского отделения Северо-Уральского ИТЛ освобождена досрочно в порядке директивы НКВД, НКЮ и Прокурора СССР от 23 октября 1942 года № 467/18-71/117с.

Определением № 22 8786-С-54 Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 2 марта 1955 года Постановление тройки УНКВД Алма-Атинской области Казахской ССР от 10 декабря 1937 года отменено и дело за недоказанностью обвинения производством прекращено.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Обращаюсь к Вам с этим письмом только после того, как мне кажется, использовала уже все пути, безрезультатно. Иначе никогда я не решилась бы обременять Ваше время и внимание личным своим делом. Глубокая вера в Вашу справедливость, отзывчивость и человечность, примеры которой мы видим повседневно, побудила меня к этому.

С 1919 года, двадцать с лишним лет, я являюсь постоянной жертвой грехов моих отцов и отвечаю за них. Мой отец – профессор юрист Борис Владимирович Никольский, монархист по убеждениям, принимавший активное участие в мо-

нархической политической жизни до 1910 года (насколько я помню, конечно. Сейчас мне 40 лет, тогда я была ребенком, плохо понимавшим окружающее), а с 1911 г. махнувший на все рукой и занимавшийся научною и педагогическою деятельностью, был в июне 1919 г. расстрелян в г. Ленинграде Советской властью.

Имущество, принадлежавшее моим родителям, было реквизировано в пользу государства, редчайшая и одна из крупнейших частных библиотек в мире (если не ошибаюсь по международным каталогам частновладельческих библиотек собрание моего отца по разделу Катуллианы и средневекового римского права стояло на 4-м месте) была взята в Государственную Ленинградскую Публичную Библиотеку и Библиотеку Всесоюзной Академии Наук.

Я, девятнадцатилетняя девочка, сама передавала Комиссии книжное собрание моего отца (мать моя в это время была в психиатрической больнице на ст. Удельная, а брат слишком мал, 15 лет, и не осведомлен в книгах), следя по силе своего разумения за сохранностью и точностью передачи ценностей в государственные учреждения. На вопрос присутствовавшего при всем периоде реквизиции (июнь-август 1919 г.) представители ЧК, не предъявлю ли я претензий на часть библиотеки, как лицо в семье, наиболее проявлявшее склонность к чтению и науке, я ответила, что при создавшемся положении вещей считаю совершенно закономерным факт, что эта ценность не останется в моих слабых частных руках, что быть собакою на сене я не могу и что прошу Комиссию только о точности и тщательности передачи кабинетов, а для себя и для брата прошу Советское Правительство не отказать нам в возможности продолжать образование: мне получить высшую школу, о которой я всегда мечтала, а брату сперва закончить среднее образование, а потом и высшее. Это мне было обещано.

В том же 1919 г., память мне изменяет, в каком именно месяце: в конце года я была вызвана в Москву наркомом иностранных дел Г.В. Чичериным, лично со студенческих лет знавшим моего отца, порвавшим с ним связь после революции, когда мой отец при Временном Правительстве голосовал за избирательный список большевиков, а после Октябрьской

Революции ни одного дня не стал саботировать и работал, как лектор, по заданиям Наркомпроса. Отнюдь ни в малейшей степени не входя в характеристику моего отца, не стремясь, да и не имея желания давать оценку его действиям и побуждениям, я привожу только известные мне факты.

После долгой беседы со мною Г.В. Чичерин, расспрашивавший меня о моей жизни, работе, здоровье, моих планах, о судьбе библиотеки отца и т.д., под конец сказал мне, что со мною хотел говорить Владимир Ильич Ленин и чтобы на следующий день в определенный час явилась к нему, Чичерину, а он уже отвезет меня к Владимиру Ильичу.

На следующий день этот незабываемый разговор состоялся. Я была тогда в Москве первый раз в жизни, мое душевное состояние излишне описывать, и я точно не помню, где именно Владимир Ильич принял меня, т.к. Георгий Васильевич отвез меня туда прямо в автомобиле. Помню только то, что это была какая то типография или редакция и что в соседнем помещении стучали машины.

Владимир Ильич задал меня ряд вопросов обо мне, моем отце, моей семье. Спросил «учусь ли я», и при моем отрицательном ответе покачал головой. Я объяснила причины и сказала «что никогда не брошу мысли о высшем образовании и что как только мое здоровье (у меня было кровохарканье) наладится, я все силы положу на это». Владимир Ильич сказал, между прочим, что в настоящее время у него находится часть дневников моего отца, которые его захватывают своим интересом. Когда в конце разговора растроганная и потрясенная вниманием и теплотой, с которыми Владимир Ильич говорил со мною, я невольно заплакала, он внезапно положил мне руку на голову, погладил меня и сказал: «Бедное дитя, трудное выпало время вашей молодости. Часто вам придется быть без вины виноватой». Потом он сказал мне, что всегда будет готов прийти мне на помощь, чтобы я в трудные минуты смело обращалась к нему и только не бросала бы честного труда.

Я не останавливаюсь на подробностях моей дальнейшей жизни: первые бараки на пустынных полянах будущего Волховстроя, где я двадцатилетняя девушка, работала в Управлении делами, была одним из организаторов первых курсов

для рабочих, была избрана рабочими в Рабочий Комитет девятитысячного коллектива Волховстроя; потом Ленинградский университет, годы учения трудной, до крайностей трудной материальной жизни, отягченной еще заботою о полубольной, нетрудоспособной матери выписанной в 1921 году из психиатрической больницы, но до конца своих дней страдавшей рецидивирующим психозом; затем – аспирантура, научное сотрудничество, первые печатные работы, преподавание – от ликбеза до вузов, от начальных совпартшкол до Комвузов и Государственного института истории искусств, с 1920-го по 1931 год. Это были годы борьбы, труда и большого жизненного закала. И нигде, никогда, и ни одного раза я не имела ни одного замечания ни по административной, ни по общественной линии. Я занимала целый ряд ответственейших общественных должностей и считалась не последним массовиком и методистом в политпросвете отдельных районов Ленинграда. Несколько раз я подвергалась тяжелым мерам – не знаю, как лучше назвать: взыскания? Изгнания? по социальному происхождению. Отдельные случаи так и остались тенью в моей жизни, как например, удаление меня из аспирантуры, почти уже мною законченной, в 1927 году после чего я тяжело заболела и почти два года была полуинвалидом, перебиравшимся из клиники в клинику. Другие случаи, которые я доводила до представителей высших органов наших научных и учебных учреждений, ликвидировались, и я опять восстанавливалась в прежнем положении по моей личной работе и моей личной общественной физиономии. С особенной благодарностью при этом вспоминаю имена двух покойных корифеев науки: А.В. Луначарского и Н.Я. Марра.

И это были годы перековки всего существа, с детства выросшего и воспитанного в иных взглядах, подавляющим влиянием иных идеологий. Я лгала бы если сказала бы, что это было легко, что с первых же дней я сбросила с себя все, как устаревшую одежду. И переродилась. Но с полной ответственностью за свои слова я заверяю Вас, дорогой Иосиф Виссарионович, искренно и честно, что никогда ни малейшая степень озлобления и возмущения ни затемняло моего сознания – это знают все, кто видел и работал со мною эти годы; а также – где бы и в какие бы условиях мне ни приходилось ра-

ботать и прилагать свои силы – от дымных срубов первых построек Волховстроя до зал Всесоюзной Академии Наук – я работала честно, увлекаясь работой, вкладывая в нее все свои силы, совершенствуясь и воспитываясь в ней. Горьки были минуты таких «взысканий», о которых я писала выше, но приходилось перешагивать через это и работать также честно и преданно, веря в наступление счастливых и мирных годов нашего Советского Государства, которые должны будут принести счастье и мир таким как я. И по работе я шла от похвалы к похвале, от премий к премии, но не для этого же и не за это я работала, принимая это только, как ценнейшее общественное признание моего труда.

С университетских лет, где бы я не работала, я никогда не оставляла научной работы по избранной мною специальности, древне-русской литературе, а в связи с нею и изобразительному искусству. Начав от своих учителей-формалистов, я подошла к марксистскому пониманию и восприятию своей специальности и в таком плане написала свою основную научную работу, диссертацию «Очерки по истории стиля древне-русской литературы», которою заинтересовался А.В. Луначарский и лично предложил мне дать к ней вступительную статью и издать ее художественным образом с иллюстрациями. Этому проекту не суждено было осуществиться, в силу обстоятельств, о которых ниже.

В 1931 году я, по предложению академика Марра, была принята на должность палеографа Рукописного отделения Библиотеки Всесоюзной Академии Наук, совмещая эту работу с преподавательской деятельностью. Очень скоро я получила назначение на должность старшего палеографа, а еще через несколько месяцев, мне было предложено принять в свое ведение весь свой кабинет инкунабул* и книжных ценностей Всесоюзной Академии Наук. Я начала категорически отказываться, мотивируя свой отказ с одной стороны, энциклопедической неподготовленностью, с другой, неудобным положением, по которому я должна была принять в свое ведение сильнейшую коллекцию Союза, в которой немалую

---

* инкунабул – книги, относящиеся к начальной поре книгопечатания, внешне похожие на рукописные книги (См. Словарь иностранных слов. М., 1988, с.199)

долю занимали книги, некогда принадлежавшее моему отцу: случилось что-нибудь в кабинете (около трех комнат ценнейшей коллекции), какое тяжкое обвинение могло обрушиться на мою голову!

Мне было отвечено только, что вопрос, этот обсуждался всесторонне в Президиуме Академии, так «и в Москве» (тогда вся Академия Наук находилась в Ленинграде). Моя научная подготовленность к этой ответственейшей работе признана вполне удовлетворяющей. А относительно второго довода, было только сказано, что и этот вопрос обсуждался и что «одно лицо в Москве» (кто именно – мне не сообщили) высказывалось, что «если Никольскую поставить во главе этого, то не только из книжных шкафов, но и из мусорного ящика ни один клочок не пропадет». Мои протесты, таким образом, во внимание приняты не были, и я привыкшая к трудовой дисциплине, приняла на себя эту работу. В архивах библиотеки Академии должны сохраниться документы – мои рапорта и акты о приемке, которую я производила со всей тщательностью, и вниманием, на какие только была способна. Эти документы ярко показывают, в каком беспризорном виде я приняла это сокровище, в шкафах с выбитыми стеклами, со срезанными шелковыми и парчевыми закладками, с вырезанными миниатюрами и ex-librisами. По этим актам и другим докладным запискам видно, какую огромную работу я проделала по разысканию и приведению в порядок отдельных экземпляров, казалось безнадежно утерянных или дефектных. Работу эту до конца довести мне не удалось, о чем ниже.

Очень скоро по совместительству, я там же была назначена возглавляющей Комиссию по разборке музыкально-нотного фонда Академии, как лицо, в силу полученного мною с детства образования, хорошо знакомое и с теорией, и с историей музыки и с музыкальной практикой. Мне приходилось много работать по отборке ценнейших экземпляров нот Радзивилловской и других библиотек, редчайших, если не уникальных, экземпляров произведений Сальери, Рамо, Люлли, а из позднейших – Бизе, автографов Глинки, Виельгорского и др. И эта работа тоже осталась незаконченною.

В ноябре 1933 года я была арестована органами ГПУ по

обвинению «в принадлежности к контрреволюционной организации в Всесоюзной Академии Наук, возглавлявшейся академиками Грушевскими, Перетцом и др». Сейчас, в этом письме я просто не имею возможности передать все подробности того следствия, которое велось и результатом которого явилось так называемое мое самообвинение и признание мною своей вины, если это письмо Вашего взгляда и внимания, - пусть мне дана будет возможность изложить все, что и как было. Сейчас же я могу только заверить Вас всею тяжестью пережитой жизнью моей, что ничем ни действиями, ни высказываниями, а тем более, агитационного характера, перед Советской властью и Вами, ее первейшим Вождем, не виновна. Не будет ли для Вас знаменателен тот факт, что последнего одного из допросов кажется 3 декабря 1933 г. я так неудачно упала без чувства в одиночной камере, что разбила затылок об угол железной доски и каменный пол и после этого до июля месяца следующего 1934-го года пролежала с базилярным менингитом и открывшеюся от непрерывной рвоты, ранее залеченную, язвою желудка? Когда я пришла во вменяемое состояние в больнице (в «Крестах»), сколько протестов против этого «самообвинения» я написала прокурору, но судьба их мне неизвестна. И во время следствия опять и опять я многократно слышала упоминание имени моего отца – не только при задававшихся мне вопросах, но даже в перешептывании между собою следователей (их всегда было несколько человек) – «ты знаешь, чья она дочь? Дочь Бориса Никольского!»

Я получила приговор Особого Совещания – 3 года высылки в Казахстан. По слабому состоянию моего здоровья этап мне был заменен свободной поездкой за свой счет без конвоя и было дано еще около месяца проживания дома для подкрепления. Выйдя из тюрьмы, я сначала решила продолжать протестовать и доказать свою невиновность. Но потом решила, что больная полуинвалид, с распухшими ногами, после долгих месяцев заключения, без средств, я не смогу со всею энергией взяться за это дело. Я решила сразу же ехать в ссылку – и там честным трудом и добросовестным отношением к любой работе, какую бы мне ни пришлось выполнять – положить начало наглядному доказатель-

ству своего отношения к Советской власти и ее принципам. А по отбытии срока – возобновить свое дело и снять с себя пятно судимости.

Годы ссылки (г. Алма-Ата) я непрерывно работала, сперва в Государственной Публичной Библиотеке Казахстана, затем с разрешения НКВД преподавателем иностранных языков членам СНК г. Алма-Ата, затем доцентом на правах профессора и профессором Алматинского Педвуза, а по совместительству консультантом Союза Советских Писателей Казахстана и стихотворным переводчиком казахской поэзии в Краевом Издательстве, в основном старинного эпоса. Мною были выпущены две книжки: полный стихотворный перевод легенды «Кыз-Жибек» и «Революционные песни повстанцев – казахов X1X в.». Оба перевода заслужили исключительно – похвальные отзывы специалистов-литературоведов и тюркологов (например, Института Востоковедения Всесоюзной Академии Наук, в частности акад. Сомойловича). Неоднократно газеты «Казахстанская правда» и «Вечерняя Алма-Ата» давали лестные рецензии о моей работе.

Наконец, летом 1937 года я была приглашена в качестве одного из основных руководителей специальных французских курсов при Казпедвузе. Я долго отказывалась работать там, т.к. ежедневные четырехчасовые лекции на французском языке фактически отнимали у меня весь летний отдых. Но в случае моего отказа ставился вопрос о закрытии курсов за отсутствием других специалистов-филологов, знающих французский язык в такой же степени, как я. Отнюдь не желая являться причиной срыва работы, дававший Казахстану первый выпуск специалистов-инструкторов и методистов по французскому языку, я порою через силу, провела этот курс (исторической и практической грамматики и курс фонетики) и дала в сентябре месяце 1937 года первый выпуск курсантов.

Базилярный менингит перенесенный мною, оставил тяжелые последствия: я периодически стала страдать приступами тяжелых головных болей, сопряженных с непрерывной рвотой, потерей зрения и частично речи. Во время приступов, длившихся от 40 мин до 3-х недель, я становилась полным инвалидом. Мать моя, которая в это время заболела ре-

цидивом психического расстройства, в припадке этого рецидива в мае 1932 года покончила с собою. С братом у меня не было никакой связи: 16-ти летним мальчиком в 1920 году он ушел из дому и пропал. Более 12-ти лет я не имела о нем никаких сведений. В 1932 году он внезапно приехал из Москвы к нам домой в мое отсутствие, работник Центрального Военного Издательства, ветеран и инвалид Гражданской войны, партиец, сложившийся, законченный человек. Мы несколько раз виделись с ним, когда я бывала в командировках в Москве. После моего ареста он вновь прекратил всякую связь со мной и с матерью. Материально он матери никогда не помогал. После моего ареста на ее первую в жизни просьбу о материальной помощи ответил предложением подать в суд об алиментах, и последние семь месяцев своей жизни она, находясь в больнице, получала по 60 рублей в месяц алиментов, присужденных ей. Она даже не смогла использовать этих денег: они откладывались в книжку в больнице. Лечебница, видимо, слишком рано выписала ее и через пять дней она покончила с собою. После ее смерти брат предъявил право на 50 % имущества, фактически моего, т.к. мать 15 лет жила на моем иждивении, а прежнее принадлежавшее ей и отцу имущество, кроме промежуточного минимума, была реквизировано. Я, разумеется, не протестовала и ее нетронутые алименты, а также мои вещи были отданы брату, я же заочно из ссылки просила оставить мне мою научную библиотеку и то, что оценочной комиссией было присоединено к библиотеке, как составляющее мою 50 процентную «долю». На этом наши взаимоотношения с братом закончилось. Что с ним и где он в настоящее время я не знаю.

Таким образом, я осталась совершенно одинокой. В замужество я никогда не вступала. Будущее меня страшило. Остаться слепым инвалидом с рецидивами такой страшной болезни, без возможности на кого-либо опираться, как на материальную и моральную помощь, да еще с пятном антисоветского преступления. После отбытия срока ссылки (закончила осенью 1936 года), в конце января 1937 года я поехала в Ленинград, где и была положена в феврале месяце в 1-ую хирургическую клинику имени Федорова Военно-Медицинской Академии. Одновременно имела кон-

сультации в Государственном травматологическом институте имени Вредена. После серьезнейшего клинического обследования была установлена необходимость черепной операции. По ряду личных, в основном материальных соображений, желая закончить и издать ряд литературных договоров, дававших мне известные суммы, при наличии которых я смогла бы обеспечить себе спокойный после операционный период, не утомляя голову работой, я просила отложить операцию до осени. Клиника согласилась, заявив, что будет числить своею пациенткой и примет меня на койку немедленно же при моем приезде. Мне был предписан строгий медицинский режим, который я должна была соблюдать и соблюдала до осени, т.е. до времени операции, которой так и не суждено было состоятся.

Осенью 1937 года я вновь была арестована органами НКВД Алма-Аты и препровождена в городскую тюрьму, где я просидела до 6 февраля 1938 года, после чего было этапирована в 4-е Отделение СевУраллага НКВД (ст. Сарагулька, ж.д. им. Кагановича, Свердловская область), где нахожусь и в настоящее время.

Единственный разговор со следователем, старшим лейтенантом Карасевым, произошел у меня 15 ноября 1938 года. Следователь назвал мне ряд фамилий ссыльных, живших в Алма-Ате и каковы были наши взаимоотношения. Большинство из названных им лиц были мне либо вовсе незнакомы, либо знакомы очень мало. Письменно я изложила все это. Тогда лейтенант Карасев предложил мне письменно же изложить, с кем вообще из ссыльных я была знакома и дать им характеристику. Это предложение я тут же исполнила, назвав несколько имен моих сослуживцев по вузу, Союзу Писателей и Издательству. Мои показания не удовлетворили следователя, который требовал от меня характеристики их политических взглядов, высказываний и деятельности. На этот вопрос я удовлетворяющего ответа дать не могла, т.к. с большинством и этих лиц вообще встречалась строго в официальной обстановке. Следователь произнес при этом знаменательную фразу: «Сами вы нас не интересуете, нас интересеуют эти люди». В особенности его интересовала характеристика моего соседа по жительству и соработника по Союзу Пи-

сателей, Лебеденко Александра Герваисевича, арестованного за пять месяцев до меня, т.е. в мае 1937 года. Отнюдь не отрицая перед следствием мои добрые отношения как с Лебеденко, так и с его семьей, я вообще никогда и ничего не скрывавшая, - показала, что в самом начале нашего знакомства с Лебеденко, после прочтения его книги «Тяжелый дивизион», я задала ему вопрос «поскольку герой романа – Андрей Костров – носит у него явно автобиографические черты, мне не ясно, каким образом такой явный индивидуал каким он выведен в книге и каким, возможно, является в жизни сам автор, доводится до партии и до работы в ней, ибо в книге это отражено слабо. На этот вопрос Лебеденко категорически ответил, что он находится в ссылке по 58 ст. и просит никогда не загововаривать с ним о его прежней партийной и политической работе: так, мол, будет лучше и для него, и для меня. После такого категоричкеского пожелания и он, и тем более я, строго его соблюдали и никаких разговоров на эти темы не вели. На вопрос следователя «кто бывал у Лебеденко и у кого он бывал», я тоже откровенно ответила, то зная сексуальные взгляды Лебеденко, которые я считала ненормальным болезненным являнием, я нарочно старалась держаться на стороне от его личной жизни и не обращать внимание на его посетителей, вернее – посетительниц. А куда он сам ходил – я знать не могу, при всех моих добрых и дружественных отношениях отвечать за действие и знакомство соседей по жительству я не обязана.

Следователь заявил, что из самого показания Лебеденко явствует, что он, Лебеденко (он, а не я) не редко высказывался в антисоветском духе и что бывали случаи, когда эти высказывания происходили в моем присутствии. На это я могла ответить только, что я прошу дать очную ставку мне с Лебеденко, а в крайнем случае ознакомить меня с его показаниями, так как за свои слова я отвечаю полностью, а за его показания он и отвечает. Ни очной ставки, ни показания Лебеденко мне представлено не было.

Помимо того, я сама рассказала следователю, что уже после ареста Лебеденко, летом 1937 года в вечерной Алматинской газете появилась статья о работе Союза Писателей, где упоминалась имя Лебеденко, как врага народа, в связи с ко-

торым приводились клеветнические данные обо мне, моей работе и моих взаимоотношениях с ним («жена» Лебеденко). Меньше всего обращая внимание на последние сведения, отзывавшиеся скверным анекдотом глухой провинции, я довела дело о клевете на меня по линии моей до тех пор ни чем не опороченной честной работы до ЦК КазССР и НКВД. Мои объяснения и документальные доказательства клеветнического характера статей везде были приняты. В ответ на эти показания следователь Карасев только махнул рукой и сказал, что конечно, это вздор и даже не внес их в протокол следствия. Вообще же ни одного вопроса обо мне лично мне задано не было.

После того как у меня внезапно сделался приступ мозговой рвоты, которой я подвержена по моей болезни, следователь Карасев предложил своему помощнику Ундырбаеву составить краткую сводку моих показаний. Тот составил сводку и прочел ее мне, причем я обратила внимание на тот факт, что слово моих показаний «знакомство» было в этой сводке заменено словом «связь». Я заметила Ундырбаеву, что это слово придает совершенно иной характер моим взаимоотоношениям с этими людьми, на что вошедший в это время в комнату работник НКВД, фамилии его не знаю, заявил мне, что в НКВД слово «знакомство» нет, и оно заменяется словом «связь». Старший лейтенант Карасев предложил мне пойти отдохнуть в камере. Он сказал, что считает этот разговор предварительный, а что следствие начинается вечером того же дня и что он предлагает мне хорошенько продумать заданные им о Лебеденко вопросы. Ни вечером того же дня, ни вообще после этого я ни разу на допрос вызвана не была. Никакого обвинения или обвинительного заключения мне предъявлено не было. Постановление Тройки зачитано тоже не было и только при отправке в вагоны этапа начальник тюремного корпуса сказал, что я осуждена на 10 лет ИТЛ. А что постановление мне объявили на месте, уже здесь, в лагере, я узнала, что я обвинена по ст. 58, п.10 постановление Тройки Алматинской области от 10/XII-1937 г. (сперва у меня стоял пункт 6, а потом было выяснено, что это недоразумение и что мне «присвоен пункт 10», - недоразумение, тяжело мною пережитое в условиях лагеря и по меньшей мере странное в та-

ком деле, как квалификация преступления, заслужившего 10 лет лишения свободы).

Перед отправкою в этап я через врачебную комиссию не проходила. Когда я спросила тюремного врача о причинах этого, поскольку кроме меня, все женщины, назначенные в этап, были пропущены через комиссию, он только улыбнулся и ответил мне, что я – специалист, а что комиссия касается тех, кто пойдет на тяжелые работы, я буду использована по специальности (я уже писала выше, что я – доцент на правах профессора древне-русской литературы), что, конечно, звучало пустой оговоркой.

Месяц этапа зимой тяжело отразился на моем здоровье. И тем не менее, с первых же дней лагерной жизни я стала безотказно работать там, куда меня назначили. Я работала сперва помощником, а потом счетоводом расчетной группы, положив на это немало сил, т.к. счетное дело и бухгалтерия мне были совершенно незнакомы. Через несколько месяцев работы меня назначили заведующим продчастью бухгалтерии, работа очень трудная и ответственная. Я выполняла ее, как могла и умела, отдавая ей все свои силы. Я не имела ни одного замечания ни по работе, ни по лагерной дисциплине, но рецидивы моей болезни, с прежней силой возобновившиеся и участившиеся, свалили меня с ног. Я долго лежала в больнице, после чего была активирована, как инвалид. Я могла, таким образом, не работать, но я просила оставить меня на работе, т.к. многолетняя привычка к труду делала жизнь без него совершенно невыносимой. Некоторое время все еще продолжала работать в конторе, но приступы настолько усилились и участились, что работу пришлось бросить. Поднявшись на ноги, я все же начал работать добровольно, не получая за это никакого вознаграждения и не претендуя на него в качестве художника нашего лагерного пункта. Я художественно оформляю местную стенгазету, производственные бюллетени, плакаты, лозунги, составляю и вычерчиваю ряд производственных диаграмм, показатели, кривых и т.д.

Недавно опять повторился приступ моей болезни: я опять пять суток лежала слепая, трое суток мучилась непрерывной рвотой, двое суток не говорила, а потом стала сильно за-

икаться – и только теперь, через несколько недель после болезни, избавляюсь от этого дефекта. Самой же большой мой страх это – слепота. Конечно, при дальнейшем пребывании в лагере при отсутствии необходимого режима, питания и лечения, это неизбежно.

При моем аресте описи моего имущества составлено не было, с собою мне взять вещей не дали: только постель, пару смен белья, пальто, мыло. Мне сказали отложить необходимое мне вещи в узел, который мне будет доставлен дополнительно.

Несмотря на мои неоднократные заявления, мне ничего из вещей не дали, а теперь я получила сведение, что все мое имущество до нитки расхищено. Моя комната замыкалась секретным замком очень сложного устройства, много лет назад привезенном кем-то из Англии, и я, уходя должна была несколько раз показать приехавшему с арестом младшему лейтенанту Пушкину секрет запирания и отпирания замка. И вот теперь я узнала, что через несколько дней после моего ареста «приехали, открыли комнату и поселили в нее семейство из трех человек, сказав, квартирохозяину (я снимала комнату у частных владельцев), что теперь за имущество будет отвечать не он, а его новый жилец».

Эти «жильцы» эксплуатировали мое имущество, перешивали на себя мои вещи, отправляли куда-то посылки, а весною 1938 года куда-то выехали, увезя с собою все до нитки. Через несколько дней после их отъезда за ними явилась милиция, которая ни по какому адресу их не нашла. НКВД на запрос ответил, что никого туда не вселял. Между тем лейтенант Пушкин заявил мне, замыкая мою комнату, что ключ будет храниться либо у него, либо у старшего лейтенанта Карасева. Комната же для «жильцов» была открыта секретным замком, а не взломана. Из лагеря я опротоестовала это дело по линии прокуратуры. Немедленно хозчасть НКВД Алма-Аты выслала мне 3400 рублей сумму, совершенно произвольно, так как она не соответствует и малой доле стоимости моих вещей, не говоря уже о специальной библиотеке. Я опротестовала дело во второй раз. В сентябре этого года получила ответ, что дело о хищении моего имущества передано прокурором по спецделам КазССР в Следственную часть НКВД

КазССР. Больше никаких сведений ответов на все мои вопросы я не имею.

И так, больная, инвалид не имеющая и не ждущая ни от кого помощи и поддержки, я оказалась еще лишенной последнего материального ресурса – имущества и осталась в буквальном смысле слова раздетою. Я донашиваю последние тряпки, иначе назвать нельзя то, во что превратилось мое единственное платье и белье. А впереди грозит худшее: полная инвалидность и беспомощность. Особенно больно думать о хищении специальной моей библиотеки, годами – за счет лишения себя необходимейших условий жизни – приобретавшая мною, а также о гибели моих рукописных работ, ряда научных исследований и художественно-литературных произведений, частично незаконченных, т.е. целых годов упорного, невосстановимого труда, а также ряда личных документов, диплома о высшем образовании, справок о научной и общественной работе, авторских экземпляров моих научных и литературных трудов и других.

Дорогой Иосиф Виссарионович, это далеко не все, что я могла бы и хотела бы сказать. Но всего и не напишешь, да и не нужно. Вы и так увидите и поймете все.

Не легки были отдельные периоды моей жизни. Но были же в ней светлые дни. Несмотря на все трудности и невзгоды я с моральным удовлетворением вспоминаю и свою работу на Волховстрое, и годы университетской учебы, и появление первых научных печатных работ, и лекций по Политпросвету, и научную и общественную работу, которая всегда и везде была высоко оценена. Горько, невыносимо горько сознание, что после таких трудных лет, после стольких лишений и жертв, когда наша Страна окончательно вступила на путь непрерывной победы и всемирной славы, и восхищения, мне приходится жить оторванным от этого кипения жизни и радости, и больной, и бессильной томиться, лишенной свободы на такой долгий, не по моим физическим и моральным силам долгий срок. И за что же, дорогой Иосиф Виссарионович, за что? Если, даже будучи ссыльной, я не только не имела замечаний или взысканий, но наоборот все время поощрялась во всех своих работах. Если я «не интересую» следственные органы, если и здесь, в лагере, верная принципу

трудовой советской дисциплины, продолжаю честно, по мере своих слабеющих сил, работать и не имея за два года лагерной жизни не только ни одного взыскания, но даже ни малейшего замечания, а наоборот – неоднократно ставилась в пример, как образец добросовестности и дисциплинированности, я не говорю уже о многих и многих, предшествовавших моей ссылке по первому аресту, год их труда, которые всегда были полны похвал и поощрений – за что же я отбываю срок лишения свободы? Неужели за то, что 40 лет назад родилась от одних родителей, а не от других родителей? Неужели же мне долго, всю жизнь, придется быть «дочерью» такого-то, а не самою собой и потому служить мишенью для всякого рода перестраховок и перестраховщиков? Неужели оправдаются слова Владимира Ильича о том, что мне «часто придется быть без вины виноватой»? Неужели, наконец, зря и бесцельно затрачено столько молодых лет, сил и здоровья, столько средств народных на воспитание и научное совершенствование меня, как специалиста для того, чтобы все это было выброшено за борт как ненужный никому балласт, неподлежащий использованию и применению, отстающий от жизни и непопровимо теряющийся, ибо в нашей советской действительности стояние на месте есть непросто неподвижное стояние, это есть движение в отсталость и непригодность?

Глубоко верю, что этого не может быть и живу только этой верой. Верю также, что Вы, дорогой Иосиф Виссарионович, откликнетесь со свойственною Вам чуткостью на это письмо, на эту мою последнюю надежду. Я уже безрезультатно писала и по линии Прокуратуры, и по линии Наркомата внутренних дел. В свое время Владимир Ильич сказал мне, чтобы я смело обращалась к нему в тяжелые минуты, к кому же теперь мне обращаться, как не к Вам? Если это нужно, пусть меня вызовут, пусть произведут какие угодно подробные допросы. Эти допросы только докажут мою невиновность и мою полную готовность честно и преданно работать в той области, в какой я смогу быть полезной нашей Родине.

На всем протяжении моей жизни я не могу найти такого факта, который заслуживал бы квалификации тяжелого обвинения в контрреволюционной деятельности и агитации и такой тяжелой кары, как 10 лет лишение свободы.

Дорогой Иосиф Виссарионович, Вы повседневно с чуткостью и вниманием беседуете со счастливыми сынами нашей Родины, вливая в них этим новые силы, энергию и желание работать еще лучше, еще успешно. Призовите же к себе таких, как я пасынков нашего Отечества, не желающих быть пасынками, и изживающих остатки сил в безвоздушном пространстве оторванности от общей прекрасной жизни! Какой огромный новый источник непочатых или неполноценно использованных сил Вы нашли бы, поддержали и присоединили к общим мощным силам сынов нашей Великой Страны!

Верю, глубоко верю, дорогой Иосиф Виссарионович, что это письмо я пишу не тщетно. Живу этой верой, так как не чувствую себя виновной ни в чем – ни перед Советской властью, ни перед Вами.

17 декабря 1939 год.

Никольская Анна Борисовна, 1899 г.р.
4-е Отделение Севураллага НКВД
Ст.Сарагулка, ж.д. им.Кагановича,
Свердловская область.

Архив ДКНБ РК по г. Алматы
Ф.6. Д. 04041. Т.1. ЛЛ.26-31. Подлинник.

Справка о произведениях писателя
Никольской Анны Борисовны

№ пп	Наименование произведения	Жанр	Год издания	Наименование издательств, театров, студии
1	Развернутая рецензия (критическая статья на работу проф. Е.Гофмана о «Слове о полку Игореве»		1925 г.	Известия Всесоюзной Академии Наук, т. XXX.
2	«Изображение весны в памятниках древнерусской литературы» Юбилейный сборник в честь акад. А.С.Орлова		1930 г.	Издание Акадмии Наук СССР
3	«Из памятников древнерусского ораторства. Слово Иллариона Киевского»		1931 г.	«Нева» журнал вып. 3 и 4
Литературные переводы				
4	Ж.Жорес «Новая армия» гл.гл. 6, 9, 10 – с французского		1919 г.	Изд-во Главного штаба Военкомнетокра
5	Ж.Дюамель «Принц Жаффар» - соавторство в переводе с франц. С .....Саломон	Роман	1924 г.	Изд-во Всемирная литература
6	Отдельные стихотворения казахских поэтов (Абая, Махамбета, Т.Жарокова, А.Тажибаева и др.) пер. с казахского стихотворения	Стихотворения	1935-1936 гг.	Альманах «Советский Казахстан», газета «Казахская правда»
7	«Кыз-Жибек» полный перевод с казахского	Эпическая поэма	1936 г.	КазОГИЗ
8	«Песни казахов-повстанцев Х1Х в.» Сборник стихотворений – перевод с казахского	Песни и поэмы	1936 г.	КазОГИЗ
9	Ж.Саин «Походные песни» переводы стихотворений с каз.	Стихотворение	1944 г.	КазИздат

10	М.Ауэзов «Абай» т.1.	Роман	1945 г.	Москва, Изд. «Сов.Писатель» Москва, Литизд. Алма-Ата, альманах «Казахстан»
11	М.Ауэзов «Честь и любовь» (в казахском оригинале «Кобланды батыр») – перевод в стихах с казахского.	Драма	1946 г.	Постановка на русском языке в Каз.Академическом театре и драмы, г.Алма-Ата.
12	Народный акын Нурпеис Байганин «Поэмы и песни». Избранное. Стихотворения. Перевод с казахского.	Стихи	1946 г.	КазИздат
13	М.Ауэзов «Абай» т.11. перевод с каз. В соавторстве с Л.С.Соболевым.	Роман	1947 г.	Москва, Литиздат «Сов.писатель». Оба тома перевода многократно переиздавались. Последнее переиздание – Свердловск, Обл.Изд.1951
14	Махамбет Утемисов (каз. поэт Х1Х в.) Поэмы и песни. Перевод с казахского	Стихи	1948 г.	Изд.АН КазССР
15	Г.Мустафин«Миллионер» - перевод с казахского	Повесть	1948 г.	Альманах «Казахстан»
16	И.Алтынсарин. Стихи и проза. Отдельные переводы в сборник		1950 г.	Находится в печати КазИздат
17	Литературное сопровождение к фортепьянным пьесам композитора Е.Г.Брусиловского	Худож. аннотации		Находится в печати МузГИЗ, Москва

1 июля 1953 г.

Архив ДКНБ РК по г. Алматы
Ф.6. Д.04041. ЛЛ.73-74. Подлинник.

СПИСОК
(библиографическая справка)
произведений писательницы-переводчицы
Никольской Анны Борисовны, выпущенных ею и
опубликованных после 1943 года
по настоящее время

№ пп	Наименование произведения	Жанр	Год издания	Наименование издательств, театров, студии
1	Ж.Саин «Походные песни» - переводы стихотворений с казахского	Стихотворение	1944 г.	КазИздат
2	М.Ауэзов «Абай» т.1.	Роман	1945 г.	Москва, Изд. «Сов.Писатель» Москва, Литиздат, Алма-Ата, альманах «Казахстан»
3	М.Ауэзов «Честь и любовь» (в казахском оригинале «Кобланды батыр») – перевод в стихах с казахского.	Драма	1946 г.	Постановка на русском языке в Каз.Академическом театре и драмы, г.Алма-Ата.
4	Народный акын Нурпеис Байганин «Поэмы и песни». Избранное. Стихотворения. Перевод с казахского.	Стихи	1946 г.	КазИздат
5	М.Ауэзов «Абай» т.11. перевод с каз. в соавторстве с Л.С.Соболевым.	Роман	1947 г.	Москва, Литиздат «Сов.писатель». Оба тома перевода многократно переиздавались. Последнее переиздание – Свердловск, Обл. Изд.1951
6	Махамбет Утемисов (каз. поэт X1X в.) Поэмы и песни. Перевод с казахского	Стихи	1948 г.	Изд.АН КазССР

7	Г.Мустафин «Миллионер» - перевод с казахского	Повесть	1948 г.	Альманах «Казахстан»
8	И.Алтынсарин. Стихи и проза. Отдельные переводы в сборник		1950 г.	Находится в печати КазИздат
9	Литературное сопровождение к фортепьянным пьесам композитора Е.Г.Брусиловского	Худож. аннотации		Находится в печати МузГИЗ, Москва
10	«Дударай» опера Е.Г.Брусиловского	В работе в настоящее время	Худож. стихотв. либретто	По заказу Комитета по делам искусства Министерства Культуры КазССР

В списке не перечислен ряд мелких работ, публиковавшихся за указанный период в текущей прессе и художественных сборниках.

Никольская

15 января 1954 г.

Архив ДКНБ РК по г. Алматы
Ф.6. Д.04041. ЛЛ.75-76. Подлинник.

ОТЗЫВ
о литературной работе Анны Борисовны Никольской

За литературной деятельностью А.Б.Никольской я имел возможность следить на протяжении многих лет. В 1936 г. она прислала мне экземпляр своего перевода казахской народной поэмы «Кыз-Жибек». Увидя, что перевод этот свидетельствует о выдающемся таланте автора, я просил А.Б. (Анну Борисовну) и впредь знакомить меня с ее работами.

Таким образом я узнал ряд последующих ее трудов в области стихотворного и прозаического перевода:

1. Два сборника повстанческих песен казахов (1937 и 1945).

2. Песни Махамбета Утемисова (1947)

3. Роман Мухтара Ауэзова «Абай» (1945), удостоенный Сталинской премии первой степени.

Во всех этих работах А.Б.Никольская проявила себя как зрелый мастер русского стиха и русской прозы и по праву должна быть причислена к разряду лучших наших переводчиков. Для русского читателя в ее переводах живо чувствуется своеобразие казахской речи. А компетентные судьи свидетельствуют о большой точности этих переводов и об умении А.Б. Никольской находить отличные решения для самых трудных задач, встающих перед переводчиком с казахского языка на русский.

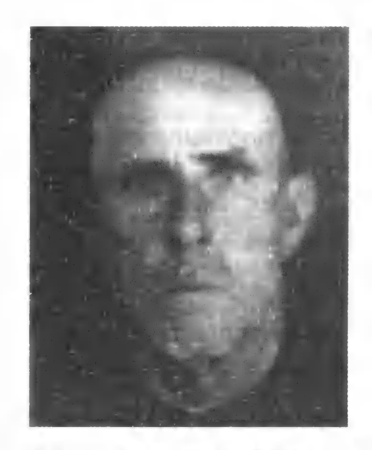
В особую заслугу А.Б.Никольской следует поставить, что, обладая знанием нескольких западно-европейских языков, она предпочла не разбрасываться в своей работе и сосредоточиться на изучении языка, истории и быта одного из братских народов Советского Союза. Она много и усердно потрудилась для дела русско-казахской дружбы, и через ее переводы с литературным творчеством казахского народа познакомились широкие круги не только русских, но и зарубежных читателей.

Член Союза Советских Писателей,
лауреат Сталинской премии

27.01.1952

Архив ДКНБ РК по г. Алматы
Ф.6. Д.04041. Л.78. Подлинник.

ПАВЛЕНКО ЯКОВ ИВАНОВИЧ

Справка: *– арестован 18 марта 1938 года УГБ НКВД КазССР. Осужден постановлением Особого Совещания при НКВД СССР от 26 октября 1940 года по ст. 58 пп. 7,11 УК РСФСР на 8 лет в ИТЛ. Срок наказания отбыл в 1946 году.*

13 сентября 1951 года был вновь арестован МГБ КазССР и постановлением Особого Совещания при МГБ СССР от 1 декабря 1951 года обвинен по ст. 58 пп.7,11 УК РСФСР и сослан на поселение в Красноярский край под надзор органов МГБ.

Определением № 22/0540-Н Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного Суда Казахской ССР от 31 декабря 1955 года постановления Особого Совещания при НКВД СССР от 26 октября 1940 года и Особого Совещания при МГБ СССР от 1 декабря 1951 года отменены и дело за недоказанностью состава преступления производством прекращено.

Заключением прокурора Алма-Атинской области от 10 февраля 2000 года на основании Закона Республики Казахстан от 14 апреля 1993 года «О реабилитации жертв массовых политических репрессий» он реабилитирован.

АВТОБИОГРАФИЯ

Я родился в с. Щербаки Ореховского района Запорожской области. Должен указать, что Ореховский район ранее входил в состав Днепропетровской области, в данное время этот район входит в Запорожскую область.

По месту рождения, т.е. в селе Щербаки я проживал до 1914 года. До школьного возраста я находился на воспитании отца – Павленко Ивана Никитовича. Примерно в 1910 году в селе Щербаки я окончил четырехклассную земскую на-

чальную школу. После этого до 1914 года я работал на разных хозяйственных работах по найму.

Мои родители: отец – Павленко Иван Никитович 1875 (примерно, точно незнаю) года рождения, мать 1873 года рождения, по социальному происхождению также выходцы из крестьян. Отец занимался своим крестьянским хозяйством и работал по найму. Он умер от болезни в 1919 году. Мать до моего ареста в 1951 году находилась на моем иждивении.

Находясь в селе Щербаки отец – Павленко И.Н. имел мало земли, поэтому в 1914 году мы всей семьей выехали на станцию Ак булак Актюбинского уезда, ныне Актюбинской области. Проживая в Актюбинском уезде я так же как ранее работал на разных хозяйственных работах по найму. А в конце 1915 года я был мобилизован (в г. Орск) в царскую армию.

В царской армии я служил с 1915 по 1916 год. В августе 1916 года на Турецком фронте я был ранен и через некоторое время отправлен домой в Актюбинский уезд. А в марте 1917 года в связи с указанным ранением, я вовсе был освобожден от воинской обязанности.

В царской армии все время я служил рядовым солдатом.

В 1917 году моя семья проживала в селе Белогорске Актюбинского уезда. После марта 1917 года я таже находился в селе Белогорске, участвовал в создании сельпо в этом селе. После Октябрьской революции я был избран членом Астраханьского волостного совета, в селе Белогорске. В этом волостном совете работал до 1918 года, а в июне этого года вступил на службу в Красную Армию.

В Красной Армии я служил до конца 1920 года. В начале служил красноармейцем, а последнее время сотрудником политотдела 49-ой стрелковой дивизии.

В 1920 году из рядов Красной Армии был демобилизован по тем обстоятельствам, что я имел ранения (будучи на службе в царской армии) и кроме того в 1920 году заболел тифом.

В ВКП(б) я вступил в 1919 году, был принят Оренбургским губкомом партии. В 1938 году был исключен из ВКП(б) в связи с моим арестом органами НКВД. В других партиях не состоял.

В марте 1938 года НКВД Казахской ССР я арестовывался

за участие в антисоветской право-троцкистской организации. Кроме меня по одному делу были арестованы бывшие заместители наркомзема КССР Винниченко Исаак Петрович, Панкратов Николай Степанович и инженер-инспектор отдела Земельного устройства Казнаркомзема Шмерлинг Ефим Наумович.

В процессе следствия в 1938 году мне было предъявлено обвинение по ст. 58 пп.7,11 УК РСФСР, т.е. меня обвинили в участии в антисоветской право-троцкистской организации и во вредительстве в сельском хозяйстве.

В антисоветской право-троцкистской организации я не состоял и антисоветской деятельностью не занимался.

Должен сказать, что и в 1938-1940 годах на следствии в предъявленном мне обвинении по ст. 58, пп.7,11 УК РСФСР, виновным себя я не признал, отрицаю и сейчас, что антисоветскую работу я не проводил.

В период моей учебы в Академии социалистического земледелия в Москве, в 1930-х годах в какой-либо антисоветской организации я не состоял.

В 1940 году, Особым Совещанием НКВД СССР, за участие в антисоветской право-троцкистской организации я осужден к 8 годам лишения свободы.

После осуждения меня в 1940 году, для отбытия срока наказания, через Пересыльный пункт УИТЛК Архангельской области я был направлен в Каргопольский исправительно-трудовой лагерь (на территории Архангельской области), где и в дальнейшем отбывал срок наказания. В 1946 году в указанном лагере я отбыл срок наказания. Справка Каргопольского ИТЛ, об освобождении меня из лагеря по отбытии срока наказания, 13 сентября 1951 года была изъята при моем аресте.

После отбытия срока наказания и освобождении из заключения антисоветскую работу я не проводил.

Да, мне объявлено постановление о предъявлении обвинения по ст. 58 пп.7,11 УК РСФСР. Сущность предъявленного обвинения мне понятно. Виновным себя в предъявленном обвинении по ст. 58 пп.7,11 УК РСФСР я не признаю.

Действительно, что в 1938 году в г. Алма-Ате я арестовался органами НКВД КазССР. Меня обвинили в участии анти-

советской право-троцкистской организации и в проведении вредительской работы в области сельского хозяйства в системе Наркомзема Казахской ССР.

После отбытия срока наказания, я около года работал старшим агрономом на отдельном пункте при Каргопольском лагере, затем в начале 1948 года прибыл к семье в Алма-Атинскую область в колхоз «Красный комбинат». С марта 1948 года по день ареста я работал в Южном опорном пункте Бетпакдалинской опытной станции животноводчества филиала ВАСХНИЛ Казахской ССР. После освобождения меня из заключения антисоветской работой я не занимался.

В начале я работал заведующим фермы Опорного пункта станции, затем младшим сотрудником этой станции, а с начала 1951 года работаю заведующим Южного опорного пункта указанной опытной станции.

Архив ДКНБ РК по г.Алматы
Ф.6. Д.04140. Т.6. ЛЛ.20-32. Подлинник.

Москва
ЦК ВКП(б) И.В. Сталину
от арестованного органами
НКВД КазССР Павленко Я.И.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Я арестован 18 марта 1938 года по ложному показанию Спирова о том, что я якобы являюсь членом право-троцкистской организации. При аресте мне предъявлены вымышленные обвинения о моей вредительской шпионской диверсионной и террористической деятельности. На следствии я категорически отрицал и сейчас отрицаю, так как я никогда ни в какой контрреволюционной организации не состоял, никакой связи не имел и никакой антисоветской деятельности не вел, а наоборот работал в течении 20 лет своего пребывания в партии честно прилагая все свои знания и силы на дело служения рабочему классу. За свои 20 лет пребывания в партии я никаких колебаний и шатаний не имел, как и вообще не имел ни партийных, ни советских взысканий. Нет у меня ниче-

го и в прошлом. Однако следствие составило протокол о том, что я якобы состоял членом контрреволюционной организации занимался вредительством, шпионажем и диверсией, и методами физического и морального воздействия заставило подписать этот ложный протокол. На очных ставках пишется то, что хочет следствие, а не то, что мы показываем и заставляют подписывать через 15-20 дней ставки также силой.

В моих ходатайствах в приложении документов к делу отказываются. Следовательно следствие ведется тенденциозно, дело делается дутым грубо нарушая советские законы.

Прошу Вас поручить прокурору Союза проверить и провести следствие по закону.

К сему: *Павленко.* 8/II-1939 г.

Архив ДКНБ РК по г.Алматы
Ф.6. Д.04140 (наблюдательное дело).
Листы непронумерованы.
Подлинник.

Москва. Кремль.
Председателю Комиссии
партийного контроля при ЦК ВКП(б)
А.А. Андрееву.
от бывшего члена КП(б)К, заключенного
и содержащегося в Алма-Атинской
городской тюрьме
Павленко Якова Ивановича

ЖАЛОБА

Я арестован органами НКВД КазССР 18 марта 1938 г. и вот уже два года содержусь в тюрьме, под так называемом «следствием». Когда «окончится следствие» неизвестно, т.к. никакого следствия не было и нет его и сейчас. Никаких преступлений перед партией Ленина-Сталина и нашей Великой социалистической Родины никогда не совершал, я являюсь жертвой провокации и клеветы.

Меня арестовали по явно ложному и искусственно дуто-

му обвинению в принадлежности к антисоветской право-троцкистской организации.

Я, в прошлом сын крестьянина-батрака и сам батрак, был членом большевистской партии с 1919 года и никогда ни к каким антисоветским организациям не принадлежал, в том числе и к право-троцкистской банде. За время пребывания в партии я не был участником каких-либо антипартийных группировок, уклонов и шатаний. Для меня ничего не было выше звания члена большевистской партии и интересов социалистического строительства.

С 1917 года я, будучи демобилизован по инвалидности из царской армии, стал принимать активное участие в борьбе за Советы. В октябре 1917 г. я был избран в волостной исполком его председателем. В 1918 г. в апреле месяце был в рядах Красной гвардии и принимал активное участие в боях против Дутовских банд. В Красной Армии я был на разных должностях, от рядового бойца до политработника в Политотделе 1-й армии Восточного фронта. В сентябре 1920 г. был по инвалидности демобилизован из Красной Армии. По прибытии в село организовал колхоз, где работал руководителем. С 1925 г. был выдвинут на советскую и колхозную работу, и проработал до 1930 г. все время выдвигаясь на более ответственную руководящую работу начиная с колхоза и до члена правления Крайсельхозсоюза. В июне 1930 г. я был послан на учебу в Академию социалистического земледелия. А 1932 г. не окончив Академию был мобилизован ЦК ВКП(б) на колхозную руководящую работу в Казахстан. В Казахстане с 1932 г. и по день ареста работал на руководящей колхозной партийной работе.

За весь свой жизненный путь я честно и преданно работал под руководством Ленинско-Сталинского ЦК ВКП(б) на пользу большевистской партии и советского народа. Что-же касается обвинения меня в принадлежности к антисоветской право-троцкистской организации, то это обвинение нелепо чудовищно и построено на вымышленных материалах, учинили надо мной дикий произвол. Реденс, Володзько и Павлов, чтобы арестовать меня начали выколачивать «показания» на меня некоего И.Х. Спирова, ранее меня арестованного, который написал, что якобы он слышал «от А.Н. Будю-

кина о моей якобы принадлежности к право-троцкистской контрреволюционной организации». Вместо проверки указанные выше работники НКВД стали на прямой путь обмана партии большевиков и Советских органов путем фальсификации документов. Чтобы получить санкцию на арест они написали постановление об аресте и в справке к нему, якобы на меня имеются «показания» И.Х. Спирова и Третьякова. Причем показания Спирова, как он сам мне сказал, в присутствии 12 человек, арестованных в камере № 23 Внутренней тюрьмы НКВД, где я после ареста содержался вместе со Спировым с 4 по 8 апреля 1938 г., «что я мол тебя и всех других лиц, кого знал на воле как честных большевиков, оклеветал более 30 человек». Это могут подтвердить сидящие в этой камере и слышавшие заявление Спирова, Коган, Иванов, Лепесов, Есенжанов, Гар?, Ростов и другие), а «показаний» Третьякова не было и нет их сейчас.

Чтобы оправдать мой арест, заранее предрешенный этими лицами, они поручили следователям какими угодно посредствами и любой ценой добиться от меня «признательных показаний» о якобы моей принадлежности к право-троцкистской организации. Слепо выполняя эти директивы провокаторов Реденса, Павлова и Володзько применяя ко мне вражеские противозаконные методы следствия, стали меня избивать кулаками, ногами, книгами, колоть иголками, угрозами расстрела жены и разгромом окончательно семьи. Меня систематически избивая душили за горло, половые органы, держали на так называемом круглосуточном «конвеере», лишая сна и пищи. Так, например, я к этим пыткам подвергался с 18 по 25 марта 1938 г. и в это время следователь разбил затылок до крови. Избитым меня видел бывший помощник наркома Павлов, которому я жаловался и который на мою жалобу об избиении и что меня вынуждают писать ложное заявление ответил, что «если не подпишешь этого заявления, расстреляем без суда, но прежде искалечим и заставим подписать что нам нужно, мы не можем тебя отпустить, т.к. на твой арест добились санкции ЦК КП(б)К, а теперь отпустив тебя мы вынуждены будем идти в ЦК КП(б)К и сказать, что мы ошиблись». Дальше плохо тебе будет, что ты до сих пор еще не подписал заяв-

ления». Также видел меня избитым в синяках и крови В.Ю. Франко.

В результате всех этих пыток, физических и моральных принуждений от которых я при двухкратных обращениях к бывшему помощнику наркома Павлову не нашел защиты, я был доведен до такого состояния, что вынужден был под диктовку следователя написать на имя бывшего наркома Реденса заявление, в котором все от начала до конца являются вымыслом и ложью о якобы моей принадлежности к право-троцкистской организации. В этом заявлении я оговорил не только себя, но и других лиц, которых я знал только как честных работников. В этом заявлении мне продиктовали написать, что меня якобы в право-троцкистскую организацию «завербовал» И.Х. Спиров в 1935 году в октябре.

1 апреля 1938 г. меня вызвал следователь и предложил написать, заранее им заготовленный и отпечатанный на пишущей машинке без моего участия протокол т.н. «допроса», в котором все от начала до конца является вымыслом и злостной провокационной клеветой. Укажу на один характерный пункт этого протокола, где говорится, что меня «завербовал», уже не Спиров, а якобы А.Н. Будюкин.

От подписи этого «протокола допроса» я отказался, как от вымышленного и ложно-клеветнического и еще раз заявил следователю, что я никогда ни в какой степени не примыкал ни к какой антисоветской организации и врагом народа не был и не буду. После отказа от подписи ко мне вновь применили те же методы «следствия» и вновь начались пытки и издевательства, которые продолжались до 27 апреля 1938 г. В результате я не мог вытерпеть этих издевательств, истязаний и пыток, подписал этот гнуснейший документ 27 апреля 1938 г.

Чтобы окончательно меня угробить, следствие продолжало идти по пути провокаций и фальсификации, в целях создания на меня, так называемое «дело». Например, после моего ареста они стали также как и с меня выколачивать от ряда лиц арестованных так называемые «показания» на меня. Такие показания были ими получены от А.Н. Будюкина, который написал, что якобы он «слышал» от Спирова, а Спиров написал, что «слышал» от Будюкина. Чтобы придать этой клевете правдоподобность следствие состряпало протокол «оч-

ной ставки» напечатав на машинке, где говорится, что якобы я в 1930 г. говорил в Москве Будюкину, что я якобы состоял в организации правых в г. Самаре, во главе с бывшим секретарем Казкрайкома ВКП(б) Хатаевичем, а я якобы отрицал этот разговор, а как будто подтверждаю, что я «завербован» якобы А.Н. Будюкиным в 1935 г.

13/YIII-1938 г. следователи устраивают мне т.н. очную ставку со Спировым. На этой очной ставке задавать какие-либо вопросы друг другу было запрещено и это, как и другие очные ставки длились буквально 3 мин. Спиров и я отрицали, что мы знаем друг друга как члены антисоветской организации. После этих заявлении я был удален, а через 17 суток меня вызвал следователь Шураев и предложил мне уже заготовленный в 2-х экз. протокол очной ставки со Спировым, где я и Спиров как будто подтверждаем, что мы знаем друг друга как члены право-троцкистской организации. Я категорически отказался подписать этот фиктивный и ложно-клеветнический документ. За отказ от подписи следователь 30 и 31 августа две ночи (по 4-5 ч.) избивал меня, колол иглой, разбил мне ухо до крови (31 августа видели меня избитым, когда я вернулся в камеру И.С. Трибунский, Беримжанов, Руденков, Коган и др.). После отказа от подписи и после моего требования дать вновь повторные очные ставки мне со Спировым и Будюкиным, следствие отказало, составило акт, что я якобы на очной ставке подтверждал, а от подписи отказался.

4 ноября 1938 г. мне устраивается третья очная ставка с И.П. Винниченко, который показал, что ему «известно», что якобы я будучи на учебе в Академии социалистического земледелия в Москве состоял в право-троцкистской организации и что якобы тот же Винниченко в 1937 году, якобы дал мне задание завербовать в право-троцкистскую контрреволюционную организацию якобы существовавшею при Казнаркомземе В.А. Шереметьева, Е.Н. Шмерлинга и Ф.И. Калашникова и что якобы доложил Винниченко, что я названных лиц завербовал». На очной ставке следователь заранее написал протоколы, в которых записано, я отрицаю, что получал задание от Винниченко и указанных лиц не вербовал, а Винниченко якобы «подтверждает». В самом деле Винниченко на

очной ставке сказал, что «я мол написал», а на мой вопрос «когда, где, при каких обстоятельствах?» ему не разрешили ответить, увели из кабинета Иванова в кабинет Баданова, где он и подписал этот протокол. Я запротестовал против такой очной ставки во-первых, почему следствие не хочет дать очной ставки с Винниченко по вопросу того, что он показал, что ему известно обо мне как о члене право-троцкистской организации в Академии социалистического земледелия и что сам ..... по вопросу выполнения мной «задания» Винниченко и вербовке указанных лиц, что все это делается тенденциозно и нарушает самым грубым образом УК. Мне следователь заявил, что это мол «дело наше, а ты подпишешь, что отрицаешь, получение задания от Винниченко, а по другим вопросам ставку дадим после». Никаких конечно, очных ставок не давали и в моих ходатайствах об очных ставках и допросах по существу всех имеющих на меня показаний на И.П. Будника, Н.С. Панкратова и Л.И. Мирзояна. Будник показал, что я якобы по заданию Винниченко, поручил некоему Н. Кутепову порезать Татару Ф.М. для шпионских целей какие-то аэрофотоснимки в масштабе 5 км в английском и что это Кутепов в присутствии Будника, Панкратова показал, что через меня проводил вредительство в землеустройстве и севооборотах, а Мирзоян показал, что ему якобы известно от Спирова, что последний по его заданию создал при Казнаркомземе контрреволюционную вредительски-диверсионную группу, в состав которой входил якобы и я.

Необходимо отметить на тот факт, что якобы завербованные мною в право-троцкистскую организацию и на шпионскую работу Шереметьев, Калашников и Кутепов находятся на воле и не арестовывались, а это нужно следствию, чтобы представить меня как право-трокциста с одной стороны связанного с другими, а с другой якобы ведущего активную контрреволюционную работу. Следовательно само следствие хорошо знает, что это гнусная ложь, но оно ее организовало с провокационной целью. Кстати укажу и на такой факт, как показания Панкратова о моем вредительстве при ведении севооборотов, а между тем за время моей работы никаких севооборотов в колхозах Казахстана не вводилось. Кроме того всем известно, что июльский или августовский Пленум ЦК ВКП(б)

обсуждал вопрос о введении правильных севооборотов в колхозах. Проект комиссии Наркомзема и Наркомсовхозов передал на обсуждение колхозников и специалистов сельского хозяйства с тем, чтобы после обсуждения окончательно обсудить на пленуме ЦК ВКП(б). До моего ареста еще не было принято решение, а Союзный Наркомзем запретил вводить какие-либо севообороты. Это всем известно, но провокаторы из следственной части НКВД Павлов и ряд других делают вид что они «открыли вредительство» и меня держат в тюрьме и обвиняют в несуществующей никогда при мне работы, не говоря уже о том, что никаких фактов вредительства не было и следствие их не имеет и не имело.

Не менее показательными фактами, характеризующими создание на меня дутого, надуманного и явно вымышленного т.н. «дела» является и следующий документ – это так называемый протокол «допроса» от 1-27 апреля 1938 г., о котором я говорил выше. В протоколе следователь написал, что я якобы в октябрьские праздники, т.е. 7 ноября 1936 года был с женой в гостях у Будника Н.П., где присутствовал и Винниченко И.Т. с женой, где меня якобы Винниченко и Будник информировали о существовании право-троцкистской контрреволюционной организации в Казнаркомземе. Между тем я с начала сентября по конец декабря 1936 года пробыл безвыездно в командировке в городе Москва в ЦК ВКП(б), о чем имеются отметки в моем паспорте приобщенному к делу. В том же протоколе написано, что я якобы с вредительской целью задержал на год наделение колхозников приусадебными участками. В самом же деле это злостная клевета т.к. я был назначен в Отдел землеустройства КазНКЗ в конце сентября 1935 года и тут же составил инструкцию в строгом соответствии со Сталинским уставом сельскохозяйственной артели и решениями партии и правительства. Инструкция в 1935 году была одобрена Союзным Наркомземом и ЦК КП(б)К и издана на русском и казахском языках в 10 тысяч экз. и разослана в 1936 году в феврале на места и уже в 1936 году 60% колхозов получили приусадебные участки согласно уставу сельскохозяйственной артели. Но так как в Казахстане из 7790 колхозов более 3 тысяч были ТОЗы и они переходили на устав сельскохозяйственной постепенно и

по 1938 год, этих ТОЗов было еще 1,5 тысяч, то естественно и работа как по вручению государственных актов на вечное пользование землей так и по наделению колхозников приусадебными участками по мере их перехода. Так как известно, что за ТОЗами земли, как за переходящей формой, не закрепляются и члены ТОЗов приусадебными участками не наделяются, тем не менее и это обвинение при всей очевидности о его нелепости возводится на меня. Далее меня следствие в том же протоколе «допроса» обвиняет в шпионаже и написал, что я якобы давал Татару, начальнику Сельхозснаба Казнаркомзема шпионские сведения по землеустройству для германской разведки. Известно, что за время моей работы в Отделе землеустройства никаких других работ кроме как работ по вручению государственных актов колхозам на вечное пользование землей не производилось. Что же тут секретного, что за колхозами закреплено было на 1/I-1938 г. за 6100 колхозов 44 млн гектар земли тогда как всем известно, что 22 млн крестьянских дворов до революции владели 78 млн га земель. Это же величайшее достижение пролетарской революции, о чем нужно кричать на весь мир.

И неслучайно, что на Пленуме ЦК ВКП(б) приводились факты, опубликованные в «Правде», что 200 тысяч колхозов получили 44 млн га земли. Но я никогда никаких сведений Татару не давал и это вымысел. В деле нет показаний Татара, да он и не мог показать, но чтобы придать правдоподобность этому вымыслу следствие выколотило аналогичные показания с Будника, на мои требования дать мне очные ставки с Татаром и Будником были отклонены следствием. Это обвинение, т.е. шпионаж настолько грубо сфабрикован следствием, что когда мое «дело» попало в Военный трибунал Пограничной охраны и войск НКВД КазССР, то трибунал его снял, а дело вообще не стал рассматривать, а направил Алма-Атинскому облсуду.

В сентябре 1938 года следователь вызвал и предложил мне подписать протокол т.н. «допроса» от 1/IY-1938 года, переписанный от руки, я заявил, что я не подпишу этот протокол, т.к. он составлен не с моих показаний без моего участия и являются сплошным вымыслом следствия. Ругань, угрозы не помогли, и я не подписал его, а 29/IX-1938 г. тот же сле-

дователь объявил мне, что следствие закончено и дело передается в суд. Я запротестовал, заявил, что я считаю, что никакого следствия не было, а что все это дело сфабриковано из ложных показаний и фальсифицированных «документов». Я требовал настоящего законного, объективного следствия. Тут же с меня было снято обвинение во вредительстве, т.к. мол вредительство следствием не установлено, но мне взамен предъявили пункт 8, т.е. обвинение в терроре, хотя никто никогда меня не допрашивал по этому вопросу.

Ознакомиться с «делом» мне не дали, т.к. следователь заявил, что показания на тебя других лиц еще не напечатаны, а то, что подписал тебе известно. Это дело было направлено в Выездную Военную Коллегию Верховного Суда. В ноябре 1938 года Выездная Сессия Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР дело мое возвратило на доследование и создание группового дела в порядке ст. 117 УПК. Однако следствие не провело переследствие, ограничившись двумя допросами, касающимися не по существу предъявленного обвинения, а только по чисто формальным моментом, касающимся якобы моих связей с отдельными лицами.

29/YII-1938 г. мне следователь объявил, что якобы по моему делу следствие вновь закончено и предложил подписать протокол об «окончании следствия». Я вновь запротестовал и настаивал, чтобы меня допросили по всем пунктам обвинения или в крайнем случае дали возможность написать и приобщить к моему делу объяснения. Я также просил дать мне очные ставки со Спировым, Будюкиным, Будником, Мирзояном, Татаром, Панкратовым и Винниченко и приложить требуемые мною документы, которые опровергнут всю эту клевету, однако официальным постановлением, утвержденным наркомом мне отказано.

Тут же мне было предложено подписать вновь предъявленное обвинение, где пункт 8 снимается, а взамен его предъявляется пункт 7, т.е. вновь следствие обвиняет меня во вредительстве. Для так называемого «обоснования» обвинения по вредительству к делу приобщаются показания двух свидетелей с воли – В.А. Шереметьева, того самого которого я якобы завербовал в право-троцкистскую организацию и Коломейцева.

В этих показаниях говорится, что я якобы с вредительской целью в землеустройстве колхозов был высокий процент брака, что брак, этот был следствием того, что якобы не было дано мной «стандартного» указания местам и что не известно, почему я организовал краткосрочные курсы землемеров, которые в результате мало опытности дали брак. Кроме того, что я в вредительских целях накопил высокий процент прибыли. Это настолько голословные клеветнические показания явно тенденциозные, что следствие их впоследствии изъяло, и приложило в новой редакции.

9 февраля 1939 года следователь вызвал меня и задал вопрос «кто же меня вербовал в право-троцкистскую контрреволюционную организацию, так как Спиров и Будюкин отказались от вербовки», я заявил, «что никто никогда ни в какую организацию не вербовал и я честный большевик, что и было записано в протокол». Однако следствие признав, что меня никто не вербовал, что все эти обвинения сплошной вымысел и ложь, вместо того чтобы проверить разобратся, оно продолжало создавать новые вымыслы, варианты для того чтобы обвинить меня. В 1939 году следователь вызвал в пустую № 9 камеру внутренней тюрьмы НКВД и предложил еще раз подписать протокол об окончании следствия по моему делу без предъявления для ознакомления дела. Я отказался от подписи, потребовав ознакомить меня с делом, но следователь отказал мне, а я этого протокола не подписал.

После этого мое «дело» вновь было направлено в Военную Коллегию Верховного Суда. По неизвестным причинам оно вновь возвращено назад, а отсюда пошло в Военную прокуратуру в Ташкент, потом в Москву, а в конце 1939 года оно попало в Военный трибунал Погранохраны и Войск НКВД КазССР. 4/XII-1939 г. трибунал на своем заседании снял с меня обвинение в шпионаже и направил в Алма-Атинский облсуд. Облсуд в своем заседании 25-26 января 1940 г. возвратил дело на доследование с дачей очных ставок со всеми свидетелями и созданию экспертной комиссии из лиц неработающих в системе Казнаркомзема с моим обязательным участием в комиссии. Сейчас дело находится в следственной части НКВД. Пошел уже 2-й месяц, а меня ни разу еще не вызвали и когда начнется переследствие не знаю.

За время нахождения в тюрьме я написал около 50 заявлений с жалобой на методы следствия, на то, что на меня создано дутое дело, что т.н. «следствие» тянется два года, а по сути дела нет никакого следствия, создав это дело под руководством Реденса, Володзько, Павлова, этих провокаторов, которые избили честных большевиков, партийных и непартийных, продолжает вести дело так, чтобы обвинить меня и тем самым скрыть свои преступления и оправдать незаконный арест. На все свои заявления я не получил ответов по существу. Также я не могу добиться, чтобы кто-либо разобрался в моем деле по существу и провел объективное следствие.

Я обращаюсь к Вам с просьбой вмешаться в мое дело, заставить кого это следует проверить все дело. Прекратить эти издевательства, которые продолжаются надо мной и с моей семьей. Эти издевательства продолжаются, но только в новой иной форме. Если раньше следствие применяло мордобой, то теперь так называемым трепанием нервов и посылки из одного суда в другой дутого дела и содержанием в тюрьме бесконечно без срока «следствия». Прокуратура КазССР вместо проверки дела продолжает без ограничения сроков санкционировать продления следствия. Я надеюсь, что Вы прекратите этот произвол и издевательства надо мной, честным большевиком.

К сему: (подпись) *Павленко*

3/III-1940 г.

Архив ДКНБ РК по г.Алматы
Ф.6. Д.04140 (наблюдательное дело).
Листы непронумерованы.
Подлинник.

Председателю
Особого Совещания НКВД СССР
от следственного заключенного
Павленко Якова Ивановича,
содержащегося во внутренней
тюрьме НКВД КазССР
7 октября 1940 года

ЗАЯВЛЕНИЕ

По сообщению начальника тюрьмы мое дело за № 0549 1 октября 1940 года направлено на Ваше рассмотрение. Меня обвиняют в принадлежности к право-троцкистской организации и во вредительской деятельности.

Я тысячу раз заявлял следствию и заявляю Вам, что я никогда не был врагом народа, ни в какой контрреволюционной организации не состоял, о существовании какой-либо контрреволюционной или антисоветской организации не знал, и связи как с такой организацией, так и с антисоветскими лицами не имел.

Также не занимался и вредительством, а был честным большевиком, пробыв в рядах ВКП(б) почти 20 лет без партийных взысканий и каких бы то не было замечаний. Начиная с 1917 года я всегда и всюду работал честно, добросовестно, всегда старался отдавать и отдавал все свои знания и силы на дело пролетарской революции, на дело ВКП(б).

Я в прошлом, до революции, работал более пяти лет по найму и два года был общественным пастухом. В Красной Армии был добровольцем, а после демобилизации, как инвалид, организовал колхоз (который и сейчас существует), был три года его руководителем. С 1925 года я был взят из колхоза на советскую заботу, как выдвиженец, и с тех пор работал до момента ареста.

Ни в каких антипартийных, антисоветских группировках или уклонах не был. Никакой собственности не имел. Поводом к моему аресту послужили клеветнические, ложные показания некоего И.Х. Спирова, который от них на следствии отказался, как от ложных и вымышленных. Однако следствие ни только не захотело разобраться, а наоборот создало

на меня дутое дело, оно произвело незаконный арест меня, сфальсифицировав постановление, в котором как основание значится, что якобы на меня имеются показания Спирова и некоего Третьякова. Кстати никакого Третьякове я в жизни не знал и, как видно из дела показаний такого на меня в деле нет.

Став на путь избиения честных коммунистов, бывшее руководство НКВД КазССР враги народа бывший нарком Реденс, его помощник Павлов (ныне осужденные) и следователи Блинов и Максимов стали меня избивать, пытать, мучить бессонницей и прочими методами, пытками вымогать так называемые признательные заявления.

Доведенный до полного изнемождения, я вынужден был под диктовку Блинова написать заявление с тем, что я якобы являюсь членом право-троцкистской организации и что я якобы завербован в эту организацию Спировым. Подписывая это ложное, клеветническое заявление, я предупреждал следователя и помощника наркома Павлова, что это ложь, что я подписываю это под насилием и пытками, но все это ложь и вымысел. Однако и это не помогло и следствие не пошло дальше.

Оно сфабриковало так называемый протокол допроса, датированный от 1-го апреля 1938 года, заранее составленный следователями Блиновым и Максимовым, без моего участия и без всякого фактического допрос меня, отпечатав его заранее на машинке. Я отказался подписывать этот клеветнический документ, так как он вымышлен и ничего общего не имеет с действительностью. Но следствие вновь применило те же пытки, и в течение 27 суток меня мучило, вынуждая подписать его.

Не выдержав эти пытки, я подписал его. Должен заявить Вам, как я и заявлял следователям Кузнецову и Блинову, что я подписываю его, но я всегда и везде заявлю, что это ложь, которую я подписал вынужденно и что советский суд и партия разберутся и освободят меня, как ни в чем невиновного. Протокол очной ставки с А.Н. Будюкиным был заранее отпечатан и теми же методами вынудили нас, т.е. и его, подписать.

В этом протоколе так называемого допроса от 1 апреля 1938 года следствие написало, что меня завербовал Будю-

кин, а в заявлении мне продиктовали, что Спиров, как тот, так и другой, а также и я не подтвердили моей вербовки, так как никто и никогда меня не вербовал. И Будюкин, и Спиров отказались от своих ложных показаний, отсюда совершенно очевидно то, что я не являюсь участником контрреволюционной организации. Но следствие 32-ой месяц меня держит под арестом и не хочет разобраться, а пытается обвинить меня, чтобы тем самым оправдать мой ни на чем не обоснованный и незаконный арест путем, как применения незаконных методов следствия, так и путем создания искусственных ложных «документов», которыми пытаются «доказать» хотя бы какую-либо виновность и тем самым осудить меня.

13 августа 1938 года следствие устраивает со Спировым очную ставку, на которой и я, и Спиров не подтвердили, что мы знаем друг друга, как члены какой-либо контрреволюционной организации, а также ни моей вербовки в эту организацию. Я был удален немедленно с очной ставки, а через 17 суток меня вызвал следователь и предложил мне подписать протокол очной ставки, датированный 13 августа, в котором написано, что якобы я и Спиров утверждаем, что мы друг друга знаем, как члены право-троцкистской организации. Я отказался от подписи, за что меня 30 и 31 августа избивали. Причем, когда мне предложили подписать этот протокол 30 августа 1938 года, то там еще подписи Спирова не было, а когда я ознакомился с делом 28 декабря 1938 года, в протоколе было указано, что он меня знает как члена право-троцкистской организации.

В сентябре 1938 года мне впервые объявили, что мое дело якобы следствием закончено и дали мне несколько непронумерованных, не подшитых и не прошнурованных документов, лишив меня моего права, что-нибудь дополнить и объяснить, а также о чем-либо ходатайствовать. После этого составили протокол об окончании следствия, в котором написали, что обвиняюсь по ст. 58 пп.1-а, 11 и 8, сняв с меня пункт 7, т.е. вредительство.

Это дело было направлено Военной Коллегии, которая вернула дело на переследствие. Все переследствие заключалось в том, что меня два раза опросили по второстепенным вопросам, лишив меня дать какие бы развернутые показания

и объяснения. Ходатайства мои были отклонены, и дело 28 декабря 1938 года было закончено. Однако после окончания следствия меня допрашивали 4, 16 и 26 января, 22 апреля 1939 года и вначале апреля, о чем составлялись протоколы, но они в дело не попали.

8 мая 1939 года мне вновь заявили, что мое дело следствием закончено, однако дело мне не показали и никаких ходатайств или объяснений и дополнений мне не разрешили, в силу чего я отказался от подписи протокола об окончании следствия, однако мое дело было направлено в Военную прокуратуру Союза ССР. И только 4 декабря 1939 года оно было рассмотрено без моего вызова трибуналом САВО.

В результате трибунал направил мое дело Алма-Атинскому облсуду, сняв с меня обвинение по пункту 1 «а», как ничем не доказанное. Алма-Атинский облсуд в своем судебном заседании от 25-26 января 1940 года определил: «возвратить дело на доследование, создав экспертизу для проверки всей моей работы в Казнаркомземе с моим участием. Однако в состав комиссии меня ввели, участия в работе комиссии меня лишили.

Комиссия к проверке моей деятельности подошла не объективно, а пристрастно, о чем я подробно изложу ниже. Что касается обвинения меня в принадлежности к право-троцкистской контрреволюционной организации, так это обвинение является ничем не доказанным и необоснованным. Следствие записало в своем протоколе моего допроса от 9 февраля 1939 года, «признало, что меня А.Н. Будюкин не вербовал в эту организацию, что Спиров меня также не вербовал». Следовательно, у меня нет вербовщиков. Обвинение следствия основывающегося на ложных и вынужденных показаниях А.Н. Будюкина также ничем не подтверждены и больше того Будюкин от этих показаний отказался, о чем имеется в деле протокол его допроса, как от вымышленных. Показания Мирзояна, основанные на том, что он якобы знал со слов Спирова о моей якобы принадлежности к право-троцкистской организации, также являются вымышленными, так как Спиров отказался от своих показаний, о чем само следствие записало в постановлении от августа 1940 года, имеющегося в деле.

Показания И.Л. Винниченко и Н.С. Панкратова также ложные и они оба от этих показаний как от ложных отказались, о чем свидетельствуют протоколы их допросов в 1939 и 1940 годах, имеющихся в деле. Показание Н.П. Будника также голословно и ложно, и не подтверждено ни очными ставками, ни показаниями других лиц. Больше того, всем этим показаниям само следствие не верит и оно хорошо знает, что этих клеветнических показаний никто не подтвердит, а потому оно все время мне отказывает в очных ставках с этими лицами, однако обвинение, основанное на этой лжи не снимает.

Кроме того, меня обвиняют, что я якобы завербовал ряд лиц, а именно: Шереметьева, Калашникова, Шмерлинга и Милецкого, однако первые двое не были арестованы, Милецкий не дал никаких показаний, подтверждающих его вербовки мной или хотя бы какую-либо связь со мной, как с врагом народа. Что касается показаний Шмерлинга о том, что я якобы являюсь его вербовщиком, он отказался от этих ложных показаний. Следовательно, все это свидетельствуют о том, что я оклеветав и что все лица, оклеветавшие меня, от своих лживых показаний отказались и моя невиновность, даже при наличии явного нежелания следствия разобраться, а наоборот стремление запутать дело, обвинить во что бы то ни стало, уже доказана.

Мирзояна, как члена контрреволюционной организации я не знал и не знаю, никакой связи с ним не имел, близким человеком я ему не был, хвостом его не являюсь. Я был мобилизован ЦК ВКП(б) и в феврале 1932 г. направлен в Казахстан, т.е. за целый год до его приезда в КазССР. Раньше я его даже не видел и никогда в жизни с ним не вел никаких разговоров, кроме как был за 4 года 5-6 раз на Бюро ЦК КП(б)К по деловым вопросам.

Обвиняя меня во вредительстве, следствие строит это обвинение на необоснованных выводах экспертной комиссии, а именно: меня обвиняют за брак в землеустроительных работах. Это обвинение голословно и никакими документами не подтверждается; во-первых, непосредственно землеустроительных работ не вел и непосредственно землеустроительными отрядами не руководил, так как отряды непосредственно подчинены областным отделам землеустройства. Я вскры-

вал этот брак, выявлял виновных и злостных бракоделов, отдавал под суд через областные отделы и выгонял с работы, о чем имеются акты проверки работы, выявлении брака и лиц, допустивших этот брак. Однако следствие мне не отказало в приложении этих актов к делу, а обещало представить суду, но дело направили вам, не приложив этих документов к делу, попросту обманув меня.

2. Меня обвиняют, что я якобы заморозил в 1936 году в 1200 колхозах землеустройство. Это обвинение чистая ложь, так как план работ в 1936 году был даже перевыполнен, что видно из документов в деле.

3. Меня обвиняют, что я якобы с вредительской целью включил в план работ 700 колхозов, начатых работой в 1935 году в план 1936 года, как новые, получив два раза средства за работу в этих колхозах. Это обвинение вымышленное и оно целиком опровергается планом работ, в котором ясно сказано, что они, эти колхозы, идут как переходящие объекты работы и никаких двойных средств я не получал. Я просил допросить по этому вопросу инженера-плановика И.П. Семикина, который составлял республиканский план работ и приложить сам план. Однако следствие Семикина не допросило, а план со всеми материалами к делу не приложило, обещав представить суду, но не сделало и этот документ, опровергающий обвинение, к делу не приложен.

4. Меня обвиняют в том, что я не создавал условий для специалистов, почему лучшие специалисты ушли с производства. Это обвинение базируется на показаниях некоего Конникова. Это обвинение сам бракодел, был снят с работы в Южно-Казахстанской области. И вот следствие выдвинуло этого бракодела свидетелем против меня, который явно клевещет, так как из документов видно, что состав землеустроителей мной увеличен в три раза, и что я принимал меры к устройству специалистов и созданию им условий.

5. Меня обвиняют, что я якобы являюсь автором вредительской инструкции от 15/II-1936 года. Комиссия явно клевещет, во-первых, что я являюсь автором, во-вторых, что эта инструкция вредительская и в-третьих, что якобы по этой инструкции, пункт 10 единоличники получили больше на 10 % размер приусадебных участков. Пункт 10 как раз говорит об-

ратное, чем утверждает комиссия, явно клевеща. Инструкция строго соответствует постановлению ЦК КП(б)К и СНК Казахстана, одобренное Сельскохозяйственным отделом ЦК ВКП(б) и Наркомзема Союза (см. указанное постановление, приложенное к делу). Инструкция отменена потому, что ее утверждал как нарком Сыргабеков, ныне расстрелян и что дополнение к постановлению ЦК КП(б)К и СНК Казахстана не получило утверждения в Москве.

6. Меня обвиняют, что я якобы неправильно расселил корейцев – это явная клевета, так как я уже был арестован, когда происходило их расселение. И дальше, конкретно каждый пункт расселения рассматривался специальными областными комиссиями. Я прошу Вас распорядиться наркому НКВД КазССР провести объективное переследование и освободить меня как честного большевика, невинно страдающего уже 32 месяца.

(*Павленко*)

Архив ДКНБ РК по г. Алматы
Ф.6. Д.04177. ЛЛ.80-83. Копия.

ПАНКРАТОВ НИКОЛАЙ СТЕПАНОВИЧ

Справка: *– арестован 27 июня 1938 года УГБ НКВД СССР. Осужден постановлением Особого Совещания при НКВД СССР от 26 октября 1940 года по ст. 58 пп. 7,11 УК РСФСР на 8 лет в ИТЛ. Срок наказания отбыл в 1946 году. 27 мая 1952 года был снова арестован УМГБ КазССР. Постановлением Особого Совещания при МГБ СССР от 16 июля 1952 года сослан на поселение в Джамбульскую область Казахской ССР под надзор органов МГБ.*

Определением № 22/0540-Н Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного Суда Казахской ССР от 31 декабря 1955 года постановление Особого Совещания при НКВД СССР от 26 октября 1940 года и постановление Особого Совещания при МГБ СССР от 16 июля 1952 года отменено и дело за недоказанностью состава преступления производством прекращено.

Заключением прокурора Алма-Атинской области от 10 февраля 2000 года на основании Закона Республики Казахстан от 14 апреля 1993 года «О реабилитации жертв массовых политических репрессий» он реабилитирован.

АВТОБИОГРАФИЯ

Я в 1895 году родился в деревне Рыбинка, Кунгурского района, Молотовской области. В полутора лет у меня умер отец Панкратов Степан Фомич и я вместе с матерью переехал жить в деревню Итши, Кунгурского района той же области к дедушке Лопатину Ивану Назаровичу, где проживал до 1912 года и окончил 2-х классное Бымское училище. Затем переехал учиться в волостной центр Слобода-Кукарка Вятской губернии, где я в 1916 году окончил Кукарскую учительскую семинарию, после чего был призван в старую армию. В старой армии я прослужил до октября месяца 1917 года, а по апрель месяц 1918 года я работал в качестве учителя в Фокинской начальной школе Кукарского района. С мая месяца 1918 года по декабрь месяц того же года работал заведующим Ершовской начальной школы. В декабре месяце 1918 года по наступлению Колчака я был эвакуирован в Саракульский уезд, где получил назначение в Дубовскую начальную школу Фокинской волости в качестве заведующего школой и проработал до марта месяца 1919 года. Затем был вторично эвакуирован в г. Казань, где я поступил добровольно в Красную Армию 28-ую дивизию. В этой дивизии я прослужил до января месяца 1921 года. Затем заболел тифом и три месяца находился в госпитале на ст. Поворин. После излечения я был направлен политработником в Пермский губвоенкомат, где проработал до июля месяца 1921 года. Затем в июле месяце 1921 года был переброшен в г. Гердын в качестве заведующего отдела политпросветработы и проработал до мая 1922 года, затем был переведен заведующим отделом народного образования Гердынского уездного исполкома и проработал до февраля месяца 1923 года. С февраля месяца 1923 года по декабрь того же года работал в Пермском уездном комитете партии заведующим агитационно-пропагандисткого отдела. С декабря 1923 года по март 1924 года я работал инструктором Пермского окружного комитета партии. С марта 1924 года по декабрь месяц того же года работал председателем Окружного комитета профсоюза работников прсвещения. С января 1925 года по декабрь того же года я работал заведующим организационным отделом Пермского окружного исполнительного

комитета Советов рабочих-крестьянских-красноармейских депутатов. С января 1926 года по июль месяц 1928 года работал заведующим окружным земельным управлением в Пермском исполкоме Советов. С июля 1928 года по июль 1930 года работал заместителем начальника Уральского областного земельного управления, в г. Свердловск. С июля 1930 года по декабрь 1934 года работал заведующим сельскохозяйственным отделом в Уральской областной Контрольной комиссии-РКИ. С декабря 1934 года по июль 1935 года работал ответственным контролером при уполномоченном Комиссии партийного контроля при Свердловской области. С июля 1935 года по 1-ое января 1937 года работал так же контролером при уполномоченном в Комиссии партийного контроля Казахской ССР. С января 1937 года по июнь месяц 1938 года работая заместителем наркомземледелия я был арестован органами НКВД и привлечен к уголовной ответственности как участник антисоветской правотроцкисткой организации. Со мною по одному делу проходили второй заместитель наркома земделеия КазССР Венниченко, заведующий Алма-Атинского областного Земельного отдела, фамилию не помню, были еще 2 человека специалистов из Наркомзема КазССР. Следствие велось в течение двух лет, первоначально дело рассматривала Особая Коллегия Алма-Атинского облсуда, которая возвратила на доследование. Вторично наше дело было рассмотрено Особым Совещанием при НКВД СССР и его решением я был осужден к 8 годам лишения свободы. Срок наказания отбыл в Красноярском лагере. После освобождения на местожительство направили в Илийский район, где без выездно проживаю по настоящее время.

До ареста меня в 1938 году село Рыбинка относилось в административном делении Свердловской области. В последствии это село было отнесено к Молотовской области. При освобождении из лагеря в июле 1946 года в справке об освобождении было указано прежняя область – Свердловская. Об этих изменениях мне стало известно по прибытию к избранному месту жительства в село Талгар Илийского района Алма-Атинской области. При получении паспорта я заявил об изменении в административном делении моего рождения в силу нового административного деления – Молотовская область.

В настоящее время имею жену и ее сына, но должен оговориться, что с нею состоял в фактическом браке, юридически же брака не оформлял.

Никто из моих родственников репрессиям органами Советской власти не подвергался. В ВКП(б) состоял с мая 1919 года по июнь 1938 года. Я был исключен из ВКП(б) в связи с арестом и привлечением меня к уголовной ответственности.

За участие в правотроцкисткой организации Особым Совещанием при НКВД СССР 26 октября 1940 года я был осужден на 8 лет лишения свободы в ИТЛ. Отбыл срок наказания 25 июля 1946 года.

Я признавал себя виновным в том, что я работая первым заместителем наркома земледелия Казахской ССР в своей работе допускал ошибки, в результате которых были убытки в финансовом снабжении МТС и колхозов.

Из-за давности времени конкретных фактов моих ошибок в работе припомнить не могу. Я не признавал себя виновным в части моего участия в антисоветской правотроцкисткой организации, действовавшей в Казахстане. Я также отрицал, что я допуская ошибки в работе занимался вредительством в области сельского хозяйства республики.

Срок наказания я отбывал только в Красноярском лагере. В вышеупомянутом лагере я содержался с декабря 1940 года по июль 1946 года. Я все время содержался под стражей и как арестованные на общих основаниях.

Первоначально я работал в качестве бригадира в бригаде по заготовке топлива для зоны лагеря после чего работал бригадиром полеводческой бригады. Впоследствии с должности бригадира полеводческой бригады, как не справившийся с работой был снят и использовался в зоне лагеря на общих работах.

После отбытия срока наказания, ввиду ограничения в паспорте, я не мог остаться жить в городе Алма-Ате и выехал на жительство в село Талгар Илийского района Алма-Атинской области. В Талгаре в последнее время я работал руководителем плановой группы артели «Объединение».

Архив ДКНБ РК по г.Алматы
Ф.6. Д.04140. Т.8. ЛЛ.10-19. Подлинник.

Народному комиссару
внутренних дел СССР гр. Берия
Заключенного, содержащегося в
следственной тюрьме
НКВД Казахской ССР
Панкратова Николая Степановича

ЖАЛОБА

Будучи совершенно невиновным в возведенных на меня обвинениях по ст. 58, пп. 7,11 УК РСФСР, я вот уже скоро два с половиной года нахожусь в заключении. Мои жалобы местному прокурору, Секретарю ЦК КП(б) Казахстана Скворцову, Главному военному прокурору, Наркому НКВД КазССР – никаких положительных результатов не дали. За это время дело было лишь в Военной Коллегии и Алма-Атинском областном суде в общей сложности до двух месяцев, а остальное время все следствие велось НКВД КазССР. Следствие началось 10/YII-1938 года с нарушением самых элементарных законных норм с применением мер физического воздействия и других способов вымогательства и застращивания; против всего этого я не устоял и вынужден был встать на путь самооговора. 14/YII-1938 г. я был вызван бывшим наркомом НКВД КазССР Реденсом. У него оказался в кабинете Секретарь ЦК КП(б) К Скворцов. В присуствии его я заявил, что следствие ведется с применением мер физического воздействия, однако эта моя жалоба ни к чему лучшему не привела, а наоборот 15/YII меня снова вызвал Реденс в присуствии начальника отдела Кузнецова заявил: «Следствие тебе не обязано верить, следствие обязано вытянуть из тебя все жилы, а добиться дознания». Алма-Атинский облсуд 1925-1926 гг., рассмотрев ходатайство и отметив, что следствие проведено с нарушением ст.ст. 111 и 136 УПК, вернул дело на переследствие, указав в определении на необходимость создания экспертизы для проверки работы каждого обвиняемого за время работы их в Казахском Наркомземе, передопроса обвиняемых по делу и дачи очных ставок и приложения к делу документов, оправдывающих обвиняемых. Однако это определение суда далеко не выполнено. Во-первых, эксперт Гущин дал материалы

явно тенденциозно, нарушив не только решение суда, но и игнорировал указание следствия, а именно: 1) вместо проверки работы каждого обвиняемого им сделана обезличенная проверка состояния финансирования МТС со стороны Казнаркомзема за годы 1936 и 1937 гг.; (я работал заместителем наркома в Казнаркомземе с1/I-1937 г. по 1/IY-1938 г., а с 1/IY-1938 г. по 4/YII-1938 г. – начальником Зернового управления); на мой протест на очной ставке с Гущиным на нарушение определения суда, следователь записал в протоколе, как ответ Гущина, что им проверка проведена вне зависимости к кому будет отнесено в обвинение; 2) в протоколе следствия от 10/III-1940 г. в качестве программы экспертизы дано указание о проверке не только перерасхода средств МТС на транспортные работы в 1937 году, но также установить причины перерасходов; это указание следствия экспертиза совершенно игнорировала, написав в акте голые факты перерасходов, взятых из годового отчета МТС за 1937 год. В результате эксперт Гущин в силу указанных нарушений пришел к совершенно ложному умозаключению приписав мне как вредительство факты, являющиеся в действительности последствием вредительства, проведенного или до моей работы в Казнаркомземе, или со стороны врагов народа, орудовавших в Союзном Наркомземе. В своих объяснениях по делу и материалам экспертизы, я дал исчерпывающий ответ по этому вопросу. Здесь в качестве примера, я сошлюсь лишь на несколько основных и не опровержимых фактов. Всем известно, что в 1937 году нормы отпуска средств на ремонт тракторов были вредительски занижены со стороны врагов, орудовавших в Союзном Наркомземе. Это было признано Эйхе на совещании земельных органов в феврале 1938 г., это записано в протоколе Союзного Наркомзема по моему докладу о работе МТС за 1937 год от 5/Y-1938 г. Однако экспертиза прошла мимо этих фактов. Так же является неопровержимым фактом, что враги, окопавшиеся в Союзном Наркомземе в купе с разоблаченными врагами в Казнаркомземе начиная, примерно, с массовой организации МТС систематически создавали вредительский разрыв между ростом тракторного и машинного парка и его ремонтной базой с одной стороны и с другой – разрыв в локализации сети

МТС и мастерскими. Так, например, за 1935, 1936 и 1937 годы тракторный парк вырос по Казахстану на 68 %, в это же время мастерских пущено в эксплуатацию ничтожное количество, причем сеть МТС организовалась главным образом в глубинке, а ремонтная база локализировалась в основном по линиям железных дорог.

Кроме тракторов и прицепов за это же время завезен в Казахстан почти весь действующий в 1937 г. парк автомобилей и комбайнов. Оборудование в основном завозилось III и IYклассов точности, а тогда как требовалось 1 и 2 классов точности. В результате ремонтная база к 1937 году совершенно не соответствовала бурному росту машинно-тракторного парка, а глубинные МТС оказались от ремонтной базы оторванными. Строительство небольшого количества мастерских, утвержденных Союзным Наркомземом на 1936 и 1937 гг., также срывалось из-за неотпуска необходимого количества фондируемых строительных материалов, снабжение которыми также зависело от Союзного Наркомзема. Планирование ремонта Союзный Наркомзем делал главным образом только осенне-зимние месяцы (на практике октябрь-февраль), что еще больше усугубляло положение, так как на коротком промежутке времени концентрировалась вся капитальная работа по ремонту за год и генеральное приведение машинно-тракторного парка в рабочее состояние. Все это вместе взятое в сочетании с перебойным снабжением запчастями – создавало положение, при котором машины ремонтировались на открытом воздухе, так как мастерских помещений не хватало, запчасти реставрировались наспех, нарушались из-за необорудованности технические нормы допусков и в результате, несмотря на систематический контроль и повсеместно организованный прием из ремонта – машины все же оказывались отремонтированными далеко невысококачественно, что неизбежно вызывало во время работы дополнительные сверхплановые затраты на ремонт, большие простои и, как следствие этих простоев – невыполнение плана тракторных работ. Это явление было и в 1936 году и в 1939 году, когда я не работал в НКЗ. Однако экспертиза прошла мимо этих фактов. Больше того эксперт Гущин дал два документа явно порочных, один из них он сам при-

знал неправильным в силу ошибки допущенной им в подчете плановой стоимости одного га условной похоты в 1937 году в сравнении со стоимостью в 1939 году. Другой документ собственноручно написанная им же справка о том, что на холостые переезды в 1937 году затрачено фактически 7 млн. Руб. и в 1939 году 5 млн. Руб. (цифры округлены). Для того, чтобы получить большую сумму расхода на холостые переезды в 1937 году против 1939 года, эксперт Гущин просто прибавил к фактическим расходам на холостые переезды в 1937 году 2 млн рублей отпущенных по линии Сельскохозяйственного банка на доставку машин децентрализованного завоза.

Наряду с этими не доставил следствию неоднократно мною просимый документ о состоянии ремонтной базы на 1/I-1937 г. Я не знаю, приобщили ли этот документ после ознакомления с делом, но при ознакомлении его еще не было. Между тем это один из важнейших документов, оправдывающих меня.

В соответствии с определением суда следствие сделало передопрос только по обвинению по ст. 58-7, но не производило передопроса по ст. 58, п. 11, а также отказало в очных ставках с моими обличителями по мотивам, что они отказались от своих показаний. Действительные мотивы заключаются в том, что следствие не желало иметь в деле оправдывающие меня показания. По этим же соображениям отказано в моем ходатайстве о передопросе некоторых свидетелей и производстве допросов дополнительных свидетелей, на которых я ссылался в своих объяснениях по материалам экспертизы при ознакомлении с делом. К делу приложен акт передачи дел бывшим наркомом Кужановым, вновь назначенному Бектасову. Я не могу согласиться с тем, что бы этот документ мог быть в качестве обвинения против меня, ибо за работу Кужанова я ни как не ответственнен. Кроме того в этом документе имеются явно ошибочные утверждения. Так, например, там утверждается, что капитальные затраты в 1938 г. колхозов запланированы явно преувеличенными. С этой целью делается сопоставление затрат с наличием средств колхозов на счетах в Сельскохозяйственном банке на 1/I-1938 г. Составители акта забыли, что к остаткам средств на 1/I-1938 г. надо еще прибавить отчисления в неделимый фонд от доходов

за 1937 год, ибо эти отчисления производятся после окончания распределения доходов, а последние могут быть сделаны за 1937 г. только после 1/I-1938 г.; доходы от реализации основных средств производства в 1938 г.; доходы от реализации скота с целью замены непородного скота – породным и т.д.; доходы за 1938 г. и только после этого возможно сопоставление. По всем материалам дела я дал следствию полные и ясные объяснения со ссылкой на конкретные факты и свидетелей. Следствию стоило только проверить изложенные в моих объяснениях факты, ему было бы совершенно ясна моя невиновность и оно должно было бы меня освободить. Но следствие этого не сделало, оно перестраховалось и дело направило 1/X-1940 г. к Вам, в Особое Совещание.

Тов. Берия! Поверьте, я не враг Партии и Советской власти и никогда врагом не был. Никогда, нигде, ни в какой контрреволюционной организации не состоял. Наоборот, я честно работал и все свои силы отдавал делу партии и строительства социализма, а меня причислили к право-троцкистким отщепенцам, к тем, кого я считал и считаю самыми злейшими врагами партии. По своему социальному происхождению я также не чужд. Вырос в семье своего дяди и в крайней нужде. Отец тоже был бедняком. Он умер, когда мне было полтора года. Едва вышел из детского возраста. Как уже вместе с семьей дяди начал работать у кулаков за ссуженный ими хлеб. На 17 году уехал учиться в г. Советск, успешно выдержал экзамен в Учительской семинарии и был принят на казенный кош (стипендию). После окончания Учительской семинарии был взят в 1916 г. в старую армию. Был рядовым до сентября 1917 г. 33-го Сибирского стрелкового полка. В сентябре 1917 г. был послан в Одесское Военное училище. Пробыл в нем до 15/XI-1917 г. и в порядке самодемобилизации уехал в г. Советск (на родину и местожительство жены). Здесь поступил в работу учителем. В 1918 г. переехал учителем к себе на родину в Кунгурский район при наступлении Колчака эвакуировался в Арск, затем добровольцем ушел в Красную Армию, в мае 1919 г. вступил в партию. В течении 19 лет пребывания в партии работал на ответственной партийной и советской работе, глав-

ным образом на Урале. В 1935 году, с августа месяца, с Урала КПК был переведен на работу в Казахстан в качестве ответственного контролера в аппарате Уполномоченного КПК. 1936 год работал с П.Г. Москатовым в качестве его помощника. По его же рекомендации я был направлен на работу в Казахский Наркомзем заместителем наркома. Я прошу Вас спросить у Москатова (ВЦСПС) как я работал – я уверен, что кроме положительного отзыва, он ничего дать не может. Меня причисляют к «Мирзояновской артели». Никогда хвостом Мирзояна не был. Ни в каких контрреволюционных связях с ним не был, также как не был в подобных связях и другими лицами (Киселев, Варов, Спиров, Николаев и др.).

Я прошу Вас, тов. Берия, реабилитировать меня, как совершенно ни в чем невиновного, и дать мне возможность встать равноправным в ряды трудящихся Великого Советского Союза.

К сему: (*Панкратов*)

26/X-1940 г.

Архив ДКНБ РК по г. Алматы
Ф.6. Д.04140. (наблюдательное дело),
листы непронумерованы.
Подлинник.

ПРИХОДИВНЫЙ ЕФИМ АФАНАСЬЕВИЧ

Справка: *– арестован 13 сентября 1935 года органами ОГПУ Украинской ССР. 7 апреля 1936 года Специальной коллегией Одесского областного суда осужден по ст. 58 п.10 ч.1 УК РСФСР на 6 лет в ИТЛ. Освобожден 13 июля 1942 года.*
Вторично арестован 30 июля 1945 года УНКВД Алма-Атинской области. Судебной коллегией по уголовным делам Алма-Атинского областного суда от 27 ноября 1945 года осужден по ст.58 п.10 ч.2 УК РСФСР к 10 годам лишения свободы с последующим поражением в правах на 5 лет, с конфискацией лично принадлежащего ему имущества.
Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Казахской ССР от 18 декабря 1945 года приговор Судебной коллегии по уголовным делам Алма-Атинского областного суда от 27 ноября 1945 года оставлен в силе, а кассационная жалоба осужденного – без удовлетворения.
Постановлением № 11/1кр-2077 Президиума Верховного суда КазССР от 13 июля 1990 г. приговор Судебной коллегии по уголовным делам Алма-Атинского областного суда от 27 ноября 1945 года и определение судебной Коллегии по уголовным делам Верховного суда Казахской ССР от 18 декабря 1945 года в отношении Приходивного Ефима Афанасьевича отменены и дело производством прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления.

АВТОБИОГРАФИЯ

Родился в 1895 году в г. Николаев, Украинской ССР в семье рабочего-кузнеца. Отец работал в частных кузнецах по найму, мать работала грузчицей на пристани. В 1903 году мой отец умер и я остался на иждивении матери. В 1903 году я начал учиться в начальной школе, которую закончил в 1906 году.

После окончания начальной школы я поступил в высшее начальное училище и закончил его в 1911 году. В 1912 году я поступил на учебу на педагогические курсы, каковые закончил в 1914 году. По окончании педагогических курсов я в течение трех лет учительствовал в с. Новосоленое Днепропетровской области, т.е. с 1915 по 1917 год. В 1917 году я переехал в Крым, Керчинский район, с. Чигенрчи, где я про-

работал в качестве заведующего земской школы и одновременно учился по 1919 год.

В 1919 году Керчинская земская управа направила меня учительствовать в село Митрофановку, Феодосийского уезда, где я проработал в качестве учителя начальной школы один год, т.е. по 1920 год. В 1920 году поступил учиться в Феодосийский учительский институт в г. Феодосия. Проучившись в этом институте один год, в 1921 году осенью, по просьбе матери, с Феодосийского учительского института я перевелся в Николаевский учительский институт, находившийся в г. Николаеве, который и заканчиваю в 1923 году.

По окончании учительского института, как отлично закончивший институт, я был оставлен при институте в качестве сверхштатного преподавателя, где на протяжении одного года, т.е. с 1923 по 1924 год читал лекции по педологии. В 1924 году осенью упомянутый институт направил меня в Харьковский медицинский институт на кафедру по психологии, которую закончил в 1929 году. После окончания кафедры по психологии возвратился обратно в г. Николаев, где по 1931 год работал заведующим вспомогательной школы (школа для умственно отсталых детей).

С осени 1931 года заведывал начальной школой детского городка им. Петровского и одновременно работал в качестве психолога в школе ФЗУ при заводе Андре-Марти. С осени 1933 года до весны 1935 года работал счетоводом при центральном украинском книжном магазине. С весны 1935 года по сентябрь 1935 года работал счетоводом на парфюмерной фабрике «Астра».

Работая на указанной фабрике, 13 сентября 1935 года я был арестован местным Николаевским ОГПУ и 7 апреля 1936 года Специальной коллегией Областного суда бывшей в то время Одесской области был осужден по ст. 54-10 УК УССР на 6 лет ИТЛ и для отбывания срока наказания направлен в Карагандинский лагерь НКВД.

В 1938 году из Карагандинского лагеря НКВД я был направлен для дальнейшего отбывания срока наказания в Дальневосточный лагерь НКВД, откуда был освобожден 13 июля 1942 года. Ввиду того, что Николаевская область была оккупирована немецкими оккупантами, я пожелал выехать в Алма-Атинскую область, куда и прибыл в последних числах июля 1942 года, т.е. в с. Каскелен Каскеленского района.

По прибытии в с. Каскелен первое время весь август месяц я работал в районном Промышленном комбинате в качестве чернорабочего. С сентября месяца 1942 года по декабрь 1942 года работал бригадиром по заготовке курая в Каскеленском сельпо, после чего до лета 1943 года сторожил при сельпо. С лета 1943 года до зимы 1943 года сторожил в Казахской средней школе. С зимы 1943 года до апреля 1944 года сторожил на Каскеленской гидроэлектростанции. С апреля по июнь 1944 года работал счетоводом в Каскеленском плодоовоще, откуда был уволен по сокращению штатов. После этого я начал страдать болезнью – артериосклероз сердца и мозговых сосудов, а потому в госучреждениях уже не работал. Официально имею инвалидность II группы.

Так как я собирался выехать к себе на родину в г. Николаев, то последнее время перед арестом я никуда работать не устраивался. Существовал я на средства, полученные от родных из гор. Николаев в сумме 2-х тысяч рублей и полученные 2300 рублей от гр-ки Пичугиной Валентины Нестеровны за охрану ее огорода.

Архив ДКНБ РК по г. Алматы.
Ф.6.Д.011370.Л.9–9 об.

В Верховный Суд КазССР
от арестованного Приходивного Е.А.
педагога с высшим образованием и
научным работником по психологии,
осужденного 27/XI-1945 г. Алма-Атинским
областным судом по ст. 58 п.10 ч.II к
10 годам лишения свободы и к 5 годам п/п.
(1895 года рождения), находящегося ныне
под стражей в тюрьме НКГБ г. Алма-Ата.

КАССАЦИОННАЯ ЖАЛОБА

27/XI-1945 года Алма-Атинским областным судом я был приговорен по ст. 58-10. ч.II к вышеуказанному сроку наказания. С приговором суда я не согласен по следующим серьезным причинам:

1) судьи отказали моему государственному защитнику Га-

ляутдинову и мне в просьбе затребовать от следственнной части протокол дознания свидетеля Гайдар Н.П. (мужа свидетеля Еременко) с целью зачитать его на судебном разбирательстве, что могло много ценного дать в отношении объективного выявления истины по моему судебному делу;

2) судьи также отказали моему защитнику и мне дополнительно допросить свидетеля Губарева Ф.И., Конусову М.И. и Пинкусевича К.М. с целью удостовериться, действительно ли я в июне месяце 1945 года показывал им советский журнал «Огонек» со статьей и иллюстрациями о зверствах немецких фашистов в оккупированных странах и при этом действительно ли я высказывал свое негодование и возмущение по этому поводу, характеризуя их как хищных зверей;

3) судьи очень, к моему крайнему удивлению поспешно рассмотрели мое дело, а между тем дело мое по своей общей ситуации сложное и серьезное и в силу этого, для того чтобы объективно выявить истину, надо было судьям уделить на расследование несколько больше времени и внимания (ведь здесь решается судьба человека: жить ли ему нормально, или же погибать);

4) прокурор Мадаувов, обвиняя меня в своей судебной речи был крайне временами односторонен и заметно было, что он хорошо не ознакомился с сущностью моего судебного дела. Иногда он голословно приводил такие факты, которые не могут быть подтверждены из моего следственного материала.

А между тем, несмотря на указанные допущенные неправильности, судьи вынесли мне очень суровый приговор, равносильный смертной казни, т.к. я по своему настоящему состоянию здоровья являюсь официально (имеются справки от врачей Контрольной комиссии и от Военкомата в моем деле) инвалидом II группы по болезни артерисклероза мозга и сердца, сильного расширения ножных вен и раздробление бедреной кости (эту память оставили деникинский карательный отряд, который в мае месяце 1919 года в Крыму в бытность мою сельским учителем, зверски избили меня за агитацию «большевизма» среди бедных крестьян). Так что при вышеупомянутых болезнях 10-ти летнее заключение в лагерях НКВД я не вынесу и принужден буду там погибунть.

Со стороны следственной части также были допущены по

отношению ко мне неправильные, незаконные действия, а именно: 1) протокол дознания свидетеля Гайдар Н.П. (мужа Еременко) не был приобщен к моему следственному делу, а между тем он очень является ценным материалом, т.к. сильно обличает ложные показания свидетеля Еременко, которая одна только из числа всех опрошенных свидетелей по моему делу, характеризует меня как заклятого врага советской власти, чего в действительности никогда не было такого отношения с моей стороны.

Я утверждаю, что свидетель Еременко в данном случае мстит мне за то, что я посоветывал ее мужу Гайдар Н.П. развестись с ней по причине ее тяжелого и жестокого характера. Супруги часто из-за пустяков серьезно при мне ссорились и это очень отрицательно отражлось на их четырех детей (от 5 до 12 лет по возрасту), кроме того, Гайдар Н.П. однажды во время ссоры с женой чуть было не убил ее, об этом Еременко и мать ее мне рассказывали. Я пробовал их примирить, но ничего хорошего их этого не вышло.

Тогда я, желая спасти четырех детей от вредного влияния с точки зрения воспитательной (будучи сам педагогом и отцом двух детей), посоветовал Гайдар Н.П. развестись с Еременко, взявши себе двух детей. Жене оставить тоже двух при этом, я просил его, чтобы он об этом совете моем не говорил жене своей, т.к. зная со слов Гайдар, что жена его очень по природе мстительная и жестокая (о последнем я сам неоднократно убеждался). Гайдар дал мне слово, что об этом моем совете он не расскажет жене, но слова этого он не сдержал и невольно во время очередной ссоры с женой рассказал ей о моем совете. С того времени Еременко стала враждебно и холодно относиться ко мне, прикрывая это чувство ширмой официальной вежливости и воспитанности.

Когда я увидал и узнал о причине такого отношения ко мне со стороны Еременко, я перестал к ним в дом ходить, но Гайдар уговорил меня вскоре, чтобы я посещал его дом, т.к. мой приход облегчал его душевно в силу его тяжелой семейной жизни, и я снова стал ходить в дом Гайдар. После отъезда Гайдар в РККА (в мае месяце 1945 года) я раз 10-15 приходил к Еременко за овощами, т.к. весной вскопали Гайдар землю под огород по очень дешевой цене, за что он и обе-

щал мне при созревании овощей бесплатно давать их некоторое количество для моего питания. Я в это время болел и материально нуждался, приходилось в силу тяжелой необходимости встречаться со свидетелем Еременко, зная ее враждебное отношение ко мне.

Обо всем этом я просил следователя Лозицкого записать в протокол с той целью, чтобы доказать, что Еременко имеет в данном случае со мной личные счеты и мстит мне давая ложные показания следственной части. Но следственная часть со мной в данном случае не согласилась и заставила все же подписать протокол от 25/X-1945 г., в котором говорится, что личных счетов у меня с Еременко не имеется.

2) Следственная часть неправильно поступила, что ценные протоколы дознания моих бывших квартирохозяек Маслацовой А.М. и Конусовой М.И. к моему следственному делу не приобщили; также в делах отсутствует протокол дознания Журавлева В.И., у которого я брал книги для чтения и с которыми я много беседовал на политические темы.

3) С момента моего ареста (30/III с.г.) и до 25/Y с.г. мое дело вел молодой и в силу этого неопытный на практике гр-н. Тютюников, которому я иногда заявлял, что плохо себя чучстчую, но он не обращал внимания на мое состояние здоровья и спешил производить следствие, причем очень временами неудачно редактировал мои мысли. Так что однажды от 25/YII-1945 г. я, находясь в болезненном состоянии, подписал протокол, где было почему то следователем Тютюниковым средактировано, что я проводил профашистскую агитацию среди населения (чего в действительности никогда не было). И только 27/IX-1945 г. вновь назначенный ко мне старший следователь Лозицкий с удивлением в протоколе данного дня выправил умело эту грубую ошибку.

4) Обвинительное заключение средактировано следственной частью местами очень неверно, неправильно согласно моих же протокольных показаний; так например, я только частично признаю свою вину по моему делу (о чем ниже я подробно скажу), а в обвинительном заключении напечатано, что я полностью признаю все предъявленные мне обвинения; далее я начиная с марта месяца 1945 года и до дня своего ареста (30/III-1945 г.) обменялся мнением по вопросу войны

только с восьмю человеками (с точки зрения так называемого чистого учения Иисуса Христа).

И этот обмен мнениями производился мной не с целью агитации и пропаганды, а с целью выявления своих единомышленников по религиозному мировоззрению с той целью, что когда я уеду на Украину в г. Николаев и Советское Правительство официально разрешит с земельным наделом существовать коммунам, так называемым «Апостольские братства», тогда этих выявленных своих единомышленников по религии я выпишу, попрошу их приехать в означенные «коммуны». А в обвинительном заключении написано, что я проповедывал среди населения идеи «чистого учения Иисуса Христа» по вопросу войны в антисоветском духе с целью ослабить в период Отечечственной войны обороноспособность СССР перед наступающими на нашу Родину врагами немцами фашистами. И наконец, в обвинительном заключении напечатано, что я являюсь человеком враждебно настроенным по отношению к советской власти, а между тем таковым я никогда не был и по данному судебному моему процессу только одна свидетель Еременко ложно из чувства мести характеризует меня врагом советской власти, остальные свидетели это не подтверждают в своих показаниях.

В октябре месяце с.г. перед окончанием моего следствия я по предложению мне следственной частью написал на 6 листах «Правда о моей жизни и отношение мое к советской власти (в мыслях, делах и в беседах с людьми). Кроме того старший следователь Лозицкий кратко, но по существу все отразил в протоколах мое религиозное мировоззрение, из которого между прочим ясно видно, что последователями так называемого «чистого учения Иисуса Христа в жизни далеко не все являются верующими христиане, для этого надо с точки зрения религиозной мистической иметь от Бога особый дар врожденный «высшего духовного разумения и познания Истины».

Вот такие люди ни при каких обстоятельствах не проливают человеческой крови и они оказывают всем людям одно лишь добро. Таких людей верующих очень мало пока, но по окончании классовой борьбы и торжества коммунизма на нашей планете эта категория людей быстро увеличится, тогда и

наконец настанет время когда эту высшую мораль воспримет на практике в жизни все человечество! Если этого врожденного от Бога «высшего дара разумения Истины» не имеется, то искусственно привить такому человеку путем пропаганды и агитации этого «дара» невозможно. В своих «тезисах к реформе церковного богослужения» мною допущена там описка вместо «завербовать» надо правильно сказать «выявить» таких людей с этим «высшим даром». «Тезисы» мои и «Догматы» написаны мною в черновиках и я описку эту конечно исправил, когда писал бы их начисто. Об этой описке я говорил старшему следователю Лозицкому.

Во время пересмотра моего судебного дела убедительно прошу членов Верховного Суда подробно хорошо ознакомиться со следственными материалами: 1) «Правда о моей жизни»; 2) мое религиозное мировоззрение; 3) догматы так называемого «Апостольского Братства»; 4) тезисы к реформе церковного богослужения; 5) протокол дознания свидетеля Гайдар Н.П. (мужа Еременко); 6) мои аргументы о причине личных счетов со мной со стороны свидетеля Еременко; 7) протоколы дознания всех свидетелей по моему делу.

По первой судимости 1935 года по ст. 58-10. ч.1 я признал свою вину в том, что организовал конспиративный христианский мистический кружок из 6 человек и мы путем докладов и собеседований стремились как можно больше расширить свое религиозное мировоззрение. Иногда в состоянии опьянения я высказывал там свое недовольство на советскую власть по поводу отсутствия в СССР широкой свободы для последователей так называемого «чистого учения Иисуса Христа». В остальном я был согласен с мероприятиями советской власти, теперь же я по второй судимости виноват перед советской властью за то, что с марта месяца 1945 года и по день ареста. Я с восьмью религиозными людьми обменялся мнениями по вопросу войны с точки зрения «чистого учения Иисуса Христа» с целью найти своих единомышленников – и только с пятью (священником Архангельским, протоиереем Овсяновским, пресвитрами Черватюк и Гусеевым, Конусовой и Гайдар беседовал весной с.г., а с Домашевской и ее квартиранткой Надей после Отечественной войны в июне месяце с.г. обменялся мнениями по данному вопросу. Вот в этом заключается все

мое преступление, которое я только в заключении осознал после беседы мной работником НКВД.

До своего ареста я думал, что такой обмен мнениями по вопросу войны не содержит в себе ничего преступного и не является антисоветской агитацией при существовании в СССР свободы разных религиозных организации, тем более в это время наша Красная Армия добивала немцев фашистов на их же земле, в Германии. Но мне работники НКВД доказали, что с точки зрения Сталинской Конституции все же такая беседа является преступной и карается советским законом. Следовательно, мое преступление при первой судимости и преступление второй судимости не тождественны, а разные. Вся литература отобранная при моем аресте вполне легальная и не содержит ничего антисоветского, несмотря на то, что рукописи мои и книга Евангелие по содержанию религиозны. «Тезисы» мои и «Догматы» написанные по религиозному вопросу я думал отправлять в Москву легально для их реализации. В этом также не содержится ничего преступного с моей стороны.

Поэтому в силу всего вышеизложенного убедительно прошу членов Верховного Суда КазССР по возможности поскорее пересмотреть мое судебное дело и объективно выявить истину в нем.

И я надеюсь, что Вы проявите милосердие ко мне и освободите меня из под стражи и этим дадите мне возможность начать новую, плодотворную жизнь на благо моей Родины.

Е. Приходивный

29/XI-1945 г.

Архив ДКНБ РК по г. Алматы
Ф.6. Д.011370. Л.123–131.Подлинник.

СКАКОВСКИЙ НИКОЛАЙ КОНСТАНТИНОВИЧ

***Справка**: – арестован 24 марта 1937 года и осужден Особым Совещанием НКВД СССР за контрреволюционную деятельность к 5 годам в ИТЛ.*
Контрреволюционная деятельность Скаковского Н.К. не подтверждена, а предъявленное обвинение было основано только на показаниях, составленных под давлением следствия.
Решение Особого Совещания НКВД СССР от 5 августа 1938 года отменено Особым Совещанием НКВД СССР 23 декабря 1939 года за отсутствием состава преступления.

Наркому внутренних дел Союза ССР
тов. Берия Прокурору Союза ССР
тов. Вышинскому
от осужденного постановлением
Особого Совещания при НКВД СССР
и заключенного Алма-Атинской
городской тюрьмы инженера и
профессорагеолого-разведывательного
дела Скаковского Николая
Константиновича

ЖАЛОБА

24 марта 1937 года я был арестован НКВД Казахской ССР. В начале в течении почти двух месяцев следствие требовало от меня сознания в преступлениях, якобы совершенных мною, не указывая конкретно в каких именно. И только 19 мая 1937 г. мне было предъявлено конкретное обвинение по ст. 58 п.п. 11, 10 и 8, т.е. в том, что, первое, я якобы состоял в троцкистской контрреволюционной организации; второе, я якобы вел антисоветскую агитацию, а именно: будто бы я ругал Мирзояна и третье, я якобы подготовил террористический акт против Мирзояна. Еще через месяц, т.е. 15 июня мне предъявили новое обвинение по ст. 58 п.п. 11 и 8, заявив, что п. 10 отпадает. Несмотря на все методы, примененные следствием во время допросов меня, я, будучи абсолютно ни в чем не виновным перед советской властью, кате-

горически отверг (см. протоколы допросов меня) и опроверг (см. мои объяснения, данные следствию от февраля 1938 г.) предъявленные мне обвинения (выше указанные), составленные следствием на основании одного только показания некого Плещева, работавшего у меня нормировщиком и вскоре уволенного за хулиганство, пьянство и лодырничество. Это показание Плещева, данное им в Челябинском НКВД, следствие мне предъявило только 1 октября 1937 г., т.е. более чем через шесть месяцев после моего ареста (когда заканчивая следствие меня ознакомили с некоторыми материалами моего дела). Впоследствии, в апреле месяце с.г. и это обвинение меня по ст. 58 пп. 11 и 8 целиком я полностью отняло. Все это я особенно последнее говорит за то, что арест меня, произведенный на основании одного только ложного показания был сделан абсолютно необоснованно и незаконно и предварительная проверка этого ложного показания не было сделано, как это надлежит. Когда следствие убедилось в том, что несмотря на все методы допроса, я ложных показаний никогда несовершенных мною преступлениях давать не буду, и когда следствию стало ясно полнейшая моя невиновность в преступлениях предъявленных мне обвинением (см. выше) тогда следствие пошло иным путем, а именно. Следствие получило в конце сентября 1937 г. от арестованного к тому времени инженера-геолога Прибалхашстроя Пухова абсолютно ложные и вымышленные им показания, будто бы он Пухов, завербовал меня в Балхашскую контрреволюционную организацию, и будто бы я дал ему, Пухову, (как он указывает «охотно») согласие вредить при проведении мною геологоразведывательных работ на редкие металлы близ Прибалхашстроя.

Я был руководителем этих работ, ни в каких служебных взаимоотношениях с Пуховым не состоял. Это от начала до конца вымышленное Пуховым показание, я целиком и полностью отверг и опроверг в протоколах моего допроса, в очной ставке с Пуховым (имевшим со мной служебного порядка счеты - зависть к хорошему ходу работы у меня и к получаемым результатам, к чему Пухов хотел иметь, но не имел ни какого отношения (и в объяснениях данных мною следствию в письменной форме от 1-4 февраля с.г. Но на основа-

нии этого показания Пухова мне 1 октября 1937 г. предъявлено обвинение по ст. 58 п. 7 (вредительство) с изменением содержания п. 11 и с сохранением п. 8. Для того, чтобы подтвердить обвинение меня по п. 7 в начале декабря была назначена экспертная комиссия, которая пришла к заключению, что вредительство с моей стороны при проведении геологоразведывательных работ на редкие металлы близ Прибалхашстроя действительно якобы имело место. Подробное объяснение в ответ на заключение экспертной комиссии дано мною следствию в письменной форме 1 февраля 1937 г., где я целиком и полностью опроверг по каждому пункту в отдельности заключение экспертной комиссии.

Экспертная комиссия была составлена не из специалистов по разведке редких металлов, ни один специалист по этой сложной отрасли знания в комиссию не вошел. Экспертная комиссия совершенно не располагала, как она сама указывает в акте, никакими материалами уже произведенных геолого-разведочных работ. В своем протоколе Экспертная комиссия обнаружила абсолютное незнакомство с вопросами по редким металлам. Вскоре отдельные члены Экспертной комиссии были арестованы, как враги народа - вредители, диверсанты и прочие. При таком положении заключение Экспертной комиссии, конечно, не имеет никакого значения, тем более, что я абсолютно не привлекался к работе комиссии, меня абсолютно ни о чем не спрашивали и от самой комиссии я узнал только спустя 2 месяца после дачи ею заключения. Последнее обстоятельство есть прямое и умышленное нарушение приказа Прокурора СССР Вышинского от июля с.г. о том, чтобы обвиняемый привлекался к работам Экспертной комиссии. Этими обстоятельствами и особенно благоприятными результатами разведки (о чем так сказано в моих объяснениях от 1-4 февраля с.г.), а так и тем, что производимые мною геолого-разведочные работы на редкие металлы клались мною в основу подготовляемой мною к защите диссертации на ученую степень доктора геолого-разведочного дела, целиком и полностью опровергается вопрос о вредительстве в какой бы то ни было степени с моей стороны. Два года я упорно работал над разрешением важнейшей для нашей страны проблемы - создание в Центральном Казахстане

сырьевой базы оборонной промышленности Союза, борясь с косностью в этом вопросе и кладя эту работу в основу своей докторской диссертации и это исключает нацело вопрос о возможности вредительства с моей стороны.

7 апреля с.г. мое дело было передано Прокурору по спецделам КазССР по обвинению меня по ст. 58 п. 11 и 7 (п. 8 отпал). Последний, не найдя, очевидно, данных для обвинения меня передал дело (11 апреля с.г.) Военному прокурору, а этот последний, очевидно, по той же причине возвратил снова в НКВД (23 апреля с.г.). Зная полнейшую свою невинность, я надеялся, что на суде будет целиком установлена моя непричастность к каким бы то ни было преступлениям. Но вместо суда мое дело было передано в Особое Совещание, о чем я не был поставлен в известность, и следовательно не мог тогда же написать объяснение жалобу в Особое Совещание. 17 октября с.г. я был вызван для отправки на этап, и здесь, водворен на пять лет. Передача моего дела в Особое Свещание, а не в суд, конечно, лишило меня возможности доказать с полнейшей очевидностью мною абсолютную невиновность в тех преступлениях, которые предъявлены мне обвинением. Я утверждаю, что следствие, не будучи в состоянии доказать мою виновность в предъявляемых мне обвинением (ибо моя невиновность очевидна из выше изложенного) преступлениях только потому передало, мое дело в Особое Совещание, чтобы хотя бы этим путем, путем представления в Особое Совещание ложных материалов и подвергнуть меня осуждению и изоляции от общества. За что. Вся моя жизнь, вся моя работа была направлена на увеличение мощности Советской родины. Ее я, как активный участник гражданской войны, защищал от врагов в 1918-1921 гг. На фронте я четырежды ранен, дважды контужен, после этого пять раз оперирован и возвратился по окончании войны инвалидом. Советская власть не только меня восстановила, насколько это было возможно, физически, но и дала мне образование горного инженера геолого-разведчика, дала мне возможность работать в научной, педагогической, производственной областях. Я честно работал на всякой работе, которая мне поручалась, отдавая работе, которая мне поручалась, отдавая работе все свои силы, все знания, всю энергию. Это все доказывается целым

рядом документов, отобранных у меня при аресте. Я утверждаю, что своей работой я всегда приносил только пользу Советскому государству, не делая никогда ни малейших отступлений от генеральной линии партии и правительства, ни на минуту не сомневаясь в правильности избранного пути. Разве за это надо и можно изолировать честного человека. Конечно, нет. Более того, в результате полученных ран и контузий, перенесенных операций и дальнейшей напряженной работы и, наконец тяжелых условий тюремного режима - я почти полностью подорвал свое здоровье отдав его на благо своей родине. Разве такого человека надо изолировать и направить в лагерь. Конечно, нет.

Я прошу Вас в порядке надзора затребовать мое дело, ознакомиться с ним. Я уверен, что в этом случае Вам будет очевидна моя полнейшая невиновность, и я буду освобожден.

Н. Скаковский

22/XII-1938 г.

Архив ДКНБ РК по г. Алматы
Ф.6. Д.02189. (наблюдательное дело) Л.36-38.
Подлинник..

СУЛТАНБЕКОВ ЖАГЫПАР СУЛТАНБЕКОВИЧ

***Справка:** – арестован 27 декабря 1936 года органами НКВД и осужден 25 февраля 1938 года Военной Коллегией Верховного Суда СССР по ст. 58 пп. 2,7,8,11 УК РСФСР к высшей мере наказания – расстрелу, с конфискацией имущества. Приговор Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 25 февраля 1938 года в отношении Султанбекова Ж.С. отменен Военной Коллегией Верховного Суда СССР от 31 октября 1957 года и дело о нем производством прекращено за отсутствием состава преступления.*

АВТОБИОГРАФИЯ

Родился в 1898 г. в № 6 ауле Аракарагайской волости Кустанайского уезда. Родители были из простых киргиз скотоводов, хлеборобов, состояние их до войны середняцкое, семье жилось без стеснений. С 9 лет был отдан в русско-киргизскую школу в городе Кустанае, которую окончил в 1913 году. В этом же году поступил на Кустанайские 2-х годичные педагогические курсы, которые окончил в 1915 г. По окончании педагогических курсов пытался поступить в учительский институт, но за неимением средств, с одной стороны, и неблагоприятных условий, с другой стороны, поступить не

пришлось. До поступления на педагогические курсы, кроме своих учебных занятий ничем не занимался, что объясняю своею малолетностью, и отчасти отсутствием благоприятных условий для самообразования. Поступив на педагогические курсы я с жадностью бросился на чтение литературы, и за два года перечитал из библиотеки сочинения Лермонтова, Гоголя, Пушкина, Гончарова, Данилевского, Достоевского, Карамзина, Л. Толстого, Тургенева, Шиллера, Шекспира и массу других. Эти чтения думается нистолько дали какой-либо духовной пищи, сколько для развития языка. Кстати, обучение по естествоведению и знакомство с трудами Л. Толстого поколебали во мне религиозный консерватизм.

В 1915 году начал службу в должности учителя аульной школы в пределах Кустанайской губернии. В должности учителя пробыл целых 5 лет, и все эти годы в ауле, оторванный от городской жизни. Кроме того работа по самообразованию прерывалась и этот период является периодом полного застоя в моем умственном развитии.

В ноябре 1920 г. перешел по перевыбору в Аракарагайский волостной исполком, где работал заведующим волостного комитета. В августе месяце 1921 г. был избран в члены Кустанайского райисполкома и занимал должность заведующего районного отдела народного образования. В январе 1922 г. был избран председателем Аракарагайского волисполкома, но там долго работатъ не пришлось, ибо III Губернский съезд Советов в марте месяце меня избрал в губернский исполком, а последний назначил в Коллегию губернского Промотдела в должности заместителя начальника. Но здесь не пришлось вести систематической усидчивой работы, т.к. почти все время до III Губернского съезда Советов провел в командировках по поручениям Губкома и Губисполкома, почему ориентироваться на этой работе не мог. III Губернским съездом вторично был избран в губисполком, которым определен на должность члена Президиума и Секретаря Губернского исполкома. В этой должности работал 14 месяцев. Правда, на первых порах не имея достаточного опыта в советской работе, пришлось понатужиться, и когда только ориентировался в этой работе почувствовал облегчение. Работа в Президиуме научила многому, и эта четырнад-

цатимесячная деятельность дала больше опыта, чем все предыдущие работы в общей сложности.

IY Губернским съездом Советов в третий раз был избран в Губисполком и определен в должность заместителя председателя Губернского исполкома, и заведующего Губернского земуправления. Работу Губернского земуправления считаю одной из важнейших и интереснейших отраслей работы, но еще достаточно не мог ориентироваться имея много других побочных и подчас отрывающих от прямой обязанности поручений. Кроме того, изменившиеся условия в деле снабжения, работу эту до некоторой степени осложняют.

До избрания в Губернский исполком, я был отозван от культурных кругов и партийной жизни. Чтение брошюры, календаря и изредка газет были счастливыми случайностями. Но все-таки участие на съездах Советов и знакомство, хотя отрывочное, с революционной литературой мое умственное развитие сдвинулось с той мертвой точки на которой очутился в годы работ в ауле.

С избранием в Губисполком я окончательно перешел в город и уже имел возможность заняться самообразованием. Прочитал азбуку коммунизма, из Каутского новый путь к власти, Предшественники новейшего социализма, Ленин - Ренегат Каутский, и несколько других революционных произведений. Зима 1923 г. была особенно благоприятным периодом моего самообразования. Вступил в марксистский кружок, где прошел экономическое учение Карла-Маркса по Каутской теорию, исторического материализма по Бухарину. Кроме того самостоятельно прочел первый том «Капитала», политэкономию Богданова, очерки обществоведения Вольфсона, национальный вопрос и пролетариат Сафарова, жизнь и деятельность Карла Маркса и ряд других марксистских книг. Кроме того ознакомился с работами Всероссийских партийных съездов и съездов Советов. Но в настоящее время из-за перегруженности работой, приходится к сожалению мало уделять времени для самообразования. Многое для развития дало участие в работах съездов Советов и чтение центральных газет. Находясь все время на советской работе не могу не интересоваться ею, кроме этого интересует меня и партийная работа, особенно по партийному воспитанию. В октябре месяце

1922 года, когда я уже имел некоторое представление о Коммунистической партии, подал заявление в Губком о принятии меня в члены РКП(б), но заявление мое было возвращено, так как не было пяти поручателей с 5-ти летним стажем. Таковое поручительство пришлось с трудом собирать и был принят кандидатом в члены РКП(б) только 4 сентября 1923 года.

В заключение скажу, что я уделил в настоящей партийной организации места ходу умственного развития, так как меня больше интересует вопрос о пополнении своих познаний. Я считаю себя еще слабым по развитию, почему еще не бросаю мысли о продолжении образования. В этом году пытался получить командировку в вузы, но Губернский исполком не отпустил. Надеюсь, что в следующем году мне будет дана командировка. Имею желание поступить в социально-экономический факультет.

Кандидат в члены партии РКП(б) - Жагфар Султанбеков.

Билет № 173. 1-го января 1924 г.

Архив ДКНБ РК по г. Алматы
Ф.6. Д.05014. Т.6. ЛЛ.33-36. Копия.

Копия
10/X-1929 г.

Проверка члена ВКП(б) Султанбекова Ж.С.

Я уроженец Кустанайского округа. Отец середняк. С малых лет поступил в Кустанайское 2-х классное училище, которое окончил в 1913 году. В том же году поступил на 2-х годичные педагогические курсы, которые окончил в 1915 году. Во время учения я пробыл в интернате. Окончив педагогические курсы я хотел продолжать учиться и подал заявление в Уфимский учительский институт, но разрешения не получил. С 1915 по 1920 г. работал учителем в аульной школе. За это время в политической жизни участия не принимал. Осенью 1920 года я был назначен заведующим отделом народного образования, а в январе 1922 г. председателем волостного исполкома. Но в волостном исполкоме мне долго работать

не пришлось, так как в марте месяце того же года я был избран членом губисполкома и перешел на работу в губернию в качестве члена коллегии губернского Промотдела. Осенью 1928 г. я был избран секретарем ГИК.

Таким образом я втягивался в общественно-политическую жизнь. Зимою 1922-1923 года я прошел марксистский кружок. В том же году мною было подано заявление о вступлении в партию, но оно затянулось оформлением и вступил кандидатом в ВКП(б) в 1923 году, а в 1924 г. был переведен в действительные члены ВКП(б). Осенью 1923 г. я был назначен заведующим Кустанайским губернским земельным управлением и одновременно работал и в качестве председателя губплана. В течение 2-х лет в бытность мою в Кустанае я был председателем губернской совпартшколы, различных курсов и руководителем марксистского кружка повышенного типа.

В 1925 году в марте месяце я перебросился в Петропавловск, где работал также в качестве заведующего Акмолинского губернского земельного управления. В то же время продолжал быть преподавателем губернской совпартшколы, курсов батрачества мугалимов и других.

В марте 1926 года был переброшен в Актюбинскую губернию, где до октября того же года работал в качестве председателя губисполкома. В Петропавловске и Актюбинске я состоял членом Бюро губкома ВКП(б). В октябре 1926 года я уже был отозван в Кызыл-Орду и назначен наркомом земледелия.

Год проработал наркомземом, а потом был переведен на работу по линии сельхозкооперации. Работая наркомземом я имел крупные разногласия с Казкрайкомом ВКП(б) по земельному вопросу. История и сущность разногласий таковы.

Еще когда я работал в губерниях по земельной линии мне приходилось в течении почти трех лет проводить директиву Казахского Правительства о первоочередном землеустройстве казахского населения, о недопущении самовольцев - переселенцев в Казахстан. Осенью 1925 г. эти положения были утверждены и Y Всеказахской партийной конференцией, где был участником и я.

Таким образом, я в таком же направлении был воспитан на практической работе и убежден, что имея такую предва-

рительную подготовку, я будучи назначен наркомом земледелия, начал проводить ту же линию в земельной политике. Но с первых же дней моей работы в Казнаркомземе мне пришлось столкнуться с тенденциями к пересмотру этой политики. Это было в Москве.

Я два раза (в ноябре 1926 г. и в феврале 1927г.) был с докладом в Президиуме ВЦИК и пришлось сталкиваться с Наркоматом земледелия РСФСР, с Федеральным комитетом земледелия и Переселенческим Комитетом. Эти органы давали директивы, расходящиеся с нашей тогдашней установкой по земельному вопросу. Об этих разногласиях с федеральными органами я в специальной докладной записке довел до сведения Казкрайкома. Но по этим вопросам начались тоже разногласия и с Казкрайкомом. Осенью 1927 г. в Казахстан выехала комиссия ВЦИК под председательством тов. Киселева, которая обследовала Акмолинскую, Семипалатинскую и Джетысуйскую губернии. На заседании Бюро Казкрайкома от 3 октября я вступил против предложения тов. Киселева со своими контрпредложениями. Но Бюро Казкрайкома с некоторыми поправками за основу приняло предложение комиссии тов. Киселева. После этого я был снят с должности наркомзема. Постановление Казкрайкома от 3/Х-1927 г. я и тов. Нурманов опротестовали в ЦК ВКП(б). Я собирался выступить против этого постановления Казкрайкома и с защитой своей позиции на 6-й партконференции, но там слово мне представлено не было. После этого я уже окончательно отошел от земельной политики и все время работаю по линии сельскохозяйственной кооперации.

Нужно добавить и о группировках. Я состоял в садвокасовской группе. Эта группа была недовольна руководством Казкрайкома. После 5-й конференции к руководству пришли товарищи Исаев и Курамысов, принадлежащие мендешевской группе. И я считал, что Казкрайком имеет ставку на определенную группу в лице Исаева, Курамысова и других, и следовательно руководство самого Казкрайкома не вышло из группировочного состояния. За последние полтора-два года мне пришлось многое от своих старых позиций пересмотреть, и в настоящее время прихожу к следующему заключению:

По земельному вопросу я выпячивал на первый план межнациональные взаимоотношения, а классовый подход отодвигался на второй план. Это прежде всего высказалось в проведении сплошного межселенного землеустройства. Я бы не сказал, что мною вовсе забывался классовый подход в земельной политике, я был активным участников проведения кампании, был автором докладной записки в ЦК по этому вопросу и добивался в Президиуме ВЦИК санкции на это дело. Еще до этого работая в комиссии тов. Калитина в Семипалатинской губернии, выдвигал вопрос о переделе как о классовом подходе и разрешению земельного вопроса, что и было принято тогда Семипалатинским губкомом. Но это нисколько не умаляет значения той ошибки, которую я делал, выдвигая в землеустройстве, прежде всего межнациональный момент, как перевоочередность. Из такого подхода исходили и другие мои ошибки по вопросам межнациональных взаимоотношений. У меня была ошибка и в деле коренизации, особенно в период разгара в Петропавловске, где мы отстаивали процентный подход по коренизации, следствием чего бывала и коренизация должностей кучеров.

Я считаю ошибочной и свою прошлую позицию по отношению к руководству Казкрайкома. За последние годы я убедился в том, что тов. Исаев и тов. Курамысов отошли от мендешевской группы и стали на здоровый партийный путь.

Отсюда было ошибочно и то мнение, что Казкрайком делает ставку на группу.

Недовольство руководством Казкрайкома меня привело еще к другой ошибке в отношении и троцкистской оппозиции. Еще будучи председателем Актюбинского губернского исполкома я познакомился с оппозиционерами о тов. Тойво. Мы с ним сближались в критике деятельности Казкрайкома и в критике деятельности федеративных органов. Через Тойво мне приходилось знакомиться с кое-какой оппозиционной литературой, но когда обнаруживалось, что троцкисты ведут фракционную работу против партии и скатываются на путь второй партии я отошел от них. Эту мою позицию по отношению к троцкистам разделяли и товарищи Мустамбаев и Садвокасов. Мы отказались подписать оппозиционные документы и никакого участия во фракционной работе не принимали.

Кроме того у меня были серьезные разногласия с тогдашним оппозиционером тов. Featured Рознером по вопросам земельной политики, он стоял на позиции тов. Киселева, членом этой комиссии был еще Богусловский, тоже оппозиционер. За связь с оппозицией меня привлекли к ответственности. Краевая Контрольная комиссия и дала выговор с предупреждением, но ЦК это решение Контрольной комиссии отменила. Говоря об этих своих ошибках я должен высказать свое мнение по одному вопросу, где я еще не переубедился в своей неправоте. Это вопрос о переселении. Я считаю, что нам необходимо форсировать землеустройство казахского населения в культурной полосе земледельческого и полуземледельческого хозяйства по пятилетнему плану, а до окончания этого землеустройства переселения не допускать. А потом в зависимости от выявленных излишков земель начать переселение.

Изучая земельный вопрос прихожу к убеждению, что казахское население прежде оставалось не землеустроенным, обездоленным, и это отражалось на его благосостоянии. В старое время казахское население не землеустраивалось, а его земли измерялись только для выявления излишков земель.

Пережитки от этой старой политики еще живы в памяти казахского населения, и мне кажется, что параллельное проведение переселения было бы понято казахским населением так, что землеустройство проводится ....? и выявление земельных излишков под переселение. Об этом своем взгляде на переселение я не говорю для того, что хочу отстаивать старые позиции, а просто перед собранием высказываю, что думаю.

Как я уже говорил много от старых позиций уже мною пересмотрено изжито. Но я не могу сказать, что я совсем освободился от них. Пережитки есть и не легко их изжить совсем. Во всяком случае я не намерен возобновлять свои старые разногласия. За эти полтора года, я работая по линии сельскохозяйственной кооперации, проводил линию партии. Все прежние свои разногласия я считаю исчерпанными решением ЦК ВКП(б) и 6-й партконференции, и теперь провожу практическую работу под углом решения ЦК ВКП(б) и YI партконференции.

К О П И Я

МОЯ АВТОБИОГРАФИЯ.

Родился в 1898г. в № 6 ауле Аракарагайской волости, Кустанайского уезда. Родители были из простых киргиз скотоводов, хлеборобов, состояние их до войны средняцкое, семье жилось без стеснений; с 9 лет был отдан в русско-киргизскую школу в городе Кустанае, какую окончил в 1913 году. В этом же году вступил на Кустанайские 2-х годичные педагогические курсы, коковые окончил в 1915г. По окончании педагогических курсов пытался поступить в учительский институт, но за неимением средств - с одной стороны, и неблагоприятных условий - с другой стороны - поступить не пришлось. До поступления на педагогические курсы кроме своих учебных занятий ни чем не занимался, что об"ясняю своею малолетностью и отчасти отсутствием благоприятных условий для самообразования. Поступив на педагогические курсы я с жадностью бросился на чтение литературы и за два года перечитал из библиотеки сочинения Лермонтова, Гоголя,Пушкина,Гончарова, Данилевского,Достоевского, Каразина, Л.Толстого, Тургенева,Шиллера,Шекспира и массу других. Эти чтения думается не сколько дали какой либо духовной пиши, сколько для развития языка. Кстати, обучение естествоведению и знакомство с трудами Л.Толстого поколебали во мне религиозный консерватизм.

В 1915 году начал службу в должности учителя аульной школы в пределах Кустанайской губернии. В должности учителя пробыл целых 5 лет и все эти годы в ауле , оторванный от городской жизни! Кроме того работа по самообразованию прерывалась и этот период является периодом полного застоя в моем умственном развитии.

76

- 4 -

подал заявление в Губком о принятии меня в члены РКП, но заявление мое было возвращено, так как не было 5-ти поручителей с 5-ти летн. стажем. Таковое поручительство пришлось с трудом собирать и принят был в кандидаты члена РКПб только 4-го сентября 1923 года.

В заключение скажу, что я уделил в настоящей парторганизации места ходу умственного развития, так как меня больше интересует вопрос о пополнении своих познаний. Я считаю себя еще слабым по развитию , почему еще не бросаю мысли о продолжении образования. В этом году пытался было получить командировку в ВУЗ"ы, но Губисполком не отпустил. Надеюсь, что в следующем году мне будет дана командировка. Имею желание поступить в Социально-экономический факультет.

Кандидат в члены партии РКП(б) - Жагфар Султанбеков.
Б и л е т № 173 1-го января 1924г.

Архив ДКНБ РК по г. Алматы
Ф.6. Д.05014. Т.6. ЛЛ.79-84. Копия.

ТАТАР ФРАНЦ МИХАИЛОВИЧ

Справка: *– арестован 4 апреля 1938 года УГБ НКВД КазССР.*

Постановлением Тройки УНКВД Алма-Атинской области от 19 октября 1938 года осужден по ст. 58 пп. 1а,7,8,11 УК РСФСР и приговорен к высшей мере наказания – расстрелу. Приговор приведен в исполнение 20 октября 1938 года.

Определением Военного Трибунала Туркестанского военного округа от 21 октября 1956 года постановление Тройки УНКВД Алма-Атинской области от 19 октября 1938 года отменено и дело за отсутствием состава преступления на основании ст. 2 п. «в» УПК Узбекской ССР производством прекращено.

АВТОБИОГРАФИЯ

Родился 12 января 1902 г. в г. Будапеште столице Венгрии в семье рабочего. Отец, Татар Михаил работал 35 лет

на государственной табачной фабрике рабочим и в 1918 г. в возрасте 57-58 лет ушел на пенсию за выслугу лет в государственном предприятии. Мать по найму не работала, занималась домашним хозяйством. Отец и мать в настоящее

время живут в городе Будапеште. Имею три старших брата и сестру. Брат - Степан по профессии электротехник с 1910 года по 1934 год работал в государственном паровозностроительном заводе в городе Будапеште, в настоящее время сведений о нем не имею, женат, имеет одного ребанка. Брат - Михаил слесарь, с 1910 года по 1928 год работал по своей профессии, после трехлетней безработицы в 1931 г. принужден был заняться торговлей, женат, имеет одного ребенка. Брат Иосиф - техник-ортопедист, с 1914 года по 1929 год работал по своей профессии, в связи с безработицей в 1930 г. сдал экзамены на шофера и по настоящее время работает шофером в Таксомоторном Обществе в городе Будапеште, женат. Сестра Елена - экономист, последние два с половиной года находится без работы. Регулярную письменную связь имею с сестрой.

Я в 1914 г. окончил 6-ти классное городское училище в городе Будапеште. С 1917 года по 1919 год посещал вечерние профессионально-технические курсы по автоделу. В период 1923-1925 годы включительно посещал кружок марксизма, организованный на Клубе политических эмигрантов в городе Москве. Осенью 1930 г. поступил на вечернее отделение Комвуза нацменов запада имени «Мархлевского», который по окончании первого семестра (март 1931 г.), в связи с откомандированием на работу в город Алма-Ата, вынужден был оставить.

Осенью 1917 г. вступил в члены организации «Независимый Союз Молодежи» «Свобода» в Y-YI районах города Будапешта, в конце 1917 г. был выбран в члены правления Союза этих районов. В середине 1918 г. при организации отделения Союза в YII-м районе с рядом товарищей по указанию Центрального Правления Союза перешел в YII-й район, где при выборе Правления был избран в члены правления и назначен секретарем Союза, эту работу выполнял до августа 1919 г. (свержение советов в Венгрии). В партию вступил в 1918 г. 1-го декабря при организации Районного Комитета в YII-м районе, (улица Кортес). При вступлении для нас, членов Союза «Свобода» не требовалось отдельных рекомендаций потому, что наш Союз находился под непосредственным руководством Коммуни-

стической партии (кроме нашего Союза еще существовал в городе Будапеште Социал-демократический Союз молодежи). Во время существования советского правительства в марте-августе 1919 г. оставался членом правления и секретарем в YII-м районе, но уже переименованным в «Союз Коммунистической молодежи» и был из-бран делегатом на конгресс «Союза Коммунистической Молодежи» Венгрии.

После свержения Советов в Венгрии в течении 4-х дней принимал активное участие в ликвидации всех дел Союза, уничтожении всей переписки, учетных карточек, списков членов, вывезли всю библиотеку, кассу и т.д. По окончании этого дела поехал в Трансильванию (Румыния) во избежание ареста. В январе 1920 г. вернулся и на границе у города Солнок (река Тисса) был арестован. После двух месяцев заключения в Военной тюрьме дело было прекращено и меня выпустили. Во второй половине 1920 г. установил связь с работающей тогда в Будапеште группой товарищей в подполье и перед Первым Мая 1921 г. (27 апреля) в числе 27 человек был арестован и я и 2 июля этого же года осужден на десять лет катаржной тюрьмы.

В августе 1922 г., в порядке обмена политическими заключенными, был обменен и приехал в Москву. В конце 1922 г. после прохождения партийной проверки специально назначенной Комиссии при Московском Комитете ВКП(б) принят в члены ВКП(б) с сохранением стажа вступления в Венгерском Коммунистической партии с 1 декабря 1918 г.

За время работы в СССР выполнял следующие партийные работы: с 1922 года по 1924 год секретарь цех-ячейки при Автобазе ВСНХ, 1925-1926 гг. член Бюро ячейки гаража «Московское сукно», 1927-1928 гг. член Бюро и секретарь ячейки гаража № 1МКХ, член Краснопресненской районной Контрольной комиссии и Партийной тройки. Участвовал на объединенном заседании Центральной Контрольной комиссии – Московской Контрольной комиссии и всех районных Контрольных комиссиях города Москвы, на котором были исключены из рядов партии Троцкий, Зиновьев, Каменев. В 1929 г. был членом кустовой ячейки на на Южном берегу Крыма при Дом отдыха «Форос» Ялтинского района, Мухолатского сельского совета. Здесь же

проходил чистку партии 1929 г. С 1931 года по 1934 год был партийным организатором и впоследствии секретарем ячейки ВКП(б) при Краевой конторе сельскохозяйственного снабжения в г. Алма-Ата. В оппозиционных группировках никогда не состоял.

Моя трудовая работа выражается за это время в следующем: с 1914 года по 1916 год работал учеником на автомонтера в г. Бухаресте в гараже «Имрэ-Тотх» (племянника отца) в связи с наступлением войны гараж был закрыт и я в 1917 г. вернулся на родину, где поступил на работу в гараж «Барды» и в 1919 г. получил звание автомонтера. 1920 год прошел в основном в безработице, работал на временных работах. 1 декабря поступил опять в гараж «Барды», где я закончил ученические годы и здесь же был арестован в апреле 1921 г. После приезда в Москву работал бригадиром по авторемонту в Автобазе ВСНХ – два года до ликвидации ремонтных мастреских. В 1925-1926 гг. работал в гараже Московского сукно, сначала по ремонту, потом шофером и впоследствии освобожденным председателем местного комитета до ликвидации гаража в 1926 году.

В 1926-1928 гг. работал в 1 гараже МКХ шофером, в 1928 г. поехал на Южный берег Крыма и Дом Отдыха Московского комитета ВКП(б) старшим шофером, где проработал до конца 1929 г. В 1920 г. был направлен Московским комитетом ВКП(б) в аппарат АО «Сельхозснабжение», где работал руководителем группы автомобильных запчастей. В марте 1931 г. был командирован в Казахское Отделение «Сельхозснабжения» руководителем группы запасных частей к тракторам и сельскохозяйственным машинам. С 1932 года по 1934 год работал по настоящее время начальником Республиканской конторы.

Во время работы на производстве в Москве два раза был избран делегатом на губернские съезды транспортных рабочих и один раз на Красной Пресни районной партийной конференции. Под судом не был. В армиях не служил, кроме прохождения месячной подготовки во время существования Венгерской Советской Республики в 1919 г.

Правильность указанных мною фактов настоящей автобиографии могут подтвердить следующие товарищи:

1) А. А. Семотан - по части родителей и братьев. Член ВКП(б) работает в настоящее время в г. Киеве, инженер-машиностроитель.

2) По части работы в Союзе «Свобода» в Будапеште: тов. Якаб Иозеф, член ВКП(б) - врач, работает в Ленинграде и товарищи Санто Лайош, Ференц Иозеф, Горват Имрэ, Коон Маргит, Полоньи Ференц, работающие в настоящее время в г. Москве на разных работах, все члены ВКП(б).

3) По части работы в подпольной организации, суда, 10 лет каторжной тюрьмы, факт пребывания в каторге до августа 1922 г. и обмен, кроме перечисленных в пункте 2-м, Санто Режо, Лазар Б., Фегервари Миклош, Рабинович Е., Берей Андор, Андыч Эржебет, работающие все в Москве. В настоящее время и члены ВКП(б). Кроме того, в сборнике изданий ЦК МОПРа в 1923 г. «Крававое Знамя» в русском переводе напечатан текст приговора Венгерского суда по делу национальной группы с указанием фамилий и имен участников, в том числе и моей.

О прохождении сужбы, выполнении партийной и профессиональной работы за время пребывания в СССР, т.е. с 1922 года имею на руках соответствующие документы. Женился в ноябре 1922 года в Москве, жена Анна Довчак, дочь бывшего заместителя наркомтруда Венгерского Советского Правительства, в настоящее время находящегося в Чехословакии (после Венского восстания из Вены переехал), актиный участник Венгерской Социалистической Демократической партии до настоящего время.

По ряду причин в 1929 г. развелись и у нее осталась дочь Валерии, родившаяся в 1924 г. В 1931 г. жена вышла замуж и сейчас находится с мужем на Дальне-Восточном Крае. На содержание ребенка ежемесячно перевожу по почте 100 рублей.

В 1930 г. женился второй раз, жена Евгения Васильевна Минаева, родилась в городе Москве в 1909 г., имеет среднее образование, окончила курсы иностранных языков им. Чичерина в г. Москве. Последнее место службы в 1931 г. в Москве Всесоюзный Институт механизации и электрификации сельского хозяйства в качестве переводчицы английского языка. В Алма-Ате работала в машинно-техническом отделе Казтрак-

тора до 1933 г. включительно техническим исполнителем. В настоящее время не работает по семейным обстоятельствам (дочери 1год 9 месяцев). Отец Василий Павлович Минаев работал 30 лет машинистом на Октябрьской железной дороге и в 1932 г. в виду преклонного возраста переведен на пенсию и теперь работает в Москве в Краснопресненском районе в качестве инспектора-техника по паровому отоплению. Мать Капиталина Григорьевна Минаева умерла в 1913 г. от туберкулеза, по найму не работала. Жена имеет - две старших сестры, проживающих в Москве, обе замужние - Зинаида Васильевна Крутовская работает техником-рентгенологом в Московском областном Туберкулезном институте, муж работает заведующим почтового вагона на Московско-Казанской железной дороге. София Васильевна Тутурина работает чертежником-конструктором на заводе ЦАГи, муж инженер-химик.

Я до 1930 г. занимался систематическим лечением (эпилепсии и хронической бессонници на нервной почве) лечение давало хорошие результаты. В настоящее время в связи с тем, что с 1931 г. ни разу не мог получить отпуск, чувствую чрезвычайно сильное переутомление, что в свою очередь влияет на нервную систему, на работу.

Не имея ни партийной, ни специальной подготовки к столь крупной работе в краевом масштабе, с работой справляюсь с большим напряжением, что само собой вызывает гораздо большую затрату времени. Особенно большие затруднения вызывает в работе отсутствие хотя бы элементарного знания финансовых и агротехнических правил. В 1934 г. Мандатной Комиссией ЦК ВКП(б) был утвержден и зачислен в число слушателей Академии Социалистического земледелия, но Краевым Комитетом было отказано в освобождении от занимаемой должности.

Несмотря на то, что за последние 6 лет я работаю в системе сельскохозяйственного снабжения, все же считало было бы целесообразным использовать меня на автотранспорте, где я имею практический стаж в работе 14 лет, предварительно, бесспорно, повысив квалификацию в стационарном учебном заведении в виде Ленинградского Транспортного института.

Правда вопрос об учебе, о повышении квалификации остается реальным вопросом даже в том случае, если решение Казкрайкома обяжет меня остаться и в дальнейшем в системе сельскохозяйственного снабжения.

В момент заполнения настоящей автобиографии я не имею на руках партбилет, он похищен из кармана 4 июня 1935 года при посадке в автобус, через некоторое время билет был доставлен в Алма-Атинский горком ВКП(б) и последним направлен в ЦК ВКП(б).

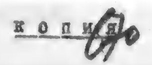
Партийную проверку прошел при Алма-Атинском городском комитете ВКП(б) в декабре 1935 года.

Татар Франц Михайлович
член ВКП(б) с 1918 г.
бывший ч.б. 0027411.

Служебный адрес: Пушкинская, 44.
Сельхозснаб.
Тел. Служебный 9-94

Домашний адрес: Каваллерийская, 22, кв. 1.

Архив ДКНБ РК по г. Алматы
Ф.6. Д.05210. Т.1. ЛЛ.70-76. Копия.

копия

АВТОБИОГРАФИЯ

Родился 12-го января 1902г. в гор.Будапеште столице Венгрии в семье рабочего. Отец, ТАТАР Михаил работал 35 лет на государственной табачной фабрике рабочим и в 1918г. в возрасте 57-58 лет ушел на пенсию за выслугу лет в государственном предприятии. Мать по найму не работала, занималась домашним хозяйством. Отец и мать в настоящее время живут в городе Будапеште. Имею три старших брата и сестру: брат Степан по профессии электротехник с 1910 по 1934г. работал в государственном паровозно-строительном заводе в городе Будапеште, в настоящее время сведений о нем не имею, женат имеет одного ребанка. Брат - Михаил слесарь, с 1910 по 1928 год работал по своей профессии, после 3-х летней безработицы в 1931г. принужден был заняться торговлей, женат имеет одного ребенка. Брат Иосиф - техник-ортопедист, с 1914 по 1929г. работал по своей профессии, в связи с безработицей в 1930г. сдал экзамены на шофера и по настоящее время работает шофером в Таксомоторном Обществе в городе Будапеште, женат. Сестра Елена-экономист, последние два с половиной года находится без работы. Регулярную письменную связь имею с сестрой.

Я в 1914г. окончил 6-ти классное городское училище в городе Будапеште. С 1917 по 1919г. посещал вечерние профтехнические курсы по автоделу. В период 1923-25 включительно посещал кружок марксизма, организованный на родном языке при клубе Политэмигрантов в городе Москве. Осенью 1930г. поступил на вечернее отделение Комвуза нацменов запада имени "Мархлевского", который по окончании первого семестра /март 1931г. /, в связи с откомандированием на работу в город Алма-Ата, вынужден был оставить.

- 7 - 76

стаж в работе 14 лет, предварительно, бесспорно, повысив квалификацию в стационарном учебном заведении в виде Ленинградского Транспортного Института.

Правда вопрос об учебе, о повышении квалификации остается реальным вопросом даже в том случае, если решение Крайкома обяжет меня остаться и в дальнейшем в системе Сельхозснабжения.

В момент заполнения настоящей автобиографии я не имею на руках партбилет, он похищен из кармана 4/VI-1935г. при посадке в автобус, через некоторое время билет был доставлен в Алма-Атинский горком ВКП(б) и последним направлен в ЦК ВКП(б)

Партпроверку прошел при Алма-Атинском городском Комитете ВКП(б) в декабре 1935г.

Татар Франц Михайлович
член ВКП(б) с 1918г.
быв. ч.б. 0027411.

Служебный адрес: Пушкинская 44 Сельхозснаб. телеф. служ. 9-94

Домашний адрес: Кавалерийская 22 кв. 1.

25.1-1936г.

Архив ДКНБ РК по г. Алматы
Ф.6. Д.05210. Т.1. ЛЛ.70-76. Копия.

ТОГУЗАКОВ КАСЫМ САРСЕНОВИЧ

Справка: *– арестован 16 февраля 1933 года ПП ОГПУ по ст. 58 в г. Ленинграде. Постановлением ПП ОГПУ г. Ленинграда от 20 мая 1933 года дело по обвинению Тогузакова и других было прекращено за недостаточностью доказательств. В том же 1933 году в декабре месяце снова был арестован органами ОГПУ по тому делу.*

В марте 1934 года был освобожден из под стражи за отсутствием состава преступления. 30 октября 1941 года вновь арестован СПО НКВД КазССР. Постановлением Особого Совещания при НКВД СССР от 31 марта 1942 года осужден по ст. 58 п.10 ч.2-й и п.11 УК РСФСР к 5 годам лишения свободы в ИТЛ. Срок наказания отбыл в 1946 году. 9 декабря 1948 года сослан на поселение вначале в Карагандинскую область, а потом в Красноярский край.

Определением № 22/0357а-Н Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного Суда Казахской ССР от 10 октября 1956 года постановления Особого Совещания при НКВД СССР от 31 марта 1942 года и 2 апреля 1949 года отменены и дело за недоказанностью преступления производством прекращено.

АВТОБИОГРАФИЯ

Я родился в 1910 году в Мендыгаринском районе Кустанайской области КазССР, в семье крестьянина-середняка. Отец до революции имел 3-4 коровы, до 6 лошадей, эксплуатации чужого труда в хозяйстве никогда не применял. После революции до 1921 года хозяйство отца также оставалось середняцким, затем в связи с голодом в 1921 году, хозяйство отца до 1929 года оставалось бедняцким, а в 1929 году родители вступили в колхоз и до сего времени являются членами колхоза «Екпенды» в Мендыгаринском районе Кустанайской области.

До 1926 года находился на иждивении родителей, с 1917 года учился сначала в мусульманской школе, затем в русской школе в станице Усть-Уйской, Челябинской области, окончил 6 классов семилетки.

В 1926 году поступил учиться в Кустанайский педагогический техникум, который окончил в 1930 году.

Будучи студентом педагогического техникума, я работал литературным сотрудником Кустанайской окружной газеты «Аул», а в 1930 году был редактором выездной газеты в Карабалыкском районе Кустанайской области, работал в должности редактора три месяца, затем вернувшись в Кустанай, получил отпуск и увольнение, выехал в город Алма-Ата.

По прибытии в Алма-Ата в 1930 году, Наркомпросом КазССР я был командирован в Ленинградский педагогический институт им. Герцена, в котором учился до 1933 года на факультете русского языка и литературы, окончил три курса.

Институт не окончил по причине того, что в 1933 году органами ОГПУ в г. Ленинграде, в числе группы студентов - казахстанцев был арестован по ст. 58, пункты не помню, в связи с этим из института меня исключили.

Просидев три месяца, т. е. до 25-го мая 1933 года, из под стражи был освобожден и сразу же выехал из Ленинграда в город Алма-Ата, где устроился на работу в КазЦИК в качестве секретаря-протоколиста, работал до декабря 1933 года, затем снова был арестован органами ОГПУ в городе Алма-Ата по тому же делу, что и в Ленинграде.

Просидев до марта 1934 года, из под стражи был освобожден за отсутствием состава преступления.

После освобождения из под стражи, я поступил на работу в Союз писателей Казахстана в должности заведующим отделом переводчиков и ответ. секретарем профбюро писателей, работал до конца 1934 года, затем работал в областной газете «Сталин жолы» в должности заведующим массовым отделом примерно до ноября 1935 года.

С ноября 1935 по февраль 1938 года я непрерывно работал инспектором реперткома при комитете по делам искусств Казахстана, одновременно являлся личным секретарем казахского акына Джамбула Джабаева, сам писал стихи и произведения, а также переводил ряд поэм Пушкина, Лермонтова, Сулеймана Стальского, Маяковского и других на казахский язык.

С февраля месяца 1938 по февраль месяц 1939 года работал в Алма-Ате и Ленинграде консультантом-переводчиком по картине Амангельды, за что награжден грамотой Верховного Совета КазССР и денежной премией в сумме 1000 рублей.

По прибытии из города Ленинграда в феврале месяце 1939 года я был назначен начальником сценарного отдела управления кинофикации при Совнаркоме КазССР, в этой должности работал до июля месяца 1940 года, затем был ЦК КП(б)К командирован в Москву для редактирования текста картины «Ленин в Октябре» на казахском языке, через полтора или два месяца вернулся обратно в Алма-Ата, а через некоторое время Совнаркомом Казахской ССР снова был командирован в Москву на учебу в Киноинститут и на работу по дубляжу на казахский язык лучших советских кино-картин киностудии «Союзмультфильм», где перевел на казахский язык кинокартины: Ленин в 18 году, Яков Свердлов и Чкалов, закончив командировку в июле 1941 года, прибыл в Алма-Ата в распоряжение Совнаркома КазССР, а в августе 1941 года был призван в Красную Армию, служил заместителем командира взвода в 39 стрелковой бригаде в городе Алма-Ата.

Должен добавить к моим автобиографическим данным

о том, что с 1927 по 1933 год я состоял членом Ленинского Комсомола, исключен в 1933 году в городе Ленинграде в связи с моим арестом.

В 1939 году первичной партийной организацией управления кинофикации при Совнаркоме КазССР, я был принят в кандидаты КП(б)К, Сталинский район КП(б)К города Алма-Ата решение первичной партийной организации о приеме меня в кандидаты КП(б)К не утвердил по причине того, что в 1933 году я арестовывался органами ОГПУ в городе Ленинграде и в Алма-Ата.

Антисоветской работы никогда не проводил, виновным себя в этом не признаю.

Архив ДКНБ РК по г. Алматы
Ф.6. Д.03786. Т.1. ЛЛ.12-14.
Подлинник.

Прокурору Казахской ССР
Товарищу Набатову А.А.
от Тогузакова Касыма
Сарсеновича,
Алма-Ата, Пролетарская, 11,
тел. 52-23

ЗАЯВЛЕНИЕ

Прошу Вас, товарищ прокурор, о нижеследущем:

30-го октября 1941 года, будучи в рядах Советской Армян в звании младшего лейтенанта, я был арестован НКВД и по обвинению в антисоветской агитации приговорен Особым Совещанием к пяти годам лишения свободы. Срок наказания отбыл в 4,5 года с сокращением на 6 месяцев за хорошие производственные показатели в лагерях Новосибирска.

Вернувшись в Алма-Ату в 1946 году я, как поэт, возобновил свою прерванную случаем литературную деятельность, работая заведующим репертуарного отдела театра оперы и балет имени Абая.

9 декабря 1948 года вновь арестован я по старому делу. Сослан вначале в Карагандинскую область, а потом в Удерейский район Красноярского края. В июле 1954 года освобожден из ссылки со снятием судимости на основании Указа Президиума Верховного Союза СССР от 27 го марта 1953 года. В данное время работаю в редакции литературной газеты «Казах адебиеты», продолжаю литературную работу.

В чём обвиняли меня? В антисоветской агитации, в пресловутом национализме, в принадлежности к какой-то, неведомой мне, контрреволюционной националистической организации. При том предъявлялись обвинения, как намерение совершить террористический акт против высокопоставленной личности, бегство за границу, подстрекательство к восстанию. Такие нелепые, которые могли бы вызвать лишь смех или возмущение у здравомыслящих людей. В то время мне показалось, что следователь имел явную страсть и намерение навешать на меня все статьи Уголовного Кодекса в целом. Под угрозой ареста членов моей семьи, расстрела, при помощи брани, оскорблений и карцера «за грубость», якобы допущенную мною, добивался того, чтобы любыми средствами очернить меня.

Следствие велось явно в нарушение закона. Так мне было предоставлена очная ставка с арестованным до меня Хажкеном Ахметовым, где Ахметов категорически отказался от своих показаний, данных им против меня накануне. Прокурора по надзору не было. Следователь под угрозой и бранью, понудил Ахметова подписать совершенно ложные показания, от которых Ахметов упорно отказывался. (Впоследствии мой одноделец Ахметов Хажкен был приговорен к десяти годам лишения свободы, отбыл срок наказания, а в 1955 году полностью реабилитирован за отсутствием состава преступлений).

В части обвинения в национализме и принадлежности к

какой-то контрреволюционной националистической организации со всей чистотой своей гражданской совести подчеркиваю, что я, Тогузаков К.С., нигде и никогда не принадлежал к какой бы то было контрреволюционной организации, и не знал о существовании таковых. С Сейфулиным, Джансугуровым, Майлиным и Шаниным, которые якобы дали показания в 1937 году о моем участии в их организации, я не был близко знаком, и с ними никогда не общался.

Я думаю, товарищ прокурор, не будет лишним, если я приведу следующие факты:

Я родился в 1910 году в бедной крестьянской семье, в нынешнем Введенском районе Кустанайской области. Начал учиться в условиях советской власти: окончил Кустанайский педагогический техникум, три курса Лениградского педагогического института им. Герцена, 2 курса режиссерского факультета Московского института кинематографии.

В 1934 году я начал свою литературную работу переводами на казахский язык произведений Лермонтова, Пушкина, Гоголя, Маяковского, Лебедева-Кумача, Бальзака и других, был секретарем Джамбула, участвовал в создании первой казахской кинокартины «Амангельды», за что награжден грамотой Президиума Верховного Совета Казахской ССР, осуществил дубляж на казахский язык выдающихся советских фильмов «Ленин в Октябре», «Ленин в 1918 году», «Яков Свердлов», «Чкалов» и другие.

Уже после возвращения из лагеря и до отправки в ссылку, за два года пребывания в Алма-Ате (1947-1948 гг.), кроме своих оригинальных произведений, мною было переведено с русского на казахский язык четыре поэмы (Некрасова, Пушкина и др.), четыре оперы («Алтыншаш», «Свадьба Фигаро» и др.), 14 четырехактных драматических пьес и романса для радио.

Смею сказать, что двадцать лет своей жизни я посвятил главным образом делу переводу художественных произведений русской классики и современных советских писателей, не от националистических побуждений, а от убеждения, что я, как советский гражданин и поэт, должен потратить свою скромную силу на благо литературы и искусства Советского

Казахстана, на то, что бы питать их живительными соками богатейшей духовной культуры великого русского народа.

Разумеется, это такое дело, которое ни в коем случае несовместимо с каким-то выдуманным национализмом.

А следствие не считалось с таким неопровержимым фактом. Более того, оно (в лице тогдашнего начальника следственного отдела) ответило оскорбительными для советского гражданина словами на мое заявление, в котором я просил отправить меня на фронт рядовым бойцом Советской Армии.

В результате такого, ничем не оправдываемого отношения к судьбе человека со стороны отдельных лиц, я отбыл 4,5 года наказания в лагерях и пять лет в ссылке, пережил невзгоды в физическом и моральном отношениях, хотя для этого не было никакой причины, предусмотренной советским законодательством.

На основании вышеизложенного прошу Вас, товарищ прокурор опротестовать решение Особого Совещания от 1942 и 1949 года.

Я прошу полной реабилитации для того, чтобы снять с себя незаслуженное позорное пятно.

К сему: подпись (*К.С. Тогузаков*)

2 декабря 1955 года
г. Алма-Ата.

Архив ДКНБ РК по г. Алматы
Ф.6. Д.03786. Т. 1. ЛЛ.80-83.
Подлинник.

Вх № 5-2806мс 21/XII-55 г.

80

т. Тимофееву доложите

1956 год № 5-208мс

Прокурору Казахской ССР

товарищу Набатову А.А.

от Тогузакова Касыма

Сарсеновича, Алма-Ата, Пролетарская, II, тел. 52-23

З А Я В Л Е Н И Е.

Прошу Вас, товарищ Прокурор, о нижеследующем:

30-го октября 1941 года, будучи в рядах Советской Армии в звании младшего лейтенанта, я был арестован НКВД и по обвинению в антисоветской агитации приговорен Особым Совещанием к пяти годам лишения свободы. Срок наказания отбыл в 4,5 года с сокращением на 6 месяцев за хорошие производственные показатели в лагерях Новосибирска.

Вернувшись в Алма-Ату в 1946 году я, как поэт, возобновил свою прерванную случаем литературную деятельность, работая заведующим репертуарного отдела театра оперы и балета имени Абая.

9 декабря 1948 года вновь арестован и по старому делу сослан вначале в Карагандинскую область, а потом в Удерейский район Красноярского края. В июле 1954 года освобожден из ссылки со снятием судимости на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 27 го марта 1953 года. В данное время работаю в редакции литературной газеты " Казах адебиеты", продолжаю литературную работу.

В чём обвиняли меня? В антисоветской агитации, в пресловутом национализме, в принадлежности к какой-то, неведомой мне,

налистических побуждений, а от убеждения, что я, как советский гражданин и поэт, должен потратить свою скромную силу на благо литературы и искусства Советского Казахстана, на то, что бы питать их живительными соками богатейшей духовной культуры великого русского народа.

Разумеется, это такое дело, которое ни в коем случае несовместимо с каким-то выдуманным национализмом.

А следствие не считалось с таким неопровержимым фактом. Более того, оно (в лице тогдашнего начальника следственного отдела Михайлова) ответило оскорбительными для советского гражданина словами на мое заявление, в котором я просил отправить меня на фронт рядовым бойцом Советской Армии.

В результате такого, ничем не оправдываемого отношения к судьбе человека со стороны отдельных лиц, я отбыл 4,5 года наказания в лагерях и пять лет в ссылке, пережил невзгоды в физическом и моральном отношениях, хотя для этого не было никакой причины, предусмотренной советским законодательством.

На основании вышеизложенного прошу Вас, товарищ Прокурор опротестовать решение Особого Совещания от 1942 года 1949 года. И прошу полной реаблитации для того, чтобы снять с себя незаслуженное позорное пятно.

К сему: [подпись] /К.С. Тогжанов

2 декабря 1956 года
г. Алма-Ата.

Архив ДКНБ РК по г. Алматы
Ф.6. Д.03786. Т. 1. ЛЛ.80-83.
Подлинник.

ТОХТЫБАЕВ ИСА ТОХТЫБАЕВИЧ

Справка: *– арестован 23 августа 1933 года органами ОГПУ в Ленинграде. Постановлением Коллегии ОГПУ СССР от 29 марта 1934 года осужден по ст. 58 пп. 7,10,11 УК РСФСР к 10 годам в ИТЛ.*
Постановлением Особого Совещания при НКВД СССР от 26 сентября 1935 года досрочно освобожден.
Вторично арестован в 1938 году органами НКВД в г. Ленинграде.
*Постановлением Особого Совещания при НКВД СССР от ***** июля 1939 года осужден по ст. **** к 8 годам ИТЛ. Освобожден по окончании срока в 1946 году.*
В 1949 году был вновь арестован и сослан на поселение в Красноярский край. Освобожден в 1954 году.

АВТОБИОГРАФИЯ

Я – Тохтыбаев Иса родился в 1894 году в семье казаха бедняка в колхозе им. XYIII партотдела Терень-Узекского района Кзыл-Ординской области Казахской ССР. Детство свое до 1900 года я провел среди своих родителей. В 1905 году я поступил в русско-туземную школу в г. Перовске (ныне Кзыл-Орда), которую окончил в 1908 г. По окончании русско-туземной школы я в 1908 г. поступил в Высшую начальную школу в Перовске. Высше-начальное училище я окончил в 1912 и в том же учебном году поступил в 4-х классную учительскую семинарию в г. Ташкенте. Я как сын бедняка, не имея средств, не имел возможности поехать в Ташкент для поступления в Учит.семинарию, но меня поддержал мой учитель Щипков Николай Федорович выдав мне 25 руб для поездки в Ташкент. Об этом случае хорошо знает его жена Ольга Давыдовна, проживающая ныне в г. Кзыл-Орде и состоящая в качестве учительницы железнодорожной школы.

Ташкентскую учительскую семинарию окончил в начале 1916 года, но в 1916 году летом я поступил на работу экспедиции Министерства земледелия. Эта экспедиция работала в Киргизии в целях изучения и орошения долины реки Чу.

В том же 1916 году летом царская власть издала указ о

наборе рабочих из туземного населения – инородцев на тыловые работы. Угнетение туземного населения царской властью была доведена до крайности, и этот указ ее подлил масло в огонь, и трудящиеся массы туземного населения выступили против царской власти, против колонизаторов – русских и против «своей» феодальной знати в тех случаях, когда она не поддерживала их. Я тогда находясь в Киргизии работая в экспедиции Министерства земледелия и живя в дружбе с большинством организаторов восстания 1916 г. в Киргизии знал о дне восстания. Киргизские товарищи, организаторы восстания в 1916 г. в Киргизии об этом меня предупреждали, а в нашей экспедиции работали только я из казахов, а остальные все были русские, в том числе Красноглядов, впоследствии в Госплане СССР, Губанов – в министерстве путей сообщения и др. Я спас жизнь сотрудников этой экспедиции, предупредив их о предстоящем восстании и отправив их в Токмак.

Сотрудников экспедиции я отправил в Токмак, а сам остался в горах для охраны имущества экспедиции. На другой день после отправки их в Токмак, восставшая масса киргизского населения прибыла к месту стоянки нашей экспедиции и потребовали выдачи русских для расправы. Но я объявил, что они уехали в Токмак. Тогда они потребовали от меня, чтобы я примкнул к ним. Я согласился не долго думая. Восставшие вначале имели немало успехов, но когда прибыли регулярные войска, то они вынуждены были бежать в Китай, снимая посты на китайской границе.

Но я с ними не переходил границу и скрывался то здесь, то там в Киргизии. Об этом знают бывшие киргизские руководящие работники Сарыкулов, Арабаев Иманали, Сытдыков и др. Но я долго не жил в Киргизии, в начале 1917 г. переехал в Ташкент. В Ташкенте я открыто жить тоже не мог, потому что генерал Куропаткин объявил всех организаторов восстания 1916 г. в Киргизии и Джизаке вне закона. Так до начала Февральской буржуазной революции я открыто не жил.

Сначала Февральской буржуазно-демократической революции я поступил в качестве преподавателя 10-й русско-туземной школы в старом Ташкенте. Проработал там очень не долго и вскоре был избран секретарем Совета Солдат и рабочих депутатов Ташкентского уезда, председателем Ташкент-

ского уездного Совета содатских и рабочих депутатов состоял Кулбай Тогусов, а членами его состояли Лаумуллин и др. От Февральской буржуазной демократической революции до Великой Октябрьской социалистической революции происходила ожесточенная борьба в Ташкенте за власть Советов и против духовенства и верхушки казахско-узбекской феодальной верхушки. Вот в этой борьбе определялось общественно-политическое лицо каждого как казахского, так и узбекского, общественно-политических деятелей. В дни Великого восстания почувствовав безнадежность своего положения и ожидая краха Советской власти, подобно как Парижской Коммуны все казахские деятели ушли в аул, а в Ташкенте осталось их вместе с русскими и большевиками очень немного, в числе которых остался и я вместе с большевиками в Ташкенте.

В 1917 году на другой день Великой октябрьской социалистической революции в ходе организации советского аппарата я был избран членом Коллегии Совета народного образования Туркестанского края и проработал там до 1920 года, одновременно являясь директором и организатором Казахского института просвещения в г. Ташкенте. В 1920 году я был избран ответственным редактором газеты «Ак жол» – орган ЦК Туркестанской Компартии и ЦИК Туркестанской Советской Социалистической Республики и одновременно до 1924 года состоял членом ЦИК Туркестанской ССР. В 1920 году я вместе с Павловым и Успенским организовал Народный университет в г. Ташкенте, в котором впоследствии учился сам и окончил в 1922 году его общественно-экономический факультет.

В 1924 году после размежевания Средней Азии я переехал в Кызыл-Орду и был назначен членом коллегии Наркомпроса КазАССР, где проработал до 1926 года, а затем был назначен начальником Земельного управления Актюбинской губернии. Там работал до конца 1926 г., а потом был назначен Уполномоченным Казахского Народного Комиссариата просвещения в г. Оренбурге и проработал там до конца 1926 года и в 1929 г. опять был назначен членом коллегии Комиссариата Народного просвещения Казахской ССР и в конце 1929 года был направлен Казахским Крайкомом ВКП(б) в Ленинград для поступления в аспирантуру Государственного института научной педагогики, где я по окончании аспирантуры с 1932 г. работал в качестве директора института нацмен Совет-

ского Востока в г. Ленинграде, и одновременно преподавал в Военно-Политической Академии им. Толмачева до 1933 г.

В 1933 году я был арестован органами НКВД в городе Ленинграде и был отправлен в Москву, где предъявили мне обвинение по ст. 58 пп. 7,10,11. После следствия по моему делу я был приговорен решением Особого Совещания при НКВД к 10 годам в ИТЛ. После чего я был отправлен в Карагандинский лагерь, где проработал 3-4 месяца. Из Карлага я был отправлен в 1934 г. в Дмитлаг, где был освобожден согласно решения в 1935 г. После своего освобождения я поступил на вольно наемную работу в Дмитлаге и в 1936 по сложившимся семейным обстоятельствам переехал в г. Ленинград.

В Ленинграде я не долго преподавал узбекский язык в аспирантуре Института Востоковедения Академии Наук СССР, а затем в 1938 году поступил в Государственный музей этнографии в Ленинграде, где проработал до 1939 года. В 1939 году я был вновь арестован органами НКВД в г. Ленинграде, где мне предъявили обвинение дезориентация органов власти. После чего я был отправлен в Ухто-Ижимлаг, где полностью отбыл срок своего наказания и был освобожден в 1947 г., а в 1949 году я был вновь арестован и отправлен на постоянное поселение в Красноярский край, где был освобожден от ссылки в 1954 году. После освобождения от ссылки я приехал на родину, в колхоз им. XYIII партсъезда Терень-Узекского района Кзыл-Ординской области. В 1955 году я с семьей переехал из Терень-Узек в Кызыл-Орду, где поступил на работу в Кызыл-Ординский областной музей в качестве директора, где работаю по настоящее время.

После освобождения из под заключения с конца 1935 г. по 1936 год я работал в Дмитлаге на должности инспектора культурно-воспитательной части.

Я был принят в члены партии в 1919 году в г. Ташкенте партийным бюро Ташкентского уезда. Секретарем партбюро состоял тогда Лаумуллин Муратбек и до момента исключения из члена партии в 1933 году я не имел партийных взысканий и исключен из партии в связи с арестом в 1933 г. в г. Ленинграде.

Архив ДКНБ РК по г. Алматы
Д.04693. Т.17. ЛЛ.13-16.Подлинник.

Москва
Генеральному прокурору СССР
от гр-на Тохтыбаева И.Т.

ЖАЛОБА

Я не хочу распространенно рассказывать Вам о себе и своем прошлом, учитывая ограниченность Вашего времени для чтения моей жалобы. Я хочу лишь сказать Вам о том, что в прошлом так же, как мои родители, я работал на казахских баев и на жадных казахских полуфеодалов-эксплуататоров. Они били меня - казахского упрямого мальчика сколько хотели по всякому поводу, но чаще без всякого повода. Шрамы, образовавшиеся от избиения их я до сего времени ношу на своем теле. Что вспоминать об этом. Но это было очень тяжело и жутко. Отсюда ясно же, что я никак не мог не питать ненависти к этим, будь они трижды прокляты, полуфеодальным извергам, баям. Я кровно не был связан с баями и с буржуазным строем. Отсюда так же понятно, что я не случайно в 1916 году был участником и одним из организаторов вооруженного восстания против царской власти, и насилия русских колонизаторов и киргизских манапов в Киргизии, и впоследствии был объявлен царской властью вне закона.

Я вырос в обстановке безжалостной нищеты, насилия и жестокой эксплуатации. Этим объясняется то, что с первых дней февральской буржуазно-демократической революции я не поверил этим кровавым «демократам», националистам-байским наемникам, и примкнул к совету солдатских и рабочих депутатов в г. Ташкенте и впоследствии вместе с рабочим классом активно участвовал в Октябрьском вооруженном восстании и вместе с ними же завоевывал власть Советов в Ташкенте.

Феодально-байская буржуазия упорно сопротивлялась против советской власти в дни гражданской войны, организуя Алаш-Ординское, басмаческое движение, а кучка казахской интеллигенции лакействуя перед своей национальной буржуазией, под диктовку последней вела длительную борьбу против советской власти, но окончательно

потерпев поражение ушла в аул, а я никуда не ушел, я не бежал от советской власти. Наоборот, живя в Ташкенте бесповоротно и активно помогал укреплению Советского государства в решающие дни революции в Средней Азии, становясь из «упрямого казахского мальчика» - байского наемного малолетки, одним из руководителей Советской власти в Средней Азии. Много ли было таких нацменов в первые дни Великой Октябрьской социалистической революции?

Но все это в ходе следствия обратно расценивали, извращали, оказывая морально-физическое воздействие. Чувство страха оказалось сильнее чувства смерти и я иногда сдавался, подписывая ложные показания.

Я вступил в ряды ВКП(б) в 1919 году, как до вступления в ряды партии, так и после вступления я везде и всегда честно старался вести борьбу за торжество дела коммунизма, могущества и роста мощи Советского государства. В годы гражданской войны, а также борьбы с враждебно настроенными элементами внутри партии - я никогда не разделял взгляды последних и нигде не проявлял колебания, а также не голосовал за платформу антипартийных группировок. Я везде и всюду старался активно вести борьбу против всякого проявления националистической тенденции. Разве все это не определяло мое лицо и моей партийности и моей кровной связанностью с партией и рабочим классом. Партийные организации Ленинграда и ЦК ВКП(б) учли это, возражая против моего ареста.

В ходе следствия моего дела следователь заявил мне «ой как тяжело и скандально было с Вами». «Ленинградский городской комитет и ЦК ВКП(б) дважды отказывались нам дать свою санкцию на Ваш арест, а мы все-таки настояли на своем и вырвали Вас из рук партии». Самодольно улыбаясь и играя жизнью и судьбой члена партии, следователь выболтал всю тайну своей борьбы с партией по поводу моего ареста. Партия меня воспитала и долго защищала, а органы НКВД тайком от партии арестовали меня в 1933 году и объявили меня врагом народа. Не игнорирование ли это мнения партии и противопоставление партии органов НКВД. Это ясно говорит о том, что органы НКВД не хотели считаться с мнением пар-

тии по поводу моего ареста и навязывание своего мнения последней.

На другой день после моего ареста я был поставлен в известность руководством Управления НКВД по Ленинградской области о том, что я арестован лишь по распоряжению и настоянию НКВД Казахской ССР. Но органы НКВД Ленинградской области, где я проживал в течение 5-6 лет, являясь преподавателем Вечерного Комвуза ОГПУ Военно-Политической Академии им. Толмачева, а также ряда высших гражданско-партийных учебных заведений Ленинграда, как мне передали, не имеет на меня никаких материалов.

Партийно-политические органы Ленинграда, Высшие партийно-политические учебные заведения, где я работал в продолжении нескольких лет и преподавал историю партии, не имели на меня никаких компрометирующих меня материалов, а органы НКВД Казахской ССР, откуда я уехал еще в 1929 году, признали и объявили меня врагом советской власти. Как это может быть так? Это очень странно! Но я понял ясно, что это является делом рук Ф.И.Голощекина, который имел со мной личные счеты, о чем все знали в Казахстане. Голощекин неоднократно публично угрожал мне расправой за то, что непосредственно аппелировал к тов. И.В. Сталину и Л.М. Кагановичу о неправильных, непартийных действиях Голощекина, об ошибках и самодурстве, допущенных Голощекиным в Казахстане. Л.М. Каганович хорошо знает об одном моем письме на его имя. В результате неправильного руководства Голощекина хозяйство Казахстана сильно пострадало, казахи укочевали из Казахстана. ЦК ВКП(б) осудил это, и снял этого болтуна Голощекина с должности секретаря Казкрайкома. Перед своим снятием, этот Голощекин решил приписать свои ошибки кому-нибудь и стал искать мальчика для битья.

Голощекин решил сделать меня козлом отпущения и состряпал на меня это гнусное дело. Это так и оправдалось в ходе следствия по моему делу. Мне было в основном предъявлено обвинение в организации откочевок казахов из Казахстана. Но фактов не было. Я проживал в Ленинграде, а откочевка казахов из Казахстана совершилась в Среднюю Азию и в Новосибирск. Несмотря на мои неоднократ-

ные и настойчивые требования, в ходе следствия никого для очной ставки мне не дали. Ни на чем необоснованные ложные показания «алаш-ординцев» Табинбаева, Баймухамедова, с которыми я не имел никакой личной связи, а лишь только знал поверхностно не могли быть доказательством и их даже мне не показали. Следователи лишь краснея ссылались на них. И действительно как это могло случиться так, что я проживал в продолжении нескольких лет в Ленинграде, но какой-то мой дух или двойник организовал откочевку казахов из Казахстана. Все это было слишком прозрачно, и было выдумано. Следователи по моему делу исходили не из моей виновности, а только из факта на моего ареста. Они говорили так: арестован – значит виновен, но если не виновен, то будешь виновен. Сначала они арестовали меня, а потом стали искать основание для ареста и мотивы против оправдания, желая выручить этого известного хвастуна Голощекина.

Они бились как рыба об лед, чтобы найти оправдание для гнилого руководства Голощекина, но не исходили из желания восстановить истину дела. Следователь говорил мне: «Если Вы зашли в этот дом, то отсюда так просто мы Вас не выпустим. Нам дано право действовать так, как мы хотели, а материалы на Вас будут какие только требуется». Отсюда ясно, что все делали так как хотели и делали все что хотели. Допрашивая меня следователь всегда держал в руках наган, направляя дуло его на меня и делая вид, что он занимается чисткой его, говорил: «Пока не надо, пока надо воздержаться». Во время допроса точил какой-то кинжал делая дикий вид и внушая мне, что вот-вот наступит конец твоему существованию, все требуя от меня подписать, состряпанные ими документы и написать на себя и на других новую болтовню. Все это было выдумано под страхом и угрозой расстрела, о чем я написал в ЦК ВКП(б) на другой же день после отправки в лагеря. В ходе следствия по моему делу, со мной имел беседу какой-то пожилой человек, который назвал себя секретарем парткома НКВД, который приходил уговаривать и объяснять мне, что надо подписывать все показания, хотя это неправда, но это необходимо в данный момент и об этом знает ЦК ВКП(б).

Однажды после своего возвращения с прогулки я нашел под полом своей камеры-одиночки пачку курительного табака, спичку, пилу для резьбы железа, топор, молоток и большой ножик, для чего это сделано я не знаю, но думаю, что меня наталкивали на побег для того, чтобы в случае бегства наказать еще более сурово. Когда не имеется правдивых материалов о виновности обвиняемого, фактов и основания для наказания его, то во внутренней тюрьме сотрудники НКВД сами создавали это.

Однажды после полуночи в мою камеру зашли несколько человек и между собой вели разговор о том, что надо его разбудить, вывести и привести в исполнение решение руководства НКВД. Для чего это сделано я не знаю, но это морально воздействовало на меня очень сильно. Действовали кулаком, ломали ребра, устраивали инсценировку расстрела и диким полуазиатским методом следствия состряпали какое-то ложное дело, которое даже мне не дали для ознакомления. После следствия, в результате этой комедии, решением Особого Совещания при НКВД приговорили меня к 10 годам в исправительно-трудовой лагерь. Но через 2 года я был освобожден досрочно.

Освободили и выпустили из лагеря, но после освобождения начались вызовы в органы НКВД. Следователь вызывал меня ежедневно. Начались страшные дни моей жизни. Воля для меня хуже тюрьмы, а тюрьма хуже смерти. Начались угрозы, преследование и вынуждение, и в 1939 году я был вновь арестован органами НКВД. Решением Особого Совещания вновь приговорен к 8 годам в исправительно-трудовой лагерь. То, что вынуждали подписывать под угрозой ареста, на воле предъявили в качестве обвинения в тюрьме. Следователь по моему делу (фамилию его я сейчас не помню) не проводил ни одного допроса без кулачного боя и без ножки стула в руках, и оказался свирепее всех свирепых. Он энергично избивал, вынуждая подписать ложные показания (следы от ушиба я и до сего времени ношу на своем теле). В 1939 году 31 декабря в 12 часов ночи он привел меня в какую-то комнату внизу, которую он назвал комнатой смерти. В этой комнате смерти действительно смерть показана так, как она есть воочию и наглядно: лужа крови на полу,

на стенах, кровавые отпечатки пальцев людей. Следователь многозначительно оглядывая эту комнату сказал мне: «Вот место, где ты полностью будешь уничтожен», но, несмотря на все это мне одно стало ясно, что эти следователи, в руки которых меня передали, расправлялись со мной и сами же не верили в предъявленные обвинения. Но стремление получить повышение по служебной линии покрывало все и отодвинуло на задний план их совесть. Они становились все бессовестнее, все думая только о повышении. Они только стремились ошельмовать обвиняемого, вывести его из доверия партии и народа, искалечить и угробить его окончательно, не считаясь с фактами отсутствия виновности его и истины дела.

Следователь откровенно и цинично заявил мне: «Мы вырвали Вас из рук партии не для того, чтобы оправдать и выпустить Вас после следствия. Этого быть не может. Этого не бывает в нашей практике. Мы арестовали Вас и будем делать с Вами что хотим. Вы теперь свежее тесто в наших руках и, что мы хотим, то и будем лепить из Вас». Следователи делали что хотели: избивали меня, устраивали инсценировку расстрела, доводили до галлюцинации и расстройства нервной системы, и сами забавлялись в своих собственных измышлениях и выдумках. Заявляли: «Вот теперь мы заявим парторганам, что мы поступили с Вами правильно и правильно арестовали Вас».

Несмотря на все это тяжелое морально-физическое воздействие, в ходе следствия по моему делу установлено, что я нигде и никогда не был связан с контрреволюций казахской буржуазно-националистической организацией «алашордой», нигде не был связан с каким-либо движениями против советской власти и никогда, нигде не принимал участия в антипартийных оппозиционных группировках. Отсюда ясно, что партия долго не давала своего согласия, как мне сказал следователь, на мой арест, настойчиво защищала меня. Меня вырвали из рук партии и делали со мной, что хотели. Окрестили меня врагом народа, состряпали на меня какое-то гнусное, вымышленное дело и приговорили меня решением Особого Совещания к 8 годам исправительно-трудовым лагерям, а по окончании срока я был освобожден в 1946 году. Но за-

тем после двухлетнего пребывания на воле я вновь был в 1948 году отправлен в ссылку Красноярский край и освобожден от ссылки в 1954 году. Почему меня отправили в ссылку, что послужило поводом для отправки в ссылку и почему освободили от ссылки – я совершенно не знаю. Это мне совершенно не известно.

Из вышеизложенного ясно, что со мной поступили так, как беззаконно арестовали и без основания наказали меня до нельзя сурово, это сделано без ведома и тайком от партии. Партия не давала своего согласия на мой арест, долго защищая меня. Отсюда ясно, что дела партии ценнее мне моей крови, и я готов работать не жалея своих энергии и жизни.

Ставя об этом Вас в известность, откровенно и честно освещая вопросы, связанные с моим арестом и ходом следствия по своему делу, прошу Вас пересмотреть мое дело, отменить решение Особого Совещания НКВД по моему делу, реабилитировать полностью меня и восстановить во всех правах.

Тохтыбаев

Мой адрес:
Казахская ССР,
г. Кызыл-Орда, ул. Казахская,
Тохтыбаеву И.

Архив ДКНБ РК по г. Алматы
Д.04693. Т.17. ЛЛ. 7-11. Подлинник.

М О С К В А

ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ СССР

от гр-на ТОХТЫБАЕВА Н.Т.

Ж А Л О Б А

Я не хочу распространенно рассказывать Вам о себе и своем прошлом, учитывая ограниченность Вашего времени для чтения моей жалобы. Я хочу лишь сказать Вам о том, что в прошлом так же, как мои родители я работал на казахских баев и на жадных казахских полуфеодалов-эксплуататоров. Они били меня-казахского упрямого мальчика сколько хотели по всякому поводу, но часть и всегда без всякого повода. Шрамы, образовавшиеся от избиения их я до сего времени ношу на своем теле. Что вспоминать об этом? Но это было очень тяжело и жутко. Отсюда ясно же, что я никак не мог не питать ненависти к этим, будь они трижды прокляты, полуфеодальным извергам, баям. Я кровно не был связан с баями и с буржуазным строем. Отсюда так же понятно, что я не случайно в 1916 году был участником и одним из организаторов вооруженного восстания против царской власти и насилия русских колонизаторов и киргизских манапов в Киргизии и в последствии был об"явлен царской властью вне закона.

Я вырос в обстановке безжалостной нищеты, насилия и жестокой эксплуатации. Этим об"ясняется то, что в первых дней февральской буржуазно-демократической революции я не поверил этим кровавым "демократам"-националистам- байским наемникам и примкнул к Совету солдатских и рабочих депутатов в гор.Ташкенте и впоследствии вместе с рабочим классом активно участвовал в Октябрьском Вооруженном Восстании и вместе с ним же завоевывал власть Советов в Ташкенте. Феодально-байская буржуазия упорно сопротивлялась против Советской власти в дни гражданской войны, организуя "Алаш-Ординское, басмаческой движение, а кучка казахской интелегенции лакействуя перед своей национальной буржуазией под диктовку последней вела длительную борьбу против Советской власти, но окончательно потерпев поражение ушла в аул, а я никуда не ушел, я не бежал от Советской власти. Наоборот, живя в Ташкенте бесповоротно и активно помогал укреплению Советского Государства в решающие дни Революции в Средней Азии, становясь из"упрямого казахского мальчика"- байского наемного малолетки одним из руководителей Советской власти в Средней Азии. Много-ли было таких нацменов в первые дни Великой Октябрьской Социалистической Революции? Но все это в ходе следствия обратно расценивали, извращали, оказывая морально-физическое воздействие. Чувства страха оказалось сильнее чувства смерти и я иногда сдавался, подписывая ложные показания.

ии отсутствия виновности его и истины дела.

Следователь Коган откровенно и цинично заявил что:"мы вырвали Вас из рук партии не для того, чтобы оправдать и выпустить Вас после следствия. Этого быть не может. Этого не бывает в нашей практике. Мы арестовали Вас и будем делать с Вами что хотим. Вы теперь свежее тесто в наших руках и, что мы хотим, то и будем лепить из Вас." Следователи делали что хотели: избивали меня, устраивали инсценировку расстрела, доводили до галлюцинации и расстройства нервной системы и сами забавлялись в своих собственных измышлениях и выдумках. Заявляли:"вот теперь мы залвим партии органам, что мы поступили с Вами правильно и правильно арестовали Вас".

Несмотря на все это тяжелое моральное физическое воздействие, в ходе следствия по моему делу установлено, что я нигде и никогда не был связан с контрреволюцией казахской буржуазно-националистической организацией "алаш-ордой", нигде не был связан с какими-либо движениями против Советской власти и никогда, нигде не принимал участия в антипартийных оппозиционных группировках. Отсюда ясно, что партия долго не давала своего согласия, как мне сказал следователь Иванов, на мой арест, настойчиво защищала меня. Меня вырвали, как говорил тот-же Иванов, из рук партии и делали со мной что хотели, как сказал Коган, окрестили меня врагом народа, состряпали на меня какое-то гнусное, вымышленное дело и приговорили меня решением ОСО при НКВД к 8 годам исправительно-трудовым лагерям, а по окончании срока я был освобожден в 1946 году, но затем после двухлетнего пребывания на воле я вновь был в 1948 году отправлен в ссылку Красноярский край и освобожден от ссылки в 1954 году. Почему меня отправили в ссылку, что послужило поводом для отправки в ссылку и почему освободили от ссылки - я совершенно не знаю. Это мне совершенно не известно.

Из вышеизложенного ясно, что со мной поступили так как без-законно арестовали и без основания наказали меня до-нельзя сурово, это сделано без ведома и тайком от партии. Партия не давала своего согласия на мой арест, долго защищая меня. Отсюда ясно, что дела партии ценнее мне моей крови и я готов работать не жалея своих сил, энергии, и жизни.

Ставя об этом Вас в известность, откровенно и честно по делу вопросы связанные с моим арестом и ходом следствия по своему делу, прошу Вас пересмотреть мое дело, отменить решение ОСО НКВД по моему делу, реабелитировать ~~меня и~~ полностью, восстановить во всех правах.

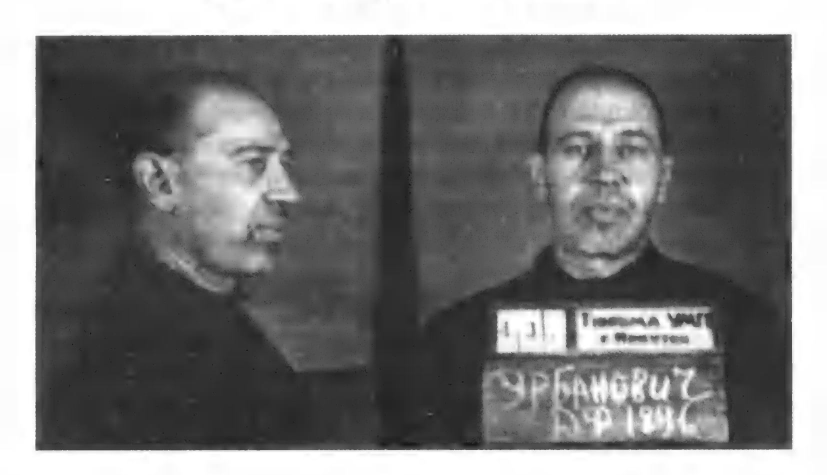
ТОХТАБЫЛОВ.

Мой адрес: Казахская ССР., гор. Кзыл-Орда, ул. ~~[illegible]~~ Казахская.

ТОХТАБЫЛОВУ И.

Архив ДКНБ РК по г. Алматы
Д.04693. Т.17. ЛЛ. 7-11. Подлинник.

УРБАНОВИЧ ДМИТРИЙ ФОМИЧ

Справка: *– арестован 27 июня 1936 года НКВД СССР в гор. Москве и этапирован в распоряжение НКВД Казахской ССР для проведения следствия по его делу. 21 октября 1937 года в гор. Алма-Ате Выездной Сессией Военной Коллегии Верховного Суда СССР был приговорен по ст. 58 пп. 8,11 УК РСФСР к 10 годам лишения свободы.*

27 июня 1946 года по отбытию срока наказания был освобожден из лагерного отделения ИТЛ № 1 МВД Киргизской ССР и направлен на жительство в г. Тайшет Иркутской области.

21 декабря 1948 года вновь арестован УМГБ СССР по Иркутской области. 2 апреля 1949 года осужден Особым Совещанием при МГБ СССР к ссылке на поселение в пос. Раздольное Удерейского района Красноярского края.

Определением № 4н-04342/56 Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 16 мая 1956 года приговор Военной Коллегии Верховного суда от 21 октября 1937 года и постановление Особого Совещания при МГБ СССР от 2 апреля 1949 года отменены, и дело о нем в уголовном порядке производством прекращено, за отсутствием в его действиях состава преступления.

АВТОБИОГРАФИЯ

Я, Урбанович Дмитрий Фомич родился в гор. Кишиневе в семье почтового служащего. В 8 лет я поступил в гимназию которую окончил в 1918 году. После окончания гимназии я жил со своими родителями и нигде не работал.

Проживая в Кишиневе в то время я читал политическую экономию, иногда обменивался своими мнениями с товарищами. Жандармерия меня в Кишиневе два раза задерживала и избивала на улице. Однако никаких обвинений мне не предъявляли. В 1921 году мне мой брат сказал, что мне лучше из Кишинева выехать за границу, что я и сделал послушав его совета.

В 1921 году я по настоянию своего брата Урбановича Аркадия Фомича из Кишинева выехал в Германию в город Лейпциг. Причина моего отъезда в Германию являлись мои политические убеждения. В то время я имел коммунистические взгляды и боясь преследованию со стороны Румынской сигуранцы я выехал в Германию. С 1921 по 1924 год я в Лейпциге учился в университете на медицинском факультете, однако не закончив учебу выехал в Австрию в гор. Грац. Этот переезд объясняется тем, что в Австрии жизнь более значительно дешевле нежели в Германии. В городе Грац я жил до марта 1932 года.

Проживая в городе Грац (Австрия) я все время учился в университете на медицинском факультете. Часть экзаменов я сдавал в институте. В 1931 году я окончил учебу получив специальность врача. Столь длительное обучение в университете объясняется тем, что я очень длительное время болел.

В марте 1932 года я из Австрии выехал в Советский Союз получив визу на выезд в Советском консульстве в Вене. Прибыв в Советский Союз я поселился в городе Москве, первый год я болел, не работал, а с апреля 1933 года работал врачом при Московском горздраве. В 1934 году я поступил на работу в больницу имени Соловьева, где работал до мая 1936 года. В июне 1936 года НКВД СССР я был арестован.

Ни в каких политических партиях я не состоял. Никакой политической работы я не проводил.

... Находясь в Германии и Австрии я также никакой политической работы не вел.

Из родственников я имел отца Урбановича Фомича Михайловича, который проживал в городе Кишиневе, работал почтовым чиновником, а затем был домовладельцем. Мой отец имел три дома и фруктовый сад. Отец мой умер, но в каком году я точно не знаю. Мать моя Таися (или Таня) также происходит из служащих. Являлась домашней хозяйкой. Умерла в 1920 году. Я имел еще двух братьев. Старшего брата Урбанович Аркадия Фомича 1876 года рождения, проживал в Кишиневе, работал врачом. Второй брат Урбанович Деомид Фомич 1879 года рождения, являлся кадровым офицером Румынской армии, жив в настоящее время он или нет я не знаю. Кроме того я имел сестру, которая умерла в 1917 году.

... Проживая в Москве я поддерживал связь со своим братом Урбановичем Аркадием Фомичем проживавшем в Бессарабии. Переписка носила обычный бытовой или даже обывательский характер и только.

... 27 июня 1936 года в городе Москве я был арестован НКВД СССР и этапирован в гор. Алма-Ата в тюрьму НКВД Казахской ССР. На предварительном следствии в 1936 году меня обвиняли в том, что я поддерживал связь с румынским перебежчиком Сырб, проводившим в Советском Союзе антисоветскую троцкистскую деятельность и по просьбе Сырб, путем связи со своим братом проживавшим в то время в Кишиневе, помогал материально деньгами румынским перебежчикам. На следствии я сказал, что перебежчика Сырб я совершенно не знаю, и никакой связи с ним не имел. Я только признал тогда себя виновным в том, что я по просьбе Гилярова написал своему брату в Кишинев письмо, в котором просил оказать материальную поддержку его родственникам. В качестве компенсации за помощь, которую окажет в Кишиневе мой брат Гиляровым я получил от Гилярова 200 рублей денег. За эту незаконную операцию в октябре 1937 года Выездной сессией Военной Коллегии Верховного Суда СССР я был осужден на 10 лет лишения свободы.

После осуждения я был этапирован для отбытия срока наказания в Нижне-Амурский ИТЛ НКВД. В 1943 году из этого

лагеря я был переведен в Алтайский лагерь НКВД, где пробыл до марта 1945 года. В марте 1945 года, я по моей личной просьбе, был переведен в Киргизию УИТЛ. Освобожден я был и из этого лагеря в июне месяце 1946 года по отбытию срока наказания.

В конце 1935 ко мне на квартиру в Москве явился гражданин, который назвался Гиляровым. В разговоре со мной он рассказал, что ему известно о том, что в Кишиневе проживает мой родной брат Урбанович Аркадий Фомич, который знаком с родственниками Гилярова также проживавшие в Кишиневе. Далее мне Гиляров сказал, что его жена просит меня чтобы я через своего брата оказал материальную помощь Гиляровым проживавшим в Кишиневе. Гиляров попросил написать письмо в Кишинев к моему брату Урбановичу, и просить его, чтобы он румынскими деньгами помогал родственникам Гиляровой, а они будут мне возмешать расходы моего брата советскими деньгами, которые будут передавать мне. Гиляров мне говорил, что родственники его жены проживавшие в Кишиневе испытывают материальные затруднения, в то время в Бессарабии была голодовка, в связи с этим он и просил у меня материальной помощи.

Я на это дал согласие. Во время этой же встречи с Гиляровым он передал мне двести рублей советских денег с тем расчетом чтобы соответственно этой сумме мой брат в Кишиневе оказал помощь Гляровым румынскими леями. Деньги я эти взял и вскоре написал письмо брату которого просил оказать помощь Гиляровым. Мой брат это делал. После этого случая я с Гиляровым не встречался и вскоре был арестован.

... В 1936 году мой брат Урбанович Деомид Фомич проживавший в окрестностях Кишинева, в письмах ко мне, просил меня в Москве связаться с секретарем Румынского посольства. Брат писал мне, что через посольство я могу узнать как он материально живет в Бессарабии, и выражал надежду на то, что я передам ему часть своего наследства, находящегося в Кишиневе. Мое наследство состояло из трех домов в городе и фруктового сада площадью в 0,5 га. Однако несмотря на просьбы своего брата я с Румынским посольством в Москве никакой связи не устанавливал и не имел.

... Отбывая срок наказания я ни с кем никакой антисоветской связи не имел. Находясь в лагере я работал все время врачом и заместителем начальника Санитарной части. По роду своей работы в лагере я был связан со многоими заключенными, но эти связи не носили антисоветского характера.

... После освобождения из заключения в июне 1946 года я один год проживал во Фрунзенской области в Киргизии, работал врачом. Никаких связей с лицами ранее судившимися за антисоветские преступления я не имел. В июле 1947 года я по собственному желанию переехал в гор. Тайшет и поступил работать врачом в Ангарлаг.

Архив ДКНБ РК по г. Алматы
Ф.6. Д.03929. Т.1. ЛЛ.13-37. Подлинник.

Начальнику 9-го Отдела
(по ссыльно-переселенцам)
Министерства госбезопасности СССР
г. Москва.
от врача психоневролога
Урабановича Дмитрия Фомича
1896 г.р., проживающего в
Красноярском крае, Удерейский район,
пос. Раздольное, 1 уч. № 60.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Я родился в семье бывшего почтового служащего, впоследствии садовладельца, домовладельца г. Кишинева Молдавской ССР. Родился самым младшим, на 17,5 – 20 лет позже моих братьев и рос настолько хилым ребенком, что на протяжении 20 лет все ожидали моей смерти. Долгие годы болезней намного задержали и мое окончание среднего учебного заведения. Я окончил его в мае 1918 г., когда румынские оккупанты уже заняли Бессарабию. Таким образом, я тем самым был изолирован от страны Советов, а во-вторых меня начали часто арестовывать, избивать и ка-

лечить. Дело в том, что с ранних лет (16) лет меня сумели познакомить с большевистскими идеями и когда через 5-6 лет к власти пришла Партия Ленина, я был, для моего возраста и тогдашнего уровня, созревший коммунист, ярый противник, со всем юношеским порывом, буржуазного строя. Прошло очень не долго. Мать умерла, меня лишили наследства матери и изгнали из родного дома, говоря, что «коммунист не должен признавать деньги». Неоднократные аресты и попытки меня расстрелять, в чем большей частью были повины мой отец и средний брат, заставили меня в 1921 г. навсегда уехать из Кишинева. За границей кроме голода, ибо отец мне денег, несмотря на договор, почти не посылал, а чаще сообщал, что мной интересуется румынская прокуратура и жандармерия, я пережил вновь несколько арестов. Меня обвиняли в коммунистической пропаганде. Хотя я любознательных людей просто информировал только о том, что читал в наших центральных газетах, журналах и научных брошюрах. Я получал таковые из разных вузов СССР и сколько мне было возможно использовал их для научных работ.

Считался сотрудником Венского посольства, строго придерживался точной установке в контакте с указанными людьми. Когда летом 1931 г. я пережил последний арест и тюремное заключение, то вмешался МОПР, благодаря которому я получил временную свободу. Но все-таки в марте 1932 г. я должен был навсегда покинуть Австрию. Меня в другие места не пустили. В Бессарабию ехать, значит быть выданным своим отцом (он умер очевидно уже во время Отечественной войны). По предложению начальства (заместителя посла), я поехал в СССР. 1/IY-1932 г. в одном вагоне с Эрнстом Тельманом и сотрудниками других посольств, я как политический эмигрант приехал в Москву. Но не прошло и 12 дней моего там прибывания, как я заболел и был прикован к койке до 1933 года.

После окончания курсов усовершенствования врачей я начал работать при Московском горздраве и по указанию тов. Хрущева (Московской Компартии), выполнял нужные задания. Начиная с марта 1934 г. работал при кафедре академика М.О. Гуревича и научным сотрудником Всесоюзного института

экстренной медицины при Совнаркоме. Научную работу сдал в мае 1936 г. В мае начал лечиться в Сочи (Крым), а по приезде в Москву, 28/YI-1936 г. был арестован.

Четыре дня я находился в Бутырской тюрьме и когда я в памяти начал проверять себя, то равно никакого отступления в моей деятельности не нашел. Кстати скажу, что ровно ничего не знал о какой то борьбе, как впрочем и сейчас себе ничего не представляю. И, например, о коллективизации у меня было слишком наивно-примитивное представление как о переселении зажиточных крестьян в незаселенные места и все. С заграницей я не переписывался за исключением старшего брата хирурга. Он с 1905 г. находился в рабочем движении и в 1917 г. был членом солдатских депутатов, а может и председателем, так как у него была печать. В 1940 г. он был назначен начальником Военно-Хирургического госпиталя и был заместителем наркома здравоохранения Молдавской ССР. Зимой 1936 г. я этому брату писал, чтобы он помог какой-то голодающей семье, как меня в том просил зашедший какой-то гражданин, говоря, что родители жены голодают. Этот гражданин якобы ехал на курорт и обещал еще зайти, но больше не зашел и я думаю, что я был жертвой для обвинения. Но имел ли я моральное право, как врач не писать брату, тоже врачу, чтобы не помогать голодающим в Кишиневе (еще при боярской Румынии).

Через четыре дня меня повезли в Среднюю Азию, на каждой большой станции меня уговаривали «вот-вот уже приехали». Знаю только, что лично со мной происходило непонятно, не хорошее. В таком состоянии я предстал перед рядом работников Алма-Атинского НКВД. Помню только, что летом имел несколько бесед с секретарем парткома НКВД тов. С. Коноваловым, который писал все, что только ему нужно было и я все подписывал (сейчас впрочем не помню), т.к. я очень верил члену партии. Но лично у меня было состояние безразличия. Знаю только, что вначале он опрашивал о каком-то человеке, которого я не знал. Но потом он сам признал, что я конечно никого не знаю, и спрашивал он меня для формы. Работая в Москве по психиатрии, я абсолютно ни с кем не общался, не было времени. А политикой вообще не занимался, ибо необъятная область психиатрии меня полностью захватывала,

она и дала мне содержание, смысл жизни. Денег я зарабатывал (я не пьющий и не курящий) более чем достаточно и мог помогать людям: я материально поддерживал вдову 73 лет, старушку Петрову, где я в 1933 г. жил, и семью одного знакомого рабочего, который учился на фрезировщика тов. Субботина. Через 2-3 месяца следователь на мой вопрос: «В чем можно меня обвинить?», мне прямо сказал, что он не находит материала для обвинения, думал, что тут же он меня и освободит. Но он добавил, что пошлет все в Москву (Особое Совещание) и там «что-либо найдут». Откровенно говоря я никак не мог понять всех этих механизмов.

Мне предложили работать врачом, что я и сделал, республиканский прокурор удивлялся, что я за работой обо всем забыл и никуда не пишу. Но вот в октябре 1937 г. уже меня вдруг вновь вывозят в ДИЗ и меня 2.45 ночи обвиняют в «переходе» через какую-то границу и связях с кавказцами, и еще какими-то нацменами. Я просто думал, что в другой камере имеется однофамилец, которым меня перепутали, но мне человек с двумя .....?. пояснил, что нужно подписаться. Я и подписался. Через 7.30 часов я, однако, уже выслушал приговор: по ст. 58, п. 8 мне определяется 7-10 лет заключения и 5 лет поражений. Правда, на этом военном суде, почему-то спрашивали, кому я в жизни помогал материально, могу ли я кого-нибудь назвать. Можно ли врачу задавать такие вопросы, когда мы морально обязаны всю жизнь помогать больным, а если нужно, то и помогать материально. Но все это вызвало улыбки и смех некоторых – все они были военные. Я ни до этого, ни после этого, как на этом суде не чувствовал к себе такого недоброжелательного отношения. Я был и останусь врачом, присягавшим приносить людям только исцеление от недуга. Поэтому я был глубоко оскорблен таким отношением к себе, и считал это недоразумением, которое «вскоре» выяснится. Я отдал всю свою личную жизнь, еще с молодых лет, потерял семью, здоровье. И вдруг этим арестом стал в положение ничтожного посмещища, издевки в глазах моего же отца, который изгнал меня из дому как человека с коммунистической идеей, да еще до приезда в СССР грозил мне, что меня жаждет видеть сигуранцы. И вот, мой арест в Москве!

Но никто в моем деле не разбирался ... Я просидел под Комсомольском 5 лет и началась Великая Отечественная война. Я в то время был начальником больницы, однако я не хотел примириться со своим положением и хотел участвовать в защите Родины от поганых румынских жандармов. Меня пригласил заместитель начальника большого лагеря тов. Фишман.

В г. Комсомольске я часто бывал как консультант и как судебный психиатр, эксперт. Тов. Фишман и начальник Политотдела прямо удивились моей политической наивности-примитовности, улыбались моему ожиданию, что «кто-то разберет мое дело». Учитывая же мое нездоровье, они легко уговорили меня как непригодного для фронта, зато полезного для НКВД как психоневролога и администратора.

Я должен особенно подчеркнуть, что на протяжении многих лет моего там пребывания, я кроме чуткого, заботливого отношения к себе и моим больным, не мог бы более сказать. Мое высшее начальство всегда шло мне навстречу, когда нужно было помочь как военнопленным, так и заключенным больным и это меня морально вполне удовлетворяло! То что на суде было очевидно некогда разбирать, сама жизнь подсказала: я обязан людям помогать! И все таки из системы НКВД я ушел инвалидом, хотя кое-как консультировал до 27/YI-1946 г. Один год с лишним работал на кафедре Конторовича, и затем получил приглашение на должность психоневролога при Управлении генерала Гвоздевского (от тов. Спутенского, моего бывшего пациента. Там же в г. Тайшете я работал консультантом при райздраве и на Восточной Сибирской железной дороге. Работа проводилась большая ответственная. В научном отношении имел контакт с клиниками г. Иркутска. Но вот 21/XII-1948 г. меня вновь перевозят в г. Иркутск. И хотя я никак не мог понять, что они еще хотят от больного старого врача – я только за 25 дней до этого приехал после двухмесячного лечения – мне тов. прокурор обещал аналогичное место, но в иной области. Действительно система МВД, а впоследствии МГБ были ко мне чутко предупредительна. И однако под конец этот переезд оказался для меня роковым. Первые полгода я работал на спокойном врачебном участке, так же счастли-

во как и в г. Тайшете. Все меня любили, ценили как врача и как консультанта в районе. Ценил меня и начальник Районного отдела МГБ майор Филиппов, который не хотел меня отпускать из района на работу по специальности в психоколонию. И он был конечно прав, все четыре месяца, которое меня задерживал. Сейчас я даже уверен, что он многое и знал, что творится в психоколонии, а я его предупреждения относительно этого Краевого лечебного учреждения и не допонимал, даже совсем не понимал. Я хотел большого врачебного коллектива и настоящей научной работы. Ведь заранее туда поехать и ознакомиться с постановкой я не имел возможности, некогда все было.

Но я никак не ожидал, что попаду в такое место, где все было как на старой кулацкой заимке. Весьма кратко поясню: там 12 лет работали бесконтрольно. Все мыслящие по советски сотрудники признавали, что в психоколонии «ничего советского не было». Мне на третий день работы, директор от имени главного врача Вишневицкой, предложил создать ложные дела сперва на одного из врачей, а затем подумать о втором. 17 дней спустя, когда один из врачей Турхан себе уяснил, что главный врач запрещает лечить советских людей и имел конфликт, мне намекают, что нужно создать на врача Турхана 58 статью. А полтора месяца спустя врач Вишневицкая у себя на квартире, в спальне, мне внушала, что необходимо отравить несчастного врача Буссе.

Присмотревшись, я увидел следующее: больных в психколонии фактически не лечили, да и не желали улучшить лечебно-профилактические мероприятия. Никто из медиков на курсах повышении квалификации за все 12 лет не был. Никакой критики не признавали, и если кто-либо начал по советски интересоваться делом того изгоняли. К увечьям, насилиям, убийствам и побегам больных были равнодушны. Участвуя в систематическом и самом наглом государственном хищении, администрация (Меншин, Вишневицкая, Жмуриков, Карпенко и другие) даже уверовали правам красть и поощрять только своих сообщников. Психколонию считали только местом наживы. Однако некоторые (Вишневицкая со своей узкой группой) считали, что психколония является местом и для иных целей.

Очень большое подсобное хозяйство, с даровой рабочей силой – одних рабочих-психических больных было более 200 человек – (всего больных было 400) служило почти исключительно для обогощения и пьяных оргий администрации, их родственников и отдаленных знакомых, в том числе и краевых. Из обширнейших огородов вывозили в разные стороны и уже осенью на кухне не хватало овощей. Из 100 ульев в последние годы специально больным не давали ни грамма меда, крали полностью. Имелось более 30 дойных, частично племенных коров. Но они давали до 6 литров в сутки. Убийства и насилия над больными, расценивались как обычное легальное явление. От меня лично Вишневицкая требовала, чтобы я посредством больной сотрудницы Васильевой заразил тифом 86 психических больных моего лазаретного отделения. Когда сбежала по вине лаборантки психически больная 11 летняя девочка, то главный врач Вишневицкая не только не желала принять надлежащие меры к ее розыску, но матери девочки три дня не разрешали звонить в милицию, а затем, после смерти девочки, Вишневицкая выгнала мать от дверей кабинета, в здании конторы, где находились сотрудники МГБ. И все это поведение Вишневицкой считалось видно нормальным, ибо прокурор Задеря пытался утверждать, что Вишневицкая якобы вообще не виновна, «ее там не было» и прочее...

Достойно упоминанию, что групповые пьянки с целью специального спаивания необходимых лиц, (это имело бы для системы МГБ немало важный интерес!) стоили каждые 10-15 дней от 1000 до 1500 рублей и более. Были случаи, что закалывали целые туши племенных коров и свиней для пьянок. Строительный материал «продавали» в таком количестве, что например, соседняя организация построила более семи домов в 1951 году. Сено, измеренное самим директором, больше половины «пошло» на сторону, а в апреле лошадей подвешивали; частные лица кормили скот психической колонии. Эти ужасные «новости» я впервые узнал только в психколонии, тогда как Вишневицкая из года в год все это умело прикрывала, и все протоколы заседаний ликвидировала самым наглым образом. Помощников прокуроров к расследованию тов. Задеря допускал только по одному разу.

Но была и другая сторона дела. Преступник-организатор Вишневицкая развила свою деятельность и по другой линии: «групповой профилактике» в целях предупреждения быть вскрытой. Уже в конце апреля 1950 г. мне ультимативно было сказано, поскольку я не иду в ногу с администрацией, ибо я должен быть глух, слеп и нем, или я попаду в такое место где погибну с голода. Это на некоторое время заставило меня призадуматься по следующим причинам: Вишневицкая до войны была политически неблагонадежная. Врач Турхан мне сообщал, что у нее был срок по 58 статье. Но свое прошлое она крепко скрывала. Согласно сообщению бывшего майора НКВД, имевшего с ней продолжительный контакт, причем инициатива для этого была в руках Вишневицкой, последняя находясь в оккупации у немцев, несмотря на то, что и была еврейкой, имела тесную связь с гитлеровским офицерством. Во вторых «узкая группировка, имевшая свои интересы» и тайно устраивавшая конспиративные заседания, состояла из лиц политически антисоветски настроенных и целеустремленных. Будучи в последние месяцы, вернее полтора года как-то ободряема, Вишневицкая взяла под свое покровительство не только всяких воров и врагов советского здравоохранения, она натравляла против врачей как медицинский персонал, так и психически больных. Она инструктировала 15 летнюю ученицу Н. Бородину обокрасть врача Буссе. Когда Бородина обокрала свою воспитательницу Буссе, забрав документы, облигации и вещи и принесла Вишневицкой, то последняя ее поцеловала, обещала любое место в больнице. Место ей конечно не дали и Бородина полезла в петлю. В четвертых, Вишневицкая с 27/IX-1950 г. приняла активное участие в устройстве, а затем и в скрытии врага Родины Мусы, имевшего 25 летний срок и еще в 1950 г. высказывавшегося о том, что он только и ждет войны и американцев, чтобы начать иную жизнь. Все это было как и многое другое достаточно известно.

Итак Вишневицкая начала искать пути меня выжить из психической колонии, учитывая именно мое положение ссыльного или ссыльного поселенца. Богатство подсобного хозяйства, личные качества свои как женщины, спаивание

и прочее – все нашло свое применение для представителей некоторых учреждений и для точно определенных лиц. Еще в марте 1951 г., когда я своему кустовому начальнику младшему лейтенанту Коростелеву сообщил, что мое нездоровье нуждается в перемещении на юг, то тов. лейтенант особенно предупредительно обещал мне перевод в Минусинск (или Абакан). Вишневицкая же с конца 1950 г. уже нащупала почву и надеялась, что найдет какое-либо провокационное дело, чтобы меня сослать туда, где я по ее расчетам должен обязательно погибнуть. Она многократно перед людьми высказывалась, что скоро ей удастся «разогнать штатного врача». И хотя у меня за 25 лет врачебной деятельности не было никаких замечаний; хотя мне и другим неоднократно обещали удаление преступной администрации и замене ее ответственными партийными людьми; в феврале или марте младший лейтенант Коростелев и член Крайкома Бугоркова обещали какому-то рабочему-плотнику, который писал Клементу Ефремовичу Ворошилову о каких-то взятках в строительной бригаде, или о хозяйственных неполадках (я точно не знаю), что администрация будет в 4-6 дней удалена – все-таки хотели отыграться на мне одном и 11/YI-1951 г. меня удалили оттуда. В Краевом здравоохранении мне не советовали напр. Козачинский район, ибо там нет врачебных мест. А Удерейский, который я себе никак не представлял, как север, они мне очень советовали, нужен психоневролог. Но, по приезде сюда, я не только обнаружил гибельный для меня Север, но к тому еще, покровительница Вишневицкой, заместитель заведующего Крайздрава тов. Броницкая, прислала телеграмму, чтобы мне здесь работы не представляли. И вот 9 меяцев я не работаю врачом. И снова я голодал как когда-то, хотя и мой идейный враг в г. Кишиневе. Допустимо ли это?!

Я честно и с достоинством отбыл срок мне назначенный, хотя моя большевистская совесть никогда не была и не будет запятнана. Но я никогда не позволял себе громкогласно коголибо обвинить, ибо я верю в справедливость и понимаю, что на таком обширном континенте-стране возможны и недоразумения. Я стойко и безропотно все перенес. Я не лишен сейчас прав. Я был и хочу быть честным большевиком и не же-

лаю, чтобы делали из меня преступника, как это хотели враги советского здравоохранения Мекшин, Вишневицкая и их «соратники». Не могу я согласиться и с тем, как мне сказали, что сейчас не 1937 год, а 1951 год. Так как независимо от года, контрреволюционеров не намерен прикрывать. Но меня избегали, не хотели со мной разобраться и посчитали так, что выгоднее меня сделать вновь «неблагонадежным», вместо того, чтобы радикально поступить с преступниками. Только после последующих еще двух убийств на ст. Тинская Вишневицкую ... перевели в Камск.

Я страдаю сердечно-сосудистой недостаточностью и гипертонией. В ноябре 1951 г. у меня было микрокровоизлияние в мозг. Страдаю еще заболеванием периферических нервов и легкими. Пребывание в пос. Раздольном этого севера для меня прямо-таки гибельно. Я неоднократно писал в Крайздравотдел о переводе меня в другой район на место психоневролога. Однако эффекта не дало. Сообщают, что вакантных мест нет, хотя места для психиатра имеются. Но для меня согласовать с МГБ не хотят. Писал в Министерство здравоохранения РСФСР о том, чтобы ходатайствовали о моем переводе наконец в другую область. Психоневрологический отдел и отдел кадров Министерства посылают ходатайство вновь в Крайздравотдел. А здоровье мое, изо дня на день ухудшается. И для чего все это нужно, кому поможет моя гибель? Ведь в лучших условиях я, даже при моем слабом здоровье, могу быть полезен населению. Быть может даже продолжать и научную работу.

Еще в 1936 г. летом, парторг Коновалов, ныне полковник в г. Семипалатинске, инструктировал, чтобы я честно обо всем довел до сведения нужных лиц. А кому? Я обо всем вкратце написал первому секретарю Крайкома тов. Бутузову и копию начальнику Краевого отдела МГБ, т.к. считаю, что в МГБ должны знать мои мысли. Я ведь только помогал вскрыть зло. И никто мне не говорил, что все сказанное мною не соответствует действительности. Так за то, что я хочу помочь моей Родине, почему должен быть наказан?

И вот нынешнее мое поведение и положение: я малоподвижен ибо внутренне парализован. Ни одного дня здесь себя не чувствовал здоровым без места для работы по специаль-

ности, со все ухудшающимся материальным, моральным и телесным состоянием. По моим врачебным расчетам, даже в сносных хороших условиях, мне не прожить более полутора-двух лет.

Я прошу Вашего содействия. Помогите мне уехать куда-либо в более южное место, в какую-либо загородную психическую больницу или психическую колонию, где бы я мог спокойно работать и дожить остаток моих дней.

Дайте мне возможность наконец отделаться от ужасного гнета, чувствовать себя в чем-то виновным. Если тот материал, что имеется в Вашем распоряжении не убедителен, прошу Вас назначить мне новое и окончательное следствие, и Вы убедитесь в чистоте моих идей и фактической честности; разницы между 16 годами и нынешними 56 годами нет. Да, мой жизненный опыт обогатился, но, главным образом, за счет научных знаний. И если бы вы знали какие непредвиденные перспективы имеет впереди медицина, и как я хотел бы хоть небольшую толику из этого постигнуть, то Вы бы сделали правое дело, диктуемое нашей Сталинской конституцией, дать мне возможность работать и дожить спокойно свои куцые годы. За мои 40 лет несокрушимой верности идее, беззаветному самопожертвованию и как страстному поборнику советской культуры, я прошу даровать мне пару лет ограниченной, но спокойной жизни советского врача.

Пос. Раздольное — *Урбанович*
15/III-1952 год

Архив ДКНБ РК по г. Алматы
Ф.6. Д.03929. Т.1. ЛЛ.46-57. Подлинник.

л. 46

Начальнику 9-го Отдела (по спецпереселенцам)
Мин. Госбезопасности – СССР – г. Москва

От гр-на Никоневского Ур-
новича Дмитрия Ильича 1896 г.,
проживающего в Красноярском
крае, Удерейский район, пос. Раз-
дольное, 1 уч. №66

Заявление

Я родился в семье бывшего почтового служащего, впоследствии садовладельца, домовладельца г. Кишинева – Молдавской ССР. Родился самым младшим, на 17½ – 20 лет позже моих братьев и рос настолько хилым ребенком, что на протяжении 20 лет все ожидали моей смерти. Долгие годы болезни немного задержали и мое окончание среднего учебного заведения. Я окончил в мае 1918 г. когда румынские оккупанты уже заняли Бессарабию. Таким образом, я тем самым был изолирован от страны Советов, а во время меня начали часто арестовывать, избивать и калечить.

и дожить спокойно свои худшие го-
ды. За мои 40 лет несокрушимой верности
идеи, беззаветному самопожертвованию и как
страстному поборнику Советской культуры,
я прошу даровать мне пару лет ог-
раниченной, но спокойной жизни советско-
го врача.

пос. Раздольное Урбанович

15/III 1952 год

Архив ДКНБ РК по г. Алматы
Ф.6. Д.03929. Т.1. ЛЛ.46-57. Подлинник.

УТЕПОВ ШАРИП ГАЙСАНОВИЧ

Справка: *– арестован 6 сентября 1938 года УГБ НКВД КССР. Постановлением Особого Совещания при НКВД СССР от 26 октября 1940 года по ст. 58 пп. 2,7,11 УК РСФСР осужден 8 годам заключения в ИТЛ. Срок наказания отбыл в 1946 году. 7 февраля 1949 года вновь арестован УМГБ по Восточно-Казахстанской области. Постановлением Особого Совещания при МГБ СССР от 18 июня 1949 года сослан на поселение. Определением № 8145-С-54 Судебной Коллегии от 5 ноября 1954 года постановление Особого Совещания при МГБ СССР от 18 июня 1949 года отменено и дело производством прекращено за недоказанностью обвинения.*

АВТОБИОГРАФИЯ

Я родился в 1906 году в ауле Акмер, ныне колхоз «Енбек», Кировского района Восточно-Казахстанской области и по месту рождения проживал до 1924 года. До 1923 года находился на иждивении родителей, а в 1923 г. был избран секретарем аульной комсомольской ячейки. В 1924 году был командирован на учебу в Семипалатинск, и там проживал по 1926 год. Вначале обучался в губернской совпартшколе, по окончании ее работал секретарем Лепсинского волостного комитета комсомола, а затем секретарем Семипалатинского уездного комитета комсомола. В течение 1927 года работал

секретарем Каркаралинского укома комсомола, а на протяжении 1928 года обучался в Семипалатинской губернской совпартшколе II ступени. В первой половине 1929 года работал заведующим АПО Риддерского горкома партии, после чего был переведен на работу в Актюбинский окружком комсомола заведующим орготделом.

В 1930 году меня отозвали в ЦК ВЛКСМ, и передали в распоряжение Коммунистического интернационала молодежи. С этого времени до конца 1932 года работал в ЦК Монгольском народно-революционном союзе молодежи. Из Улан-Батора в Казахстан обратно выехал по болезни и с этого времени до осени 1937 года проживал в г. Алма-Ата. Вначале работал секретарем Алма-Атинского обкома комсомола, затем обучался в институте Марксизма-Ленинизма. Институт не окончил, был направлен снова на работу. Сначала работал заведующим орготделом Крайкома комсомола, после секретарем Алма-Атинского обкома комсомола, а летом 1937 года был избран третьим секретарем Алма-Атинского обкома КП(б)К. С осени 1937 года до мая 1938 года работал первым секретарем Западно-Казахстанского обкома КП(б)К. Затем был отозван в распоряжение ЦК КП(б)К, и до сентября 1938 года работал в Казнаркомземе инспектором Зернового отдела.

6 сентября 1938 года я был арестован органами НКВД КазССР и решением Особого Совещания при НКВД СССР от 26 октября 1940 года заключен на 8 лет в ИТЛ. После отбытия срока наказания с сентября 1946 года по февраль 1948 года проживал в с. Чемолган Каскеленского района Алма-Атинской области. В марте 1948 года переехал на жительство в Восточно-Казахстанскую область и до ареста проживал в колхозе «Енбек» Кировского района.

В Каскеленском районе я работал заведующим производством в промышленной артели «Кооператор» и в колхозе «Енбек» рядовым колхозником.

В 1938 году меня органы НКВД КазССР арестовали за якобы, мое участие в антисоветской националистической организации. В антисоветских организациях я никогда не состоял. Я тогда был арестован по показаниям ранее арестованных казахских националистов, которые на меня дали ложные показания.

В 1938 году следствию действительно я давал показания, якобы, своей причастности к казахской антисоветской националистической организации. Но они вымышленные, их я дал в силу воздействия следствия. После от этих вымышленных показаний я отказался еще до окончания следствия, отрицаю их и сейчас. В антисоветской националистической организации я никогда не состоял и работу против Советской власти ни в какой форме не проводил.

Срок наказания я отбывал во 2-ом отделении УИТЛК Архангельской области. Из заключения был освобожден 6 сентября 1946 по отбытии срока наказания.

Архив ДКНБ РК по г. Алматы
Ф.6. Д.03743. (том дополнительный). ЛЛ.11-12.
Подлинник.

Москва
ЦК ВКП(б) И. Сталину
от подследственного
Шарипа Утепова

ЗАЯВЛЕНИЕ

Я, молодой советский работник, до конца преданный Коммунистической партии советской родине, был арестован 6/IX-1938 г. по клеветническим показаниям на меня арестованных лиц. Родился в 1906 году в семье крестьянина бедняка, ныне колхозника. Когда мне было 13 лет (1920 г.) вступил в члены комсомола, в 1926 году в ряды Коммунистической партии. Меня воспитывала и вырастила Коммунистическая партия и советская родина. Я любил свою родину, и всю свою сознательную жизнь отдавал делу Коммунистической партии и советской власти. Никогда не отходил от генеральной линии партии. 8 летнем пребывании в рядах комсомола, 12 летнем пребывании в рядах Компартии не имел ни разу партийное и комсомольское взыскание. Мой партийный и комсомольский билеты были отобраны следователем при

моем аресте. Своим честным добросовестным трудом, любовным отношением к выполнению возложенной на меня партийным обязанностям под руководством партии большевиков я вырос от секретаря аульной комсомольской ячейки до депутата Верховного Совета. До осени 1937 г. работал в комсомоле, а последний шесть-семь месяцев работал секретарем Обкома партии. Несмотря на свою честную большевистскую работу при моей практической работе, по клеветническим и провокационным показаниям врагов народа я сижу седьмой месяц в следственной тюрьме НКВД. В течение трех месяцев неоднократно и неустанно заявлял следователю о своей невиновности, и провокационном характере показании. Однако следователь не обратил на это внимания, следствие велся односторонне и следователь своими угрозами, физическими и моральными воздействиями принудил меня дать на себя и на других ложные показания.

После того как впал в обморок я сам себя не знал и подписал все, что подготовил следователь. От них позже категорически отказался. Никогда не состоял в националистической и правотроцкистской организации, никогда не имел никакой связи с врагами партии и советской родины. Никогда не вел никакую контрреволюционную работу против советской власти. Наоборот враги компартии и советской власти были моими врагами, с которыми я никогда не примирялся. Никогда не отходил от генеральной линии партии. В своей сознательной жизни при советской власти, я ни в чем не нуждался. Я прошу разобрать мое заявление и вмешаться в мое дело, реабилитировать меня как честного человека и дать мне возможности и впредь доказать свою беспредельную преданность делу Коммунистической партии и советской родине. Я уверен, что не буду жертвой клеветы и провокации.

Шарип Утепов /подпись/
Алма-Ата 19/III-1939г.

Архив ДКНБ РК по г. Алматы
Ф.6. д.03743. Т.7. ЛЛ.121.
Подлинник.

Военному прокурору САВО
гр-ну Будюк
от заключенного Утепова Шарипа

ЗАЯВЛЕНИЕ

В дополнение моего отказа от ранее подписанных мною под угрозами, морального и физического воздействия следователем Марковым показаний, записанных в протоколе об окончании следствия от 9/III-1939 г. и написанных мною заявления на имя Сталина от 19/III-1939 г., а также наркому внутренних дел СССР от 2/IY еще раз заявляю, что я никогда ни в каких контрреволюционных организациях не состоял участником не являлся и никакую контрреволюционную работу не вел, а также никогда ни в каких националистических, антипартийных группировках и оппозициях не участвовал. Наоборот все свои силы отдавал за дело партии и советской власти, решительно борясь байско-буржуазно националистическими элементами, и прочими врагами партии и советской власти. В процессе всего следствия я заявлял и заявляю о своей невиновности, но следствием это не был принят во внимание. А наоборот клеветнические показания и материалы на меня следствием принимались безапелляционно и на них построено мое обвинение.

Родился в 1906 году, происхожу из крестьян-бедняков. С 1920 года член ВЛКСМ, с 1928 года член ВКП(б). Никогда партийно-комсомольских взысканий не имел, под судом не был и другим репрессиям не подвергался. Мои партийный и комсомольский билеты были отобраны следователем при моем аресте. Я вышел из бедняцкой семьи, молодой комсомольский работник, до конца преданный коммунист, воспитанник партии и советской власти. На протяжении всей своей работы в комсомоле и партии вел решительную борьбу за дело коммунизма. Я еще раз утверждаю, что никогда не состоял ни в каких антисоветских организациях и не вел никогда никакую антисоветскую работу, а наоборот мои практические работы в комсомоле, так и в партии показывают о моей преданности партии и

советской власти. Пребывание в тюрьме восьми месяцев считаю следствием провокации и клеветы явных врагов партии и советской власти.

Прошу Вас вмешаться в мое дело, лично вызвать меня для подробного устного объяснения по существу клеветы и ложных обвинений против меня в следственном деле, а также решить вопрос о немедленном освобождении меня из под ареста.

Настоящего заявления прошу приобщить к моему следственному делу.

25/IY-1939 г. (подпись) *Ш. Утепов*

Архив ДКНБ РК по г. Алматы
Ф.6. Д.03743. Т.7. ЛЛ.119. Подлинник.

ХОДЖАНОВ МУМУЗА

Справка: *– арестован 27 ноября 1937 года УНКВД Алма-Атинской области. Постановлением Тройки УНКВД Алма-Атинской области от 4 декабря 1937 года по ст. 58 п.10 УК РСФСР осужден на 10 лет ИТЛ. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета от 16 января 1989 года заключением прокурора Алма-Атинской области от 12 мая 1989 года решение тройки УНКВД по Алма-Атинской области от 4 декабря 1937 года отменено и он реабилитирован.*

Народному комиссару
внутренних дел СССР
от заключенного
Ходжанова Мумузи
город Рыбинский
Ярославской области
Почтовый ящик № 84
л/д № 118986

ЖАЛОБА

Ходжанов Мумузи родился в 1890 году, по происхождению из крестьян бедняков. В настоящее время колхозник. Уроженец Алма-Аты. По своей бедности я все время до 1914 года работал по найму у ремесленника в типографии. В 1914 году меня мобилизовали на военную службу и я пробыл на военной службе на империалистической войне до 1917 года. В июле месяце 1917 г. получив ранение в голову я был отпущен врачебной комиссией на 6 месяцев. 18 марта 1918 года я обратно пошел добровольцем на фронт в

партизаны и пробыл до 1922 года, до окончания гражданской войны, потому что я учел, что наш единственный путь свергнуть капитализм и бывшие эксплуататорские классы, которые долгие годы угнетали рабочий класс и трудовое крестьянство. С приходом из Красной Армии я потерял физическое здоровье к труду. А потому я обратился в горсобес с просьбой о помощи и разрешение на мелкую торговлю для моего дальнейшего существования. Горсобес разрешил мне как военному инвалиду заниматься мелкой торговлей, и дали бесплатный патент на право торговли, и я торговал два года до 1924 года.

В 1924 году было постановление от горсобеса, что красные партизаны принимаются на работу вне очереди. Я как красный партизан поступил на работу в Алма-Атинский центральный рабочий кооператив, где и работал до 1933 года. В 1933 году у нас организовалась артель красных инвалидов «Новый путь», поступил в эту артель, где я работал разнорабочим до 1935 года. С 1935 года артель соединилась в колхоз имени Чапаева, бывший «Измухан». В «Измуханском» колхозе я работал до дня ареста. Работал честно и аккуратно никогда не был судим, всегда выполнял возложенных на меня обязанности. 27 ноября 1937 года я был арестован органами НКВД Алма-Атинской области, 2 декабря вызван следователем на допрос, где мне было предъявлено обвинения: первое, якобы я бывший мулла и торговец; второе, якобы я вел агитационную работу среди населения и заставлял подписывать заявления против постановления городского совета о сломе мечети, для постройки на ее место табачной фабрики, а также якобы собрал незаконно деньги от дунганского общества для постройки мечети. Эти вышеуказанные мне обвинения являются ложными на меня по личным счетам. В 1935 году в марте или апреле месяце было постановление городского совета чтобы сломать наше общество, дунганскую мечеть, освободить место для постройки табачной фабрики в этом месяце. В один день утром я увидел, что рабочие ломают нашу общественную мечеть. Я подходя к мечету увидел, стоит около 50 человек из дунганского общества, которые вели разговор почему и за что ломают, когда подо-

шел ближе к рабочим, стал спрашивать «кто вам разрешил сломать», за что рабочие нам ответили, «мы не знаем по распоряжению городского совета».

В это время мне общество дунган посоветовал надо нам подать заявление в высшие органы и мы стали писать заявление в КазЦИК, чтобы нам разрешили взять этот материал от разборки мечети для нужд колхоза. Дунганское общество выбрал меня поехать с заявлением в КазЦИК, так как я по русски понимал и говорил. В заявлении от общества указали, что дунгане желают с этого материала построить школу или клуб. Я конечно все время постарался работать для общества.

Второе, я не мулла и не был им, с муллой не имел никакого отношения. Мулла умеет читать по религиозной книге и знает религиозный закон и порядок, а также внутренние дела, а я совершенно ничего не понимаю, только знаю арабскую грамотность, поэтому меня называют муллой.

Третье, я никогда не собирал незаконных денег для постройки мечети и не видел, где была построена мечеть и кем.

Четвертое, я никогда не вел агитационные работы среди населения и не заставлял подписывать заявление против постановления горсовета, сам все время работал в разных организациях общим сроком 13 лет. Кто может доказать факт, что я вел агитационную работу. Никто. Я за советскую власть пролил свою кровь и потерял физическое здоровье к труду для того, чтобы жить на свободе.

Пятое, 13 июля 1935 года ко мне приходил пять человек из нашего общества и просили пожертвовать средство сколько возможно на постройку дома для молитвы. Я конечно сказал, что это меня не касается, вы живете на новом месте за поганки, а я живу на старом месте, не могу дать. Они собрали от людей деньги. Построили глина битом дом для молитвы по улице Хинская.

Шестое, я действительно занимался мелкой торговлей с 1922 по 1924 год по разрешению горсобеса как военному инвалиду и красному партизану, торговал не по спекуляцким путем. По ложным показаниям я был забран и отдан под суд на 10 лет. При допросе меня, Ходжанову Му-

музу следователем НКВД Алма-Аты (фамилию я его не знаю) написан протокол обвинения не с моих слов, а лично самим следователем. От кого взяли те обвинения, которых я совершенно не знаю. Следствие под силой оружия и путем применения ко мне физической силы, избиением и угрозой застрелить заставлял меня подписывать протокол с ложными показаниями. А поэтому я прошу НКВД СССР рассмотреть мое вышеуказанное дело и проверить мое социальное происхождение и социальное положение по месту жительства. А также в обвинительном акте не правильно указано мое имя, меня фактически зовут Муса, а не Мумуза и учесть мое положение с малых лет по настоящее время. Я все время разоблачал классовых врагов, которые мешали нам строить бесклассовое общество и они меня под злым умыслом посадили. На самом деле мне жить в свободной нашей родине, поэтому я и прошу рассмотреть мою данную жалобу.

23/II-1940 г. /Ходжанов/

Архив ДКНБ РК по г. Алматы
Ф.6. Д.010855. ЛЛ.54-55. Подлинник.

ШМЕРЛИНГ ЕФИМ НАУМОВИЧ

Справка: *– арестован 16 мая 1938 года УГБ НКВД КССР. Осужден постановлением Особого Совещания при НКВД СССР от 26 октября 1940 года по ст. 58 пп. 7,11 УК РСФСР на 8 лет в ИТЛ. Отбыл срок наказания в 1946 году.*
Определением № 22/0540-Н Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного Суда Казахской ССР от 31 декабря 1955 года постановление Особого Совещания при НКВД СССР от 26 октября 1940 года отменено и дело за недоказанностью состава преступления, производством прекращено.
Заключением прокурора Алма-Атинской области от 10 февраля 2000 года на основании Закона Республики Казахстан от 14 апреля 1993 года «О реабилитации жертв массовых политических репрессий» он реабилитирован.

Народному комиссару внутренних
дел Союза ССР гр-ну Берия
от Шмерлинга Ефима Наумович
бывшего инженера-инспектора
Отдела землеустройства
Казнаркомзема последственно
заключенного, содержащегося во
внутренней тюрьме НКВД
в г. Алма-Ата.
24/X-1940 г.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Я беспартийный специалист, землеустроитель. Происхожу из бедняцкой еврейской семьи. Имею стаж работы по специальности больше 20 лет, из них 13 лет работы на инженер-

ных должностях. В последние годы до ареста работал в Казнаркомземе в качестве инспектора по землеустройству и был прикреплен для инспектирования к Западно-Казахстанской, Актюбинской и Кустанайской областям.

16 мая 1938 года, т.е. два с половиной года назад, я был арестован органами НКВД КазССР. К настоящему времени с полной достоверностью доказана моя невиновность в инкриминировавшихся мне преступлениях (по ст. 58-ой п.п. 7 и 11 УК РСФСР), и все же я нахожусь в заключении. Это вынудило меня обратиться к Вам лично, гр-н Народный комиссар.

Ко времени моего ареста, т.е. к середине мая 1938 года, УГБ НКВД не имело никаких материалов – ни показаний, ни заявлений или актов, дающих основание обвинить меня во вредительстве или в принадлежности к какой-либо контрреволюционной организации (по крайней мере в следственном деле таких документов нет). Мне было предъявлено постановление об аресте, в котором говорился, что я бывший эсер и привлекаюсь к ответственности по ст. 58, п.п. 1-а, 8 и 11 УК. К этому постановлению в следственном деле приложена справка, в которой написано, что я был «два раза судим за активную эсеровскую деятельность», т.е. явно неверные сведения обо мне. Я никогда не был ни эсером, ни членом какой-либо другой контрреволюционной партии или организации и не был судим за эсеровскую деятельность. Следователи Управления госбезопасности убедились в этом с первых же дней следствия и о какой-либо связи моей с эсерами после того не было речи. В следственных материалах об этом в дальнейшем нет букавльно ни слова. Нет также ни одного показания или другого документа, дающего основание к обвинению по п.п. 1-а и 8 ст. 58.

В конце мая 1938 года (или в первой декаде июня), т.е. после моего ареста, появилось одно косвенное показание бывшего заместителя наркома земледелия Винниченко о том, что будто бы начальник Отдела землеустройства гр-н Павленко завербовал меня в правотроцкистскую контрреволюционную организацию. Последний же в 1938 году и в своих показаниях, и на очной ставке с Винниченко отрицал вербовку мою в контрреволюционную организацию. Больше показаний моей принадлежности к контрреволюционной

правотроцкисткой организации не было и нет. В 1939 году и в 1940 году Винниченко отказался от своих клеветнических показаний.

Незаконными, недопустимыми в советских условиях методами следствия (главным образом – оставленном без сна при непрерывном допросе в течение четырех-пяти суток подряд дважды и страшными угрозами) меня принудили в 1938 году дать в мае-октябре показания о том, что якобы бывший начальник Отдела землеустройства Павленко завербовал меня для вредительской работы, и что якобы я занимался вредительством в землеустройстве. Я много раз заявлял устно на следствии, что эти показания являются вынужденной клеветой и самооговором, но это не помогло.

Наконец в декабре 1938 года я написал из камеры два заявления (на имя бывшего наркома внутренних дел КазССР Реденса и на имя начальника Отделения Управления госбезопасности), в которых отказался от ложных вынужденных показаний. При окончании следствия в конце декабря 1938 года мне обещали дать возможность написать подробные правдивые показания и записали в протоколе об окончании следствия, что эти показания будут приложены. Когда же я подписал этот протокол, мне не разрешили написать эти показания, т.е. просто обманули. Не был запротоколен при окончании следствия и мой отказ от прежних вынужденных показаний.

В течение всего 1939 года меня ни разу никто не вызывал несмотря на целый ряд моих заявлений и ходатайств. В течение этого 1939 года дело группы бывших работников Казнаркомзема (в которое было включено и мое дело) было передано в Военную Коллегию, т.к. у некоторых обвиняемых были обвинения по п.п. 1-а и 8-ому 58-ой ст. УК), затем в Военный Трибунал пограничных войск КазССР. Но дело было возвращено без разбора и у всех обвиняемых оставлены были только п.п. 7 и 11-ого 58-ой ст. УК. В конце января 1940 года дело, наконец, начато было слушанием в Алма-Атинском областном суде. Но на второй день разбора Суд признал следствие 1938 г. проведенным односторонне, а ходатайства обвиняемых о затребовании оправдывающих документов, в производстве экспертизы и допросе дополни-

тельных свидетелей подлежащими удовлетворению. А потому дело было через Прокуратуру КазССР возвращено в НКВД на переследствие.

С апреля до августа 1940 г. была проведена экспертиза. Однако, мне дали возможность встретиться с экспертами только после того, как ими был составлен и подписан акт экспертизы. Поэтому они выдвинули против меня обвинение по вопросу о землеустройстве переселенцев-корейцев основанное исключительно на неосведомленности экспертов (это, можно сказать, единственный пункт обвинения против меня в акте экспертизы). Но мои объяснения и возражения по акту экспертизы, а также дополнительно затребованные по моему ходатайству документы доказали мою полную невиновность по этому вопросу.

Основными работами по землеустройству в 1936 и 1937 годах были закрепление земель навечно за колхозами, и изготовление для них государственных актов на вечное пользование землей. На основе цифр, представленных по этому вопросу самими экспертами (причем представленных ими в тенденциозном виде, с явным желанием обвинить), я доказал в своих объснениях к акту экспертизы, что по тем трем областям КазССР, в которых я инспектировал землеустроительные работы, они выполнены и в количественном и в качественном отношении значительно лучше, чем в остальных областях КазССР. Этого не отрицали и эксперты при встрече со мною в августе с.г. в присуствии следователя. На заданный мною экспертам вопрос «известны ли им факты неправильного выполнения землеустроительных работ в 1936 и 1937 гг., происшедшие вследствие данных мною неверных указаний», эксперты ответили «что таких фактов не нашли». По тем трем фактам моего якобы «вредительства», которые я вынужденно показал в протоколе допроса в октябре 1938 г., в настоящее время в следственном деле не имеются документов, доказывающие мою виновность.

Какие же после всего этого имеются основания обвинять или подозревать меня во вредительстве? Нет таких оснований.

Моя служебная работа протекала, главным образом, в областях КазССР (где я проводил 7-8 месяцев в году), а не в

Алма-Ате. Я сам непосредственно не выполнял землеустроительных работ, а потому, если бы я захотел проводить вредительство в землеустройстве, то мог бы это делать только через других (через главных инженеров или инспекторов областных отделов землеустройства, через начальников землеустроительных отрядов или техников-исполнителей). А между тем из областей от этих работников нет ни одного показания о принадлежности моей к какой-либо контрреволюционной организации или по вредительству.

Ни один из трех главных инженеров (по Западно-Казахстанской, Актюбинской или Кустанайской областям) не привлечен к ответственности за недостатки в работе или вредительсто в работе по областям. Инспектора областных отделов землеустройства, бывший начальник Актюбинского областного отдела землеустройства инженер Шереметьев переведен в республиканский аппарат землеустройства и сейчас работает здесь главным инженером. Главные инженеры Кустанайского и Актюбинского отделов землеустройства (инженеры Кичаев и Зимин) работают в этих же областях начальниками управлении землеустройства.

В отношении показаний свидетеля Филиппова (районного землеустроителя, на вызов которого в суд я сам настаивал) о недостатках и неправильностях в работах по выдаче государственных актов в Семиозерном районе Кустанайской области, то в следственном деле документально доказано, что я приезжал в этот район только в начале мая 1936 г. перед началом работ, а затем в октябре 1937 г. Дефектные же работы относятся исключительно ко второй половине 1936 г. и недостатки по ним были мне неизвестны до осени 1937 года. Землеустроительные работы по выдаче государственных актов производились ежегодно (в 1936 и 1937 гг.) по моему инспекторскому участку, т.е. по трем областям, в 25-30 административных районах. Я мог приезжать в каждую область только два раза в год и в каждый приезд выборочно проверять только два-три района, т.е. посещать в среднем 12-15 районов в год по первому разу в условиях преодоления значительных расстояний при переездах по Казахстану). В то же время главные инженера и инспектора областных отделов землеустройства (в каждой области 2-3 инспектора) имели возможность

проверять работу в каждом районе по несколько раз в год, в различных стадиях выполнения.

5 сентября 1940 г. было закончено переследствие по моему делу и ознакомление с дополнительно затребованными материалами. При этом следователи заявили мне, что дело будет через прокурора КазССР передано в суд. 10 сентября с.г. дело было передано прокурору, однако Прокуратура КазССР не нашла возможным передать дело в суд, а отказались от обвинения и возвратила дело в НКВД.

Я был уверен, что после переследствия и экспертизы либо НКВД, либо суд оправдают меня, что меня, наконец освободят и возвратят честное имя советского гражданина и советского специалиста. Но 7 октября с.г. мне объявили, что дело мое (№ 0549) направлено в Москву на решение Особого Совещания при НКВД СССР. Таким образом, после того как доказана моя невиновность, после двух с половиной лет моего заключения, НКВД КазССР все же не нашел возможным освободить меня, почему-то не доверяет мне.

После всего изложенного я могу объяснить как самый факт моего ареста в 1938 году, так и то, что теперь .... не совобожден, только тем, что был в 1931 году выслан из Белоруссии в Казахстан на три года. В заявлении к протоколу об окончании следствия в августе 1940 года я подробно писал, при каких условиях я был выслан из Минска, где я работал в Наркомземе Белорусской ССР. Я снова заявляю здесь, что не знаю, за что был выслан из Белоруссии, что мне в 1931 году не предъявили никаких конкретных обвинений по моей работе, что меня тогда не ознакомляли с материалами следствия, что мне даже не объявили, за что я высылаюсь.

При ознакомлении с нынешним следственным делом в августе 1940 года я увидел копию выписки из постановления Коллегии ОГПУ от мая 1931 года, в котором говорится, что я тогда был обвинен по ст. 58-ой п.п. 7 и 11. Но ведь при допросе в Минске в 1931 г. не было ни обвинения, ни следствия по вопросу о принадлежности моей к какой-либо контрреволюционной организации. Речь шла исключительно о землеустройстве в Белорусской ССР за 1924-1928 годы. Откуда же появилось обвинение по п. 11-ому 58 ст. УК?

Я никогда не был врагом Советской власти и Коммуни-

стической Партии, не мог быть и никогда не буду им. Мне 50 лет, только Октябрьская Революция избавила меня от национальных преследований. Я стал равноправным гражданином, выдвинут на работу в крупных республиканских учреждениях, сыновья мои без ограничений учились в средней школе и теперь учатся во ВТУЗах. Жена работает старшим бухгалтером, мы оба работали и жили не нуждаясь. Я всегда (с января 1918 года) работал честно, преданно, выполняя указания Партии и Правительства.

Я обращаюсь к Вам с просьбой, гр-н Народный комиссар, чтобы дело 1931 года, по которому я выслан из Белорусской ССР, было затребовано по Вашему приказу из Алма-Аты в Москву и чтобы мое настоящее заявление было проверено как по данному вопросу, так и по остальным. Я ходатайствую, главным образом о том, чтобы дело мое разобрано внимательно, большевистски объективно.

Я надеюсь гр-н Народный комиссар, что в этом случае я буду в ближайшее время возвращен к нормальной трудовой жизни и к своей семье. Осуждение же будет для меня и гражданской и физической смертью, так как я болен туберкулезом легких и катаром горла.

24 октября 1940 г. г. Алма-Ата.

(подпись) *Е.Шмерлинг*

Архив ДКНБ РК по г. Алматы
Ф.6. Д.04140 (дополнительный том).
Листы непронумерованы. Подлинник.

ЯКИМОВИЧ РОМАН ИОСИФОВИЧ

Справка: *– арестован 18 июля 1947 года в г. Алма-Ате. Интернирован из Манчжурии в ноябре 1945 года и содержался в лагере для военнопленных и интернированных. Осужден постановлением Особого Совещания при МВД СССР от 14 ноября 1947 года по ст. 58 п. 4 УК РСФСР на 10 лет в ИТЛ.*

Определением № 22/7-52 Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного Суда Казахской ССР от 27 июня 1964 года постановление Особого Совещания при МВД СССР от 14 ноября 1947 года отменено и дело производством прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления.

АВТОБИОГРАИЯ

В городе Киеве я проживал вместе с родителями до 1923 года. С 1923 года по 1928 год жил в городе Курске. В 1928 году один приехал на Дальний Восток в город Владивосток, мать Якимович Елена Константиновна осталась в Курске и в 1929 году приехала ко мне во Владивосток, где она сейчас, жива или нет мне неизвестно. Отец в империалистическую войну погиб, служа во флоте на Балтийском море. Отца я хорошо не помню, как незаконнорожденный ношу фамилию по матери, остался я от отца в 5 лет. Трудовой деятельностью я лично начал заниматься в 13-14 лет. В городе Курске в 1926-1927 годах я окончил школу взрослых повышенного типа на базе среднего образования. С 1927 года по 1930 год работал на сцене в акробатической группе в городе Курске, ездил по городам Украины: Шпола, Звенигород, Белая церковь, Фасров и других. С 1928 года по 1930 год работал акробатом во Владивостоке – в театре «Золотой рог», в Хабаровском городском театре, в городе Ворошилове-Уссурийск в Зеленом саде, в городе Чита в цирке в составе акробатического колектива.

Поводом к переходу границы было мое желание поработать на сцене за границей, других каких-либо причин понуждающих переходу границы не было.

По прибытию в город Харбин 8 января 1931 года устроился с остальными артистами «Новый театр», проработал в

нем до апреля месяца 1931 года, после этого жил за Сунгари до августа месяца 1931 года. Осенью 1931 года я уехал в город Чаньчунь, работал в китайском театре в городе Чаньчунь до входа японцев в этот город в 1932 году. Я вернулся в Харбин, устроился в Кабаре «Фантазия», проработал четыре месяца, перешел в Кабаре «Солнце», где проработал один год. В начале 1934 года я нашел себе партнеров. С ними уехал в Китай, в город Тяньзинь и Шанхай. В июле 1934 года я обратно вернулся в Харбин. С 1934 года до 1936 года жил у эмигрантки.

Я переехал жить в частный пансион по улице Сунчжи №14. По этому адресу я жил до 1938 года. В 1938 году муж Горшковой умер, я переехал обратно жить к ней, прожил у Горшковой до марта месяца 1945 года. 13 мая 1945 года женился на эмигрантке Мироновой Антонине Григорьвне, у которой проживаю по настоящее время по адресу Административный бульвар, дом № 9, кв. 4. В последнее воемя работал на железной дороге города Харбина проводником с 16 октября 1945 года.

Я перейдя границу Советского Союза, на территории Манчжурии китайскими властями не задерживался, на допросе не был, пограничными войсками не задерживался, в органы полиции и Военную миссию не вызывался, под следствием и арестом не был.

8 января прибыв в город Харбин я одну ночь находился в Беженском комитете, где меня сотрудник комитета опросил, откуда прибыл, по какой причине. Я ответил, что перешел границу Советского Союза с целью пожить за границей, так как многие артисты рассказывали, что за границей жить лучше, чем в Советском Союзе, особенно артисту.

Архив ДКНБ РК по г. Алматы
Ф.6. Д.08553. ЛЛ.7-9. Подлинник.

СПИСОК СОКРАЩЕННЫХ СЛОВ

АПО – Агитационно-пропагандистский отдел

ВКП(б) – Всесоюзная Коммунистическая партия большевиков

ВКСХШ – Высшая (Коммунистическая) сельскохозяйственная школа

ВЛКСМ – Всесоюзный Ленинский Комсомольский Союз молодежи

военком – военный комиссар

ВТУЗ – высшее техническое учебное заведение

врид – временно исполняющий обязанности

вуз – высшее учебное заведение

вузпартком – партийный комитет высшего учебного заведения

ВЦИК – Всесоюзный Центральный Исполнительный Комитет

ВЦСПС – Всесоюзный Центральный совет профессиональных союзов

Главпрофобр – Главное управление профессионального образования

горком – городской комитет

горсобес – городской отдел социального обеспечения

госбезопасность – государственная безопасность

Госиздат – Государственное издательство

Госинспекция – государственная инспекция

госконтроль – государственный контроль

Госплан – государственный плановый комитет

ГПУ – Государственное Политическое Управление

губземотдел – губернский земельный отдел

ГубКК – губернская контрольная комиссия

губком – губернский комитет

губкоммол – губернский комитет комсомола

губпрокурор – губернский прокурор

и.о. – исполняющий обязанности

ИТЛ – исправительно-трудовой лагерь

исполком – исполнительный комитет

Казвик – казахский волостной испонительный комитет

Казгосиздат – Казахское государственное издательство

Казнаркомзем – Народный комиссариат земледелия Казахской ССР

Казкрайком – Казахский Краевой комитет

КазССР – Казахская Советская Социалистическая Республика

КНИИМЛ – Казахский научно-исследовательский институт марксизма-ленинизма

Комвуз – Коммунистичекий университет

КП – Коммунистическая партия

КПК – Комиссия партийного контроля

КП(б)К – Коммунистическая партия (большевиков) Казахстана

КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза

КУТВ – Коммунистический университет трудящихся Востока

МВД – Министерство внутренних дел

МТС – машино-тракторная станция

нарком – народный комиссар

Наркомпрод – Народный комиссариат продовольствия

Наркомпрос – Народный комиссариат просвещения

НКВД – Народный комиссариат внутренних дел

Наркомзем – народный комиссар земледелия

Наркомнац – Народный комиссариат национальностей

Наркомфин – Народный комиссариат финансов

НЭП – новая экономическая политика

облвоенком – областной военный комитет

облотдел – областной отдел

облисполком – областной исполнительный комитет

обком – областной комитет

облзу – областное земельное управление

облплан – областная плановая комиссия

окроно – окружной отдел образования

окружком – окружной комитет

оперуполномоченный – оперативный уполномоченный

оргбюро – организационное бюро

Орпо – Организационно-пропагандистский отдел

орготдел – организационный отдел

ОУ – областное управление

партархив – партийный архив

партбилет – партийный билет
партком – партийный комитет
партконтроль – партийный контроль
парторган – партийный орган
педвуз – педагогическое высшее учебное заведение
политуправление – политическое управление
политотдел – политический отдел
политсектор – политический сектор
пос. – поселок
ПП – Полномочное представительство
профсоюз – профессиональный союз
рабфак – рабочий факультет
райисполком – районный исполнительный комитет
райком – районный комитет
районо – районный отдел народного образования
райсельхозотдел – Районный сельскохозяйственный отдел
ревком – революционный комитет
редколлегия – редакционная коллегия
РКИ – рабоче-крестьянская инспекция
РККА – Революционный комитет Красной Армии
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
САВО – Средне-Азиатский военный округ
с.г. – сего года
сельпо – сельский потребительский отдел
сельхоз – сельскохозяйственный
СМУ – строительно-монтажное управление
СНК – Совет Нардных Комиссаров
совпартшкола – советская партийная школа
Совтрударм – Советская трудовая армия
спецотдел – специальный отдел
СПО – секретно-политический отдел
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
тов. – товарищ
т.е. – то есть
т.н. – так называемый
т.п. – тому подобное
УГБ – Управление государственной безопасности
укоммол – уездный комитет комсомола

УПК – Уголовно-процессуальный кодекс
УК – Уголовный кодекс
УИТЛ – Управление исправительно-трудовых лагерей
Уралпрофсовет – Уральский профсоюзный совет
ЦИК – Центральный Исполнительный Комитет
ЦК – Центральный комитет
ЧК – чрезвычайная комиссия

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

МАЗМҰНЫ

КРАСНЫЙ ТЕРРОР :

из истории политических репрессий в Казахстане

(*Сборник документальных материалов 20-50-х годов XX века*)

ИБ № 36

Редактор ***Г. Абдуллаева***
Художник ***Н. Айымбет***
Техн. редактор ***К. Мухамедин***

Подписано в печать 09.09.13. Формат 84x108 1/32.
Гарнитура «DS FreeSet». Усл. п.л. 20,0.
Тираж 2000 экз. Заказ № 8424

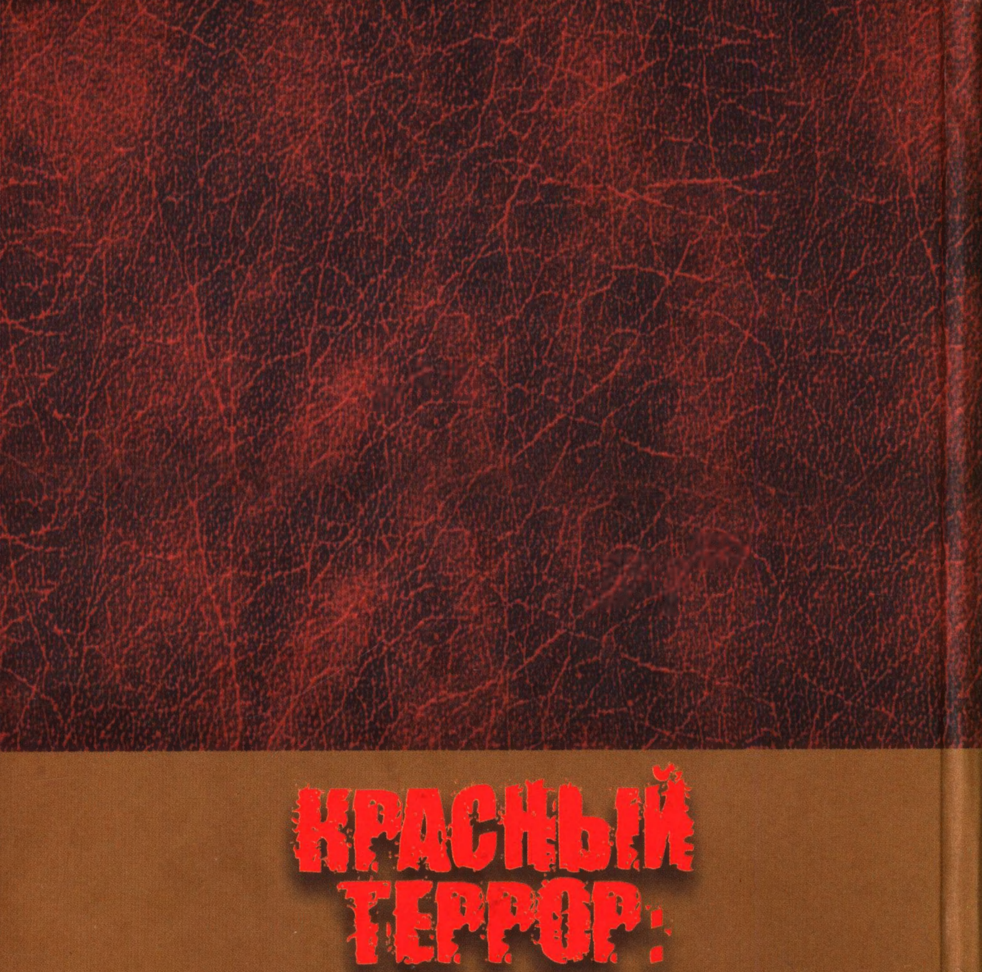
Республика Казахстан. ТОО «Алаш» баспасы»,
050009, г. Алматы, проспект Абая, 143,
телефакс 394-42-92. E-mail: nurlan.tu@mail.ru.

Отпечатано с файлов заказчика
в ТОО «Полиграфкомбинат», Республики Казахстан.
050002, г. Алматы, ул. М.Макатаева, 41.

ISBN 978-601-7338-09-1

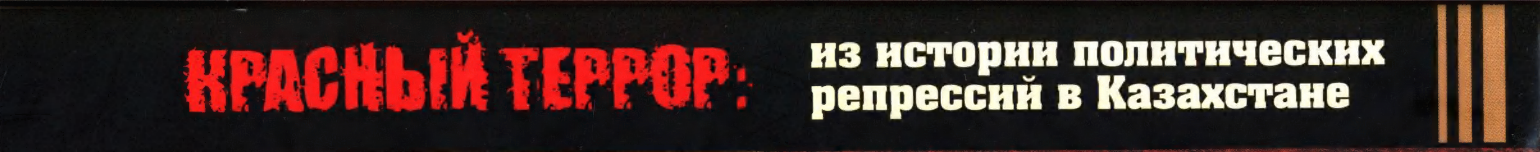

КРАСНЫЙ ТЕРРОР:

из истории политических репрессий в Казахстане

КРАСНЫЙ ТЕРРОР:
из истории политических
репрессий в Казахстане